

ПОЛ АНДЕРСОН

ЗА
ВДОХНОВЕНИЕМ...

ПОЛ

АНДЕРСОН

ЗА
ВДОХНОВЕНИЕМ...

**АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА**

XX века

Пол АНДЕРСОН
Кеннет БАЛМЕР
Джеймс БАЛЛАРД
Джеймс БЛИШ
Джон БРАННЕР
Мэрион Зиммер БРЭДЛИ
Альфред ВАН ВОГТ
Стэнли ВЕЙНБАУМ
Джин ВУЛФ
Джек ВЭНС
Гордон ДИКСОН
Абрахам МЕРРИТ
Ларри НАЙВЕН
Андрэ НОРТОН
Брайан ОЛДИСС
Эдгар ПАНГБОРН
Фредерик ПОЛ
Джерри ПУРНЕЛЛЬ
Джоанна РАСС
Фред САБЕРХАГЕН
Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ
Джек УИЛЬЯМСОН
Филипп Хосе ФАРМЕР
Фрэнк ХЕРБЕРТ
Пирс ЭНТОНИ

Poul ANDERSON

*The Byworlder
Mavri & Kith*

«Amber, Ltd»
«Sigma-press»
1995

Пол АНДЕРСОН

Собрание сочинений

За вдохновением...
Мавраи и кит

«Амбер, Лтд». Ангарск
«Сигма-пресс». Москва
1995

ББК 84.7 США

А 65

Перевод с английского
О. Сидоровой, О. Кутуминой

Издания Пола Андерсона выходят под общей
редакцией Вл. Гакова

Публикуется с разрешения автора
и его литературного агента.

Контракт от 16 сентября 1993 года.

**Всякое коммерческое использование данного издания
возможно исключительно с ведома издателя.**

Андерсон Пол. Вып. 21.

А34 За вдохновением...: Роман. Мавраи и кит: Повести/Пер. с англ.—Ангарск: Амбер, Лтд; М.: Сигма-пресс, 1995.—416 с.

А $\frac{4703000000-29}{\text{ОД}(04)03-95}$ без объявл.

ISBN 5-85949-058-5

THE BYWORLDER

© By Poul Anderson, 1971 г.

© Перевод *О. Сидоровой*, 1995 г.

MAVRI & KITH

© By Poul Anderson, 1982 г.

© Перевод *О. Кутуминой*, 1995 г.

© Оформление, издательство «Сигма-пресс», 1995 г.

© Составление, издательство «Амбер, Лтд», 1994 г.

**ЗА
ВДОХНОВЕНИЕМ...**

Глава первая

Корабль с Сигмы Дракона изменил орбиту, необъяснимо, как всегда. Теперь он кружил близко, почти что над атмосферой — звезда, о которой передачи последних известий по всему миру сообщили, что она взойдет перед закатом. Многие народы, должно быть, удивлялись, питали какую-то надежду или испытывали легкий испуг, но, вероятно, немногие решили посмотреть на это явление. За три года ничего не произошло, и это несколько притупило благоговейный трепет.

Однако в Уи было несколько иначе. Прилет космического корабля было событием скорее теологическим, чем религиозным. Все свидетельствовало об этом. Оно принесло собой нечто вроде религиозного кризиса. В конце концов им удалось вписать появление корабля в официальную часть своей религии, и единственный телеэкран в Уи транслировал в основном то, что говорил об этом остальной мир.

Один из тех, кто провел ночь на дежурстве, подул в раковину, чтобы разбудить остальных. Низкий звук разбудил и Скипа, который спал на соломенном тюфяке в комнате двоих маленьких сыновей Урании. Он зевнул, пробормотал сонно проклятие и выбрался из-под одеяла. Необожженный кирпич был хорошим изолятором, но на северо-западе Нью-Мехико ночи становились холодными, а окно осталось нараспашку. Он задрожал от холода. Ему в ноздри ударил сухой воздух со слабым, сладким запахом

попынного дыма. Он включил лампу дневного света, радуясь, что ему не нужно возиться со свечами. Эта коммуна, может быть, и верила в простую жизнь, но не была лишена здравого смысла, чтобы не понять, как простота зависит от избранного использования достижений техники.

— Том Свифт и его электрический Тибет, — сказал он себе, как только приехал туда.

Комната проступила в свете — мебель ручной работы, огромное Божье Око, висящее на побеленной стене. Урания принадлежала к культу Духа. Но она или кто-то другой также делали по-человечески глупые игрушки для детей, а на другой стене была наполовину законченная фреска, которую писал Скип, изображающая персонажей из волшебных сказок. Казалось, у этой колонии было ничтожной напыщенности не больше, чем обычно. На самом деле, возможно, даже меньше. Его приняли с радостью и с теплотой.

В его дорожном мешке был один хороший костюм, темно-синяя туника и штаны, не относящиеся ни к одному периоду времени. Хотя он и не носил штиблет с загнутыми носами, у него была смена простых ботинок для ходьбы. Пройдя в большую комнату, он нашел там Сандалфона и Уранию. Мужчина, который был высок и носил густую бороду, принадлежал к культу Иисуса, и поэтому был одет в темные церемониальные одежды, украшенные нагрудным крестом из серебра, усыпанного бирюзой. Худенькая фигурка женщины почти терялась в индейском пончо. Скип заметил под ним вышитое платье длиной до щиколоток.

— Благослови тебя Бог, — приветствовал его Сандалфон. — Сожалею, что сигнал прервал твой сон.

Это что — намек? У, я думаю, что и так заспался, — отвечал Скип. — Но, конечно, если вы предпочитаете, чтобы не было чужаков — или если вам нужна нянька...

— Чепуха, — Урания сжала ему руку. — Опасаться нет оснований. Мальчишки не собьют одеяла до того, как мы вернемся. А что касается церемоний, — это общее наблюдение — нет никаких культовых секретов, и ты спокойно можешь присутствовать. — Ее резкие черты лица сгладила улыбка. — Ну, мы можем обратить тебя в нашу веру.

Не многообещающее будущее, подумал Скип. Он нырнул в ванную. Причесывание волос не заняло много времени. Он носил короткую прическу, подстриженные волосы прямо на уровне ушей, чтобы не испытывать никаких беспокойств. Или, по крайней мере, свести их до минимума — через пять минут его каштановые локоны всегда ложились как им заблагорассудится. Он был сродни индивидуалистам, будучи всегда чисто выбритым, хотя это было потому, что в возрасте двадцати двух лет он все еще не сумел вырастить на лице урожай растительности так, чтобы оно не выглядело ржаным полем, где полно кузнечиков. *(Эге, неплохая идея для карикатуры.)* В других отношениях его внешность была обыкновенной: среднего роста, довольно приземистый, однако проворней остальных, веснушчатое лицо, вздернутый нос, большие зеленые глаза.

Вернувшись, он нашел Сандалфона и Уранию сидящими за грубо сколоченным из досок столом на кухне. Палочка фимиама курилась около чайника и трех чашек. Снаружи к трубным звукам раковины присоединился гонг. Скип удивился, как могли спать дети, а потом решил, что они, должно быть, привыкли к монотонным песнопениям в такое неподходящее время. Урания прижала палец к губам и жестом пригласила его сесть. Сандалфон начертил крест в воздухе, она потупила взор в чашку. Чай пился с неспешной церемонностью. Он был горячий, терпкий, слегка дурманивший голову. «Наверное, чайник в чайнике», — подумал Скип.

Когда они закончили, Урания остановилась, направляясь к выходу, и надела на плечи своего гостя ожерелье из ракушек разной формы. Без сомненья, каждая что-то обозначала. Вначале его удивляла утонченность ритуалов и символов в Уи. Поселению было всего только десять лет. Следовательно, исходные проповеди того, что впоследствии должно было стать теологией, имели историю длиной всего в три десятилетия. Скоро он понял, что большинство из них было взято из древних традиций. «Наше понимание действительности в значительной степени — продукт нашего собственного ума», — писал Джосвик. — Таким обра-

зом, все, что можно вообразить себе, вмещает истину, частично и в беспорядке, и это знамение среди ряда других указывает на космическое единство, которое мы называем Богом. Через осмысление всех этих аспектов: естественных и необычных религий, мифологии, науки, философии и искусства — мы можем приобретать опыт, мы открываем свое бытие и можем в конце надеяться на прямое постижение Божественного».

Умеренностью, тяжелым трудом и бесконечными благочестивыми ритуалами Уи, следовательно, сочетало состояния экстаза и случайных оргастических церемоний. Оторванное от современного мира, оно тем не менее культивировало современное негидропонное выращивание растений, полученных недавно с помощью генной инженерии, оно развивало ремесла, продавая произведенные товары по высокой цене в магазинах больших городов, и немногие из его поселенцев, казалось, не проявляли никаких эмоций относительно того, что предпочтут для своих занятий чужаки.

Милая компания, подумал Скип. Слишком недоступная для меня. Я не стану тут задерживаться надолго, особенно если не получу благосклонности от женского пола. Но все равно, я рад, что сюда приехал.

Урания взяла его за руку. Его пульс участился. Он был немножко влюблен в нее. Конечно, он почти все время был в кого-нибудь немного влюблен.

Они поднялись по единственной немощеной улице. Необожженный кирпич выделялся темным пятном на фоне все еще черного неба, такого дикого, с хрустальными звездами и Млечным Путем. В дальнем конце улицы вожак собирали свои группы у костров. Фонари качались и отбрасывали тени, высвечивая флаги, четки, костюмы, лица, выражающие восхищение, почти тысячу взрослых и детей старшего возраста. Их шаги гулко отдавались в темноте, от их дыхания поднимался белый пар в хрустящем морозе.

Сандалфон ушел, чтобы присоединиться к тем, символом культовой ложи которых был Иисус. Урания повела Скипа к трем танцорам в перьях и масках во главе привер-

женцев Духа. Их тамтамы стали невнятно и глухо стучать. По пути он увидел людей в разнообразных одеждах, которые обрели своего Бога в Брахме, Амиде Бутсу, Змее, Оракуле. Флейты, лиры, Григорианские песнопения слились в единую музыку, которая почему-то составляла гармоничное целое. Фонари потушили. Семью колоннами, последняя — для кандидатов, поселяне медленно двинулись по тропе к Мысу Нейсона.

Луна исчезла, но свет звезд касался серо-белых обработанных полей, раскинувшихся в направлении ручья, где произрастал древовидный хлопчатник, повсюду полынь, валуны, в разные стороны разбежались американские зайцы, летали похожие на приведения совы, а над всем высились таинственные горы. Слип почувствовал волнение в своем неверующем сердце. Ночь была такой возвышенной и священной.

Получасовой подъем привел к вершине. Здесь стоял каменный алтарь с надписью «Неизвестному Богу». Народ Уи расположился перед ним, обратив лица на запад и погрузившись в молчание.

Космический корабль взошел, как звезда, и долгое приглушенное «О-о-о-ох!» вырвалось наружу.

Слип и раньше видел это зрелище, когда, подобно сегодняшнему, кораблю случалось оказаться близко к Земле. Это было бесконечное удивление и радость для него — ведь существа поднебесной оживили пропасть, послав своего посланца при его жизни. Этот посланец, должно быть, такой странный, что три года борьбы, чтобы достичь понимания, только углубили путаницу в лучших умах человечества, что вызывало в нем восхищение, бросало вызов, а может быть, таило и счастливую возможность для него.

В этот час перед восходом он стоял среди тысяч тех, кто верил, что путешественник с Сигмы Дракона должен быть прямым выражением Бога, и холод горной ночи пробежал у него по позвоночнику.

Мерцающие светящиеся точки быстро поднялись вверх над созвездиями. Слип не был уверен, сможет ли он разглядеть поднимающийся с ними модуль. Несколько

линз от биноклей слабо блестели в поле его зрения. Он даже не осмелился попросить. Эти люди смотрели на предмет своей веры.

«Хейл... Авэ... Ом мани падмэ хум...» Начались песнопения, танцы, люди вставали на колени и падали ниц. Они продолжались и после того, как корабль исчез в бледнеющем небе на востоке. Слип стоял в сторонке.

Восхваления прекращались, культ за культом. Совершенно неорганизованно коммуна двигалась к завтраку. Некоторые пели псалмы, другие молчали. Восток побелел, и земля просыпалась со светом.

Слип снова оказался рядом с Уранией.

— Где Сандалфон? — спросил он.

Она заморгала глазами, обрамленными длинными ресницами. Легкий ветерок перепутал волосы, которые выбились из ее рыжих кос.

— Разве ты не знаешь? Мы с ним, должно быть, решили, что об этом тебе сказал другой. Он собирался пойти в паломничество на месяц и решил воспользоваться случаем, чтобы отправиться в путь.

Залюбовавшись живописным ландшафтом Уи, Слип вынужденно рассмеялся.

— Уединиться от этого?

Она улыбнулась ему в ответ. Вне своих молитв, да и тогда, когда она была погружена в них, она все-таки оставалась мягкой и искренней молодой женщиной. Никакая перемена имени после того, как ее приняли в братство приверженцев Духа, не смогла изменить маленькую Мери Петерсен, которая однажды почувствовала себя опустошенной и несчастной в Чикаго.

— Уйти от всего. Как ты. Меня разбирает любопытство относительно тебя, возможно, гораздо более сильное, чем твое относительно меня.

Он пожал плечами.

— Ты ведь слышала официальные факты. Их не так уж и много.

На первой стадии знакомства, когда она попросила его рассказать о себе, он сказал:

— Томас Джон Вейберн, которого всегда называли Скипом, не знаю почему. Родился и вырос в Беркли, Калифорния, представитель зажиточного слоя среднего класса, отец — инженер-электронщик, мать — компьютерный программист. Брат и сестра — среднестатистические обыватели. Никто из них не радовался сильно тому, что в семье появился «прожигатель жизни», но мы не стали совсем чужими. Мы встречаемся время от времени.

— ...Что?

— Обыватели. Тип законченных налогоплательщиков. О, ты имела в виду «прожигателя жизни»? Я предполагаю, что это новое словечко из арго. Бродяга, плывущий по течению.— Поспешно: — Нет, не бродяга. У нас есть свои принципы — ну, возникло что-то вроде братства, мы вроде бы только думаем одинаково, живем одинаково, общаемся, когда встречаемся вместе,— мы не просим милостыни, не хулиганим, не крадем. Когда кто-нибудь начинает этим заниматься, он скоро понимает, что остальные не хотят иметь с ним ничего общего, чтобы сохранить свое доброе имя. Видишь ли, мы мигрирующие трудяги, и наша жизнь зависит от того, чтобы нам доверяли.

— Естественно, я слышала о таких. Но ты рассказываешь так, как будто в той жизни столько произошло с тех пор, как я приехала сюда. Они и в самом деле могут найти работу?

— Ты будешь удивлена. Конечно, машины выполняют большую часть работы по выращиванию урожая, так же как и в производстве сегодня. Но ты удивишься, если узнаешь, какая есть потребность в выполнении странных заданий, личном обслуживании, в развлечениях, которые нельзя получить от автоматов. И конечно, мы не только размышляющие наблюдатели жизни. Некоторые из нас имеют университетское образование. Мне была присуждена стипендия. Но я не хотел быть связанным, во всяком случае до тех пор, пока не попробую вкуса жизни, поэтому я выпорхнул из гнезда. Если ты не хочешь, чтобы я расписывал ту комнату, о которой мы говорили, ну, я довольно неплохой столяр, механик, могу делать всяческий ремонт, могу работать садовником и так далее и тому подобное, и я могу

петь песни и рассказывать истории собственного сочинения.

Она задумчиво кивала головой, взгляд ее устремился вдаль, когда она вспомнила о том, что оставила позади.

— Понимаю, — тихо проговорила она. — Современная производительность материальных средств может обеспечить любой класс людей, любой образ существования.

— Определенно, большая часть денежных средств уплывает в никуда. Я еще не сталкивался с необходимостью осуществлять свое право на внесение вклада в общественно полезный труд. Это обычный трюк, хотя приходится делать уборку или что-то в этом роде почти полгода. Зато остальные шесть месяцев ты наслаждаешься свободой, если у тебя небольшие запросы.

— Правильно. Пожалуйста, пойми, что это общество не пренебрегает кибернетикой и механизацией. Без них, без гарантированного дохода, я сомневаюсь, смогли бы мы пользоваться низкой ценой вещей первой необходимости, дешевыми и гибкими электроинструментами — всем, что дает нам развитие новых технологий. — Она жестом указала на окружающее ее поселение Уи.

Тогда она спросила:

— Ты действительно приехал сюда только для того, чтобы посмотреть на что это все похоже?

— Я же сказал так, когда только что приехал, — ответил он. — Урания, я перепрыгиваю из одной субкультуры в другую, как кузнечик. Субкультуры растут, как грибы. — Он нахмурился. — И среди них есть ядовитые поганки. Но много и хороших съедобных грибов, как тут.

Она хихикнула.

— Какой комплимент! Меня еще не называли грибом.

— Ну, гм, — он покраснел в смущении.

Она взяла его руку и положила себе на бедро.

— Не будь таким задирой. Я хочу узнать тебя лучше. Несколько ближе. Вот почему Сандалфон и решил уйти так скоро.

Он остановился. Его сердце учащенно забилося.

— Ты... хочешь сказать?!

— Да, именно этого я и хочу, — сказала она прямо. — Мы не соблюдаем официального брака. Слишком много возможностей для разных осложнений, ревности, дюжина всяких причин, отвлекающих от размышлений о духовном. Но безбрачие ведь хуже, не так ли?

Они поцеловались. Ослепительное солнце поднялось над высокой пикообразной вершиной. Запел жаворонок. Несколько человек, оказавшихся поблизости, произнесли дружеские приветствия.

Через некоторое время Урания отступила назад, покраснела и сказала, тяжело дыша:

— Кроме всего прочего, и это ты делаешь неплохо, мой мальчик.

— Ты — тоже.

На самом же деле она казалась несколько наивной в сравнении с некоторыми — с теми многими, которые были у него с четырнадцати лет, — но, возможно, она стеснялась на людях, но в любом случае это не имело значения — он снова был влюблен на некоторое время, и у него была работа, которая ему нравилась, и хотя тени были длинными и синими, воздух потеплел настолько, что до него доносился сладкий запах полыни.

Они сошли с холма рука об руку, но гораздо быстрее, чем раньше, пританцовывая и смеясь. Когда они пришли к дому Урании, она должна была сперва приготовить своих малышей к школе. В Уи не возникало неприятностей с государственными чиновниками по образованию, так как имелись собственные учителя с дипломами, преподающие нужные дисциплины. Для теонтологии оставалось достаточное количество часов.

Урания шепнула, что взяла выходной вчера и свободна от своей доли работ на благо общества. Ему не нужно беспокоиться. Кроме того, совсем не помешал бы завтрак.

— Я хотел тоже посмотреть на космический корабль, — сказал Мика.

Мать взъерошила ему волосы.

— Слишком рано для тебя, дорогой. Он похож на искусственный спутник.

Он нахмурился и приготовился зареветь.

— Я хочу!

— Так нельзя поступать. Ты отворачиваешься от Бога.

— Ну, ему ведь только шесть лет,— сказал Слип.— Я имею в виду Майка, а не Бога. Я думаю, ты сможешь увидеть его в субботу, старик, если он все еще будет торчать тут в небе. А теперь, пойдёмте, братцы-кролики, умываться, одеваться, а я расскажу вам какую-нибудь историю, пока пекутся оладьи.

— Историю про воздушный шар Марунов,— тут же потребовал Джоэл, потому что Слип всегда говорил о нем как о главном действующем лице.

— Историю про Планету Добрых Намерений,— сказал Мика по той же самой причине.

— Времени не хватит на обе,— отметил Слип.— Я расскажу вам, угу, о... о Драконе.

Сначала они визжали и плескались, а когда наконец-то утомонились, он сидел за кухонным столом, наполовину следя за Уранией, которая ходила туда-сюда, вызывая в нем чувственность, наполовину отдавая свое внимание блокноту для набросков, который он использовал, когда рассказывал сказки. *Дракон... какой же он?* Он нарисовал его пузатым и самодовольным, настолько, что изобразил нимб над его головой. *Очень религиозный Дракон.* Под правую переднюю лапу засунута Библия. *В самом деле, святой Дракон. Нет. Лучше не надо. Может испортить ей настроение.* Он изменил Библию на сборник нот; написал «O sole mio» на том, что было нимбом, и начался рассказ о Филиберте Фридерике, который хотел петь на концертной сцене, но каждый раз поджигал ее до тех пор, пока два сообразительных мальчика по имени Джоэл и Мика не придумали установить движок, выхлопная труба которого вела прямо в духовку, где готовился обед для Дракона. Этот рассказ давал ему слабую надежду поесть до того, как сломя голову прибегут братья.

Он протянул руку к Урании, которая ловко увернулась.

— Не трогай грязными лапами мой подол,— сказала она весело.— Я хочу приготовить для тебя сытный завтрак. Ведь у нас будет целый день и целая ночь впереди.

Она велела детям остаться где-нибудь до следующего

утра. Такую благосклонность им не часто оказывали. Скин подумал, что иметь дело с современным семейством влечет за собой некоторые преимущества, хотя он знал, что сейчас общинный образ жизни в Уи его несколько ограничивал.

Она начала готовить ему пищу. Он глотал кофе. Солнечный свет лился через открытое окно, проникал через известняковые стены, блестел на китайской миниатюре. От печи веяло ароматом. «Она была права», — признался он сам себе, живот у него подвело. В другом отношении поход подбодрил его. Он чувствовал, что может все от переполнявшего его счастья.

— Это был замечательный рассказ, — сказала Урания. — Не могу понять, как ты можешь придумывать их сообразно обстоятельствам. Им тебя будет не хватать, когда ты уйдешь.

— Ничего особенного, — сказал он, неожиданно почувствовав неловкость.

Она успокоилась, не смотрела в его сторону, руки у нее были заняты.

— Мне тоже будет тебя не хватать, — сказала она тихо. Может, ты передумаешь и останешься?

— Я тут лишний. Я не религиозен.

— Все религиозны, только прячут это в себе. Вот почему и распадается общество на кусочки... Да, именно поэтому. Жители Орто становятся все более фанатичными в погоне за удовольствиями, новизной, сильными ощущениями, за всем, что делает всех бесчувственными так, что они больше уже не ощущают пустоты. Я тоже принадлежала к Орто, вспомни, я знаю. И что заставляет остальных бежать отсюда, отворачиваться от всего этого, пытаться найти абсолютно новые способы жить или пытаться оживить старый образ жизни из прошлого, которого и не было-то вовсе? Что, кроме тяги к постижению нового, поисков смысла жизни? Включая и твое прожигание жизни, дорогой. И тебя самого.

— Ну, уж вряд ли меня. Я — просто художник. И я надеюсь, что когда-нибудь стану хорошим художником. Это все, на что я претендую. — Скин поскреб подбородок. Ему был свойственен самоанализ.

— Я думаю, в долгих странствиях бродяжничество было для меня полезным делом. Оставаясь в мастерской, читая книги и смотря в телевизор, о чем может обыватель поведать миру в своих полотнах?

Она и вправду уважительно к нему относилась.

— Я не могу поверить, что на восходе ты находился рядом с Богом,— сказала она.

Сразу же вернулся призрак сверхъестественности.

— Ну... возможно... Что-то вроде того, когда я разбивал лагерь, ложился в спальный мешок и глядел прямо на звезды. Я чувствовал, каким маленьким вращающимся шариком была наша планета, а мы — не более чем пылинки на ней. Это чувство было пугающим и великолепным.— Он вернулся к обыденному.— Но черт побери, леди, я не могу говорить о возвышенном больше тридцати секунд кряду.

Она продолжала.

— Это загадка, Слип. Это не просто незнакомец в маскарадном костюме. Это — создание... существование которого мы не можем постичь. Разве ты не видишь: это показывает нам, что наука не может дать нам ничего, кроме разрозненных знаний, даже если мы можем это видеть и прикоснуться к этому?

Оладьи были готовы. Она выложила их ему на тарелку и села напротив него. Он полил их патокой. *Если я не соблю ее с этого миссионерского пути, пройдет несколько часов, пока она не доберется до цели. А может быть, она и вовсе не доберется, если рассердится на меня.*

— М-м-м, какой чудесный провиант! — сказал он вслух с набитым ртом.

Она вздохнула и протянула руку, чтобы погладить его по руке.

— Я хочу, чтобы тебя посетило озарение. Ты заслужи- ваешь этого.

— Не вполне. Послушай, птичка, будем честными. Я уважаю вашу веру, но она — не моя. Для меня поведение Сигманианца, ну, скажем, представляет интерес. Проблему эту разрешат рано или поздно. Он, вероятно, не мыслит так, как мы, но что можно ждать от нечеловеческого

разума? Возможно, какой-нибудь смысленный парень найдет ключ, и, когда мы войдем в дверь, могу поспорить, контакт возникнет на удивление быстро.

— Если только Он не оставит нас. Навсегда.

Скип кивнул, его приподнятое настроение померкло. Опасения относительно такой возможности возникали довольно часто за месяцы тщетных попыток, которые перерастали в годы. Не предпринимал ли корабль частых путешествий еще куда-нибудь, по большой траектории к соседним планетам, со скоростями, которых не могут достичь ничтожные творения человека, осваивающие космическое пространство всего лишь половину столетия — да, иногда выходя на орбиту самого Солнца, достаточно близкую, чтобы радиация уничтожила человеческий звездолет — команда и так давно бы была мертва — может быть, такой путь наконец приведет не к Земле через несколько недель, а к пропасти в бесконечность.

То, что чудеса техники могут справиться с этим, без участия человека, было ужасным, маловероятным. Возможность путешествия к звездам теперь подтверждена опытом. Но сегодняшнему поколению в этом отказано. Возможно, это отречение переживет человечество. Скип, который всегда таскал с собой книжки в бумажных переплетах и находил неподходящее время для их чтения, видел, что многочисленные сомнения ученых относительно машинной цивилизации, ограниченной единственной обитаемой планетой, переживут не одно столетие.

— Боюсь, что может быть и так, — сказал он. — Как долго хватит терпения у парня, будь это он, она или оно, находить с нами общий язык, как долго мы можем ожидать, в пределах разумного, конечно, что это ему не надоест?

— Вся беда в том, — сказала Урания, тронутая его искренностью, — они делают слишком ограниченные попытки контакта. В основном, посылая ученых, некоторых официальных лиц, бюрократов и журналистов. Больше никого не приглашают в этом участвовать. Неужели никому и в голову не приходит, что, возможно, Сигманианец ищет не общения, а общества?

— Неужели ты ни минуты не можешь прожить без

последнего? — Слип позволил вовлечь себя опять в разговор, который ни коем образом не входил в круг его интересов в настоящий момент, и казался несколько скучным.

— Мне пришло в голову, что Сигманианец просто не проявляет к нам никакого интереса. Кроме вежливого, полагаю, это стоит признать. Но, возможно, у него нет таких же **мотивов** поведения, эмоций, целей, таких, как у нас. Хотя, черт побери, если думать, что они являются существами, которые построили космический корабль, как мы и надеемся, это говорит всего лишь о том, что это — единственное, что послужило причиной этого путешествия. Если...

Его рот остался открытым, вилка с грохотом выпала из руки на стол, и он издал вопль, от которого у Урании побежали мурашки от страха с головы до ног.

Глава вторая

Спустя неделю корабль вернулся к своей обычной земной орбите. Спутники с людьми на борту сообщили, что он в течение часа облетел Землю, покрытый рябью световой радуги. Это означало, что Сигманианец хочет встречать гостей: это был почти единственный сигнал, который, как полагали люди, был недвусмысленно расшифрован. Поскольку эти приглашения никогда не продолжались больше нескольких дней, космический корабль и его команда находились в постоянном состоянии готовности, в соответствии со схемами, которые раньше были предметом яростных споров ученых и политиков. Теперь задания давались на несколько более рациональной основе.

«Не слишком-то это говорит о благородстве хомо сапиенс», — размышляла Ивон Кантер. (Тем временем она облачалась в рабочий комбинезон, брала сумку, которую она всегда держала наготове, закрывала свою квартиру, ехала

на лифте пятьдесят этажей вниз к городскому гаражу, устанавливала лоцман своего автомобиля на маршрут базы Армстронга, зажигала сигарету и пыталась расслабиться. Ей это не удалось.) Три года разочарований унесли бóльшую часть престижа, профессионального и международного, не считая, что она лично сошла со сцены. Кроме того все, что происходило, было полностью записано всеми возможными способами и предано гласности. Нельзя было размышлять об этом в удобной уединенности собственного кабинета и иметь шанс опубликовать статью, в то время как эти бедняжки-репортеришки потели, собирая эту грязную информацию по мельчайшим крупичкам.

Это они так думают, говорила себе Ивон. *С тех пор они стали сомневаться. Но в этот раз — о, в этот раз, возможно...* Кровь часто запульсировала в ней.

Улицы Денвера были полупустыми в пять часов дня. Компьютеры Дорожного Контроля направили автомобиль из города краткой командой. Когда их электронные предписания больше не светились на пульте, лоцман открыл топливные отсеки до максимума, пока электроника громко не взывала, и автомобиль совершил пробег еще трехсот километров за девяносто минут. Ивон едва замечала, как быстро проносился мимо однообразный и сельский пейзаж, не заметила она и широко раскинувшийся комплекс, к которому она наконец подъехала.

Она сделала наблюдение, которое заставило ее взглянуть на все по-иному: не только Армстронг, рабочий космопорт, потерял свой романтический ореол. То же самое произошло и с научно-исследовательским и опытно-конструкторским центром Кеннеди — со всеми астронавтическими учреждениями человека. Со звездными кораблями над головой вы продолжаете доставлять припасы на Станции на Луне и Марсе, вы продолжаете организовывать экспедиции на Юпитер, вы говорите о том, чтобы отправить человека на Сатурн, но сердце у вас к этому не лежит.

К ней вернулось тревожное состояние, когда она сидела перед столом полковника Алмейды для краткого инструктажа. Старт космического корабля был назначен на девять сорок пять, она приехала на два часа раньше.

— Я не помню, кто еще летит?

— Только Вань,— сказал он ей.— Европейцы еще не закончили ремонтные работы после *Коперниковской* катастрофы, видишь ли. Мы предложили взять на борт Дуклоса или любого другого из них, но они не согласились. Я подозреваю, они решили сэкономить свои денежки и использовать материал из вторых рук. Русские — м-м-м — они просто информировали Центр, что Седов болен, а срочная его замена невозможна, следовательно, они этот танец пропускают. Я догадываюсь, они понесли потери гораздо большие от своего последнего кризиса стукачей, чем хотят признаться.

— Вань и я? Ну... по крайней мере, там не будет такой толкотни.

Алмейда внимательно смотрел на нее изучающим взглядом. Она была высокой женщиной, стройность которой граничила с худобой, хотя обычно ее аккуратный наряд и холеность создавали приятное впечатление. Ее лицо было также несколько вытянутым и худым — высокие скулы, нос с горбинкой, выдающийся подбородок — в своем роде очень привлекательная внешность, которую оживлял полный рот, блестящие темные глаза под выгнутыми бровями — вид, на который ни одна женщина ее лет, а ей было тридцать, не имела законного права. Рабочая одежда и прямые до плеч волосы, которые были убраны в тугой пучок, только уравнивали ее преимущества во внешности.

— Я не думал, что Вань раздражает тебя,— медленно сказал представитель разведки.

Она рассмеялась.

— Он все время за камерой, кто делает выпад и против кого? Кроме того, он всегда точен, как робот.— Серьезно, с видимыми колебаниями: — Нет, жаловаться не на что. Мне не следовало бы говорить. Он просто не слишком веселая компания. Слишком напряжен или лучше сказать натянут? Чувствуешь, что он не перестает наблюдать за тобой, вычислять, что ты сделаешь дальше. Это действует на нервы.

Алмейда удержался от того, чтобы сказать ей, какое у

него сложилось мнение о ней. Ее сдержанность, ее полуфантастичная сосредоточенность на работе, которой она была занята, заставляли его удивляться, есть ли у нее кто-то, кого можно было назвать близким другом... Родители и другие родственники были далеко на востоке, Бердт, еврейская фамилия, разве это не предполагает, что у нее есть тепленькое местечко, куда можно скрыться? Или же профессор и миссис Бердт слишком сильно гордятся своей умной дочерью, отталкивая ее от себя против своей воли, принуждая ее без передышки двигаться к новым достижениям?.. Алмейда сомневался, был ли у Ивон хоть один сексуальный партнер, кроме ее мужа, а этот брак распался в течение пяти лет... два года назад, правильно?.. Она стала работать в Сигманианском проекте незадолго до этого.

Он снова обратил свое внимание на нее.

— Не беспокойся, Энди. В этот раз я буду слишком занята, чтобы обращать на это внимание.

— Что? У тебя есть какие-то предложения?

— Возможно. После последнего заседания мне в голову пришла мысль. С тех пор я над ней работала, и, наконец, возникла, кажется, некая схема. — Неожиданно энтузиазм сделал ее красавицей. Но она сомкнула губы и покачала головой. — Я предпочла бы больше ничего не рассказывать, пока не испробую эту идею.

Алмейда потеребил свою ван-дейковскую бороду, которая не противоречила военному уставу.

— Ты ведь записала ее, на случай — м-м-м — несчастья, не так ли?

— Конечно. В моем кабинете дома, с остальными моими бумагами. — Ивон поднялась. — Если мы тут закончили, мне бы хотелось что-нибудь перекусить.

Она не могла представить, что так устанет, пока ее автопилот маневрировал к месту встречи.

В левом окне под углом в десять градусов на расстоянии семидесяти пяти тысяч километров Земля светилась в темноте. Дневная сторона была во сто крат синее оттенком, и темные тени кружились с головокружительной чистотой, которая была ничем иным, как погодой. Для нее были

неразличимы расплывчатые зеленовато-коричневые пятна Земли, как будто она уже отправилась к берегам, на которые не ступала нога человека. Ночная сторона была черной, эта темнота была покрыта блестками, танцующими короткими вспышками, которые могли быть грозами или большими поселениями.

Отвернув свой взгляд и позволив своим зрачкам расширяться после этого сверкания, она отыскала звезды. Из-за освещения в кабине они и в самом деле казались не больше, чем при взгляде с Пика Пайка, но не мерцающими и не приветливо отчетливыми. В стороне от них плыл корабль, который они послали.

То, что можно было видеть оттуда, было несколько фрагментарно. Корабль был — возможно — скорее взаимодействием загадочных огромных силовых полей, чем металлом, кристаллами и синтетическими материалами. Вы увидели бы две сферы, отливающие цветом меди. Большая, несколько сотен метров в поперечнике, была почти полностью замкнута. Из корпуса выдавались башенки, иглы, диски, рамы, купола, конструкции, напоминающие паутину, и объекты, которые сложно описать словами, о функциях которых можно только догадываться. Они не образовывали безобразного хаоса. Вместо этого формы и массы имели обтекаемое единство, от которого захватывало дух, которое никогда не оставалось на одном месте, потому что глаз находил новые углы, ум — новые аспекты; Парфенон, Собор Чартера, Тадж-Махал, архитектура запада Таиланда не могли соперничать с этой замысловатой простотой, с этим безмятежным динамизмом.

Около двух километров за кормой, заблокированный на одном месте гидромагнитами (?) несколько менее зрелищно оборудованный шар был выполнен из скелетообразных конструкций, открытых для безвоздушного пространства. Телескопы показали фрагмент, о котором Ивон не могла не подумать, что он был очарователен, полон игривости. Однако вокруг него могли сгорать энергии, которые образуют солнца. Астрономы засекали чудовищное пламя корабля, когда он замедлял ход в направлении солнечной системы еще световой год назад. В течение почти полутора

лет эта падающая звезда приближалась, и все это время на Земле недоумение и волнение рождали панику, зачастую взрывающуюся до мятежа. Ивон снова вспомнила, как спокойные слова знаменитой телевизионной лекции Сигурдсена превратили ее собственное напряжение в надежду, да, в большие надежды.

— «... без сомнения, космический корабль из другой планетарной системы. Р. Уи. Бассар предположил, что он построен по принципу, применяемому в прошлом веке. Межзвездное пространство не всегда только вакуум. В этом галактическом соседстве количество газа — около одного атома водорода на кубический сантиметр. Конечно, мало-вато! Однако, когда вы путешествуете со скоростью, сравнимой со скоростью света — никогда недостижимого максимума, который позволяют законы относительной физики, — когда вы путешествуете так быстро, эти несколько атомов, сталкиваясь с вашим кораблем, будут ослаблять рентгеновские лучи и наполнять частицы такой смертельной концентрацией, что никакое покрытие, из какого бы материала оно ни было, не сможет защитить вас от почти неизбежной мгновенной смерти.

Никакой экран? Но мы и сами кое-что узнали об электромагнитных и атомных силах. Реактор, который, вероятно, снабжает ваш дом электричеством, использует эти силы, чтобы довести материю до состояния плазмы из водородных атомов, которые движутся так стремительно, что плавятся, образуя гелий и таким образом выделяя энергию. Бассар предположил, что подобные силы в большой степени могут однажды отклонить межзвездный газ на безопасном расстоянии от звездоплана. Он доказывал также далее: поскольку газ был под контролем, он мог бы растекаться за бортом корабля, и его можно было бы заставить подвергаться таким реакциям и таким образом обеспечивать корабль энергией. Другими словами, корабль Бассара существовал бы «вне планеты». Имея необходимость всего в небольшом количестве топлива, чтобы придать скорость воздушно-реактивному двигателю, он сможет потом достичь почти предельной скорости. И таким способом мы смогли бы достичь ближайших звезд не за

тысячелетия, а всего за несколько лет. Ворота вселенной распахнутся для человечества.

Ну, мы ожидаем встречи с более развитой цивилизацией. Это тело, наверняка, корабль, действующий по принципу Бассара. Поскольку среди сотен предположений, которые мы выдвигали, более обоснованной альтернативы объяснения этого явления предложено не было. Это — космический корабль, летящий с ускорением «g» в минус третьей степени, что наводит на мысль о том, что его команда происходит с несколько меньшей планеты, чем Земля. Есть вероятность, что он прилетел из ближайшей системы планет, чтобы расследовать любопытные радиосигналы, которые строители этого корабля принимали от нас в прошлом столетии. Если это так, то судя по его теперяшнему курсу, наиболее приемлемое место его происхождения — Сигма созвездия Дракона. Эта звезда не похожа на Солнце на расстоянии несколько больше восемнадцати световых лет. Мы увидим.

Нам нечего бояться. Наоборот, нам нужно завоевывать космос. Я знаю, что некоторые из моих коллег выражают беспокойство относительно протонного двигателя корабля. По-видимому, они не исключают возможности нападения. Но нам было бы нелишне узнать и еще кое-что. Корабль пользуется огромным газовым лазером, чтобы выпустить поток радиации, луч фотонов, осуществить самую эффективную реакцию, чтобы получить движение, какую мы только можем себе представить. Если луч такой интенсивности заденет любую часть Земли, образуется пустыня, которую трудно себе даже представить.

Этого не случится. Я согласен с теми, кто придерживается мнения, что цивилизация, которая исследует звезды, должна быть мирной, в противном случае, она бы разрушила себя еще до того, как был бы достигнут необходимый уровень развития технологий. Мы сами, несмотря на то, что достаточно примитивны, тоже ощущаем необходимость — медленно, нерешительно, но чувствуем сильную необходимость создать меру международной стабильности, регулировку вооружений на международном уровне. Я не верю, что мы вернемся к кошмару ядерных ракет,

готовых к нападению. Я верю, что наши дети и внуки переживут эту сегодняшнюю нестабильную, часто грубо ограниченную кооперацию в направлении позитивных результатов на добровольной основе.

Однако нам нужны не только обещания, чтобы переубедить нас относительно наших гостей. Возможно, что они — не святые, но они не могут быть идиотами. Самые незначительные межзвездные расстояния — это такая бездна, которую мы можем еще кое-как рассчитать, но уже вообразить и представить себе не в состоянии. К нам приближается не космический флот, а всего-навсего один корабль — и по всем признакам — гораздо меньший по размерам, чем наши собственные. И все-таки — это достижение и наш вклад в превосходство над Пирамидами, Великой Китайской Стеной и исследованиями солнечной системы. Зачем его команде нужно приносить нам вред? Какая добыча стоит расходов, чтобы добраться сюда, какое давление на население может быть снижено хоть на йоту, какое может быть личное удовлетворение в нападении на безоружных, когда ты завоевал просторы вселенной?

Нет, у этих гостей может быть только одно первоочередное желание — знания. Приключения и слава, конечно, тоже, но, без сомнения, — знания. И вот тут-то я верю, нас нельзя безнадежно снять со счетов. У нас имеется информация обо всем мире, у нас есть планетография, биология, история, антропология, все то, чем мы были когда-то и чем являемся теперь, чтобы обменяться нашими знаниями с их знаниями.

На самом же деле, по правде говоря, единственное, что меня приводит в тупик, это то, что они вообще прилетели. Было бы значительно проще и дешевле обмениваться информацией лазерными лучами или чем-нибудь другим. Очевидно, строители этого корабля должны были подать сюда сигнал, который привлек бы наше внимание.

Неужели они с таким нетерпением жаждут знаний? Потребуется несколько жизней, чтобы установить удовлетворительное взаимопонимание, когда между заданным вопросом и ответом проходит тридцать шесть лет. Предварительная живая экспедиция могла бы содействовать этому

гораздо быстрее. После этого мы могли бы и на самом деле использовать межзвездное телевидение. Возможно, сигманианцы с созвездия Дракона, если и в самом деле это их родной дом, имеют только один этот корабль, свой посланец от звезды к звезде.

Конечно, это всего лишь догадка. Я просто не могу дожидаться, когда же узнаю правду! Тем не менее будьте уверены, что наши гости примут надлежащие меры предосторожности. Они закроют свой опасный протонный двигатель на границах солнечной системы и воспользуются способом, чтобы прилететь сюда, — может быть, я полагаю, какой-нибудь модификацией нашего ионного реактивного двигателя. И они придут с миром, как ангелы пришли в Вифлеем.

Дети Земли, готовьтесь к приему своих гостей!

Он был прав в отношении того, что чужеземцы не представляют никакой опасности. Но все остальное! И все-таки я с тех пор сомневаюсь в том, не причинят ли они вреда. Какие будут последствия этого жестокого разочарования, которое постигнет наши бедные, уже болезненно реагирующие разрозненные народы? Нетерпение вернулось. Найду ли я, я, здесь и теперь, и в самом деле начало пути ко всему этому?

Спокойно... Повернуть на три градуса... Двенадцать Гаусов, ау, давай отпусти немного... Прибавь давление на шесть ньютонов... Азимут десять, ноль, два с половиной, диапазон — восемь и четыре десятых... Снижаемся».

Тишина в невесомости, в иллюминаторах — звезды.

Пилот зевнул и потянулся.

— О'кей, доктор Кантер, ваша остановка, приехали, — сказал он прозаически. — Хотите немножко передохнуть?

— Нет, спасибо, — она задрожала. Секундой позже она вспомнила и добавила: — Пожалуйста.

Второй пилот кивнул головой:

— Я провожу вас. Он отстегнулся вместе с ней. Уже в скафандрах они совершили последние приготовления, проверили заплечные жиклеры, закрыли шлемы и отправились к воздушному тамбуру.

Ивон хотелось, чтобы она пересекла корабль без провожатых, в одиночестве, среди великолепия звезд, которые теперь были ясно видны. Но, увы. Несмотря на то, что когда она стала работать в этом проекте, ее тщательно подготавливали, ее не обеспечили оборудованием на случай крайней необходимости в открытом космическом пространстве. Связанная тросом с лодыжками своего провожатого, она навесила на себя контейнер с пищей и другими припасами и разрешила ему отбуксировать себя. Он передвигался медленно, осторожно, постоянно сверяясь со своим дромометром, чтобы держаться в тоннеле, который имелся у Сигманианца, чтобы некоторое время обезопасить их от силового поля вокруг корабля. Тем не менее люди касались этих полей неоднократно. Было такое чувство, как будто пересекаешь сильное течение горячей воды. Глубже, в самой середине, где интенсивность поля была более сильная, попавший туда без сомнения был бы разорван на части.

Под блестящим прозрачным покровом... различных энергий... которые прикрывали главный вход, расширяющийся в корпус корабля, они остановились. Второй пилот отстегнул трос жизнеобеспечения от ее скафандра, схватившись за нее рукой. Свет Земли, отраженный от его шлема, делал его безликим, а поток статического электричества исказил его голос по радио, когда они на мгновение зависли меж звездами и космическим кораблем.

— Порядок? — спросил он.

— Да.

— Мы, не забудьте, мы подхватим вас на орбите. Когда вы будете готовы к отправлению, когда он отпустит вас и подаст сигнал, мы будем менять направление к этой конфигурации. Ждите меня, и я вас провожу назад.

— Я не такой уж новичок в этой экспедиции, как, кажется, вы,— резко ответила она. Поняв свою неучтивость, она заставила себя прибавить: — Я не хотела обидеть. Извините. Мне хотелось приступить непосредственно к работе. Любая дополнительная минута ценна.

— Конечно.— Он отпустил ее.

Она нажала на рычаг управления и отправилась вперед через покров, который позволил ей пройти, а не через воздушные потоки от корабля, на борт, чтобы встретиться лицом к лицу с Сигманианцем.

Глава третья

Хотя ему и не терпелось высказать то, что пришло в голову, Скип закончил фреску как и обещал. Его категорическим императивом было: «Всегда оставляй лагерь чистым». Урания и мальчишки бросали ему тоскливые намеки, чтобы он остался подольше, и они плакали, когда он прощался. Он не принимал это слишком близко к сердцу, особенно с тех пор, как у него чесались пятки, чтобы уйти, несмотря ни на что.

— Я постараюсь вернуться, — сказал он. Возможно, он так и сделает.

Человек, который завернул в город за припасами, подвез его. «Город» состоял из дюжины домов, пары магазинов, маленького дома и бара. Скип заглянул в последний. В Уи использовались опьяняющие напитки только в религиозных целях. После того как он выпил, отфыркиваясь, и, хмыкнув, задал вопрос владельцу. За второй порцией пива он сделал некоторые дорожные вычисления.

Ему придется «голосовать» на дороге. В этих краях до сих пор есть достаточно простора для передвижения, и, следовательно, меньше причин опасаться своих попутчиков, не более чем маньяков, охотников за ведьмами, которых на Земле бесчисленное количество. Он разговаривал с ними, расспрашивал, останавливался там, где ему казалось интересным, часто импульсивно менял свою дислокацию. Но теперь он торопился. Многоликий Бог Уи знал, когда Сигманианец устанет и удалится, а Скипу понадобится некоторое время, чтобы добраться до Президента Соединенных Штатов, или Верховного Комиссара Движения за мир, или кого-нибудь еще, кто окажется подходящим для его целей.

Ну-ка, что там звенит в кошельке? Урания заплатила не много. В Уи было личных денег не больше, чем в коммуне бродяг на нос. Тогда его это не волновало. Прибавив сумму к тому, что нашлось у него в карманах, когда он приехал в Уи, — *черт возьми, эта стодолларовая монета старая, ее нужно поделить на тысячу, получаем десять центов* — в итоге он получил двести тридцать три доллара пятьдесят центов. А он должен покупать еду и питье так же, как и билеты, а эти две кружки пива уже стоили ему четыре бакса... *Позвонить Беркли? Попросить отца перевести небольшую сумму в долг? Он был бы рад связать его обязательством.* Скип поморщился. *Нет.* Он ненавидел быть обязанным, и моральный долг, который он никогда не сможет выплатить, поскольку у него не было намерений стать обывателем.

Он решил потратить деньги на возвращение. Общественный телефон был единственной современной вещью в приятном, прохладном полутемном архаизме таверны: настолько современной, что в него не нужно было опускать монету. Если бы Скип вложил в отверстие свою кредитную карточку, вспыхнула бы лампочка, указывающая на то, что на счету ничего нет, с ненужной поспешностью. Он позаимствовал карточку у владельца после того, как показал, что у него есть наличные, чтобы покрыть расходы. Экран телефона загорелся, показывая запись хорошенькой девушки, чья улыбка была, возможно, такая же автоматическая:

— Служба данных. Чем могу быть вам полезна?

Он набрал дополнительные слова на клавиатуре, чтобы избежать вызова дорогого живого оператора. Где-то на континенте компьютер послал запрос в соответствующий банк памяти, электронные лучи сканировали гигантские молекулы и выудили информацию, содержащуюся в их искривлениях, и через минуту ожидания — должно быть, каналы сегодня перегружены — послышалась запись: «Ваш ответ готов. Не желаете ли его в письменном виде?»

— Нет, благодарю, — сказал Скип, его природная память была дешевле. Он удивился, почему он поблагодарил

этот механизм. На экране побежали слова, сначала медленно, пока он не повернул ручку скорости.

Какие сторожевые караваны где находятся? Ответ: Морган в Коннектикуте участвует в проекте по эрозии; «Друзья Земли» восстанавливают лесные массивы в Висконсине; Терранс осуществляет спасательную операцию по очищению Египта вместе с несколькими подобными экспедициями из других стран под эгидой Движения за охрану окружающей среды; «Общее благо» осуществляет контроль пищевых продуктов в Алабаме...

Когда экран опустел, Скип заплатил владельцу и вернулся к своему пиву и подсчетам. В прошлом году он работал на Терранс, и они к нему хорошо относились, и он надеялся, что их командир окажет ему поддержку на его пути к цели. Но он не сумеет добраться до Египта за разумное время, и возникнут проблемы насчет его возвращения обратно. *Кроме того, я не хочу туда ехать. Фотографии в Новостях достаточно выразительны, чтобы я смог понять, что происходит, когда нарушается экология многонаселенной страны.* Туаса де Данаан ближе всего, на озере Тахоэ, но кто он для них? Ему придется завербоваться к ним во вспомогательный персонал и провести шесть месяцев, показывая себя, прежде чем он сможет добыть рекомендации к кому-то действительно влиятельному.

Нет, погоди. Он следил за работой на Тахоэ с интересом. Она включала не только восстановление чистоты воды и дикой природы вокруг. Работа простиралась и на часть Сьерры. Кроме водопадов, дикой жизни, леса и отдыха, в планы входит и сельское хозяйство. Аккуратно построенные фермы, поля с пшеницей и технологии, которые в последнее время были разработаны для высокогорья, не просто бросят немного дополнительной еды в широко раскрытый от голода рот человечества. Они могут сделать и достойный вклад в поддержание естественного баланса в природе, и хозяева будут выполнять добавочную функцию стражей. Небольшой, изолированный этот размах движения был сделан с целью для добровольцев — и правительство пообещало права на участок для квалифицированных людей, которые работали на всем протяжении этого проек-

та,— и ближайшие добровольцы в Тахоэ были в округе Мендосино, и были друзьями Скипа...

— Эй, бармен, не знаешь, никто сегодня не едет на север?

Автобус был переполнен. Почти все располагалось вокруг населенных центров. Мозаика тянулся как сверкающий аккуратный, небольших размеров новый городок; Солт-Лейк-Сити — Прово спрутом обвивал его. Поездка не должна была быть длинной, так как они ехали прямо через Рено, Скип никак не мог смириться с тем, что рядом с ним сидит зануда.

— ...варварство,— говорил седой человек.— Не декаданс, а варварство. И вы — тому пример, извините за сравнение. Это не ваша вина. Вы — продукт промышленности, не школы, и даже не колледжа. А почему? — Он похлопал своего соседа по коленке.

— Потому что никому нет дела. Никакого уважения к образованию, дипломам, человеколюбию, и уверенность в том, что такие явления существуют, вряд ли выживет.

Скип вздохнул и выглянул в окно. Автобус громыал по местности, которая снова стала блаженно пустой. Сквозь пыль, поднятую ездой на воздушной подушке, Скип видел солончаковую почву, с маленькими побегамы полыни то там то сям, далекие сиренево-коричневые горы, пару канюков, парящих далеко впереди. Ему хотелось бы, чтобы окно было открытым, или, по крайней мере, со стеклами-хамелеонами — воздух был горячим и едким, накалившимся солнечными лучами... След от самолета пересек небо, потом — еще и еще. Ему хотелось бы ехать первым классом в реактивном самолете. Или в скотовозе — не менее переполненном, чем тот, в котором он ехал, но который доставил бы его быстрее.

— Вы не получали образования, вы участвовали в процессе,— говорил седой человек.

Скип подумал, уж не показать ли ему корочки колледжа Робинсона Джефферса, которые лежали у него в кармане рубашки. Нет, это может только придать ему бодрости. *Ну, может быть, бросить ему в лицо что-нибудь вроде: «Мои*

родители, сэр, насколько я понимаю, объяснили мне ситуацию правильно. Они — интеллигентные высокообразованные люди, которые задумываются, прежде чем что-нибудь сделать. Я несколько отличаюсь от них, но от этого уважения к их мыслительным способностям у меня не уменьшилось».

— Детьми они были свидетелями последнего модного радикализма и незрелости. Годами после того они слушали жалобы стареющих членов Нового поколения о том, как неблагодарно молодежь отказывается от мудрости старших. Однако поколение моих родителей было слишком занято тем, чтобы пережить курс на капитализм, слишком заняты тем, чтобы выжить интеллектуально, а иногда и физически, в школах более переполненных, более взрывоопасных с каждым проходящим годом. Сэр, как могли дети, в первую очередь, бедняков, а теперь и дети всех, за исключением очень богатых, чему-то научиться, пока не возникло свежего взгляда на эту проблему, пока любая философия образования от Платона до Скиннера не была названа научным вопросом, пока инженерный подход не выбросил за борт метафору, которую неправильно называли «психологией», и не стали применять результаты точных изысканий к человеку, как целому организму?

— Учебная машина была только началом. Затем последовали психофизиологические меры. Выражение подсознательного было аспектом, который вызвал много противоречий, но более простые и невыразительные подходы зашли глубже. Например, после этого было обнаружено, что наиболее эффективный вид положительного принуждения — награда, если можно так выразиться, ребенку за правильный ответ, скорость обучаемости и запоминания возросла до небес.

— Да, конечно, в основном, образование сегодня освободилось от колледжей, это просто другой техпроцесс. И я рад этому. Это сберегло мне годы от внутренней опустошенности, от того слишком малого, что мне было гарантировано.

— Ваша проблема, сэр, в том, что вы родились слишком поздно. Вы — профессор в эпоху, когда академическое

образование не вызывает к себе серьезного отношения. Исследователей ввели в соблазн промышленностью и государством. Редкие, гениальные, учителя от Бога ограничивают число своих дисциплин. У вас есть степень, вы оборудованы целой батареей банальностей, но никто, за исключением маленькой горсточки энтузиастов, похожих на вас, не обращает на это внимания. В общественном мнении преподаватели низведены до класса квалифицированных технических работников, вместе с ремонтными рабочими, офицерами полиции, врачами, астронавтами...

Нет. Это будет слишком жестоко. Скип довольствовался всего лишь высказыванием:

— Не спрашивайте меня, я — всего лишь бродяга.

— Тогда вы перестали бороться.

Скип пожал плечами.

— Бороться? За что?

Профессор крепко сжал губы вместе.

— Чувство, что плывешь по течению, как писал Тойнби. Зачем прилагать усилия, когда течение гонит нас неумолимо к берегу? — Он наклонился ближе. Проницательность его взгляда и резкость тона изумили Скипа. — Мы должны справиться с этой машиной, — заявил он. — Мы должны на-деяться на возрождение после темного века падения. Но не тогда, когда этот дьявольский корабль окверняет небеса.

— Гм?

— Инопланетянин. Сигманианец. Вещь из другого мира. Разве вы не видите, что хотя и не наделенная человеческим разумом машина, тем не менее, все равно продукт человеческой природы. Но это существо... это чудовище... отвратительное до неприличия, само его тело — это глумление над человеком... неисчислимая энергия, надменность Сатаны — нет, хуже, поскольку Сатана, по крайней мере, человеческий антипод — и мы из этого извлекаем пользу, в некотором отношении буквально — мы ломаем наши лучшие головы, мы тратим миллиарды долларов, которые могли бы спасти голодающих детей, — на Молох, на то, что пытаемся так извернуться, таким нечеловеческим образом, чтобы можно было бы общаться с этим Молохом на его собственном языке, оперируя его понятиями.

Профессор глубоко вздохнул. Он откинулся назад и сказал более ровно:

— О, я понимаю аргументы относительно мирных измерений Сигманианца. Я не убежден. И все же они могут быть правы. Не думаете ли вы, что это не имеет никакого значения? Сигманианец — это миниатюра конечной дегуманизации. Нет никакой разницы, умрем ли мы или станем рабами роботов и плоти и крови или двуногих карикатур Сигманианца. *Человек* исчезнет из вселенной.

— Что же вы предлагаете? — позволил себе задать вопрос Скип. — Нам следует не обращать внимания на корабль, пока пилоту не надоест и он отправится домой?

— Мы должны уничтожить его, — сказал профессор, и теперь он говорил совершенно спокойно. — Я был бы горд, нет, рад, если на его борт тайно доставят атомную бомбу и взорвут ее.

Разочарование порождает фанатиков, решил Скип.

Эта мысль пришла к нему, когда он услышал еще больший бред о корабле, чем можно было ожидать, особенно от членов низшего сословия Орто, как этот представитель. Эти замечания не произвели на него особенного впечатления, поскольку он в основном избегал обширных словоизлияний с личностями, которых он находил отчаянно скучными. А что может быть более скучно, чем класс, к которому принадлежал его сосед, как типичный представитель?

У таких людей не было таланта, чтобы стать высокооплачиваемыми менеджерами, инженерами, учеными, политиками — любыми профессионалами, которые длинным и прочным канатом удерживают цивилизацию от распада. Не могут они стать и равнозначно дорогими увеселителями, которые смазывают механизм. Они были простыми исполнителями рутинной процедуры, которые редко могут предложить нечто большее, чем монтажная схема связи компьютера с эффектором.

Без сомнения, мораль и робость удерживают их от падения в подпольный мир. Но отсутствие оригинальности, так же как и нехватка нервов, не дает им присоединиться к какой-нибудь околопланетной субструктуре, не говоря

уже об основании чего-то нового. В напыщенной манере, которая для Скипа представлялась чем-то чрезвычайно ужасным, эти владельцы магазинов, клерки, чиновные ливрейные лакеи, обладатели титулов, которые Орто еще не отменило, продолжают подражать своим хозяевам и говорят себе, что они просто необходимы.

Удивительно было то, что в других умах не было ненависти. Опрос общественного мнения говорил о том, что большинство американцев — за Сигманианца.

Гм. Насколько достоверен опрос общественного мнения в такой калейдоскопической стране, какой стала эта? А как обстоит дело с иностранными государствами? И сколько людей переменили свое мнение после трех лет отрицательных результатов? И какая это благодатная почва для демагогии.

Да, лучше мне поторопиться.

Теперь Туаса де Данаан располагались на южном берегу озера Тахоэ, которое испытывало в них острую необходимость. Толпы тех, кому не удалась попытка раньше восстановить здоровье, разъехались. Курорты и скалы, которые их привлекали, сровняли с землей после того, как местных жителей переправили на жительство в различные новые города. Выполнение этого приговора не было никогда политическим препятствием с тех пор, как Центральная Равнина Калифорнии превратилась в зловонную пустыню. Не то, чтобы трудно было снять верхний слой почвы тем, чем подвергали биodeградации свалку упаковок, где бы ты ни шел. Но почву необходимо было равномерно разбросать, удобрить, увлажнить, засадить надлежащими растениями. Когда этот быстрорастущий островок деревьев и кустарников образует лес видов, нужно будет ввести первые виды представителей дикой природы. А это только работа на берегах. А вся процедура очищения озера, чтобы избавить его от загрязнения и морских водорослей, потребует нескольких лет.

Появление туристов в лагере не приветствовалось, но те, кто обращался за работой, требовались. Слип битый час рассказывал анекдоты охраннику и заслужил возможность

пройти: «Чтобы посмотреть, не пригожусь ли я». Еще два часа фланирования по лагерю, болтовни и расспросов привели его к Роджеру Нилу, которого он знал по Мендосино.

Младший сын почетного гражданина города работал за случайный ночлег и несколько акров земли для постройки собственного дома. Его заданием было менее пасторальный ландшафт, чем у забора, где остались еще деревья, а несколько лаборантов-энтомологов занимались разведением жуков, которые нападали на вредителей растений.

Здесь на крутом рыжем склоне грохотали бульдозеры, разбрасыватели бросали грязь, грейдеры пыхтели, сотня людей толпилась и кричала, стараясь переорать шум. Шум в основном исходил от воды, где она ревела по трубам установленных на барже устройств и выливалась назад в озеро белой струей, переливающейся на солнце. Уже в некоторых местах озеро снова сверкало и переливалось, как аквамарин, а за несколько километров шрамы, спрятанные расстоянием скалы, обещали, что это когда-нибудь сможет произойти вновь.

Может, подумал Скип. Не знаю. Индия, Египет, половина Китая... о, огромные куски этой планеты — кто говорит, что Северная Америка не пошла по этой дороге и не ушла уже по ней довольно далеко? Если некоторые из нас, пусть всего несколько, могли бы начать все сызнова в новом мире...

Роджер, мускулистый, загорелый, в перепачканной рабочей одежде энергично пожал ему руку.

— Как здорово увидеться с тобой! Собираешься наняться на работу? Боюсь, что у нас не получится еще одна Варфоломеевская ночь — тут нет девочек — но уик-энд в Хэнгтауне на днях тоже из ряда вон выходящее. Чем ты занимался, забодай тебя комар? Могу поспорить, у тебя накопилось миллион анекдотов, а с тобой произошло множество приключений. Могу поспорить, что правдой окажется целых четыре из них.

Скип ухмыльнулся. Он первый раз встретился с Роджем, когда в пятнадцать лет его хроническая непоседливость привела его на временную работу летом на ферме. Он

обнаружил, что почетный гражданин города придерживается пуританских правил. Они и были фактически представителями еще одного утопического движения, которое старалось восстановить независимых патриархальных йоменов на базе современной агрономии, дешевого и сложного оборудования, обилия электричества, простой электронной связи с внешним миром. Варфоломеевская ночь призвала все способности Скипа, все его полководческое искусство и изобретательность, чтобы все устроить. Никто из взрослых так никогда и не узнал об этом, его принимали радушно колонисты Мендосино по-прежнему, и он всегда мог сделать для них трудную работу за медяки.

— Пять, — сказал он. — Ты забыл историю о нормальной жизни. Что ты хочешь сказать, тут нет девочек? А дикие, обаятельные женщины Киперов (Охранников) — где твоя инициатива?

— Этот проект требует слишком большой продовольственный паек для вспомогательных кадров. Слишком большая конкуренция. Хэнгтаун проще. Я бы сказал, однако, в ночи фиесты наблюдать этих сирен, танцующих среди костров... уа! Я бы остался в лагере из-за этого.

Скип кивнул, вспоминая время, которое он провел среди племени Терранс. Киперы, все время консервативные и старающиеся возродить традиции, при необходимости могли жить в мобильных домах; человек дела хотел иметь вокруг себя свою семью в те месяцы и годы, когда они занимались работой; и дети могли получать свое формальное образование при помощи двухсторонних экранов с одновременной передачей программ. Кочевые сообщества могли таким образом теснее общаться, они могли внезапно появиться, что они и делали артистически, почти религиозно, как самую важную работу на Земле, они развивали свои особенные народные обычаи, да, все почти совсем естественно. Но Скип подозревал, что эти цыганские мотивы, празднества, где церемониальность и веселость текли вместе, заунывные песни, разноцветные одеяния... разве их возникновение не было несколько искусственным? Дополнительный стимул для помощи со стороны?

Не важно. Ему там нравилось.

— Мне не нужно место, Родж,— сказал он.— Мне бы хотелось поговорить, когда ты освободишься.

— Конечно. Переночуй. Еда — нормальная. Я выпишу тебе пропуск. Ты можешь расположиться на ночь на лежанке на полу в моем доме или на земле, если ты предпочитаешь. Мои друзья будут в восторге.

Скип не навязывал никому своего общества до пяти тридцати, пока не последовал свисток. Помощники Киперов не имели возражений против сорокачасовой рабочей недели. Плата за переработку приветствовалась, когда особенно в лагере не приходилось ничего делать, как только зарабатывать дополнительные деньги.

Он объяснил причину своего появления. У Роджа не было прямого доступа к начальнику Кео, но у его мастера был пропуск. Скип провел вечер, покоряя мастера, что было не слишком трудно. Парень только что приехал с Аляски, где бродят не часто встретишь, поэтому для него шуточные песенки обладали сильным обаянием. Он с радостью назначил встречу от имени Скипа, «чтобы поговорить об идее, которая может оказаться полезной».

Даниел Кео, располагающийся в соседней комнате, был совершенно не таким человеком. Он видел сотни подобных посетителей. Его учтивость граничила с грубостью.

— Усаживайтесь, мистер Вейберн. Боюсь, что не смогу уделить вам много времени.

Скип развалился на складном стуле, похожем на самого Кео с его громадным костяком. Работая или нет, начальник носил брюки с бахромой, вышитую рубашку, красный кушак и берет, серебряные украшения на шее и запястьях. Его жена и дочери, порхающие туда-сюда по жилищу, похожему на дирижабль, были еще более яркими. Последние бросали на Скипа такие взгляды, что ему захотелось, чтобы он смог бы тут остаться. Вокруг зеленые сосны высоко уходили в небо. Бабочка кружила по сладко пахнущим пятнистым от солнца теням, свистела птица, белка рыжей стрелой метнулась по стволу. Вдалеке доносился шум механизмов, которые предназначались для того, чтобы возродить все это.

— Полагаю, что сперва мне нужно убедить вас, сэр.

Кео попыхивал трубкой и ждал.

— Я хочу встретиться с Президентом Браверманом, — сказал Скип. — Или Комиссаром Учидой, или с кем-нибудь такого же ранга, с кем-то, обладающим полномочиями.

Брови Кео поднялись на морщинистом, бронзовом от загара лице.

— Как я могу помочь тебе?

— Рекомендовав меня нужным людям, сэр. Видите ли, я сомневаюсь, есть ли в этой стране кто-то, кто находится в десяти шагах от верхушки. Или даже меньше. Как я знаю, например, у моего отца есть знакомые члены комитета Народной Партии, которые должны быть вась-вась с нашими сенаторами, которые пользуются благосклонным вниманием Президента. Что-то в этом роде.

Кео погладил бороду.

— Тогда почему бы тебе не попросить своего отца?

— Я бы мог. Но только, чтобы продублировать, просто чтобы немножко оказать давление. Политики имеют тенденцию считать меня тронутым, и они очень хорошо обучены, как избавляться от ненормальных — просто необходимость по Дарвину.

Кео хихикнул, что ободрило Скипа. Тем не менее он достаточно нервничал, и, едва осознавая, он вынул блокнот и карандаш из кармана рубашки и начал рисовать, пока говорил.

— Они прислушались бы к уважаемому ученому или инженеру. И именно такие люди больше всего склонны выслушать меня. А вы, сэр, знаете многих таких. Пожалуйста, помогите. Это срочно. Не для меня. Мне все равно, кто донесет мое послание, лишь бы он сделал это правильно. Это важно для всего человечества.

Кео прикрыл глаза.

— Я знаю, — сказал Скип. — Безбородый мальчик собирается спасти мир. Неужели чудачки в основном старше? Все, что я хочу — это дать влиятельным лицам идею, которая им не приходила в голову. Если я напишу в Вашингтон, вы понимаете, я получу формальный ответ в письменном виде с благодарностями за мой интерес к

демократии. Но если вы расскажете кому-то влиятельному, тому, кого уважают, и кто уважает вас, что вы думаете, что меня стоит выслушать. И тогда уж дело пойдет.

— Что ты там рисуешь? — резко спросил Кео.

— А? О... ничего. Я полагаю, то, что вы делаете тут, вдохновило меня на это.— Скип передал рисунок. Несколькими штрихами была изображена степь, на заднем плане — горящий город, на переднем плане — несколько монголов на конях во времена Чингисхана. Они с некоторым страхом смотрели на своего предводителя, который в ярости указывал на одинокую травинку, вопрошая: «Кто ответит за это?»

Скип не думал, что такая безобидная шутка вызовет такой вулканический взрыв хохота.

— О'кей, — сказал Кео. — Ты заслужил пять минут.

Когда они кончились, он сказал:

— Валяй дальше.

Через час он вскочил на ноги.

— Ты, возможно, вовсе не прав, — проревел он, — но чего терять-то? Захватить всю галактику! Конечно, я с тобой дружу, парень. Я устрою тебе транспортировку. И если даже ты неправ, и если тебе больше ничего не придется сделать в жизни, ничего стоящего, запомни, что ты дал старому Дэну Кео час надежды для его внуков!

Глава четвертая

За энергетическим покрывалом был короткий трубообразный коридор, оборудованный странными выступами, которые могли служить в качестве поручней. Ивон воспользовалась ими, чтобы продвинуться вперед. Коридор, как и помещение, в которое он вел, был отделан каким-то неизвестным материалом, гладким, слегка пружинящим, цвет которого переливался и кружился в медленном замысловатом танце, который мог зачаровывать почти до транса, если за ним наблюдать. Веще-

ство также обеспечивало достаточное нейтральное освещение.

Из коридора Ивон вошла в полусферическую камеру радиусом около тридцати метров. Она также была снабжена поручнями, на которые удачливые земляне повесили спальные принадлежности, фотокамеры, портативные наборы для анализов и другие приспособления во время своих визитов, так, что естественная гармония утонула в беспорядке. Во все это вклинивался параболоид, оставляя расстояние максимум четыре метра между секциями.

Это было похоже на веранду, выступающую из тех помещений, которые располагались сзади. Оно было прозрачным, и с первого взгляда выполнено как одно целое. Время от времени эта целостность нарушалась, когда Сигманианец передавал биологические образцы в стеклянных контейнерах через односторонний силовой экран. Пришелец не принимал предлагаемые земные образцы, просто не обращая на них внимания, и за последние дни больше не делал никаких даров, как раньше.

Свет внутри купола был желто-оранжевого оттенка и более интенсивный, чем на Земле. Атмосфера тоже отличалась от той, что была в «комнатах для гостей». Сигманианец был вынужден оставаться закупоренным, как в бутылке. Состав атмосферы был приблизительно такой же, как и на Земле в дождливый день, но в два раза плотнее. Барометры показывали тропическую температуру, изменяющуюся, но в среднем не превышающую 33° С. Как эти факты согласовывались с гипотезой, что планета, откуда происходил корабль, была меньше, чем планета людей, никто не был уверен, и каждый горел желанием узнать.

Точно так же было неясно, почему в куполе было столько всего — и не только трехмерная решетка с фиксированными объектами (в основном съемными, часто двигающимися или меняющимися по форме, как будто сами по себе, совершенно непонятными человеку, за исключением того, что они были приятны для глаза), но и сотни видов, тысячи цветов растений (сине-зеленые листья, похожие на папоротник, утонченные, если не сказать пре-

красные), которые, вероятно, выросли из определенных звеньев решетки. Чтобы обновить кислород? Но у людей есть более эффективные способы, чем этот. Какой-то неслыханный символизм? Хобби, чтобы скрасить одиночество? Предмет культового поклонения? Ученые прокляли их красоту. Она отвлекала их от более тщательного изучения, и они не могли видеть больше, чем несколько метров за внутренней стеной.

Сигманианец редко показывался до того, как его гости не раздевались и не складывали свой багаж. Ивон справилась с этим быстро. Она очень быстро освоилась в невесомости. Может быть, она и была «синим чулком», но кроме всего прочего, она была хорошим пловцом и яростным игроком в теннис.

Воздух был комфортно-теплым. В нем был какой-то легкий пряный аромат. Крайний покой — вентиляция без насосов — это еще один трюк, который человечество тоже хотело бы перенять — добавлялся к сюрреалистическому чувству полета. Ивон подавила в себе желание позволить себе удовольствие сделать акробатический трюк так же непреклонно, как она подавила желание выкурить сигарету. Было полно работы. Она проверила камеры и записывающую аппаратуру. Без сомнения, в записях содержалось не больше интересного, чем раньше.

Проклятье! Не может быть, чтобы Сигманианец все время был занят увесилительными поездками по нашей планетарной системе! Этот корабль должен полностью управляться автоматически, ведь наши корабли имеют автоматическое управление. Я не могу представить создание, которое избегает изучения планет, хотя бы просто чтоб разнообразить себе существование. Я даже не могу подумать, что ему безразлично, что мы тут находимся больше времени, чем положено. Но почему он не подойдет к камере и не попробует пообщаться? Не укажет на рисунок, или фотографию, или на что-нибудь другое, не издаст звука, не напишет слова? Знает Бог, сколько наши люди пытались. Они указывали на своего товарища и говорили: «Человек». Они рисовали диаграммы солнечной системы, периодическую таблицу элементов, молекулу воды. Он не реагировал никак.

Я думаю, что предположение о том, что Сигманианец отказывается от наших образцов, потому что он уже знает о них все, верно. Возможно, они для него опасны. (Хотя мы, приняв тщательно продуманные предосторожности, нашли, что опасаться нечего. Как может жизнь, использующая правоспиральные аминокислоты и левоспиральные — сахара, поглотить нас, не говоря уж о том, чтобы заражать нас?) Более правдоподобна идея о том, что это не первый визит Сигманианца. Большой путь развития должен лежать за кораблем, таким же совершенным, как этот, и Солнце — среди их ближайших звезд. Возможно, они проводили научные исследования десять тысяч лет назад. Или одну тысячу лет назад, у нас нет достоверных сведений. Возможно, радиопомехи с Земли привлекли их внимание, а наш гость — антрополог, изучающий культуры.

Тогда почему его действия так не похожи на это?

И наоборот, если он совершенно не питает к нам никакого интереса, почему же он тогда принимает нас?

Мысли, текущие ровно от постоянного повторения, роились в голове у Ивон, как мотив, от которого ей не удавалось отделаться. Она должна хорошо сконцентрироваться на своей рутинной работе. Но, когда она наконец сложила свой набор приборов, укрепив их на куполе с помощью присосок, а себя поместила в алюминиевую раму, крепящуюся таким же образом, — тогда к ней пришли новые идеи, и она задрожала от нетерпения.

Сигманианец выходил.

Никакие честные старания не смогли ее уберечь от легкой тошноты при его виде. Многие люди, которые видели это зрелище по телевизору, тоже чувствовали тошноту, а некоторых просто рвало. «Мы, наверное, кажемся ему такими же ужасными, как он кажется нам», — стало поговоркой, или же: «Это должно показать нам, как мизерны различия между мыслящими существами на самом деле». Однако сторонников этому нашлось немного.

Сатирик описал существо как гибрид между слизнем и сосновой шишкой. Эта фраза произвела впечатление. Около трех метров длиной, ста тридцати сантиметров шириной тело было в форме эластичного эллипсоида, покрытого

прямоугольными коричневыми пластинами, отливающими золотом. Последние были расположены независимо друг от друга на мускулистых ножках в трех различных плоскостях так, что снаружи они виделись как будто перевернутыми. Когда Сигманианец растягивался, камеры время от времени регистрировали изображение внутреннего тела, защищенного таким образом,— губчатой черной массы.

Симметрия поддерживалась четырьмя короткими и толстыми покрытыми чешуей подпорками почти что на середине его живота, дискообразными перепончатыми лапами и парой рук с каждого конца. Поскольку у Сигманианца нельзя было понять, где хвост, а где — нос, он двигался и работал легко как «вперед», так и «назад». У каждой руки был плечевой сустав, локоть и запястье, но на том сходство с человеческой кончалось. Твердый коричневый состав покрывал ее, как панцирь краба. На конце также смутно похожие на крабы были четыре мандибулы, режущие и трущиеся поверхности которых работали напротив друг друга. Проводились наблюдения за тем, как ест Сигманианец. Лапы месили то, что должно было быть пищей, а потом держали массу над губкообразной поверхностью, которая окружала эти лапы. Там, очевидно, сильные пищеварительные соки разрушали массу до тех пор, пока она не была полностью впитана над плечами.

Лапы, в свою очередь, были попарно окружены шестью липкими короткими щупальцами. Они были прекрасными пальцами, но человеку напоминали клубок змей.

Из-под брони то тут, то там по всему телу располагались убирающиеся щупальца, похожие на усики бабочки. Предположительно, они служили сенсорами, но, кроме безошибочно определяемых глаз, их функции оставались неясными.

Пластинки панциря все время блестели не просто от влажности, но и от капель слизи, которые, как предполагалось, должны были быть экскрементами.

Ивон сдерживала свое отвращение достаточно неплохо.

— Привет,— сказала она. Ее улыбка, она знала, была совершенно бесполезной.

Масса протиснулась через решетку, пока два из ее темных глаза на ножках не уставились прямо ей в глаза. Туман клубился позади, водяные капли проступали на листьях, капали и танцевали среди них, как крошечные звездочки.

Сигманианец загудел. Как будто звук проходил через купол. Автоматически стали записываться фонограммы. Ивон подумала, сколько тысяч человеко-часов будет затрачено на него. Она и сама внесла немалый вклад в это.

Перед ней располагалась консольная конструкция, от которой бежал провод назад к звуковому синтезатору, который был там установлен. Он мог репродуцировать элементы речи Сигманианца, если эти шумы были речью в любых сочетаниях. На этот раз синтезатор не ответил Сигманианцу, и, казалось, он хотел как можно скорее заставить Сигманианца убраться восвояси.

Ивон освежила свою память, взглянув на свои записи, приколотые к пульта управления, и нажала на первую фразу, которую она планировала. Раздался звук струны, резкий дребезжащий бас с одновременным щебетаньем и свистом.

Сработает ли это? У нее сильно забилося сердце.

Глаза на ножках Сигманианца остались неподвижными.

Ивон проиграла вторую фразу. Широко раздвинулись лапы. Создание показывало большую реакцию, чем в предыдущих попытках. Ивон подождала, пока звуки утихнут. Она вытащила из своих бумаг, приколотых к пульта управления, первую серию фотографий и рисунков. На них был изображен обнаженный человек. Она проиграла фразу снова.

Небольшая вариация этой фразы сопровождала рисунков женщины. Третья вариация была связана со смешанной группой. Сигманианец выпускал свои щупальца одно за другим. Неужели он наконец-то понял замысел? Понял ли он, что она предлагала ему слова «человек — мужчина», «человек — женщина», «люди»?

Сигманианец издал звук, похожий на вибрирующее «р», и удалился. Ивон ждала, голова у нее кружилась. Сигмани-

анец быстро вернулся, таща небольшой круглый предмет. *Проектор!* пронеслось у Ивон в голове. *О Господи, Господи, он не приносил его более двух лет!*

В воздухе возникли трехпространственные разноцветные переплетающиеся друг с другом формы, кривые, прямые линии. Они подвергались изменениям, сложным и красивым, как бегущая вода. Тем временем Сигманианец пыхтел и ревел, махал щупальцами, как в балете, и выдал тонкую струю желтой жидкости.

Ивон покачала головой. Разочарование было подобно удару в солнечное сплетение.

— Я не понимаю,— произнесла она пересохшими губами.

Сигманианец остановился. Наступило напряженное молчание. И тогда, убрав большинство из своих щупалец, он отрегулировал проектор на красную полосу, конец со стрелкой которой указывал на него самого. Он подождал. Она взяла аккорд. Сигманианец повторил его. Полоска указывала теперь на нее. Она дала ему прослушать звуки, которые соответствовали слову «женщина», и услышала, как он их повторил.

На секунду она потеряла сознание. Она очнулась от этого полубоморочного состояния, слабо всхлипывая, но торжествуя. Спустя три года чужеземец был готов помочь создать общий язык.

Ивон обернулась, когда всплыл скафандр ее товарища по команде. *Черт побери!* — была ее первая реакция. В пылу своих достижений она почти позабыла, что Вань Ли должен был присоединиться к ней. Тогда она поняла, что дрожит от напряжения, а пот, который промочил ее одежду, давал запах, которого нельзя было ожидать от женщины.

Может быть, Сигманианцу тоже был нужен перерыв. Он зажал оптический проектор между двумя стойками, которые поднимались с палубы точными спиралями, и поплыл в цветы. Тотчас же листья начали дрожать и хрустеть, он задел их, как часто это делал.

Ивон не стала раздумывать, для чего он это делает.

Дрожащими пальцами она собирала свои записи. Она подошла к магнитофону, на котором были записаны звуки, и стала нажимать клавиши, проектируя на экран последовательные фонограммы слов.

— Добрый день, доктор Кантер.

Ее рабочий порыв утих. Она не могла сдержаться даже перед человеком, которого она недолюбливала. Он снял скафандр и теперь висел рядом с ней, слегка держась за поручень. Она обняла его, чуть не свалив с ног, и прокричала ему в ухо:

— У меня получилось! Мы победили! У нас есть ключ!

— Что? — Его обычная невозмутимость пропала до степени открытого рта и расширившихся от изумления глаз. — Вы уверены?

Она отпустила его.

— Десять слов за этот последний час, — весело сказала она. — Мы повторяли их снова и снова, еще раз удостоверюсь, что тут нет ошибки. Смотрите, нет слушайте, я еще раз прокручу пленки, а вы можете посмотреть в мои записи и фонограммы — вот рисунки различных людей, цветов, одежд, зда... сам Сигманианец не сможет их перепутать... и я каждый раз получала одинаковый набор звуков при показе рисунка «человек — мужчина». — Пульт управления выпал у нее из рук и уплыл вне досягаемости.

Вань вернул его. Он остался там, где был, перелистывая страницы записей, сосредоточенно хмурясь. *Возможно, он такой же холодный, как рыба, думала Ивон, успокаиваясь. Если бы он был более компанейский... я бы могла... сделать что-нибудь. И мы бы провели этот длинный рейс, обдумывая все, используя каждую клеточку мозга, которая у нас есть.*

Она посмотрела на него изучающе. Он был из Северного Китая, следовательно, выше нее, хотя и хрупкого телосложения. Чисто выбрит, по обычаям своей страны, его лицо было широкоскулым с выразительным носом под высоким лбом и короткими седыми волосами. Независимо от того, находился ли он в служебной обстановке или на отдыхе, он оставался прямым, как аршин проглотил, в шерстяном тускло-коричневом, похожем на военный, кос-

тюме, обычно распространенном среди официальных лиц в Народной Республике, потому что он не просто был только профессором Пекинского Университета. Правительство субсидировало его исследования, которые были названы «лингвотерапией» в основном из-за того, что результаты могли бы помочь больше в изучении наречий жителей Тибета и Монголии и других национальных меньшинств, чем для лечения душевных заболеваний. (Она не могла не признать, что сам-то он имел намерения преуспеть в последнем.)

— Удивительно, если это на самом деле,— сказал он наконец. Он свободно владел английским, акцент у него был слабо заметным.— Я, конечно, не хотел вас обидеть. Но ведь и в прошлом у нас были несбыточные надежды. Сигманианец, по всей видимости, хотел бы с нами сотрудничать, а потом уходил и скрывался по нескольку часов и, таким образом, отбрасывал нас назад на несколько дней.

— Точно,— отвечала Ивон.— Но мы общались с ним целый час. И в первый раз, как я уже говорила, результаты воспроизводимы. Он принимал каждое слово, которое я предлагала ему в ассоциации с чем-нибудь, и повторял это слово в следующий раз, когда я указывала на картинку. До этого все время он пытался научить нас своим словам, но очень быстро исчезал, когда мы проигрывали фонограммы. И наши попытки установить речевой или визуальный коды имели еще более печальные результаты. Я вам скажу теперь — погодите! Он возвращается! Вы все сможете увидеть сами!

Сигманианец притащил переливающийся цветами радуги яйцообразный предмет, который он укрепил к стойке рядом со стеной купола.

— Я уже видел это,— сказал Вань.— Во всяком случае когда-то. Я полагаю, что это записывающее устройство.

— Наверняка. Он готов попытаться войти с нами в контакт. Но теперь, когда он понял, что мы сможем найти общий язык, естественно, ему понадобилось сделать некоторые записи.

Ивон и Сигманианец приступили к работе. Вань Ли завис без движений, наблюдая. Камеры не записали ничего

впечатляющего — просто обмен звуками, женщина показывала картинки, существо выдавало узнаваемым копии (как живопись Давида могла бы быть опознана в манере Ван Гога) — то, что происходило, было слишком великим, чтобы быть эффектным.

В течение еще двух часов Сигманианец, очевидно, получил достаточно информации и скрылся. Ивон не возражала. Она чувствовала себя как выжатый лимон. Войдя в санитарную камеру, она разделась, вымылась губкой и надела чистую одежду. Появившись, она обнаружила, что Вань достал припасы и начал их разогревать на конфорке. У него уже была приготовлена бутылка с кофе под давлением, для нее.

— Благодарю. — Кофе согрел ее, и она расслабилась. Она прикрепила свое тело ремнем на месте и вытянулась.

— Жаль, что у нас нет шампанского, — сказал он, слегка улыбаясь.

— О, я редко пью. Мне бы больше хотелось покурить, я имею в виду табак, не марихуану.

— В этом отношении мы похожи. — Взгляд Вань безотрывно следовал за ней. — Не хотите ли объяснить свои достижения? Действительно, кажется, что вы добились успехов, и я от всего сердца приношу свои скромные поздравления.

Где-то в глубине ничто человеческое ему не чуждо. Может быть, эта мысль вместе с триумфом и с необходимостью раскрыться заставили ее стать к нему более расположенной, ведь более благоприятного случая у них не было. И они были, в конце концов, одни в этом странном тихом помещении.

— Конечно, — она глотнула. — Только... ну, я устала, и в голове у меня все перепуталось. Могу я рассказать вам все на уровне детского сада, несмотря на то, что это вам известно не хуже, чем собственное имя?

— Возможно, так будет лучше всего. Это приоткроет перспективы и выделит из неразберихи данных то, что будет важно. Ваш полный отчет о событиях, возможно, будет для меня не так уж и просто понять.

Слова полились из нее, как будто она была опьянена.

— Может быть, и нет. Вы помните, что до этого проек-

та я занималась исследованиями в математической семантике, хотя я защитила докторскую диссертацию по сравнительной лингвистике. Я использовала много математических приемов.

— Каково положение дел? Сигманианец не может воспроизводить человеческие звуки; свои собственные звуки он издает чем-то вроде вибраций в полости, соответствующей человеческому среднему уху. Мы тоже не можем воспроизвести своим речевым аппаратом звуки сигманианской речи. То есть, мы можем с помощью синтезатора, но это невероятно трудно. Десять пальцев,двигающихся через электромагнитные поля, предположительно генерируют высокоточную версию языка, который использует множество частот и амплитуд одновременно.

— Не имея соответствующего инструмента — и я думаю теперь, я знаю, почему Сигманианец предпринял попытки сначала обучить людей своему языку. Эти звуки, эти непостижимые, тем не менее прекрасные рисунки, но что они представляют... мы так и не сумели понять. Я имею в виду, ни одна из наших бригад исследователей не смогла, конечно, меня тут не было с самого начала. Мы пытались показывать предметы и картинки сами. Сигманианец производил какие-то звуки, которые казались нам шумом. Мы записали фонограммы этого шума, пропустили его через синтезатор и попытались беспорядочно комбинировать элементы, чтобы достичь большей абстрактности. «Человек» и «Сигманианец» вместе равняется «разумным существам» — что-то в этом роде. Сигманианец быстренько уходил в свое внутреннее помещение.

— Мы догадывались, что его язык может быть настолько безнадежно индивидуален, что наши комбинации не несли никакого смысла. На самом же деле я все время чувствовала, что идея Фуенте правильная. Язык Сигманианца только отчасти выражается звуками. Поза, жесты, а возможно, и запахи, которые он издает, могут быть даже более важными. Следовательно, контакт может быть чрезвычайно тонким и комплексным делом. Он может быть нелинейным, он может включать концепции одновременно такие, которые мы, люди, используем по отдельности,

он может оперировать со всем многообразием аспектов реальности, которые мы в настоящее время используем только частично. Исследования биологических образцов на клеточном уровне намекают на что-то подобное.

— Ну, если мы не можем научиться говорить по-сигманиански, нельзя ли подойти к этому вопросу с противоположной стороны? Мы старались построить искусственный язык на основании всего изложенного, такой, который мы смогли бы синтезировать и произносить, а обе стороны бы смогли постичь. Результаты, полученные в этой попытке, были еще хуже. Вы понимаете, что за три года люди были на борту космического корабля в общей сложности девятью восемью днями?

— Я слежу за этим, — сказал Вань. — О, я полагаю, обед уже готов.

Ивон вздохнула.

— У меня действительно была причина для таких странненьких рассуждений. Это было ваше предложение, чтобы я обратила внимание на те вопросы, которые волнуют мой ум. Или не стоило этого делать? Возможно, я слишком счастлива.

— Пожалуйста, говорите, что сочтете нужным, — Вань рассеял ее сомнения. Чтобы облегчить работу, еда была стандартная. «Сегодня» у них двоих было филе рыбы, вареный рис и лук (в пакетах под давлением), «бок чой» (упакованный вместе с тарелкой) и печенье. Они едва ли замечали, что едят.

— То, что я сделала, трудно облечь в слова, — сказала Ивон. — Это включало различные виды статистического анализа данных, какие только можно вообразить. Если бы у меня не было первоочередного доступа к компьютеру, я бы все еще толкалась на месте.

— Да, другие тоже так и делают. Но никто из этих людей не показал, что хоть одна из обнаруженных или лингвистических единиц представляет интерес. Вспомните, имея определенный набор цифр, можно сконструировать буквенное множество функций, относящихся к ним. Я использовал некоторые результаты моих ранних работ по лингвистике человека, особенно теорему, которой я почти

что горжусь. (Это позволило мне сделать количественные предсказания последователей определенных гипотез, которые пришли мне в голову.)

Она перестала жевать. Вань продолжал есть как ни в чем не бывало.

— Хорошо, я представлю вам результаты, — сказала Ивон. — Сначала я смогу показать, что мы слишком торопились. Частота, с которой зарегистрированы идентифицируемые комбинации речи Сигманианца, почти наполовину меньше частоты средней человеческой речи, независимо от языка. Возможно, он думает медленнее или глубже, чем мы. Но даже если я и ошибаюсь в этом, наша относительная машинная болтовня должна быть, во всяком случае, путаная и вызывает раздражение. Путаницу он еще мог терпеть, раздражение же — нет. На самом же деле, я подозреваю, мы причиняли ему настоящую боль.

Рука Вань замерла на полпути ко рту.

Ивон кивнула.

— Люди вашей национальности слышат английский язык как непонятное стаккато, моей — слышат китайский как песенный мотив на высоких тонах, — сказала она. — Не слишком приятно, пока не привыкнешь. Наша музыка — более наглядный пример. Действительно, мне нравятся некоторые произведения китайской музыки, как вы, возможно, получаете удовольствие от любимого мною Бетховена, но для многих моих соотечественников такой концерт будет сплошным мучением. Хотя нам не нужно выходить за рамки одного общества. Я нахожу современную популярную американскую музыку просто банальной. Но я слушала записи, скажем, пятидесятилетней давности. Просидеть целый вечер, слушая эту ерунду, для меня было просто пыткой.

— Я начинаю понимать, что Сигманианец просто не мог вынести наших неловких попыток воспроизвести его звуки.

— И именно поэтому, я думаю, он не принес синтезатора. Продолжительная человеческая речь для него была непереносима. Попытки общения с помощью визуальных символов провалились по тем же причинам. Наши рисун-

ки, наш алфавит слишком безобразны, возможно, слишком угловаты. Может быть, нам стоит попытаться воспользоваться китайскими иероглифами.

Вань хмурился, дожевывая кусок, на котором его прервали.

— Сможет ли такая чрезвычайно чувствительная личность пересечь межзвездное пространство?

— Мы не знаем его психологии. Предположите только, что он, пытаясь говорить с нами, стал бы издавать звуки, похожие на звук железа по стеклу — или еще какие-нибудь ультразвуки, вызывающие у нас реакцию страха. Не многие люди смогли бы выдержать это.

— Я согласна, что у вас хорошая точка зрения, профессор Вань, настолько хорошая, что никому, кроме меня, в голову не пришло, что она может быть неверной. О, конечно, дело могло и не дойти до настоящей боли. Как я уже говорила раньше, все неприятности — из-за раздражения. Сигманианец постоянно испытывал раздражение, потому что мы продолжали производить такую ужасную какофонию звуков.

— Поэтому я вернулась к пленкам и фонограммам и проанализировала их с музыкальной точки зрения.

— Интонация? — тут же спросил Вань.

Ивон рассмеялась.

— Я не уверена. Принципиально, что я обнаружила — это взаимосвязи, которые подобны тем, что управляют нашими гаммами и ключами (тональностью?). Более того, там есть взаимосвязь между качеством тонов — некоторые встречаются вместе, некоторые — нет, и, конечно, переходы между ними. Это невообразимо сложно. Я сомневаюсь, что мне удалось выудить из всего больше, чем какую-то небольшую часть.

— Но я смогла увидеть, что мы делали неправильно. Мы могли записать фразу и проиграть ее с высокой точностью воспроизведения. Однако сигманианская грамматика не оперирует добавлением одной фразы к другой, не так как в полифлексийных языках, таких как латынь. Кроме того, мой метод безнадежно медленный и трудный. Позже мы пытались создать искусственную речь с помощью синтеза-

тора, который воспроизводил звуки речи Сигманианца. Только мы перепутали все взаимосвязи. Эффект был отрицательный — такой же раздражающий и довольно болезненный, как если бы человек, лишенный музыкального слуха, начал бы петь. А возможно, и еще хуже.

— То, что я делала — было началом. Компьютер помог мне сконструировать разговорный язык, который подчиняется основным правилам музыкальной гармонии, но не слишком сложный для воспроизведения синтезатором. И это не могло быть безнадежно плохо... потому что Сигманианец пытается ему научиться!

Вань долгое время сидел молча, затем кивнул.

— Действительно, удивительно. — Его улыбка была похожа на вымученный оскал. Ну, несомненно он чувствовал определенную зависть, конечно, от лица своей страны, а не от себя лично.

— О, я предчувствовала, — призналась Ивон. — Это очень ново. То, что у меня есть — не больше сотни существительных, глаголов и прилагательных, которые можно определить при помощи иллюстраций. Я начерно набросала грубую грамматику, самую простую и наименее двусмысленную, какую я только могла изобрести сразу же. Она — позиционная, как в английском или китайском. Настолько, что только окончания указывают на множественное число. Я думаю, они нам потребуются и для грамматических времен тоже, а может, и нет. Возможно, в сигманианском языке такие же временные концепции, как в языке Гоби. Нам придется узнать это самим. Но ведь у нас получилось!

Скоро был составлен словарь наиболее употребительных слов и сконструировано несколько предложений. С этим дело пошло не так хорошо. Возможно, в сигманианском языке нет того, что точно бы соответствовало предложениям. Однако ближе к концу существо проецировало свои сверхъестественные рисунки в действии и подбирало слова к нарисованным действиям. «Человек идет. Люди идут. Сигманианец идет. Люди и сигманианцы идут.

Планета вращается. Планета крутится. Голубая планета вращается. Зеленая планета вращается. Голубая и зеленые планеты крутятся и вращаются».

Вань наблюдал, изучал ее записи, время от времени подавал советы, в основном держась на заднем плане.

На третий день Сигманианец прогнал землян. Сигналом к тому послужила нотная трель. После того как она прозвучала два раза, когда последовало постепенное, но неумолимое падение давления воздуха, люди поняли, что он хочет.

— Честно говоря, мне вовсе не жаль, — сказала Ивон. — Я подозреваю, он хочет отдохнуть и поразмышлять. Да и я сама смогу воспользоваться отпуском.

— Вы его заслужили, — равнодушно сказал Вань.

Когда последовал красный мигающий сигнал, их космические корабли покинули Сигманианца. Ивон собрала записи — пленки, кинопленки, кассеты, ролики из хаоса научных инструментов потому, что была очередь американцев это делать. Это правило казалось ей смешным, поскольку все данные сканировались прямо в общие банки данных, но его придерживались.

Или же «смешное» не то слово? — моментально пронеслось у нее в голове, несмотря на приподнятое настроение. Предосторожности сами по себе ничего не значили. Однако, интересно, как символ анахронизма, который смертельно опасен в эру, когда человек может взорвать всю планету.

Глава пятая

За письменным столом, который казался слишком широким и гладким для Вань Ли, как воронка от термоядерной бомбы, генерал Чьжу Юань привстал со стула.

— И вы даже не потребовали немедленной передачи ее расчетов? — воскликнул он.

Вань склонил голову.

— Нет, товарищ генерал,— сказал он в отчаянье.— Это... мне в голову не пришло. Она пообещала выслать материалы мне скоро. Но они находятся у нее в квартире, где у нее есть лаборатория, и... без сомнения, ее начальство продержит ее на базе некоторое время... и журналисты, принимая во внимание, какими сенсационными могут быть эти новости...

— Правильно,— тон Чьжу был неумолимым. Его широкое лицо редко выражало какие-то чувства, но сейчас он хмурился и барабанил пальцами по крышке стола. Его плечи, одетые в мундир, загораживали Ваню большую часть окна. Синий летний воздух Земли, вид отчаянно зеленых деревьев и вздымающаяся ввысь арка крыши храма на Холме Торжеств неясно вырисовывались вдалеке. Ветер с моря, ворвавшийся в город, потерял свою свежесть и не приносил покоя из-за бесконечного шума пекинского транспорта.

Несмотря на шум, в кабинете воцарилась напряженная тишина. Кабинет был голым, за исключением владельца — нет, и с владельцем тоже — он был голым и скучным. На стене справа висел портрет Ленина, слева — Мао. Вань почувствовал, что их глаза и глаза с портрета Председателя Сунь за его спиной были устремлены на него.

Чего я боюсь? Я — патриот, они знают об этом, они доверяют мне... Публичного унижения? Нет, и я не должен думать о признании собственной ошибки и об ее исправлении перед лицом товарищей как об «унижении». Может быть, я слишком долго пробыл на Западе? Вдруг вирус Запада вошел в мою кровь, и его нужно изгнать оттуда, подумал Вань о причине своей дрожи. Они могут отозвать его из Сигманианского проекта как раз в тот момент, когда он стал распускаться, как бутон весной.

— Катастрофа, эти новости передают по радио с подачи Кантер,— сказал Чьжу.— Неужели вы не могли посоветовать ей быть более осторожной, пока не выяснятся все «за» и «против»?

— Я совершенно не думал об этом иначе, как о счастли-
вом случае, товарищ генерал.— Вдохновенно: — Предсе-

датель Сунь неоднократно инструктировал нас, что развитое общество, как то, откуда явился наш гость, может быть только антиимпериалистическим, и предполагает правильный образ мыслей.

— Да-да.— Чьжу на мгновенье замер на месте.— Хорошо, когда вы ожидаете получить материалы Кантер?

— Боюсь, не раньше чем через несколько дней. Она сказала, что они разрозненные и в значительной степени с ее авторскими сокращениями, и она напишет официальный отчет.

— Еще одна приятная неожиданность! И если тогда американцы разрешат ей передать его нам — предать гласности по всем миру — представят ли они полный и достоверный отчет?

— А почему бы и нет? — спросил Вань, почти вздрогнув от беспокойства.

— Товарищ профессор, вы были за границей больше, чем все остальные, у вас есть корреспонденты в иностранных государствах, у вас есть свободный доступ к иностранным публикациям и программам.— Чьжу пролаял, напоминая: — Не будьте наивным. Этот космический корабль совершенно неуязвим для любого известного нам оружия; он значительно быстрее, чрезвычайно маневренен, он полностью автономен и, вместе с тем, сам себя обеспечивает при помощи своего фотонового двигателя, если не еще чего-нибудь, он может покрывать настолько громадные расстояния, насколько понравится его пилоту. Тот, кто сможет завладеть такой силой, станет хозяином мира. И вы воображаете, что это не приходит в голову империалистическому правительству?

— Но, но ведь Сигманианец...

Чьжу слушал Ваня с каменным выражением лица еще некоторое время. А потом, к большому его удивлению, он откинулся на стул, улыбнулся, вынул сигарету и прикурил. Дым струился из его рта, когда он произносил слова, которые смягчили общее впечатление:

— Вы недостаточно подумали о последствиях, товарищ профессор. Однако осмелюсь сказать, чистый исследователь, как вы, не может быть в этом обвинен. Ваша работа

очень ценна. Теперь, возможно, вы сможете оказать нам чрезвычайно важные услуги — так, что люди и через сто лет будут кланяться вашему имени.

Вань разжал кулаки. Он почувствовал крайнюю слабость.

— Я слушаю, товарищ генерал, — прошептал он.

— Председатель Сунь и его советники проанализировали политическое значение прилета Сигманианца. Они многосторонни. Прежде чем мы решим как нам поступить, нам потребуются ответы на множество решающих вопросов. Вы наш самый способный и квалифицированный исследователь этой проблемы — наша самая большая надежда.

Чьжу перевел дыхание, прежде чем стал продолжать:

— Некоторые полагают, что Сигманианец непременно предоставит себя в распоряжение священному делу человечества, когда возможность общения станет достаточно реальной, чтобы он смог понять, что происходит на Земле. Это, конечно, возможно, и поэтому хочется верить, что это осуществится. Но если теория на этом месте и остановилась, теоретик покажет свою невежественность и лень.

Чьжу напрягся снова. Прокатилась волна нового холодного гнева, на этот раз вне кабинета — по всему миру. — Может ли хоть один образованный человек предположить, что империалисты и ревизионисты не приняли во внимание эту идею тоже? Разве они не сделали приготовлений на случай непредвиденных обстоятельств? Разве они смиренно откажутся от своих преимуществ и власти? Тебе ведь лучше знать!

— Я... да. Я прекрасно знаю, — запинаясь, ответил Вань.

В его памяти медленно возникал образ отца, который был ранен американцами, когда в молодости воевал в Корее, и убит русскими в Сибири как офицер вражеской армии. А затем советские самолеты, которые пикировали с ужасным ревом и визгом по небу над маленьким мальчиком, который плакал о своем отце и кричал от страха...

Я лелеял надежды. Я думал, что ворота медленно откроются, мир с Японией, заключенный в Токио, установление контроля над вооружением, попытки предотвращения голо-

да — все это казалось мне предвестником лучших дней, когда Китаем больше не будут править демоны. А они могут, они могут: я не сомневаюсь, что огромное множество людей повсюду — люди честные и люди доброй воли.

Однако Чьжу говорит правильно. Слишком неожиданный рассвет может испугать демонов до сумасшествия.

Вань облизнул губы.

— Да, мы должны действовать крайне осторожно, я понимаю,— сказал он.

— Есть другие возможности,— сказал ему Чьжу.— Предположим, американцы, например, могут найти способ обмануть Сигманианца, ввести его в заблуждение так, чтобы он нанес смертельный удар в их пользу. Или, больше того, например, он может ответить на любой заданный технический вопрос, но не забывайте, что его задают империалисты. Как провозгласил Председатель Сунь, мы не можем слепо признавать, что история на различных планетах следует тому же пути, что и наша история. Из всего, что мы знаем, сигманианцы всегда были настоящими и мирными коммунистами, или же они могли уже давно превзойти коммунизм.

— Я буду следить за любой дискуссией на борту корабля,— пообещал Вань.— Не следует ли потребовать моратория на технические данные?

— Это вопрос будет решен,— Чьжу вонзил свою сигарету как штык.— Еще можно предположить, что если у Сигманианца есть злые намерения или что его можно подвигнуть на недобрые действия. Подождите! Законы Маркса, Ленина и Мао нужно применять с пониманием, а не просто догматически. Предположим, что раса сигманианцев вовсе и не строила этот корабль. Предположим, что эти существа — просто что-то вроде пиратов, которые украли звездолет после того, как заставили настоящих его владельцев обучить их управлению. Разве у вас не возникло хоть легкого сомнения или подозрения относительно того, кто совершает многолетние путешествия в одиночестве?

— Если он в одиночестве.

— Если нет, то почему же его товарищи никогда не дают о себе знать?

— Кто же может оценить мотивы разума совершенно нечеловеческого? — Вань нахмурился. — Я должен признать, что я и в самом деле часто говорил, что озадачен его путешествиями в полном уединении. Интеллект, наука, если им давать любое разумное определение, непременно должны включать в своей основе обмен информацией, хотя их можно определить, конечно, как определенный вид *информации*. Для чего, думается, нужно исключать создание и манипуляцию символами? Примитивные виды без инстинктивной потребности в общении — потребности, которая на самом деле гораздо сильнее половой, зачастую гораздо сильнее чувства самосохранения — как у коммунистов, которые готовы подвергаться мучениям, чтобы довести до масс правду, — раса без этого вида потребностей будет, предположительно, мыслить не по-человечески. Она будет состоять из животных. Следовательно, Сигманианец должен хотеть общения, разговора, моральной поддержки, как вы или я. Я сомневаюсь, сможем ли мы оставаться в здравом уме, товарищ генерал, если нам придется подвергаться длительному одиночеству.

— Сейчас не время для лекций, — сказал Чьжу. — Вас направили специально, во-первых, понять, не подвергается ли ваша страна смертельной опасности, во-вторых, направить все ваши усилия полностью на то, чтобы как можно быстрее предупредить нас об этой опасности, — и, естественно, как можно быстрее воспользоваться счастливым случаем, который как мы надеемся, докажет что вы эту ситуацию оцениваете правильно.

Вань поднял руку.

— Во имя народа! — Традиционная клятва прозвучала отрывисто, но не подняла его настроения. Он удивился, почему и решил, что сильная ответственность, которую он нес, сообщая эту торжественную новость, притупила его чувства.

— Пробивайся вперед со всей своей энергией навстречу общению, усовершенствуя этот язык, — сказал Чьжу. — Если в этом отношении мы сможем держаться на одном уровне с американцами — а еще лучше, если мы перегоним их, —

они не смогут ввести в заблуждение ни нас, ни Сигманианца.

— Но язык ведь искусственный,— возразил Вань,— и, насколько я знаю, рудиментарный.

— Тогда вы должны играть ведущую роль в его дальнейшем развитии.

— М-м-м... да. По мере его развития, я подозреваю, с соответствующей скромностью, я смогу стать самым лучшим профессионалом в его использовании. Доктор Кантер очень талантлива, но ее гений — в теории, у нее нет такого практического опыта, как у меня, в различных языках. Серов, Дуклос и...

— Конечно-конечно,— Чьжу отметил его рвение.— По крайней мере, Вы сможете поговорить с Сигманианцем с глазу на глаз, если, например, никто больше не сможет подслушать вашего разговора,— и объяснить ему положение дел.— Он остановил себя.— Пусть подобное решение подождет надлежащего времени. Безотлагательное требование для Вас — это получить полную информацию. Не могли бы вы позвонить доктору Кантер и попросить ее послать вам ее материалы сейчас же, не важно в каком хаотическом состоянии они находятся?

— Я могу попробовать,— сказал задумчиво Вань.— Ее начальство могло уже запретить ей это. Или, если нет, она... очень обидчивая особа, я думаю, прячущаяся в своей хрупкой скорлупе. Она может не захотеть показывать кому-то постороннему свои беспорядочные записи.— Он помолчал.— Кроме того, не покажется ли этот звонок несколько поспешным?

Чьжу вытащил сигарету изо рта. Поразмыслив, он согласился.

— Может показаться,— и затушил окурок в переполненной пепельнице.

— Честно говоря, товарищ генерал,— продолжал Вань с еще большим воодушевлением — потому что вспомнил большую научную шумиху вокруг него, он не мог избежать человеческих комплексов.— Я не верю, что они имеют значение. Она дала мне основную информацию. Мои собственные записи подробны, и в моей лаборатории

получены последние записи в отпечатанном виде в соответствии с договоренностью. Доктор Кантер говорила со мной свободно, зачастую без необходимости искренно. У нас есть все, кроме ее точного математического анализа и точных правил, которые она открывала.

— Разве вы не поняли, что необходимо принимать во внимание и интуицию? Теперь, когда мы знаем, что нужно искать, я уверен, что мы сможем продублировать ее результаты через две или три недели. Любой квалифицированный аналитик, который имеет доступ к компьютеру...

— Великолепно! — Чьжу засиял. — Вы за это отвечаете. Для вас будет найдено рабочее место прямо в этом здании. К кабинету будут примыкать комнаты для отдыха, где вы будете жить. Приказывайте: что и кого вам нужно.

— Что? — Вань заморгал. — Я могу руководить из своего дома. Или, если потребуется больше сотрудников, мой факультет в Университете...

— Товарищ Вань, — сказал Чьжу скорее радостно, чем строго. — Я понимаю, что вам не терпится увидеть свою жену и детей, но я боюсь, что нужды общества — прежде всего. Необходимы и меры безопасности, вы знаете, почему. Как вы уже, вероятно, догадались, наш разговор был санкционирован высшими правительственными кругами.

— Вашей жене сообщат, что вы будете отсутствовать по делам. — Чьжу помолчал. — Если вы... э-э-э найдете, что ваши физиологические потребности отвлекают вас от научной работы...

— Нет-нет, — сказал Вань. Тут ему пришло в голову:

Он сказал не то, что думает, тут есть намек. На самом же деле, если честно, здесь мы один на один с нашими многочисленными душами (потому, что я верю, что многие примитивные племена, да и такой проницательный и могущественный народ, как древние египтяне, говорят чистую правду, когда верят, что у человека имеется несколько душ, по крайней мере больше, чем одна) — моя Яао — свет луны и горная вершина — стала непреклонным фанатиком, с которым я вместе лишь из-за ее безупречной уважительности, которая гарантирует мне разрешение путешествовать, вести переписку, читать, слушать, иметь вкус к этому совершенно

изумительному миру. (До тех пор, пока у нас есть система, которая гарантирует одни и те же свободы всем людям, однако прискорбно то, что безопасность требует, чтобы ими наслаждались только немногие.)

О, у меня есть еще и другие причины. У мужчин всегда они есть. Я чувствую, что где-то в глубине, за хриплым голосом и сжатыми губами, она тоже помнит: она тоже удивляется, недоумевает и страдает из-за того, что произошло.

И вы, мои души, помните ту конференцию в Англии (каллиграфический аскетизм шпилей Оксфорда на фоне серых свинцовых облаков, возвышающихся над вольным мокрым ветром), и книгу, которую я читал, чтобы заснуть однажды ночью, как же было имя автора? Да, Честертон — эксцентричный, чокнутый, архаичный — живший почти сто лет назад... тем не менее он определил аскетизм как аппетит к тому, чего мы не любим. У нас у всех есть элемент аскетизма, не правда ли, мои души?

Он с нетерпением ждал приезда домой как возвращения в любимое место. Он арендовал (как сказали бы американцы) дом с садом довольно далеко за городом, построенный для какого-то Мандарина в эпоху Манчжу. Изогнутые ветви деревьев на фоне полной луны; крутой изгиб крыши, парадоксальный на фоне выдержанной старинной красной черепицы; тени обдуваемых морским ветром цветов на стене, украшенной резьбой в виде плакучих ив; мостик; гора, запечатленная несколькими быстрыми штрихами восемь сотен лет назад самим Ма Юанем; книги, да, старик Ли По, поэт, который больше упивался жизнью, чем вином, которое он воспевал...

Но больше всего Вань скучал о своих детях. Пинь, Тай и Чен были хорошими мальчиками, отличными оценками Тая в школе можно было гордиться, и его рвением в рядах пионеров тоже; можно быть уверенным, что Чен скоро вырастет из подростковой неуклюжести. Но маленькая, маленькая Пинь (что звучит не очень похоже на дикую яблоньку, которая цветет красными и белыми цветами на ожившей Земле, но что на самом деле обозначает «мир») побежит ему навстречу, засмеется, когда он возьмет ее на руки, завизжит от восторга, когда он подбросит ее в воздух;

она пойдет с ним рука об руку через сад и будет называть его «большим мешком, полным любви».

Ну, всего неделя, а может быть, две или три. Не больше. Чтобы быть уверенным в том, что этот раскаленный ужас никогда не прогремит над Пинь, что никогда из ее выжженных глазниц не потекут глаза по обожженным щекам ее лунообразного лица, которое она унаследовала, возможно, от звезд.

Вань неожиданно осознал, что Чьжу смотрит на него в замешательстве. Прошла целая минута. Он рассмеялся, услышав в своем смехе резкость и неестественность.

— Прошу прощения, товарищ генерал. Я задумался и забыл... Да, я тотчас же приступлю к делу.

— Хорошо,— сказал Чьжу.— Нам повезло, что вы — на нашей стороне. Скажите, есть ли у американцев кто-нибудь, кого можно было бы сравнить с этой Кантер?

Удивленный Вань порывлся в памяти.

— Трудно судить. У них есть чрезвычайно компетентные люди. Левинсон, Хилманн, Уонсберг... Однако таланты и возможности не у всех одинаковы. У Хилманна — слабое сердце; они не могут послать его в космос. Осмелюсь сказать, что в виду того, что ей удалось сделать, доктор Кантер останется их главным агентом. А почему вы спрашиваете?

— Однако что бы она ни представляла собой,— сказал Чьжу,— она отчитывается империалистам. Мы говорили о том, чтобы рассказать Сигманианцу правду. Не думаете ли вы, что будет больше шансов сделать это без постороннего вмешательства в отсутствие Кантер?

— Почему же... возможно... трудно сказать,— Вань почувствовал, что уклоняется от ответа. Она говорила так охотно.— Возможно, будет неплохо попытаться отстранить ее от проекта. Предположим, я... нет, нет, если я скажу в данный момент, что она ведет по отношению ко мне невыносимо, мне могут не поверить... М-м-м... если бы мы могли уговорить кого-то еще, представителя какой-нибудь третьей страны, затеять с ней ссору и... это не в моей компетенции, товарищ генерал.

— Я понимаю. Я только хотел узнать ваше мнение относительно того, желательно или нет устранить ее.

Разговор продолжался еще некоторое время, до тех пор, пока Чьжу не позвонил денщику, чтобы он проводил Вань в его новый кабинет. Оставшись один, генерал позвонил какому-то очень важному чину и доложил обо всем. Получив приказы, он затем нажал на кнопку на телефоне, которая привела в готовность команду спутника, готового отправиться в Америку. Быстро посланный луч после зашифровки, если и будет перехвачен, будет принят за пучок обычных радиопомех. Это устройство было секретным и использовалось редко, как все, чем владела Народная Республика.

Человек, который назвал себя Сэмом Джоунсом, наклонился через стол.

— Ты знаешь, что чувствует большинство из нас,— сказал он.— Мы не можем доверять сигманианскому чудовищу. Как мы можем посметь? И еще, китаезы — все равно что наши братья. Господи, он испражняется всем телом!

— Ага! Я и сам этому удивляюсь,— громко воскликнул Ник Уэллер.

— А теперь эта баба, Кантер. На экране, в газетах, повсюду, ты должно быть слышал. Она нашла способ общаться с ним.

— Я слышал.

Комната погрузилась в ночь. Хотя час был поздний, помещение вибрировало от сильного шума огромного города. Флюоресцирующая реклама над головой отбрасывала тени на мрачное лицо Джоунса. Он поднял свой портфель и положил его на колени.

— Этому нужно положить конец,— сказал он.— Видишь это? Если мы не станем пытаться поговорить с этим созданием, оно само от нас отвяжется. Какие бы у него ни были планы, сперва ему нужно как-то поговорить? Правильно? В противном случае, оно просто может спалить всю планету. Ему нужны обманутые люди в качестве орудий.

Уэллер затаился сигарой и медленно выпустил дым, сощутив глаза.

— Может быть, — сказал он. — К чему ты клонишь?

— Я не говорю, что без миссис Кантер проект остановится, — рассказывал ему Джоунс, — но там возникнут затруднения, нам ведь нужно с чего-то начать.

Уэллер разволновался.

— В конце концов, кто ты такой? Мне известно только то, что Луиджи сказал, что мне будет интересно с тобой поговорить. Какое ты имеешь к нему отношение?

— Не имеет значения, — сказал Джоунс. — Не бойся Луиджи. У каждого полно разных связей. Я мог просто выследить тебя, назначить эту встречу через, ну, скажем, твою мать, если нужно. Она знакома со служанкой, которая также работает на одного банкира, который мне доводится другом или кузеном. Понял?

Уэллер что-то проворчал.

— Что мне нужно — так это профессиональная помощь, — сказал Джоунс. — У меня полно сведений, но не так уж много рабочих рук. Федеральное Бюро Расследований — не важно. У меня есть для тебя работенка, которая довольно проста, если она тебе понадобится, а в этом портфеле — денешки — чтобы лучше прийти к соглашению — что, я надеюсь, заставит тебя захотеть ее выполнить.

Уэллер уселся поудобнее, приготовившись слушать. Он не был смущен, и вряд ли любопытен. Ему просто нужно было удостовериться, что этот Джоунс, не важно как было его настоящее имя, не был полицейским агентом, но это было нетрудно. Нетрудно также будет замести хорошенько следы так, что, если впоследствии Джоунс окажется трепачом, власти ничего не смогут доказать о причастности Ника Уэллера.

Порядок, пусть этот Джоунс съехал с катушек. Не важно, ведь у него есть монета, чтобы заплатить за свои прихоти! Сегодня вокруг полно чокнутых, однако, не так уж много таких, которые богаты.

Конечно, Уэллер не станет начинать, пока не посоветуется со своим астрологом. Но ведь гороскоп не может

оказаться совсем плохим для того, кто носит амулет, сделанный специально для него местным астрологом, чтобы отпугивать неприятности.

— Выкладывай, — предложил он. — Имей в виду, я очень сомневаюсь, смогу ли я помочь тебе лично. Но, возможно, я смогу тебе назвать одно-два имени.

Стандартная рабочая процедура. Революционеры не повергли Орто ниц, — оно просто их изжило, в поколение, ведущее партизанские войны — но они представили много хороших идей, таких как новое оружие, и разные уловки защиты, и организация ячейками, вниманию подпольного мира. Ник Уэллер был сам мятежником высокого класса.

Глава шестая

И вон не считала себя застенчивой, просто сосредоточенной, любящей уединение и получающей удовольствие от общения на вечеринках, когда немного хороших друзей собираются, чтобы поесть хорошую еду и приятно побеседовать. Она надеялась посмаковать свой триумф. Она ожидала поздравлений от персонала базы Армстронга, по видеофону — от отца и мамы и от всей семьи, от Президента и своих коллег по всему миру, конечно, это согревало ее до глубины души. Однако они не ослабили ее стресса — эти брифинги, разговоры с разными официальными лицами, профессиональные дискуссии, большой поток запросов на интервью, статьи, лекции, поддержка благотворительных мероприятий, наконец, конференция по телевизору, когда дюжина журналистов со своих разных экранов забросали ее, уставшую, бездной вопросов, многие из них — личного характера, и было установлено, что эту конференцию смотрели сто миллионов человек в одних только Соединенных Штатах...

— О пожалуйста, — взмолилась она на пятый день. — Разрешите мне поехать домой.

Полковник Алмейда кивнул.

— Вы поедете, Ивон. Вы похожи на смерть. Я устроил так, чтобы к вам никого не пускали, очистил путь к отступлению, поэтому вы можете взять отпуск. Берите свое снаряжение из своей комнаты, и я подброшу вас до Денвера лично.

— Моя машина здесь.

— Оставьте ее, если не хотите быть окруженной почитателями, охотниками за автографами, газетчиками, уличными торговцами и чокнутыми. Ваш город находится на осадном положении, разве вы не знали? Лучше позвольте мне подвезти вас. У меня есть человек, который доставит ваш автомобиль завтра.— Алмейда вытащил полоску бумаги из своей туники.— Вот. Почти позабыл. Ваш номер телефона, который не числится в справочнике. Я воспользовался своим положением, чтобы устроить это.

— Как вы милы, Энди,— пробормотала она сквозь туман усталости.

Его лицо с римским носом расплылось в улыбке.

— Нет, всего лишь необходимая мера предосторожности. Мне бы не хотелось, чтобы вас постигла участь первых астронавтов, и оставшуюся часть своей карьеры вы провели бы как цыпленок в соусе. Вы нам очень нужны.

В вертолете он не втягивал ее в разговор. Полет был спокойным. Только шум лопастей винта и ветер, легкая дрожь по сиденью, передающаяся телу, нарушали покой. Они летели высоко, звезды окружали кабину, мириады блесков в почти что космической темноте, Денеб созвездия Лебедя, Вега из Лиры, созвездье Пегаса, Большая Медведица и Дракон. Созвездие Дракона, огибающее своей королевской аркой на полпути вокруг

Полярной Звезды. Земля внизу лежала широкая и таинственная. То тут, то там на ней блестели похожие на созвездия города, где, возможно, некоторые люди тоже смотрели вверх и удивлялись.

Когда появилось зарево Денвера, Ивон почувствовала, что отдохнула достаточно, чтобы говорить. Она потянулась за сигаретой, а потом убрала руку — слишком много дыма, лихорадочного курения час за часом, во рту у нее драло и

ей нужно проявить мудрость и принять меры предосторожности против рака, а потом она сказала:

— Энди?

— Да? — Его профиль, смутно видный на фоне Млечного Пути, не повернулся.

— Почему ты утверждаешь, что я вам необходима? Я не такая уж и важная персона. Множество людей может продолжить дело с таким же успехом, а может быть, и лучше.

— А ты что, не хочешь? — Его тон остался безразличным.

— Да, конечно. Но... хорошо, я сделаю перерыв, но ведь любой может сделать это так же, как и я, и я сомневаюсь, что следующее большое открытие будет моим.

— А ты думаешь, что оно будет? Я хочу сказать, что с настоящего момента и далее разве дело не в развитии языка до тех пор, пока мы не сможем прямо спросить о некоторых вещах?

Ивон покачала головой. Волосы описали полукруг по ее плечам и коснулись ее щек.

— Я подозреваю, что нам не хватает еще одной важной детали головоломки. Почему Сигманианец не подал нам сигнала, чтобы мы послали новую делегацию?

— Он никогда этого не делал, по крайней мере до тех пор, пока не уйдут его последние собеседники.

— Теперь ситуация должна измениться. Наконец мы можем ожидать настоящих сношений, — Ивон услышала, как Алмейда захихикал и почувствовала, что краснеет, — ну, не можем ли мы, вы или я, осуществить их с максимальной скоростью. Да, я полагаю, что Сигманианец ожидает от нас нечто большее. Пока мы сможем это ему предложить, он только будет проводить с нами случайные моменты — время, когда он не занят чем-то, ради чего он прилетел сюда.

— Возможно, ты права, — сказал полковник. — Как и раньше.

Он помолчал, а потом продолжал серьезно:

Я не хочу сказать, чтобы ты приступила к этому сегодня же вечером, ты выдохлась. Но ты кажешься несколько

более сообразительной, со свежим взглядом на вещи, и мое начальство и я тоже хотим, чтобы ты приступила к обдумыванию этого. — Последовала еще пауза. — Понимаешь, никто не сходит по тебе с ума. Однако, честно говоря, Ивон, мы бы чертовски хотели, чтобы ты не давала отчет о своих успехах по пути назад, когда весь мир мог тебя слышать. И чтобы этого проклятого китайца не было рядом. Придав всему секретность, мы смогли бы работать закулисно, чтобы воздействовать на его хозяев. Я полагаю, что ты даже не представляешь, как ужасно тяжело достичь политического или военного соглашения на глазах у изумленной публики.

Она подпрыгнула от удивления:

— Что? Энди, неужели ты это серьезно?

— Я никогда не был более серьезен. Послушай, Ивон, ты — либеральный интеллектуал, это означает, что ты разумная и в основном добрая личность. Поэтому ты считаешь, что и остальные все такие же, как и ты. Если бы ты только смогла посвятить остаток своей жизни таким же тщательным размышлениям и поискам, как ты делаешь это в науке!

— Подумай. То, что знает Сигманианец — или же просто владение его космическим кораблем, — может дать превосходство над всем человечеством тому, кто получит эту исключительную привилегию. Или же если некоторые группировки завладеют этой силой, мы вернемся к эре реактивных снарядов или же хуже, потому что я не могу представить, как мы сможем справиться с проблемами, которые возникнут из-за нечеловеческих технологий, которые будут обрушиваться на нас каждую ночь с такой же готовностью и для тех же целей, для которых мы развиваем свои технологии.

В конце концов Ивон решила покурить.

— Энди, — сказала она. — Я даже не могла представить, что вы влезли в... отношения «холодной» войны как раз еще до вашего рождения. Ну, я пропутешествовала с одного конца до другого по Советскому Союзу собственной персоной и видела, что они из себя представляют. Тысячи людей посещают каждый год Китай. А договоры по контролю

над вооружениями... ну ты, должно быть, читал, видел по телевизору, тебе рассказывали, как Советы испытывают внутренние противоречия, точно такие же, что и мы, весь Запад и Япония... и Китай начинает... Энди, еще до того, как прилетел Сигманианец, шесть или семь десятилетий на самом деле любая могущественная держава старается избегать вооруженных конфликтов. А когда все-таки случались вооруженные столкновения, ни одна могущественная держава не добивалась полной и безоговорочной победы. Они не были настолько не в своем уме. А за последние десять лет или больше нигде на Земле не случилось ни одного конфликта, который стоило бы назвать войной. Неужели ты и в самом деле хочешь сказать, что высокие чины в правительстве Соединенных Штатов все еще боятся... привидений?

Она откинулась назад и глубоко вздохнула.

— Случайные привидения — реальны, мой друг, — отвечал Алмейда. — Пожалуйста, послушай. Пожалуйста, поверь, я не хотел тебя оскорбить, я люблю и уважаю тебя, когда я говорю, что ты застряла в представлениях, которые хуже, чем устаревшие, это не имеет никакого отношения к действительности. Определенно, китайцы немножко проигрывают, совсем немножко, как проигрывают им Советы. В обоих случаях исходное религиозное усердие имеет тенденцию к умиранию вместе с изначальными революционерами. Кроме того, опыт показывает, что местный терроризм не требуется для имперских амбиций, в действительности он им противоречит. Точно так же ядерное оружие наконец убедило самых сильных фанатиков с пеной у рта, что они не смогут победить в ракетной перепалке.

— Это еще не доказывает, что теперешние лидеры наших старых соперников не провозгласят своих старых лозунгов. Подумай об Англии — ну пример, который не будет слишком пристрастным. У англичан был свой кромвельянский период, но они переросли его. Распространение Евангелия стало просто еще одним мотивом среди многих, ради которых сражались люди. Тем не менее они завладели большей частью мира и стерли с лица Земли огромное количество неанглийских культур.

— Сегодня мы подвергаемся «желтой опасности», — саркастически сказала Ивон.

— Япония — тоже монголоидная страна, и довольно сильная, — ответил Алмейда. — Индонезия туда же относится. Я полагаю, мы можем исключить африканские страны, но, я догадываюсь, не более чем на одно поколение — определенно мы стоим лицом к лицу с «белой угрозой» тоже, не только русской. Восточная Европа, Латинская Америка... и да, янки. Китайцы, например, считают, что мы представляем для них угрозу. Они считают себя последним препятствием между человечеством и ненасытной американской империей. Разве ты никогда не слышала речей Председателя Суня?

— Риторические, — сказала Ивон слабеющим голосом.

— Хорошо, — Алмейда с шумом выдохнул. — Позволь мне некоторые поучения, ладно? О'кей, ты была в СССР, ты побывала в Европе и Мексике, и когда-нибудь, несомненно, ты случайно попадешь в Китай. Могу я еще раз отметить, без всякой задней мысли, что ты — не агент секретной службы и не бродяга, который занимается слежкой, а леди, которая путешествует первым классом. Конечно, ты видишь только приятное и встречаешься только с очаровательными людьми! Я уверен, что точно также Вань Ли восхищается тобой и не боится тебя. Но разве он доверяет Президенту Браверману? Или генералу Ньигарду? Или нижним чинам, таким как я? Я знаю чертовски хорошо, что нет. Мы узнали о нем подробно. Он — член партии, возможно, не фанатик, но женат на фанатичке, он — капитан запаса, он — китайский патриот, с головой погружен в китайскую культуру, которой всегда была присуща ксенофобия.

— Расслабься. Мои пространные рассуждения не будут включать проповедь о том, как я верю, что западная цивилизация и американское государство заслуживают сохранения, о том, что они представляют собой долгожданные надежды для всего человечества. Просто это гарантирует мне, что множество мужчин и женщин разделяют мои старомодные предубеждения. А многие другие разделяют понятия Вань Ли, и так далее для каждого обладающего

властью блока на Земле. Баланс, который поддерживает мир, гораздо более хрупкий, чем мне бы хотелось думать. Старые страхи и ненависть не умерли. А находятся в недостаточно глубоком сне.

— Возможность, что *кто-нибудь* может получить шанс завоевать остальных — разве ты не видишь, как это принуждает *всех и каждого* захватить монополию, если ее можно получить, для равновесия сил, как минимум — эта самая борьба может коснуться гонки вооружений и ядерных взрывов? Но кроме страны, Ивон, у меня есть жена и дети. И они не сгорят в этом горне, если я смогу хоть как-то этому противостоять.

Она смотрела прямо перед собой. Окраины Денвера чертили разноцветные идеограммы на земле, которая теперь стала рельефной с заметными мощеными дорогами. Центральный небоскреб взмывал ввысь, блестящий и беспокойный, как будто отбрасывая пламя на город.

— Что же ты хочешь? — сказала она наконец.

Слова Алмейды прозвучали спокойно.

— Ну, если бы у меня было на кого положиться, Америка бы получила монополию. Я думаю, что нам можно доверять больше, чем кому бы то ни было другому — может быть потому, что я чувствую себя более свободно среди американцев. Если этого не удастся, мы попытаемся выторговать другую договоренность, с которой мы сможем выжить. Без сомнения, сперва мы будем «играть по слуху».

— Дело в том, Ивон, что с теперешнего дня и далее, кого бы мы не послали на борт, он будет работать от нашего имени, соблюдать секретность, следовать приказам, отдавать безоговорочно приоритет интересам Соединенных Штатов. — Он замялся. — Они не будут противоречить интересам всего человечества. С нашей точки зрения, Ивон, лучше иметь в нашей команде тебя, чем какого-нибудь шовиниста. Правильно? С моей точки зрения, я хочу, чтобы самый большой талант приносил нам пользу, а на настоящей стадии самый большой талант — это ты. Обдумай все это.

Он занялся получением дорожного пропуска отделения воздушной авиации Дорожного Контроля. Ивон сидела, не

проронив ни слова. Огни центрального Денвера ослепительно сверкали, мигали, медленно двигались, устремлялись вниз, в них тонули последние звезды. Пик Эйзенхауэра неясно вырисовывался впереди — отвесная гора, усеянная факелами. Алмейда посадил вертолет на посадочную площадку, выпрыгнул и помог ей спуститься. На этой высоте звуки снизу слышались приглушенным грохотом. Хлестал холодный ветер, ероша волосы и поднимая пыль, которая садилась на очки, защищающие ее лицо.

Алмейда помахал охранникам. Узнав Ивон, они не стали требовать ее документы или проверять, кто ее пригласил. Алмейда сжал ее руку. Тень его улыбки была вымученной.

— Пользуйся свободным временем для восстановления сил. Звони мне, если тебе понадобится что-нибудь, днем или ночью, домой или в офис.

— Непременно, — сказала она. — Спасибо, Энди.

Он забрался опять в свою машину. Она пошла по направлению к выходу. Подошел охранник, приложил руку к фуражке.

— Добрый вечер, доктор Кантер, — сказал он, засмущавшись. — Добро пожаловать.

— О, здравствуйте, сержант Баскомб. Как выживаете?

— Отлично, мадам. Не беспокойтесь. Похоже, миллион человек хотят повидать вас дома, но мы их не пустим, нет ни одного среди нас, кто не следил бы за вашей безопасностью и уединением.

— Вы очень добры. — Ивон дрожала на ветру.

— О... Мне бы хотелось... У меня есть малыш, ему двенадцать лет, с ума сходит по космосу. Он только о вас и думает, особенно после того, что вы сделали. Может быть... — Охранник протянул ей блокнот.

Ивон улыбнулась левой стороной рта.

— Конечно.

Охранник приложил ручку.

— Его зовут Эрнест. Эрнест Баскомб.

Когда она была внутри, Ивон вздохнула. Она снова почувствовала себя слишком усталой, чтобы переживать

над заявлениями Алмейды, ее не волновало ничего, за исключением *«Как мне хочется побыть одной!»*.

Покидать здание не было необходимости, это было целое сообщество. Не было необходимости даже, чтобы на нее глазели в ресторанах, магазинах, театрах, церквях, школах, спортивных залах. Все, что ей требовалось для физических нужд, можно было заказать и получить через доставочный лифт, все, что ей было необходимо в духовном плане, могло быть спроектировано на экране или продублировано в виде копии на Ридерфаксе или... *Через несколько дней я закачу вечеринку. Спокойный маленький обед, возможно, спокойная беседа, а может...* она хмыкнула, *...может в награду партия в «балду»*. Ее друзья уже давно отказались играть с ней по той причине, что они всегда проигрывают.

Лифт, коридор, еще один лифт, коридор, ее дверь. В соответствии с системой охраны, которая действовала тут, начальник охраны имел единственный магнитный ключ от нее. Ивон прижала ладонь к пластинке сканера. Дверь удостоверялась, что она была среди тех, для кого ей нужно было открываться (на самом же деле, она была единственной в этом списке), и подчинилась.

Когда она гладко захлопнулась снова, Ивон послала свою одежду, включая то, в чем была, по желобу в стирку, распаковала все, что осталось в чемодане, и разложила все по полочкам. *Вынужденная аккуратность*, подумала она. *Все, что мне хотелось на самом деле, так это бросить все эти вещи на пол!*

Она запрограммировала кухню на обычный обед. Хотя она любила поесть и сама была отличной поварихой, сегодня она не чувствовала, что способна на эту работу. Затем она с удовольствием приняла горячий душ. Выйдя из ванны, одетая в махровый халат, она почувствовала себя гораздо счастливее. Ее чувство времени было точно, как обычно: до обеда осталось каких-нибудь полчаса. Из-за состояния слизистой оболочки во рту она выбрала расслабление с мартини вместо сигареты, и поскольку вода сделала ее восхитительно ленивой, она передумала насчет девятой сонаты Бетховена и настроилась на воспроизведение с

высокой точностью мягкого сверкающего квинтета Шуберта «Форель».

Она откинулась в кресле среди знакомой мебели, ковров, занавесок, книг, картин, среди последних — репродукция с изображением прибоя у мыса Селедки, на который она не уставала любоваться, окна открывали вид на смотровые башни, весело струилась музыка, где-то внутри нее разливалась нежность при каждом слабом движении, которое соответствовало мелодии, и она думала в полусне: *Да, в целом жизнь — хорошая штука. Эти последние два года с Сайем, когда мы оба понимали, что между нами раздвигается пропасть, и пытались, но не могли ничего с этим поделать, все кончалось ссорами... наконец разрыв... он причинял боль. Сильную. Однако все осталось уже позади, и никто из нас не хотел бы вернуться, интересно, сможем ли мы со временем стать близкими друзьями... А тут еще Энди Алмейда дал мне встряску. Если быть честной, в его идеях есть доля правды. Но определенно, не в полной мере, и ничего из этого не получится. Я останусь в обойме. Можно выразиться «адвокатом ангелов»?.. Возможно, появится другой мужчина, более понимающий, чем Сай, и, я надеюсь, тогда я тоже стану понимать немножко больше, чтобы... М-м-м, этот соус для лапши пахнет здорово...*

В дверь постучали.

Что? Охране не полагалось никого к ней допускать.

Но они не могут проконтролировать ее соседей. Хотя семьи в доме обычно держались на расстоянии друг от друга, она знала часть своих соседей, иногда обедала с ними и тому подобное. Если это какой-то незнакомец, охочий до празднеств, ей доставит удовольствие послать его к дьяволу. Ее губы сжались. Но как же ей удастся избежать визита с добрыми намерениями Сью Роббинс или Джона и Эдит Ломбарди?

В дверь продолжали звонить. *А вдруг это срочно. Если нет, я притворюсь, что у меня мигрень.* Вздохнув, Ивон заставила себя подняться и подойти к сканеру. Она нажала кнопку видеоизображения.

Лицо незнакомца, высветившееся на экране, было худым, с выдающейся челюстью, на человеке была надета синяя униформа здания Эйзенхауэра.

— Вы что-то хотите? — спросила Ивон. — Я просила, чтобы меня не беспокоили.

— Я знаю, доктор Кантер, — последовал хриплый ответ. — Я прочел табличку, и я извиняюсь. Но это, возможно, нечто особенное. Несколько из нас, охранников, которые живут и работают тут, в том же месте, что и вы, мы решили, что нам хотелось бы как-то выразить вам свое восхищение. Ничего особенного, мы знаем, что вы устали и не хотите общения, но просто мы не могли послать это почтой, а доставочный туннель кажется, ну, несколько холодным что ли. — Он протянул перевязанную лентой картонную упаковку с сигаретами. — Это ваш любимый табак, не правда ли, мэм? Кубинский «Голд»? Я не задержу вас ни на минуту. Мне и самому нужно уже домой.

— Зачем? О, это так трогательно. Вы так милы. — *Мне этого и за год не искурить. И все-таки зачем его расстраивать? Это дорогой табак.* Ивон нажала на кнопку, чтобы дверь открылась. Дверь откатилась вбок, человек вошел, дверь плавно закрылась.

Он сорвал картонку и вытащил левой рукой пистолет. Это не было неэстетическое игольчатое оружие, это был автоматический пистолет тридцать восьмого калибра, и дуло его показалось ей чудовищной бездной. Она попятилась назад. У нее вырвался тихий крик.

— Извиняюсь, леди, — сказал небрежно мужчина. — Хотите помолиться напоследок?

— Нет-нет, убирайтесь, — Ивон пятилась назад, едва в состоянии прошептать хоть слово, подняв руки, как будто хотела отмахнуться от его пули.

Он шел за ней. Его спокойствие вселяло в нее ужас.

— Ничего особенного, — сказал он. — Просто у меня на вас заключен контракт. Не знаю с кем. Возможно, с одним из этих чокнутых, которые охотятся за знаменитостями? Теперь слушайте, я не могу терять много времени.

Ивон дошла до середины гостиной. Он сделал то же самое. Неожиданно простор, который она любила, стал бесконечным. Серая бесконечность ковра простиралась между ней и ним, ближе к стенам он стал нереальным и расплывающимся, как далекие галактики. Она тяжело

дышала. Звуки музыки звучали резко. Кроме нее не было никакого другого шума, никаких признаков жизни, никакой помощи, ничего. Ее гарнизонная, звуконепроницаемая автоматическая крепость заперла от нее остальной мир.

Она очнулась от мгновенного головокружения и темноты перед глазами. Она очнулась и обнаружила, что ум ее работает четко и быстро. Внутри у нее был ужас, накатившийся волной. *Этого не может произойти со мной, со мной, Ивоной Филиппой Бердт Кантер, чья семья любит ее, с ней, которая разговаривала с существом со звезд — когда-нибудь, да когда-нибудь, гораздо дальше и туманнее, чем эти стены — не сегодняшней ночью, хотя эта ночь, когда мебель надежная, а мой нос чувствует запахи простой пищи так же, как и запах моего пота, который выступил от смертельной опасности.*— Она понимала со спокойствием автомата, что ей терять уже нечего, когда услышала свой голос:

— Что вам нужно взамен моей жизни?

— Ничего,— ответил мужчина в синем.— Иначе и я вскоре буду мертвым.

— Десять минут? Пять?

— Я же сказал, вы можете помолиться, если хотите.

— Я не хочу. Я хочу жить. Я слишком долго жила духовной жизнью, а не физической.— Она спустила халат, и он упал на пол, когда она протянула к нему руки.

— Владей мной так долго, как ты хочешь.

— Чего? — пистолет задрожал у него в руке.— Вы с ума сошли?

— Нет, я покупаю две вещи — немножко жизни и то, что сделает ее полней. Спальня — сюда.— Ивон повернулась и медленно пошла по ковру. Ее плечи сводило от напряжения и ожидания пули между лопаток. Его шаги медленно последовали за ней сзади. Как он не был ошеломлен, он знал, что там не было никакой двери наружу.

Ивон забежала в кухню. Она опустила экран за собой и схватила кипящую кастрюлю с плиты. Человек с выступающей челюстью откинул экран прочь. Она кинула кастрюлю ему в лицо, а сама бросилась на пол.

Пистолет грохнул, как в день страшного суда. Но еще

громче был его крик. Он отшатнулся назад, схватившись руками за глаза.

— Сука! Сука!

Она быстро подняла упавший пистолет и направила на него. Он стоял, раскачиваясь из стороны в сторону. Лапша свешивалась комично с его обожженной физиономии. Он открыл один глаз.

— Сука, сука! — прорычал он и бросился за своим оружием.

Она понимала, что метким стрелком ее нельзя было назвать. Тяжелый пистолет дрожал у нее в руке, и она непременно промахнулась бы. Она одним прыжком очутилась рядом с ним, приставила дуло к его животу, отклонившись, держа оружие двумя руками, и спустила курок. Звук выстрела почти оглушил ее. Он стал падать на спину. Она не отставала от него, нажимая на курок еще и еще до тех пор, пока он не упал и вздрагивал только под воздействием пуль, а повторяющиеся щелчки не сообщили ей, что барабан пуст, и тогда она упала, вскрикнув, потеряв сознание, прямо в его кровь.

Глава седьмая

Алмейда взял стул. Медсестры шныряли туда-сюда за открытой дверью палаты частного госпиталя.

— Жаль, что ты его убила, — сказал он.

— Меня будут мучить кошмары всю оставшуюся жизнь, — ответила она вяло.

Он погладил ее по руке, которая расслабленно лежала поверх покрывала.

— Не будут, — сказал он. — Ты слишком здравомыслящая. У тебя был сильный шок, но отдых и транквилизаторы помогут тебе. Тем не менее могу поспорить, что через неделю тебя выпишут. На самом же деле они даже не предупредили меня, что тебе нельзя волноваться. Это

животное давно пора было убить. И не трать зря симпатии на его гипотетически трудное детство. Направь свое рвение на тех, кто нуждается в нем и заслуживает этого. Не беспокойся об осложнениях с законом. Твое дело уже закрыто. Если оно вообще было заведено. Ортианка, защищающаяся от убийцы из подпольного Мира, — дело всем понятное, и власти не станут обращать на него внимания. Они помнят эру революций.

— Мне говорили. Но все равно, спасибо, — Ивон пошевелилась. — Сейчас я не чувствую себя слишком несчастной, — сказала она. — Но и счастливой тоже себя не чувствую. Лекарства, я знаю. У меня нет никаких эмоций. Я ужасаюсь, что станет со мной, когда действие лекарств кончится, и меня выпишут.

— Ты станешь смотреть на этот случай, как будто это было не с тобой, и начнешь наслаждаться жизнью, как раньше. Твой психотерапевт поклялся своей репутацией, что так и будет. Он справлялся с действительно трудными случаями. Твой случай практически обычный, почти равнозначный случаю, когда кто-то стал свидетелем жестокой дорожной аварии.

— Ну, возможно. Я планирую переехать. Не потому, что я боюсь, а потому что эта квартира все время будет ассоциироваться с тем, что в ней произошло.

— Конечно, мы одобряем. Мы поможем тебе найти место жительства, которое будет держаться в секрете, пока все эти неприятности не улягутся. Поэтому я и сказал: «Жаль, что ты убила эту свинью». Мы могли бы получить ниточку. Возможно, она привела бы нас к наркомафии, что означало бы, что мы не имели бы права расследовать это дело, но нас интересует, естественно, кто нанял его и почему.

— У вас нет никаких зацепок? — спросила Ивон с проблемным интересом в голосе.

— Ну, его идентифицировали. Не важно, как его имя. Известный гангстер, хотя ему удалось избежать тюремного заключения за убийство; в его времена сидели и за меньшие проступки. Полиция разыскивает его сообщников. Военная разведка и ФБР скооперировались плюс еще отдель-

ные линии расследования, вот почему я все время говорю «мы».

— И это все ради меня? — Ивон покачала головой. Жест показался странным на подушке. — Наемник, должно быть, просто... сумасшедший. Он, вероятно, верит, что Сигманианец хочет причинить вред человечеству.

— Хотелось бы мне, чтобы это было так. — Лицо Алмейды посуровело, а голос стал холодным. — Плохо, если так. Наемники из подпольного мира не дешевы. Тот, кто напал на тебя, — не просто случайно выбранный головорез, он был профессионалом в разбойничьих войнах и криминальных военных формированиях, почти солдат. Мы установили это через своих информаторов.

— Вы знаете, как он попал в здание?

— Не точно. Он мог пробраться в общедоступные места, как будто что-нибудь купить, и смешаться с законопослушными гражданами в ресторанах, магазинах, круглосуточных барах и тому подобных местах, пока до него не дошли сплетни, что ты вернулась, и он натянул свою проклятую униформу в кабине туалета. Если он действовал хладнокровно, у него была хорошая возможность пройти прямо мимо охранника у лифта, чтобы попасть на уровень квартиры. Но я подозреваю, вместо этого его сообщник заранее снял квартиру, где он мог затаиться. Мы проверяем всех квартиросъемщиков, особенно тех, кто не был дома в последнее время. Это требует времени при таком большом и мобильном населении.

Серьезное выражение лица Алмейды помрачнело.

— Если здесь замешаны иностранные державы, Ивон, надежда на отсрочку нашего отчета о Сигманианце только усугубит положение, — продолжал он. — У них есть агенты среди нас — ну, видишь ли, и у нас в их рядах тоже есть агенты, и я бы удивился, узнав обратное — и, возможно, они исхитрились следить за тем, что мы предпринимаем...

— О, Энди! — сказала она. — Это параноя. Разве я заслуживаю внимания целой державы?

— Будь благоразумной, — упрекнул он. — Дело все в том, что и у нас и у них в правительстве есть параноики.

Ивон была несколько удивлена, что хихикнула:

— ...которым только и дела, что охотиться за мной.

Алмейда вздохнул:

— Не стоит возражать. Ты согласна, что должна находиться в безопасности?

— Я не хочу жить под постоянной охраной. Ты не представляешь, как я всегда жалела семью, живущую в Белом Доме.

— Могу догадаться, — Алмейда слегка расслабился и говорил с подобием слабой улыбки. — Довести тебя до настоящего нервного срыва не входит в наши задачи. И с тобой, возможно, все будет в порядке в дальнейшем, если это была единственная попытка тебя застрелить. Как ты относишься к тому, чтобы провести отпуск в безопасном местечке, две-три недели или месяц? Тем временем мы закончим нашу охоту за убийцей. Если мы в этом не преуспеем, у нас во всяком случае будет время, чтобы выработать меры безопасности, которые не будут мешать твоей личной жизни.

Через несколько секунд она кивнула.

— О'кей. Мой психоаналитик посоветовал мне путешествие. Запомни, никаких секретных агентов, таскающихся за мной по пятам и не спускающих с меня глаз. Единственная возможность для них побыть рядом со мной — это отвезти меня до шоссе.

— Я опасался, что именно так ты и скажешь.

— Может быть, в мире и спокойствии у меня появятся свежие идеи. У вас есть другие предложения?

— Да, — быстро сказал Алмейда. — На самом деле, я уже все устроил, нужно только, чтобы ты одобрила. Я понимаю, что ты будешь в безопасности, если будешь соблюдать некоторые разумные предосторожности, а ты понимаешь, что я не могу приставить к тебе телохранителя — такого с бычьей шеей, который стал бы твоей тенью. «Длинная Змея».

— Длинная что?

— Флагманский корабль флота морских бродяг, который в настоящее время находится посреди Тихого океана. Он берет случайных пассажиров, условия там превосходные, развлечений полно, конечно, если только адмирал их одобряет. В твоём случае он снизошел до того, что

собственноручно послал тебе приглашение, как только я позвонил ему. Мы можем доставить тебя туда тайно.

Ивон нахмурилась.

— Морские бродяги? Боюсь, что я чувствую себя не в своей тарелке среди представителей других миров.

— Викинги таковыми не являются, вопреки своему цветастому имени,— убеждал ее Алмейда.— Самого эксцентричного хохота морских бродяг теперь не услышишь, он исчез, как и амазонки или созидательные анахронисты,— ну, ортианцы, уважающие себя, считают, что от него мало толку. В море странное поведение переносится хуже, чем на суше. Кроме того, чтобы построить корабль, требуется значительный капитал, не говоря уж о целом флоте. Викинги не придерживаются никакой определенной религии, или социальной идеологии, или еще чего, что есть у нас. Они в большинстве своем скопище тупоголовых норвежцев, которые решили, что для них больше свободы и жизненного пространства, а возможно, и дохода на воде, а не на суше. Я уверен, тебе они понравятся. И там ты будешь в большей безопасности, чем в любом месте на Станции Аполло.

Ивон застонала.

— Такой длинной речью, Энди, ты заслужил победу.

Спустя день после разговора Скипа с Кео появились новости.

— Это меняет весь замысел,— сказал вождь Туасов.— Послonyaйся тут поблизости некоторое время. Возможно, мне удастся устроить тебе интервью с доктором Кантер.

Она стала их целью, особенно после того, как была описана общая концепция ее идеи. Она непосредственно была связана с гипотезой Скипа, что убедило его в том, что он был прав. Тем не менее те, кто могли дать ему безупречные рекомендации, находились на расстоянии километров — думал его метафорически перекошенный ум — слишком далеко для короткого разговора по видеофону. Какая срочность может быть у безденежного двадцатидвухлетнего бродяги?

— Терпение, сынок, — советовал Кео. — Я обзвонил почти полмира в обоих направлениях от твоего имени. Не раскрывая твоей идеи полностью. Ты заслужил право сам сообщить об этом, и, кроме того, ты сделаешь это более убедительно, чем смогу сделать это я. Я только говорю, что тебя стоит выслушать по делу, касающемуся Сигманианца. Знаешь, сколько у меня есть подходов к разным учреждениям. Мое имя хорошо известно среди сотен научных и технических руководителей, и это дает мне некоторое преимущество. У нас неплохие шансы. Итак, как говорят японцы, собираясь сделать харакири: «потерпи».

И Скип терпел первую нескончаемую неделю, в основном выпросив временную работу «бери там, бросай сюда», от которой каждый вечер он засыпал, как убитый. Следующие несколько дней, которые не принесли ничего, кроме смены декораций, были еще более трудными. Когда наконец объявили, что Ивон Кантер изолирована после попытки убить ее, он всю ночь метался на своей койке. На следующее утро с покрасневшими глазами и всклокоченными волосами он прорвался через все чиновничьи заборы к Кео.

Начальник был в здании штаба. Сложные устройства связи и вычислительной техники стояли совершенно неуместно у простой покрытой пластиком стены и окна с видом на горы. Легкий ветерок ворвался через окно, неся запахи хвои и шум работающих механизмов. Кео оторвался от стола.

— Привет, — сказал он. — Ты рановато. Садись.

Скип плюхнулся на стул.

— Вы слышали, сэр? — выдавил он из себя.

— Ага. Сразу после происшествия. Знаешь, теперь они попридержат информацию пока шумиха не стихнет. Но мои шупальца добрались до полицейской лаборатории в Денвере.

— И вы мне ничего об этом не сказали? — У Скипа даже не было сил почувствовать себя возмущенным. — Ну, это закрывает нам прямой путь. Не могли бы вы указать мне новое направление?

— Наоборот,— сказал Кео,— тебе нужно это считать удачей.

— Что?

— Я знаю, где она находится. Я могу отправить тебя туда.

Эти слова были похожи на удар грома среди ясного неба. Слип от изумления открыл рот.

Кео строго посмотрел на него.

— Я сделаю это, в случае если ты кое-что мне пообещаешь. Если же ты нарушишь свои обещания, тебя вытолкают взащей, а кишки намотают на шею, а уж я постараюсь проследить, чтобы тебя поджарили на радиоактивном костре после всего этого. Эта женщина так много всего пережила за последние несколько дней, что, должно быть, она совершенно без сил. Пусть она сама возьмет инициативу в свои руки. Если у тебя ничего не получится, возвращайся сюда, и мы все начнем сначала.

Слип судорожно сглотнул. Усталость исчезла из-за учащенного сердцебиения.

— Д-да, сэр. Я обещаю.

— Я так и полагал,— расслабился Кео.— И я думаю, что тебе можно доверять. Я тут порасспросил о тебе. О'кей. Довольно много лет назад, до того, как я стал вождем этого племени, мы работали на Великом Барьерном Рифе в Австралии. Может быть, ты помнишь, один международный проект разваливался, и его нужно было спасать. Среди сотрудников для морских перевозок и специальной экспертизы был флот Норвежских морских цыган. Я подружился со шкипером, который с тех пор дослужился до адмирала, и мы поддерживали отношения. Я упомянул ему о твоей проблеме. Шансы слабые. Однако, почему бы, черт возьми, не потратить несколько минут?

— Мои долгие попытки себя оправдали. Он позвонил мне вчера вечером. Ему не следовало бы, но ведь он не давал никаких клятв, и когда американские агенты попытались застрашать его так, чтобы он принял к себе на борт одного из них инкогнито, он дал задний ход. Это ведь свора негодяев. Но он знает, что мне можно доверять и что я не стал бы поддерживать тебя без причины.

— Так вот где она, Скип. В самой середине Тихого океана, плывет себе в направлении Маури Стейшен и Лос-Анджелеса, в последнем она сойдет с корабля.

— И вы отправите меня туда? — выдохнул Скип.

— Угу. Между прочим, когда звонил мне, адмирал еще был в нерешительности, принимать тебя на борт или нет. Я пообещал, что ты развеселишь его команду. По пути они не так уж и часто встречают забавных незнакомцев. Это и перевесило чашу весов, поэтому не подведи меня. На самом же деле, все, что я могу для тебя сделать — так это дать тебе билет на самолет до Гавайев и денег, чтобы нанять частный вертолет оттуда, плюс скромные деньги на расходы на борту корабля.

— Я... не знаю как и благодарить вас, сэр.

— Ну, подобная затасканная благодарность не пойдет, — Кео оскалился. — Вспомни обо мне, когда станешь богатым и знаменитым. Seriously, я верю, что ты на пороге чего-то очень важного, и чем скорее тебя выслушают, тем лучше.

Скип некоторое время сидел молча. Наконец он решился:

— Я никак не ожидал, что она будет искать убежища у околосемных племен. Судя по тому, что сообщалось в новостях, она, ну, немножко, синий чулок, что-то вроде старой девы, несмотря на то, что была замужем. Не потому ли они выбрали этот флот, что никто и не догадается об этом укрытии?

— Кто сказал, что морские цыгане принадлежат околосемному миру?

— Ну, разве само название не говорит об этом? Люди, которые отвергли общепринятый образ жизни в Орто, но не стали заниматься преступностью как жители Подземного мира? Я сам не бывал ни в одном сообществе этих аргонатов, но я читал и слышал — что вроде одни из них принадлежат к реставраторам мормонов, другие — к касте свободных басков...

Последовали воспоминания Скипа: *Вы строите свои корабли, оснащаете их ядерным оружием, нагружаете материалами и оборудованием, предназначенными для баз на Луне*

и Марсе, чтобы дать вам возможность сохранить независимость в море. Вы ловите рыбу, выращиваете планктон, выделяете из воды минералы, работаете за еду и одежду, исследуете дно в поисках руды и нефти, возможно, по контракту осуществляете длительные перевозки грузов — все, что под руку подвернется. Ваши агенты на берегу бродят по миру и продают то, что вы производите, покупают и отправляют вам все, в чем вы нуждаетесь. Вы регистрируете свои корабли в какой-нибудь слаборазвитой стране с продажными законами; вы получаете формальное гражданство там и для себя; правители издадут закон, который делает вашу группу для практических целей суверенным государством, которое может делать все, что ему заблагорассудится, обеспечивает ее нахождение в международных водах и в рамках международных законов о такой ерунде как навигация и заповедники... Эй, какая замечательная удача! Я отправлюсь, чтобы увидеть Ивон Кантер и цыганский флот!

Слова Кео несколько ослабили его радостное возбуждение:

— Викинги — это совсем иное. Конечно, они плавают под флагом Пазалана, но только чтобы избавиться от состояния всеобщего благоденствия дома. Они считают себя носителями старомодных норвежских добродетелей.

— За которые они стоят не на жизнь, а на смерть, селедочные головы, — со смехом докончил Скип. Он вскочил на ноги. — Эге-гей! Я правда поеду? Вау-Вау! — Он рывком распахнул дверь и колесом выкатился на землю. Через минуту он вернулся, играя «Сладкая Бетси с заставы» на губной гармонике, которую вытащил из кармана.

Глава восьмая

Массивный с медленной манерой речи адмирал Гранстад и его семейство пригласили пассажиров на обед в свою каюту. Ивон Кантер была представлена как «Иоланда

Коэн». Слип не возражал. Бедняжка, она выглядела так, как будто все время видела перед глазами призрак.

— Вы студент, мистер Вейберн? — Он едва услышал ее обычные вежливые расспросы.

— Нет, — сказал он. — Я что-то вроде путешественника.

— О, — сказала она.

Оставшийся вечер она говорила мало, в основном, когда к ней обращались. Он не видел ее следующие три дня, только коротко и на расстоянии. Хотя они были только двумя чужаками, уединиться было нелегко. «Ормен ден Ланге» — «Длинная Змея» — была огромным кораблем. Кроме постов команды и служебных помещений она вмещала в просторных каютах четыре тысячи мужчин, женщин и детей, школы, госпиталь, культурные и увеселительные заведения и поразительное разнообразие маленьких частных предприятий.

Слип больше не возражал, поджидая удобного случая. Время летело в развлечениях и удовольствиях. Его холостяцкая каюта хотя и была удобной и красиво обставленной, служила ему только для того, чтобы помыться и переспать ночь. Все остальное время он изучал корабль и полдюжины таких же его собратьев. Последние были интересны с технической точки зрения, они делали работу, в то время как «Ормен» был похож на плавающий дом, связанный с остальным миром стандартными электронными способами. Но флагманский корабль располагал различными спортивными играми, восхитительными неофициальными ресторанчиками и тавернами и настоящим театром — обществом.

Эти викинги могут и в самом деле вызывать восхищение (ну, в действительности компетентное и сознательное использование механизмов — вот что вызывало восторг) и уважение к ним. Однако в этом они не были строги. Наоборот, они были веселой компанией, как всегда считал Слип. Средний ортианец класса имущих был, без сомнения, более сдержанным, хорошо информированным, тщательно подготовленным, в том числе и по новым дисциплинам, связанным с психологией, которые смогут пробудить гения из обычных умственных способностей,

хронически беспокойным и в душе одиноким: разумный и реалистичный человек логики, эмоционально шаткая ухаживающая сова.

Самые же старые викинги сохраняли юношескую веселость. А более молодые взрослые тотчас же столпились вокруг Скипа. Они превосходно говорили на английском. Он был бродягой, с которым большинство из них встретилось в первый раз. Они упивались тем, что он мог им предложить, и соперничали в том, чтобы развлечь и заинтересовать его в свою очередь. В первые три ночи после чопорного обеда у Грандстадов он кутил допоздна. Утром на четвертый день головокружительная блондинка — медсестра, которую он встретил во время своих приключений, пригласила его на обед к себе после того, как она освободится после работы. Она дала ему понять, что обед — не все, зачем она его пригласила.

Пусть солнце и морской воздух заставят госпожу Кантер вылезти из своей раковины. Сначала пусть удовлетворит свое самолюбие тем, что я ни в коем случае не могу оказаться джентльменом. Не знаю, почему она так яростно сопротивляется тому, чтобы ее охраняли, — я полагаю, что качества личности-«недотроги» развились вследствие состояния ее нервов — но, если и в самом деле нужно будет оказать услугу правительству США, я могу это сделать. Потом еще ей нужно познакомиться со мной. Ну, о'кей. Ведь в порт мы придем не так уж скоро.

Намереваясь хорошенько отдохнуть для предстоящего вечера, Слип взял свой альбом для набросков и цветные карандаши на прогулочную палубу. Там он был один; население все было на работе или в школах. *Мне нужно попробовать нарисовать волны, а не делать их.*

Вид взывал к тысячам разнообразных картин. Внизу за ограждением из необработанного красного дерева и веревочной сетки надпалубные сооружения падали вниз и вперед, по направлению к корме, время от времени немного подаваясь назад и вверх к реям, в лабиринте множества теней, не похожих на пастельно-белые тени, отбрасываемые по течению Гранд Каньона. Часто эта суровость смягчалась миниатюрными парками или висящими са-

дами. Впереди остальные суда флотилии были разбросаны на многие километры. Службное судно с узким корпусом плыло ближе всего, гул его машин доносился до него. Несколько дальше приземистый корабль-фабрика перерабатывал бурые водоросли, которые выращивались повсюду; вода вспенивалась добела у всасывающих и выводящих труб устройства, которое экстрагировало минералы; траулер был на более далеком расстоянии, почти на краю видимости. Видавшие виды корабли морских бродяг были обожжены ветрами, с корпусами, покрытыми у носа королевской синей краской, которая давала отчетливый зеленый оттенок под водой и мягкий, почти черный, на корме, все время передвигающимися и живущими переменами, как сменяющаяся кровь в человеческом сердце. Бриллиантовая пыль сверкала и танцевала, освещаемая мягким солнцем с доброго неба, где дрейфовало несколько светлых облаков.

Сбалансированный «Ормен» не подвергался качке, и его ядерный двигатель не производил ни дыма, ни шума. Низкая вибрация проходила через корпус корабля, снова напоминая Скипу о биении пульса внутри него самого. Океан волновался, гудел, шипел, смеялся под убаюкивающей прохладой ветра, который нес запахи соли, йода, озона. Ветер ерошил Скипу волосы и пытался поиграть с его блокнотом для набросков. Он весело ругнулся на него, потому что ему нравилась песня, которую пел ветер о том, сколько миль он пропутешествовал, пока добрел сюда.

— Доброе утро, мистер Вейберн.

Он обернулся, застигнутый врасплох ее сопрано.

— А, доброе утро, доктор Кан... мисс Коэн.— *Черт побери! Мне же полагается ей подыгрывать пока... если она не раскроет, кто она такая, сама.*

Она посмотрела на него удивительно спокойно.

— Кантер, вы хотели сказать? Не вы первый. Я действительно похожа на нее. Неудивительно. Ведь мы почти что двоюродные сестры.

— О, ну тогда я буду единственным, кто не станет умолять вас рассказать подробности жизни вашей знаме-

нитой родственницы,— отвечал Слип, воздавая молитву любому Богу, который мог ее принять.— Я могу поспорить, вы с ней редко видитесь.

— Вы выиграли.

То, что она могла легко обманывать, указывало на ее быстрое выздоровление. Более того, в то время как ее туника и слаксы создавали контраст в аккуратности с его небрежной одеждой, их цвет лютика должен отражать некоторую степень ее хорошего настроения. Ее потерянный вес начал уже возвращаться; выступающие скулы и нос с горбинкой все еще выдавались на узком лице. Однако волосы, завязанные конским хвостом, блестели эбонитом, раскосые и действительно прекрасные глаза больше не были обрамлены темными кругами, губы — их оставшаяся бледность не была скрыта под косметикой — кривила улыбка, которая была едва заметна, но немножко пугающая, несмотря на то, что улыбка была умной.

— Мне не хотелось бы вас избегать, но и беспокоить тоже не хотелось бы,— сказал Слип.— Жена адмирала сказала мне, что вам нужен отдых.

— Я ненавижу... кажется грубым,— сказала она, колеблясь.— Миссис Грандстад сказала все верно. Найти вас, поднявшись сюда...— Она вытащила сигарету из кошелька на ремне и прикурила.

— Пожалуйста, не подумайте, что вам нужно поддерживать разговор. И я в самом деле могу уйти. Много тут всего такого, что может отвлечь меня от печальных дум, или наоборот, погрузить в них, в зависимости от случая.

Ее улыбка ожила, стала немножко шире.

— Да, я заметила, вы бродите туда-сюда. Пускаете пыль в глаза, а? И я вижу, вы — художник?

— Не беспокойтесь об этом. Боюсь, что мои волны не могут никак соперничать с волнами Хокусаи.

— Могу я посмотреть? — спросила она. Он вручил ей блокнот. Она изучила его рисунок с тем, что как он верил, было одобрением.— Ну, почему же, это — превосходно. Как вы уловили места интерференции... У вас есть еще? Можно мне пролистать?

— Если желаете. В основном это — рисунки. Или кари-

катуры. Вот это, например, я нарисовал на вертолете, который привез меня сюда.

Смех, слабый, но смех, вырвался у нее. На рисунке были два настоящих викинга в шлемах с рогами и в кольчугах, которые стояли на берегу фьорда, наблюдая, как плывет мимо одинокий корабль. Один говорит другому: «Он — отличный мирный парень, знаешь ли». Голова на носу и хвост на корме были похожи на мышинные.

— Я уверена, вы могли бы продавать такие вещи, — сказала она.

Скип пожал плечами.

— Иногда я так и поступаю, особенно в маленькие городские газетенки. Большие периодические издания отвечают слишком медленно. Есть вероятность, что когда они отвечали, я уже уматывал куда-нибудь, не оставив адреса для пересылки почты.

— Неужели? — Она вернула ему блокнот и медленно затянулась сигаретой, разглядывая его искоса. — Как это?

— Я — бродяга. Мигрирующий торговец всякой всячиной, потешник, можно это и так назвать, и скажу вам, это — способ прокормиться.

— Простите меня, но вы кажетесь слишком молодым для этого.

— Не моложе, чем есть на самом деле. Официально я достиг совершеннолетия четыре года назад. Именно тогда-то я и пустился в странствия.

Конечно, он пытался сделать это двумя годами раньше, но был пойман. Офицер, который арестовал его, доставил в камеру, похожую на крысиную нору, применил к нему искусно отработанные меры физического воздействия. Поскольку его тяга к путешествиям привела к еще большим трениям в семейных взаимоотношениях, родители согласились на его «заключение» в подростковый реабилитационный центр сроком на три месяца. Там начальство не было жестоким, но скоро его стало тошнить от скуки.

Зачем вспоминать об этом? Горечь от всего этого долго была в нем, пока ее не выдули ветра путешествий.

— И очевидно, вы хорошо образованны, — сказала Ивон Кантер.

— Большинство из нас,— объяснил Скип истоки и философию своей части околопланетного мира.— У меня много уважаемых друзей,— закончил он,— включая человека, который устроил мое пребывание здесь.

Он мог догадываться, что она думала: *«Влиятельный друг, который устроил ему пропуск одновременно со мной. А говорят еще, что викинги не связаны клятвой подчиняться указаниям американского правительства. Однако, они находят полезным сделать это по доброй воле... Ну, он кажется приятным и не причинит вреда. Я не могу пожаловаться».*

Задачей Скипа было сделать себя не только «приятным и не причиняющим вреда» в ее глазах. Наступила неловкая пауза. Она сказала неубедительно:

— Интересно, где сегодня подводная лодка?

— Они собирают кристаллы марганца со дна,— ответил он.— Мне сказали, что она разведывает новую территорию, как фермерский кот.

— Что?

— Ничего,— сказал он поспешно. Она могла найти его шутку слишком земной.— Знаете ли, мисс Коэн, я был рад сделать ваш портрет, если бы вы попозировали. Конечно, если вам удобно, и вы не слишком станете ожидать сходства. У вас такая экзотическая внешность, что она поразила меня.

— О? Как же? — Щеки цвета слоновой кости порозовели, а ресницы затрепетали. Она не настолько была далека от нормальной женщины, чтобы не получить удовольствие от комплимента.

— Пойдите минутку, не двигаясь, пожалуйста, а я попытаюсь показать вам.— Он постучал по чистой странице. Зажав блокнот и коробку карандашей в левой руке, он кругами ходил вокруг нее туда-сюда, присаживался, наклонял голову, наконец выбрал правильный угол зрения и начал рисовать. Хотя она уже кончила курить свою сигарету, и, возможно, хотела бы еще одну, она сохраняла позу неподвижно с чувством собственного достоинства.

Его карандаш летал, оставляя след кривых и теней. Он намеревался, насколько мог, показать ее очарование, а не интеллект. Но вместе с рисунком росла и концепция.

Сотри эту линию, эту тень, проклятье, они не верны! Она — красива аскетической красотой, наполовину абстрактной, как Долина Смерти или кипарисы Монтеррея, которые сгибались и распрямлялись под бурями веков.

— Извините меня, тут не совсем правильное освещение, вы не попозируете еще две-три минуты?

Лучше не делать этих сравнений вслух. Она, наверняка, неправильно их поймет.

— Вот! Покорнейше благодарю. Это сделано наспех, но, возможно, вы сможете увидеть, что вижу я.

Он вырвал лист и дал его ей. Она издала низкий звук удивления. Краска проступила и расплылась по ее лицу. Ее указательный палец скользил по его рисунку. Он не просто выделил ее лучшие черты, он схватил ее напряженность сжатой пружины. Слегка восточные черты лица остались, но одежда развевалась на ветру вокруг груди и ног таким образом, что нельзя было не вспомнить Нику Самофракийскую, а перила за ней были показаны с такой точки зрения, что было понятно: она смотрит в небо.

— Я никогда... Замечательно,— выдохнула она.— Вы изобразили меня более устремленной, чем я есть на самом деле...

О нет, Ивон.

— ...или же я прочел что-то, чего другие не смогли? Какая неожиданность!

Она потупила взор.

— Если это для меня...— сказала она нерешительно.

— Ну конечно же, если хотите,— сказал ей Скип.— Это всего лишь набросок, в полном смысле этого слова.

Возмутительная идея неожиданно пронеслась у него в голове — добавить надпись о Сигманианце. («Что бы он сказал по этому поводу?», или «Правда ли, что его язык состоит полностью из непристойных слов?», или...)

— Я и в самом деле постараюсь продать вам ваш портрет, если вы позволите мне нарисовать вас,— напомнил он ей. *Ваш портрет, я бы сказал, хотя вы сами знаете, пока вы не прибавите хотя бы несколько килограмм — увы, лошадиный.*

— Я подумаю об этом. Конечно, ваше предложение

чрезвычайно приятное, — она закурила еще одну сигарету. Поспешно, как будто у нее вырвалось помимо воли: — Наверное, время от времени ваш талант, мистер Вейборн, вас кормит. Кроме случайных продаж рисунков, вероятно.

— Называйте меня Скипом, ладно? Все меня так называют. Это долгая история, почему я выбрал это имя, которое значит «корабль» на норвежском, хотя по-английски произносится почти точно так же, как английское слово... Да, у меня бывают комиссионные распродажи то тут, то там. Я стал несколько осторожней, соглашаясь на них, после того, как у меня были некоторые неприятности пару лет назад.

— Что же произошло?

— Это длинная история.

— Мне некуда торопиться.

Господи! Это означает, что ей доставляет удовольствие моя болтовня. Держись, парень.

— Ну, видите ли, — начал он, — мне случилось проезжать через крошечный южный городишко, не сказать, чтобы в околопланетном мире, и гораздо более библейский, чем можно поверить в наши дни и в нашем веке. В самом же деле, там все вокруг было с отставанием почти что на полвека. У них даже был музыкальный автомат в столовой — видели такой? Сигманианец был достаточно груб, чтобы иметь право на существование, и расстроил правоверных, как торнадо. Они отреагировали так бурно, что с помощью этой энергии можно было бы вывести огромную ракету на лунную орбиту. Я ввязался в разговор с владельцем этой столовой. Он намеревался закрыться на неделю и отправиться куда-то навестить родственников. Я предложил ему разрешить мне облагородить его поблекшую забегаловку, пока его не будет. Мы договорились о цене за сцену из Библии. Я не пускал никого вовнутрь до великого открытия, и я готовил и спал там же, пока меня не свалила настоящая лихорадка. Я навещал моего друга-самогонщика, живущего поблизости. Сперва, когда я от него вернулся, я посмотрел на то, что начал, и понял, какую благородную возможность я упускаю. И на таком пространстве я планировал изобразить Нагорную проповедь!

Смехотворно! Не то, чтобы у Иисуса не было возможностей, но я еще их не выяснил для себя и не видел смысла копировать идеи кого-то еще.

Когда я проснулся следующим утром, вдохновение все еще меня не оставило, поскольку, хоть моя Муза и была вчера пьяна, а сегодня мучилась от похмелья, она была настоящей. Я сделал запасы во все кувшины, и всю остальную неделю в полубессознательном состоянии от отсутствия должной еды и сна плюс чрезмерного изобилия пшеничного самогона я нарисовал лучшую вещь, которую когда-либо писал, а может быть, ничего лучше мне и не удастся — Откровение Пророка Святого Иоанна.

Ангелы во всех четырех углах высокого потолка, венки из цветов гнева над музыкальным ящиком, телевизором и дверьми в женский и мужской туалеты. Бог отец со сверкающим нимбом на этом потолке, его длинные седые волосы и борода разбросаны в безумной буре, а его лицо было наполовину человеческим, наполовину львиным. Бог сын по его правую руку был менее удачно изображен — я хотел показать, что он жалеет проклятых грешников, которых он старался бросить в вечный огонь, — ну, он вышел как мрачно удовлетворенный приверженец течения возрождения Христа, который говорил: «Я ведь вас предупреждал». Языки пламени вокруг тронов — не пламя ада, заметьте, — созданные по образцу солнечных протуберанцев, — возносились к Святому Духу, чьи крылья несли своего парящего владельца. Гавриила я сотворил по образу и подобию того, что однажды видел в кино, — трубача в эру забытого джаза, Бикс Бидербека, он очевидно выдувал джазовые рифы и, синкопируя, тем самым заработал бессмертную жизнь. Остальные ангелы более старшего возраста, вся святая команда обезумела от его концерта. Некоторые были недовольны, пытаясь сконцентрироваться на своей работе, но одна одуревшая парочка слушала в полном экстазе. Что касается меня, я и сам некоторое время своей собственной жизни провел в зверинце у трона... О, я заболтался.

— Нет-нет, продолжайте, — сказала она, не спуская с него глаз.

— М-м-м, ну, хорошо, отбросив этимологию, почему

фрески никогда не занимают пола, если принять во внимание, как мало свободного места на современных потолках. Тот пол стал Землей. Из нее поднимались мертвецы. Виднелись упавшие надгробные камни, могилы открывались, вся сцена — сплошной хаос, поскольку я догадывался, что к моменту Судного Дня каждое местечко на планете будет использовано тысячи раз для похорон. Я сомневался, будет ли восстановление плоти одновременным — поэтому я показал различные стадии этого процесса — свежие трупы, уже наполовину сгнившие, череп, катящийся, чтобы соединиться со своим позвоночником, два скелета, повздорившие из-за большой берцовой кости, древний прах, начинающий принимать очертания привидения... И полностью восставшие тела! Я не пытался достичь трагического благородства фонтана Орфея в Стокгольме. «Откровения» — это дикая книга, верх невменяемости. Самые слабые среди воскресших с трудом пытались принять горизонтальное положение с помощью стульев за стойкой. Парочка любовников кричала от радости в объятиях друг друга, да, однако, они были довольно старыми, когда умерли. Припоминая, что на небесах не существует браков, молодая парочка старалась урвать момент. А, ну, еще ковбой и индеец скакали и дико кричали, все остальное вы легко можете представить.

Вдоль нижней части передней стены я расположил вид далеких горящих городов, наводнения, землетрясения и подобные бедствия, включая удар молнии, который поразил фундаменталистскую церковь. На правой стене спасшиеся летели вверх, как сухие листья при ветрах циклона. Большинство я изобразил наподобие счастливых пьяниц, бездумных чугунных голов и т. д., но некоторые выглядели подозрительно, некоторые вызвали недоумение, одного здорово тошнило от полета. Естественно, все они были обнаженные. В манускрипте ничего не говорилось о восстановлении их покровов. На левой стене грешники точно таким же образом низвергались вниз. Адское пламя стремилось им навстречу, чтобы поприветствовать их, и несколько первых начали уже шипеть, о, это не было приятным зрелищем. Не были приятными и дьяволы, которые

поторапливали их. Я пропущу некоторые детали. Сатана собственной персоной был несколько лучше, в стиле фонтана Орфея. Одна его рука была протянута, чтобы сгрести грешников, другой же он грозил Богу, потрясая кулаком с вытянутым указательным пальцем.

За стойкой для наслаждений покупателей расстился вид других оппозиционеров Бога — Великая Вавилонская Блудница со своими животными инстинктами. Я нарисовал этих животных попарно. Она смотрела на Антихриста взглядом, выражающим готовность, и сделал совершенно очевидным то, что он имел в мыслях... Но, простите, я не хотел задеть вас.

Извинение Скипа было проформой. Она хихикала.

— О, мой, о, мой Бог,— сказала она.— И как на это отреагировал городишко?

— Несмотря на то, что я был навеселе, и в голове у меня был ветер, мне не могло прийти на ум, что они могут оценить мое творение по достоинству,— Слип вздохнул.— Мне пришлось доказывать собственное прозвище в тот день. *Не в первый и не в последний раз я был рад, что преуспел в карате и кэндо.* Без сомнения, владелец все закрасил.

Она очнулась. Он понял, что яркость описания этого события была более чем бахвальством, и она заметила это.

— Странно,— сказала она медленно.— Мне никогда не доводилось встречать никого, кто имел бы в крови артистические и художественные наклонности.

— Это принимает самые странные формы,— он попытался увиливать. Его увертка не достигла цели.

— Конечно, компетентные иллюстраторы,— продолжала она. Она смотрела то на воду, то на палубу.— Некоторые, которые хвастались своим предназначением, но оказывались некомпетентными. Ни один из них не был настоящим художником, таким, какими, я знаю, являются музыканты и ученые от Бога. Пока не встретила вас сегодня.

Смею ли я открыться? Да, осторожно, осторожно. Форсировать те микросекунды, когда она показала свое неприятие предмета.

— Благодарю вас,— произнес он медленно.— Однако я подозреваю, что нет такой личности сейчас в живых, за

исключением, может быть, Рембрандта или Баха, которая могла бы сравниться артистическими и художественными наклонностями... со знаменитым гостем Земли.

Вздрогнула ли она? Он не мог сказать наверняка. Но подняла вопросительно брови.

— С Сигманианцем, — Скип указал наобум в небо.

— Ну, м-м-м, Кантер, — она как ни старалась, все же покраснела, — Кантер, как вы знаете, оказалось, она доказала, что это существо настаивает на определенных эстетических стандартах, которые оно требует. Как, скажем, период японского дворянства Хей.

— Не то, к чему я клоню, хотя работа доктора Кантер предполагает, что мои представления могут и не оказаться такими уж сумасшедшими.

— В чем же ваша идея? — Теперь она проявляла только вежливую заинтересованность, он признавал это, и все-таки она не казалась сдавшей позиции.

Он припомнил, как играть в игру «Рыбка на тонкой леске».

— О, ничего особенного. — Он повернулся, облокотился о перила и уставился на волны. — Идея, которая может прийти в голову бродяге.

Она пододвинулась, чтобы встать рядом с ним.

— Продолжайте, Скип. Ну же.

Он изо всех сил старался остаться спокойным.

— Возможно, я здорово ошибаюсь, — сказал он. — Я думаю, что знаю, зачем прилетел Сигманианец, и что он делает, и почему он едва обращает на нас внимание, и как мы сможем его заставить сесть и махать хвостом, которого у него нет, и объявить, что ничего не может быть слишком хорошо для человеческой расы. Экстравагантно с моей стороны, как вы считаете?

Он рискнул искоса кинуть на нее взгляд. Профиль, который притягивал его внимание, был обращен к морю, конский хвост развевался на усилившемся ветру. Он не напугал ее. Она крепко схватилась рукой за поручень, и ее голос был слегка натянутый:

— Расскажи мне.

Глава девятая

Она открыла свое инкогнито ему в тот же день. Они старались сохранить его в присутствии других, за исключением Гранстадов, с которыми они редко встречались. Это стоило Скипу дружбы с блондинкой-медсестрой, которая стала удивляться, почему он проводит время всегда с этой костлявой Коэн, которая годится ему в тетки — ну, на несколько лет старше его, — время, которое он мог бы проводить с ней. Она не принимала его объяснений о том, что у мисс Коэн замечательно работает голова.

О, ну конечно, было несколько волнующих замечательных ночей. И он продолжал играть время от времени в мяч или иногда пытался поддерживать дружеские отношения с более молодым обществом. Хотя они в равной степени тоже были озадачены переменой в его поведении, они не допытывались у него о причинах. Индивидуализм не мог сочетаться с жизнью на виду друг у друга, и необходимость общения, не выходящего за рамки приличия, добавлялись катализатором в уважение к праву на личную жизнь. Вне всяких сомнений, они решили, что от бродяги и следует ожидать эксцентричности.

Скип быстро перешел на дружескую ногу с Ивон. Они оба загорелись, изучая последствия его гипотезы, строя планы, делая приготовления. Исключая непредвиденное, она должна была оставаться на корабле до Лос-Анджелеса. Полковник Алмейда и его компания нуждались в таком продолжительном времени, по крайней мере, чтобы обеспечить ее безопасность. Она была в унынии, пока не обнаружила, как они со Скипом могут использовать это время с пользой. «Ормен» имел доступ к информационным линиям, компьютерным базам данных, к видеосвязи со всем миром, которые были в полном ее распоряжении в любую минуту. Ридерфакс мог сделать любую копию любой статьи из любой библиотеки, с любой степенью достоверности, которую только может запросить клиент. Там был даже скульптор Мицуи, который выполнял те же задачи, только в трехмерном исполнении, для объектов,

чьи сканированные изображения были заложены в файл. Обычно это были скульптура и керамика, но Скип настоял на живописи.

— Текстура гораздо более важна, чем могут представить себе люди, — говорил он. — Они не знают, насколько чувствительно их зрение, натренирован у них глаз или нет. На самом же деле наиболее очевидное в письме маслом — то, кто кладет жирные мазки — как делали многие импрессионисты. Хотя не думаю, что для остальных это хоть что-нибудь означает. Они могут писать так же гладко, как Дали, но и эта поверхность оптически не совсем гладкая. То же самое и для письма чернилами в восточном стиле и акварели. В них материя или бумага становится частью композиции. — Он колебался.

— Угу, дядя Сэм возместит вам то, что мы тут заказали на борт для изучения. Не так ли?

— Глупости, — она рассмеялась. — Я могу прямо записать это ему в дебет.

Они стояли на прогулочной палубе после того, как целый день проецировали изображение за изображением на экран, делая выбор, продолжая дебатировать об этом в течение всего обеда. Больше никого на палубе не было. Пульсация полной скорости была равномерной по всему кораблю. Наверху сверкали звезды и луна, которая строила мост над темноблестящей водой и превращала его в белую проснувшуюся речку. Огни сопровождающих кораблей казались крошечными бриллиантами на расстоянии километров. Воздух был мягким, спокойным и соответствовал низкому звуку работающих моторов, шипению и бульканью воды при ходе корабля. Ивон и Скип прислонились спиной к перилам рядом друг с другом, глядя вдаль и упиваясь покоем.

— Хорошо, — сказал он. Увлеченно: — Знаете, интересно было бы, если современная репродукция достигла бы желаемого качества. Я хочу сказать, послушайте, если бы вы могли иметь Леонардо или Моне или еще кого-нибудь в своей гостиной по доступной цене — не копию с фотографии, и не копию, которую сделает художник по заказу, но по сути своей настоящую вещь, каждый оттенок и контур

которой идентичен оригиналу. Вам бы не хотелось? Вместо того, чтобы путешествовать за тысячу километров, чтобы преклонить свою голову в галерее?

— Д-да, дома я коллекционирую Матисса и Пикассо... и византийцев, между прочим.

— Что мне хотелось бы знать, это — что произойдет теперь, когда современному художнику приходится непосредственно соперничать с мастерами двух- или трехтысячелетней давности? Я понимаю, что мы, современники, находимся у истоков ренессанса. Знаете ли, что в середине двадцатого века мы свалились на самое дно мусорной кучи, правда ведь? Или вы так не считаете? Я вижу новые средства выражения с переходом от западных, восточных, народных и научных мотивов, я вижу, что это начинает развиваться. Однако, будет ли шанс у этого течения? Захотят ли за это заплатить власти? А сами художники, окруженные несметным количеством старых талантов, что это им даст? Одной из причин, по которым я отправился в свои странствия, была — попробовать жизнь, такой какая она есть, и найти свой собственный взгляд на вещи.

Ивон погладила его по руке. Она улыбнулась в лунном свете.

— Вы — идеалист. — И тут же, как будто испугавшись, она отдернула руку и потянулась за своим кошельком на ремне.

— Кто я? — У него покраснели уши. — Леди, нет! Я делаю, что хочу, и не на йоту больше, если я могу это себе позволить. Это вы в этом дуэте специалист на службе всему человечеству.

Она вытащила пачку сигарет и предложила ему.

— Благодарю, — сказал он. — Считайте, что мы оба сможем выдержать отдых, потому что мы сильно перевозбудились. — Они одновременно прикурили и затянулись. — Хотя, — продолжал он после первой глубокой затяжки, — вы преуспеваете в работе. Когда я встретил вас, вы были похожи на привидение. Теперь, спустя неделю, когда вы не работаете двадцать четыре часа в сутки, вы стали поправляться, не вздрагиваете при виде каждой тени, вы шутите...

Он подумал, что это не совсем верно. Она ценила юмор

определенного рода, но не слишком хорошо сама им владела. И в то время как физически она почти вернулась к норме, — что он был рад видеть, — ее нервы все еще не давали ей покоя. Как сейчас. Красный кончик ее сигареты дрожал в ее пальцах, она делала неблагоразумно быстрые и глубокие затяжки.

— Я сказал что-то не то? — спросил он.

Она покачала головой. В ее голосе почувствовалась боль.

— В этом нет вашей вины. Вы просто случайно напомнили мне. Я не альтруист. Если только я была бы им, хотя бы хоть в некоторой степени, я бы не совершила таких необдуманных поступков, которые сделала.

— Вы шутите? Ивон, все, что вы сделали — великолепно.

— Разве? — В ее изнуренном состоянии нужно ковать железо, пока горячо, чтобы таким образом смести все барьеры. — Я убила человека. Я вижу его мертвое лицо с выкатившимися глазами и отвисшей челюстью от удивления. Он был бы жив, если бы я просто ранила его.

— Гм? Я слышал, что какой-то болван, у которого не все дома, пытался убить тебя, но в новостях ничего не говорилось...

Она рассказала ему поспешно и вкратце между затяжками. В конце слезы рекой полились по ее щекам, при лунном свете они казались серебряными.

Он обнял ее за плечи и сказал:

— Ивон, послушай. Это не твоя вина. Ни на грош. Ты была до безумия перепугана. И у тебя не было опыта в обращении с оружием, ведь так? Это, должно быть, было оружие двойного действия. Магазин можно было опустошить за секунды. У тебя просто не было *времени*, чтобы понять, что ты делаешь. И все равно, ты не сделала ничего дурного. Ты защищала себя. Ты нужна миру. Мир станет лучше без этого выродка, без этой дряни.

— Без этого человека, Скин.

— Не думай об этом. Стрельба — профессиональный вид спорта в преступном мире. Ты разве чувствовала бы сожаление, если бы подобное случилось с посторонним человеком, а ты услышала бы просто об этом?

— Это случилось со мной! Ты-то никогда не убивал человека, не так ли?

— Нет. Но был близок к этому. И я всегда ношу кинжал. Неразрешенный и изжитой, как тиф, но в каждой паре штанов я шью потайной карман и стараюсь держаться в форме. Если когда-нибудь у меня не будет выбора, я его достану. Что не доставит мне ни удовольствия, ни раскаяний совести.

— Ты говоришь мне то же самое, что и все остальные.— Она отвернулась и стала смотреть опять на море. Скип позволил своей правой руке скользнуть к ее талии и обвиться вокруг нее. Она вздохнула и легко прислонилась к нему.

— Прости.— Ее голос был приглушенный, почти неразборчивый.

— Я не должна вешать на тебя свои неприятности.

— Для меня честь помочь, даже если все, что я могу — это подставить плечо,— сказал он.— И я никому не скажу того, что мне было рассказано по секрету.

— Спасибо, Скип.— Она улыбнулась несколько обреченно. Она смотрела прямо перед собой.— Я исцеляюсь так же быстро, как и предсказывал психотерапевт. Я не часто думаю о... об этом... больше, и все реже я чувствую себя виноватой. Скоро я покончу со... всем этим. Не сомневаюсь, что некоторое время спустя после этого я перестану удивляться, права ли я в том, что не чувствую себя виноватой.— Она издала тихий, пахнувший табаком вздох.— Это связано с целым комплексом неприятностей, которые произошли со мной за всю жизнь. Радуйтесь, что вы — экстрове́рт. Быть интровертом — ничего хорошего. Мой брак распался потому, что я так редко видела, что он нуждается во мне больше, чем я могла ему дать. И разве я когда-нибудь хотела стать такой одинокой, как сейчас? — Она бросила окурок за борт.— Пропади все пропадом. Я чувствую себя как мертвая. Лучше пойти спать.

Он проводил ее до ее каюты. У двери в пустом коридоре со звуками вентилятора и дрожащим от скорости хода корабля, она, не поднимая на него глаз, улыбнулась ему трясущимися губами.

— Ты — замечательный, — прошептала она.

Он справился с искушением, нагнулся, поцеловал ей руку и ушел, просто сказав:

— До свидания.

Они договорились встречаться на прогулочной палубе каждый день перед обедом, чтобы погулять в течение часа и обсудить рабочие вопросы. Слип прибыл туда на следующий день не совсем уверенный, что Ивон тоже придет. Она пришла, хотя позже, чем обычно, запыхавшись от ходьбы.

— Привет, — поприветствовал он. — Как самочувствие?

— Прекрасно, спасибо. — Он едва расслышал ее ответ, и она избегала смотреть на него.

— Я опасался, что вы заболели, — многословно продолжал он. — В противоположность поговорке, люди заболевают от передозировки марихуаны, а мы попробовали ее прошлой ночью, не так ли? По крайней мере, я. Не могу вспомнить ничего — беспорядочные воспоминания о том, что мы говорили о вещах, которые казались нам очень важными, но, возможно, это было вовсе не так — наркотики подлые, когда их употребляешь нерегулярно.

Она бросила на него быстрый удивленный взгляд.

— Тогда вы плохо себя чувствуете?

— Не так уж плохо. Судья освободил меня условно на поруки.

Они начали прогулку быстрым шагом. Громко завывал ветер, который был прохладным, а серо-зеленые волны бежали тяжело под многочисленными облаками. «Ормен» вошел в Японское течение.

— Давайте оставим на время вопрос об искусстве, — предложила Ивон более поспешно, чем это было необходимо. — Я заметила, что, кажется, вы не понимаете, как биология Сигманианца отличается от земной. Эти сведения могут что-нибудь вам дать.

Что они мне могут дать, подумал он, так это то, что ты хочешь найти безопасную тему — искусство связано с эмоциями, пока не выставишь себя всем напоказ. О'кей.

— Ну, я знаю, что химический состав у него другой. Где возникает аналогия — это аминокислоты и тому подобное, они, возможно, являются зеркальными отражениями наших... изомеров, правильно я сказал?

Ивон вынула сигарету, конечно, табак.

— Я думаю о клеточной организации, — сказала она. — Те биологические образцы, которые он нам дал, были одновременно животного и растительного происхождения. Несколько образцов растительного происхождения были чуть больше микроскопических размеров, ни один из образцов животного происхождения таким не был. Однако эти образцы включали в себя как протозойных — одноклеточных, так и многоклеточных, и там было несколько граммов ткани, которые могли быть взяты от представителя доминирующего вида. Естественно, нашим ученым не удалось сохранить или культивировать что-нибудь, ведь клетки не были похожи ни на что на Земле. Некоторые ученые-цитологи объявили, что они выделили что-то, что соответствует хромосомам, рибосомам и так далее. Другие оспаривают это. Но сейчас важно не это. Основные принципы, кажется, в основном те же самые, грубо говоря. Не так ли?

— Я понимаю, — сказал Слип.

— А вот и нет! Многоклеточные соединяются друг с другом совершенно не так, как основные земные виды.

Ивон замолчала. Проплывающий кит выпустил фонтан. Слип подумал: *«Человек стал человеком, а не животным за счет поддержания наполовину приличной консервации благоразумия. Как претенциозна была бы моя жизнь без таких чудес, как это!»* — легче всего объяснить, начав: *«Увы, я заблуждался»*. Он заставил себя обратить внимание на женщину. Ее лекция, должно быть, была для нее защитной реакцией, и, несмотря на это, она читала ее неплохо:

— ...предполагаемое развитие таких организмов на Земле. Я не биолог. Я, возможно, передаю детали несколько искаженно, но именно так я понимаю смысл этого.

— Естественные агрегации клеток, должно быть, представляли собой простые скопления, нечто похожее на них выживало в шариках реснитчатых водорослей. Затем они

превратились в полые сферы, зачастую в две концентрические сферы, как современные зеленые жгутиковые, которые живут колониями. Но в настоящее время — это было еще в прекембрийскую эру — запомните — такие сферы образовывали специальные внутренние и внешние стенки. У них были отверстия по обе стороны для приема питательных веществ и экскреции того, что они не могли использовать. Как из простой гастролы, какие имеют почти все виды животных, которые мы знаем. Некоторые образовывали просто колонии, как губки и кораллы. Но другие, соединившись конец к концу, стали сегментами первых червеобразных.

— Из этих первых низших червеобразных в свою очередь, — Скип подпевал очевидным каламбуром, — образовались все высшие формы. В несколько улучшенном варианте мы сохраняем до сегодняшнего дня ту старую основную трубчато-модульную структуру. Двухсторонняя симметрия, система «пищевод — желудок — прямая кишка», ребра и позвоночник служат примером этому. Даже разветвленные органы, такие как сердце и легкие, имеют канальный принцип, хотя легкие стали «сумчатыми», а не «трубчатыми», но все равно — мне больше не стоит приводить примеров.

— Это не единственный путь эволюции биологического организма. Я уверена, что вы знаете. Растения не пошли по этому пути. И как нам был дан ясный пример, жизнь Сигманианца — тоже. Возможно, самым ближайшим аналогом ее на Земле является эндокринная железа.

— Здесь на Земле определенные одноклеточные плавают с помощью ресничек, похожих на волоски, выступов по бокам. Что-то похожее возникало и в тех образцах, что мы получили с планеты Сигманианца. Но не идентичное. Эти одноклеточные обычно не плоские, а сферические. Реснички расположены по всей поверхности на некотором расстоянии друг от друга, и они служат не только для передвижения. Они подгоняют воду, и любые органические материалы, которые только могут в ней находиться, к клетке. У микроскопических животных, в частности, нет ни входного, ни выходного отверстия, его кожа прони-

цаемая, и потоки, вызванные ресничками, несут пищу, которая попадает вовнутрь. О, дальше — больше. Химическая реакция на мембранах, возможно, размельчает большие молекулы на меньшие, которые могут попасть вовнутрь, а уж внутренние процессы должны быть чрезвычайно сложными. Но нашим биологам потребуется большое количество живых образцов, чтобы проследить все детали.

Ивон остановилась, чтобы перевести дыхание. Скип сказал:

— Я могу догадаться, что происходит. Да, я припоминаю смутно, что читал какую-то статью. Моя личная жизнь в то время была перегружена новыми впечатлениями, и, заметьте, когда эти сигманианские микробы решают объединить силы, они держатся за руки, вместо того чтобы целоваться.

Он был доволен, когда увидел, как вспыхнула ее улыбка.

— Можно и так объяснить,— сказала она.— Да, они соединяют некоторые из своих ресничек. Они теряют свои естественные функции перегонки воды и становятся трубочками для поддержания и доставки жидкости. В различных частях тканей, которые изучили наши ученые, трубки сжимались до тех пор, пока клетки не входили в непосредственный контакт. Но это осуществлялось для определенных целей, как, например, мы используем независимо плавающие кровяные corpusculы. В основной многоклеточной структуре Сигманианца имеется решетка из сфер, которые связаны и поддерживают друг друга, объединенные трубками. Трубки могут быть твердыми, полыми или проницаемыми, они могут быть жесткими и гнущимися, это зависит от того, какова их функция. Расположение остается таким же. Точно такой же проницаемой является и клеточная оболочка, однако модифицированная в кожу, она была такой на протяжении миллионов лет.

Они обошли палубу по кругу в задумчивом молчании. Мимо прошел какой-то викинг.

— Гуд морген, ду,— по-приветствовал его Скип. Его произношение было неплохим. Моряк ответил. Скип вернулся к своим глубоким раздумьям.

— Я верю, что знаю, куда это все ведет, — сказал он наконец. — Вот проверь меня. Основная симметрия не всегда двусторонняя, она может быть аксиальной или радиальной. Там нет тенденции, во всяком случае ее там меньше, чем здесь, чтобы образовать определенный зад или перед. И специальные органы получаются тоже менее развиты. Проницаемая клетка может поглощать пары воды или воздуха — это поддерживает свободные реснички, которые превращаются в эффективные маленькие вентиляторы — я прав? — и она выделяет использованные продукты непосредственно и непрерывно. Нашему сигманианскому другу нужны клешни, чтобы размалывать твердую пищу, но единственное отличие в том, что сок, который просачивается с поверхности между этих клешней, может превратить ее в мягкую массу, которая растворяется и проходит вверх по рукам. Он должен быть даже более едким, чем наш желудочный сок!

— Вы схватываете быстро, — Ивон кивнула. — Предполагается, что такие же соки, возможно, циркулируют повсюду в растворенной форме — основная защита против болезнетворных микробов. Что же касается защиты от физического воздействия, решетка без покрова будет безнадежно уязвимой, из-за этого, возможно, большинство животных планеты имеют зигзагообразные панцири, похожие на еловую шишку, как у нашего космического путешественника. Животное не изолируется от окружающей среды, как устрица или черепаха, потому что его все время обтекают воздух и вода, не изолируется оно и от чувственных впечатлений. Следовательно, эволюция интеллекта не подавляется.

— Угу, — сказал Слип. — И вдобавок с четырьмя запасными глазами, и кто знает, с какими еще выдающимися органами. Могу поспорить, Сигманианец ощущает сильнее, чем мы. Наши единственные клетки непосредственно контактируют с окружающей средой и находятся в дыхательном аппарате, частично в желудочном тракте и на коже, да и то эти последние можно считать мертвыми. — И взволнованно: — У Сигманианца все тело чувствует! Конечно, это несколько странно, если ограничиваться

только возможностями человека применительно к нему. Это просто чувственное обнищание.

— О, но тут должно быть множество оговорок и исключений,— сказала Ивон.— Например, у него должен быть мозг.

— Разве обязательно? — сказал он с вызовом.— Как мы понимаем мозг? Почему не могут эти такие многофункциональные клетки переносить также и нервные импульсы? Может быть, Сигманианец думает так же, как и чувствует — всем своим телом. Если это верно, я завидую ему... М-м-м, менее компактный слой, чем наш церебральный, как его там? Сигналам требуется больше времени, чтобы достичь цели. Сигманианец должен думать медленнее, чем мы. Что, должно быть, не имеет значения на его планете. Животные, которые хотят побежать, имеют те же самые препятствия, что и он. И сила притяжения слабее. Требуется больше времени, чтобы обрести равновесие, споткнувшись, или чтобы увернуться от падающего камня.

Ивон остановилась.

— Почему же, возможно, вы правы! — воскликнула она.— Среди характерных черт, которые я обнаружила в языке, было то, что он действительно имеет значительно меньшую скорость передачи информации.

— Я понял,— отвечал Слип.— Получая огромный поток чувственной информации, если мы не строим здания нашей теории на песке, ну, я догадываюсь, что он думает гораздо глубже, чем мы. Мы быстро соображаем, но поверхностно, он — тугодум, но думает основательно.— Он стукнул кулаком по перилам.— Эй-эй-эй! Как идея? Какая артистическая доверенность будет достигнута... Высший класс! Здорово!

Он с воплями запрыгал по палубе. Наконец он остановился перед ней и пробормотал:

— На вас снизошло, вы подняли этот вопрос. Нам нужно развить эту идею дальше. Пойдем вдохновимся утренним пивом у Олафа в пабе. По кружке на брата. В крайнем случае по две. Хорошо, вы выиграли, по три. И если солнце еще не село за нок-рею, мы заставим их

укоротить нок-рею для нас.— Он схватил ее за руку. Она сопротивлялась.— Пойдем, пташка!

Она пошла.

Станция Маури располагалась на континентальном шельфе на побережье Орегон и тянулась на пятьдесят километров и на несколько морских саженей вглубь. У викингов был груз очищенного металла для доставки. «Ормен», который был слишком громаден для доков, стал на якорь на безопасном расстоянии среди своего эскорта, за исключением корабля, который собирал металл. Он держал свой курс вдоль назначенного ему пирса, который выдавался из кессонных платформ, поддерживающих комплекс зданий и оборудования.

Разгрузка будет недолгой, но Гранстад пообещал шестичасовую стоянку из-за детей, которые раньше никогда не были в этом месте. Остальные должны были оставаться на местах; все они будут заняты соответствующей деятельностью. Большинство из них раньше бывали в Маури или в подобных колониях. А злчные места Лос-Анджелеса, где органические продукты должны быть сгружены на сушу, находились всего в паре дней хода.

Несколько человек умудрились получить пропуск на судно на подводных крыльях, дыхательные аппараты для ныряния или езды на дельфинах под покровительством местной молодежи, которая резвилась около корабля на своих животных, которые пасли стаи рыб. Ивон тоскливо смотрела на всплески, прыжки и крики.

— Мне бы это понравилось,— сказала она.

— Вода тут холодная,— предупредил Скип.— Морской народ приучен к ней, а мы— нет. И правда, в мокром костюме не скоро согреешься... Ну, а почему бы нет? Мы здесь пассажиры, приказам не подчиняемся, ничто нам не мешает. И любой лодочник, или ездок на дельфине, или инструктор по нырянию прибегут, сопя, как дельфин-касатка, чтобы угодить вам.

Их взаимоотношения достигли точки, когда его привычка говорить небольшие изысканные галантности любой

хорошенькой женщине больше не ставила ее в тупик. Это было первый раз за неделю или больше, когда он видел ее немножко несчастной.

Она вздохнула.

— Я не должна. Энди Алмейда будет в ярости. Он настоял, чтобы я оставалась на борту инкогнито в течение всего путешествия. Ради безопасности. Тут я не могу быть Иоландой Коэн. Не то, чтобы я когда-нибудь бывала в Маури, но тут кишмя кишат ученые, а некоторые статистически достоверно встречали меня на съездах Англо-Саксонской тройки или еще где-нибудь. В моих ранних работах есть публикации о псевдоречи китообразных. — Она погладила его по руке. — Слишком много я говорю. Идите. Развлекайтесь.

— Вы сами-то думаете, что вам грозит какая-то опасность? — спросил он.

— Нет, — сказала она с чувством. — Если попытка нападения на меня не была случаем, когда меня перепутали с кем-то или что-то в этом роде, тогда это должна быть работа какой-нибудь фанатичной до безумия группы противников Сигманианца. Такие известны, и я уверена, что правительство напустило на них страха именем Божиим.

— А что, этот Алмейда — ваш хозяин? Вас что, на причале будет встречать отряд полиции?

— Он бы хотел, но я не согласилась. Он сдался, когда я сказала ему, что поскольку ни один человек не знает, где я нахожусь, никаких нападений не будет.

— Правильно. Ну, вот вам мое слово, вы в гораздо большей безопасности на Маури, когда давление моря на вас не превышает девять или десять атмосфер, а киты-убийцы, которые считаются ручными, плавают свободно вокруг, чем в Лос-Анджелесе. Я тоже тут не был, но я знаю Лос-Анджелес и читал о Маури. Они — ваша кровь от крови, плоть от плоти, они приехали сюда со всего мира, чтобы изучать и завоевывать дно морское. Как они могут представлять для вас угрозу?

— Я... Я ненавижу, когда слава бежит впереди меня. Толпа журналистов будет ничем не хуже, чем этот мелодраматический убийца.

— О'кей, мы сперва пойдем к руководителю и примем предосторожности. К черту, женщина, я хочу посмотреть это место, и я неожиданно осознал, что вы сможете достать мне пропуск в такие места, куда мне одному никогда не было бы хода. Отправимся в путь! Прочь отсюда! Нет, не нужно заходить переодеваться, вы одеты для энергичного осмотра достопримечательностей, и я сомневаюсь, что на научно-исследовательской станции они замечают, кто и как одет.

Она позволила себя увлечь вперед. Они спустились по лесенке с крутого, как скала, борта «Ормена». Скип свистнул и помахал проезжающей лодке. Рулевой был рад подвести их в обмен на несколько сплетен. Из верхней конструкции они на лифте спустились по стволу шахты к центральному подводному куполу. Пять минут спустя они были в резиденции директора. Три из них они потратили на то, чтобы ее найти.

Дородный и косматый среди хаоса океанических достопримечательностей, которые заполняли стены и выходили за их пределы на пол — книги, рисунки, инструменты, старинная маска для ныряния, кораллы, чучела рыб, гарпуны и еще Бог знает что, — Рэндел Хайтауэр пожимал руку Ивон, пока Скип удивлялся, не хлынет ли у нее изо рта вода, и пробормотал приветствия.

— Конечно-конечно, миледи, все в вашем распоряжении. Я запишу инструкцию и проиграю ее некоторое время по всей системе интеркома: вам нужно избегать перенапряжения, и вы не хотите рекламы, и пускай они не пытаются позвонить деду Оскару из Кеокука или кузине Чинь-Чанг из Шанхая следующие несколько дней, чтобы проорать, что они лично глазели на Ивон Кантер. Они поймут. Вы можете им доверять. Вы знаете, какие мы ученые — заторможенные, молчаливые кролики. Я все еще не отделяю себя от ученых. Кому-то ведь нужно было руководить в сем этом хаосом. При возможности я обязательно заберу назад свою лабораторию. Эксперименты с получением алкоголя из планктона. Конечно, в Маури разрабатываются и более важные вещи. Алисон! — Он хлопнул свою красавицу-секретаршу, которая стояла поблизости, по

попке.— Держи пока оборону. Если кто-то будет настаивать, что его дело не терпит отлагательств, брось его в глубины Минданао. Я собираюсь этим людям показать тут все.

— Объявление,— напомнила ему Ивон.

— Тотчас же, доктор Кантер,— сказал он с обожанием.

Оставшиеся часы были совершенным чудом. Центральная сфера была окружена кольцом других. Они были связаны туннелями, и в них поддерживалось давление окружающей среды, позволяющее пловцам выплывать и вплывать через простые воздушные люки, без необходимости компрессии или деакомпрессии. Для того, чтобы пройти между ними и средним куполом, естественно, потребовалось некоторое время провести в камере. Кроме атмосферной плотности должен измениться и состав со скоростью, которая позволит телу приспособиться. Содержание гелия было причиной тому, что голоса звучали пронзительно, и понять их было очень трудно. Услышать рев Хайтауэра, похожий на визг, было целым событием. Он обеспечил своих гостей наушниками, которые снижали частоту звука, что совершенно не беспокоило морских жителей. Они были привычны к высокому диапазону частот и постепенно даже выработали набор диалектов, пригодных для этого.

Через две-три сотни лет или меньше, думал Скип, появится новая цивилизация.

Люки камеры компрессии смотрели в мутную освещенную зеленоватым светом воду, то тут, то там освещаемую лампами мигающих маяков, на покрытых илом скалах поверх волнующихся зеленых и бурых водорослей рыбы, крабы, устрицы, моллюски, кальмары и, похожие сами на рыб, люди, выдыхающие пузырьки воздуха из так называемых «жабер» Мак-Ферсона, которые выделяли для них кислород из окружающей воды, издающая какие-то звуки касатка, и человек, направляющий ее, проплывали мимо.

Целый подводный мир, ликовал Скип. Искусства, которые даже представить себе не могут жители материков. Когда я наконец осяду, почему бы не выбрать колонию на

морском дне? В самых больших уже будет место и для жен и для детей. Определенно художник впишется туда, а Чарли Рассел не сможет получить более открытое пространство, чтобы окружить его картинами!

Когда сотрудники лаборатории вовлекли Ивон в разговор, Скип находил удовольствие в разглядывании форм научных приборов. Он был в экстазе, когда Хайтауэр устроил ему и Ивон поездку на суперпрозрачной субмарине. Когда, наконец, им нужно было возвращаться, и викинги отплыли, он болтал с Ивон на протяжении всего обеда, как будто раздувал меха или пускал пузыри, но, несмотря на это, она думала, что его манера речи была на грани великолепия. Его веселость заразила и ее. Потом они пошли потанцевать в клуб Беллмана, не проигнорировав шампанское.

У своей двери она сказала, протягивая руки:

— Спасибо за замечательный день. Все благодаря твоей инициативе.

— Тебе спасибо, — ответил он. — В основном за компанию, но и за вино тоже. — Его не задевало то, что она платит за него, потому что если бы у него были деньги, платил бы он за нее, и она не дала ему договорить:

— Не стоит больше упоминать о том, от чего я получила удовольствие в твоей компании. Каким праздником было все это время! Жаль, что все подходит к концу. Мы продолжим, запомни, — выдохнула она.

Ее глаза, ее губы, ее слабое движение к нему нельзя было понять неправильно. Поцелуй длился дольше обычного, и это было лучше, чем он мог ожидать.

Они расстались. Она открыла дверь. Он сделал соблазнительный жест, стараясь пойти за ней.

— Спокойной ночи, Скип, — сказала она ласково. Он остановился. Она помедлила секунду. Он не мог бы сказать, хотела ли она, чтобы он настоял; она была первой ортеанкой из высшего общества, с которой у него были какие-то значительные дела, и, кроме того, на восемь лет его старше.

— Спокойной ночи, — повторила она. Дверь затворилась за ней.

Ну, хорошо, подумал он, может быть, позже. Это будет... я не знаю... другое измерение для чего-то великопного... или же мне просто любопытно? Непривычный к размышлениям о своих чувствах, он позволил мыслям улетучиться и медленно пошел к своей каюте.

— Опять неудача, а? — спросил Эндрю Алмейда.

— Абсолютная, — отвечало лицо на экране его настольного видеофона. — Каждая комбинация фраз, составленная людьми на языке Сигманианца, проигранная на любой доступной полосе частот, начиная с той, на которой он нам подавал сигналы, когда первый раз появился... все впустую. Ни одного звука в ответ.

— Ух, как ты думаешь, смогут ли радиосигналы пройти через эти силовые поля?

— Если Сигманианец может передавать, как он делал это три года назад, то может и принимать. Нет, я полагаю, либо он не понял, что наше послание — это просьба продолжать устанавливать с нами общение, либо его интересы в нас совершенно незначительные, или же у него есть причины, которых мы не можем постичь.

— Черт побери! — Алмейда схватился за свои усы, что напомнило ему, что они приближались к недозволенной военным длине. — Ну, по крайней мере, ни русским, ни китайцам этого тоже не удалось сделать.

— Ты думаешь, они пытались?

— Я знаю, что да. Есть данные разведки. Кроме того, разве мы сами-то не пытались?

Ученый своим видом выразил негодование.

— Зачем разным нациям дублировать эти попытки? И кстати, полковник, почему меня инструктировали, чтобы я предоставлял отчеты только вам?

— Первый вопрос — это ответ на второй, — сказал ему Алмейда. — Если мне нужно повторить инструкции, которые вы получили, когда мы установили на это секретность, вам следовало бы подумать о подаче заявления об отставке.

...Вань Ли посмотрел вверх. Его жена вернулась домой рано после своего митинга солидарности. Ее силуэт вырисовывался на фоне лунного света, отбрасывающего мерцающий свет на вставки из жемчужных ракушек, которые украшали его старое, с резными драконами эбонитовое кресло. Послышались шелест цветов жасмина и стрекотание сверчка. Она с шумом захлопнула дверь и включила освещение дневного света. Он заморгал.

— Почему ты сидишь тут в темноте? — требовательно спросила она.

— Добрый вечер, моя дорогая, — сказал он. — Как прошло собрание?

— Если бы у тебя было достаточно патриотизма, чтобы присутствовать на нем, ты бы знал.

Он отвел взгляд от ее высокой, статной, одетой в тускло-коричневые тона фигуры.

— Я еще не отдохнул после командировки, связанной с изучением языка. Мы там себя не щадили.

— Ты никогда не ходишь, если есть возможность увильнуть.

— Это не моя функция. «От каждого — по способностям...» Кроме того, сегодня вечером мне нужно обдумать трудное дело.

Яо минуту молчала. Потом кротко, ища примирения с ним, она сказала:

— О, я понимаю. Ты не можешь сказать, в чем дело?

Он заерзал на сиденье.

— Я должен составить письмо Ивон Кантер. С ней невозможно связаться по видеофону, но несомненно, письмо, адресованное ей на базу Армстронг, передадут, когда она вернется оттуда, куда скрылась.

— Конечно, тебе ведь не нужно просить помощи у американцев. — Яо подошла ближе, пока не встала над ним, касаясь его щеки.

— Я должен. Вспомни, кто первый все понял. В этом случае я хочу выразить мое сожаление относительно ее несчастного случая и заверить ее, что мы, ее китайские коллеги, чрезвычайно рады, что ее уважаемая персона не пострадала. Но это в конце концов не такая уж простая вещь, потому что...

Ее негодование вернулось как на крыльях.

— Что! Империалисту... — она запнулась. — Я понимаю, что мы должны придерживаться правил приличия, — сказала она. — Почему же так трудно написать официальное письмо?

— Оно не должно быть официальным. Она может подумать, что это трусливое нападение было инсценировано нашим правительством.

— Пусть думает, если у нее мания преследования.

Он сжал пальцы в кулак.

— И она, может стать, скорее всего права, — сказал он хрипло, уставившись на пол. — Каждая моя попытка спросить встречала простые отрицания до тех пор, пока меня не вызвали к генералу Чьжу и не поставили в известность, что дальнейшие мои расспросы будут считаться доказательством крамольных мыслей. Да, я понимаю, что невозможно ошибиться. Меня не посвящают в детали операций разведки. И все же я не настолько уж незначительный человек. Почему никто не может найти для меня времени, чтобы точно объяснить, почему именно в этом случае не может быть ошибки?

Он поднял глаза и увидел шок на лице Яао.

— Ты смеешь так говорить? — выпалила она. Затем последовала целая речь: — Ты осмелился назвать наших лидеров убийцами?

Его терпение кончилось. Он вскочил на ноги.

— Успокойся, — заорал он. — Меня нельзя назвать предателем, меня, который служит в поднебесной? Что ты-то делаешь для народа? Ты изводишь и слегка тиранишь нескольких негодяев, которые вместо этого могли бы заняться чем-нибудь полезным! Оставь меня! Я больше не хочу тебя видеть этой ночью!

Она закрыла лицо руками и убежала.

Интересно, будет ли она плакать, подумал он.

Бедная Яао. Его охватила печаль. Он сел, как старик. Если бы она дала мне объяснить до того, как мои истрепанные нервы сдали... Могу вообразить... Я не верю, но могу представить... что было принято решение убить Ивон Кантер не из ненависти, не из бессердечности, а потому что империалис-

ты будут использовать ее, чтобы достичь своих целей. Если бы я действительно так думал, я бы убил ее сам, своими руками. Он посмотрел на свои руки, которые лежали ладонями вверх у него на коленях. Я не боюсь ее. Я боюсь тех, чьи предки, подвыпив, заставляли моих принимать опиум, грабили Пекин, бомбили Хиросиму, убивали и убивали, чтобы задушить свободу в Корее, в Малайе, Вьетнаме, Таиланде... список слишком большой... те, кто душили свободу заслоном войск. И я боюсь Советов, которые убили моего отца и бомбили мою землю; я боюсь европейцев и японцев, жирных, суетливых, самодовольных, которые так быстро могут обернуться голодными демонами; я боюсь того, кто может сжечь мою Пинь заживо, а это так просто, так отвратительно просто — сделать ядерное оружие... и теперь этот космический корабль, как стервятник, реет над этой чистой, живой Землей... Бедная Яао. Бедная Ивон Кантер. Бедное челове-чество.

Глава десятая

Жнецы моря, викинги, как ни старались, не могли при- держиваться расписания. И даже до последнего небольшого этапа своего путешествия Ивон не знала точной даты, когда оно закончится. Она договорилась об отправке почтой на базу Армстронга копий картин. Правительство законно отклонит на заседании билль о снятии копий, особенно после того, как Скип добавил в список то, что ему еще понадобится, картины, о которых он никогда не сомневался, и другие произведения искусства, такие, как статуэтки, кубки из Азии и греческая амфора.

— Я могу также отправить вместе и свой багаж, — сказала она эконому.

— Эй, оставь чемодан, — сказал Скип. — Мы ведь не помчимся на первый же самолет в Денвер.

— В этом я не уверена, — ответила она против своей воли. — Я подумала и...

— Ну, продолжай. Не упускай последнего шанса стать свободной женщиной. Я тут знаю места, которых туристы никогда не видели, и я не имею в виду респектабельные задние дворы.— Он потянул ее за рукав.— Давай. Брось зубную щетку и смену белья в сумку, как это сделал я, и — в путь. Поспеш, если хочешь посмотреть, как мы войдем в док.

Она сдалась.

— Я плохая девчонка. Полковник будет в ужасе. А он действительно хороший человек.

— Что тебе нужно,— ухмыльнулся Скин,— так это практика в плохих поступках. Я тебя научу. Давай стартуем.

Вид с палубы был впечатляющим. Синее сияние причала Сан Педро почти что было скрыто толпой кораблей, буксиров, барж, рыбацких лодок, яхт, полицейских судов и судов-ассенизаторов. Частные и коммерческие вертолеты кишели в небе; над ними следы инверсии от самолетов чертили белые полосы, и слышался гром. Впереди тянулось огромное пространство мегаполиса, тысячи пастельных оттенков зданий разнообразили зелень парков, пики небоскребов уходили ввысь, связанные вместе парящими арками железной дороги, каждая деталь блестела, как бриллиант, на фоне кристального воздуха Лос-Анджелеса, пока картина не становилась выпуклой, повторяя кривизну поверхности планеты. Звуки машин и крики людей, их низкие и однотонные, которые напоминали звуки прилива или сердцебиения какого-то огромного животного, вырывались за пределы города.

Было жарко, и матросы сутились. Скин и Ивон нашли убежище в тени на нижней палубе.

— О каких это местах, непосещаемых туристами, ты говорил? — спросила она.

— Боюсь, мы не сможем посетить самые интересные,— сказал он.— Они настолько интересны, что представляют опасность, я не хотел сказать «для говорящих по-английски». И при ее вопрошающем взгляде он добавил: — Однажды я забрел в местные круги подпольного мира. Я не стал одним из них, я просто работал вышибалой в крутом ночном клубе. Это привело меня к знакомству с

некоторыми оперившимися представителями подпольного мира, и после того как я помог одному в замечательно крутой драке, он проникся ко мне любовью и... Забудь об этом. Я не хочу наделать шума, как романтический герой. По правде говоря, из того, что я там увидел и услышал, самым лучшим было решение убраться оттуда, несмотря на то, что место, где я работал, мне нравилось.

Поскольку он счастливо наблюдал за происходящим, она смогла позволить своему взгляду задержаться на нем — свободная рубашка, купленная за границей, яркая у ворота и просто красная дальше, говорила о ее дешевизне, поношенная настолько, как будто и она, и выцветшие штаны, и потертые ботинки были сделаны по последней моде из Рио; как коровьим языком прилизанные волосы каштанового цвета, покрытое веснушками загорелое лицо, мальчишеский нос, подвижный рот, глаза — огромные и зеленые и самые живые из тех, в которые ей приходилось когда-либо смотреть. Почему же он, дитя дальних дорог и природы, любил проводить свои ночи в дыму и шуме и в дыхании грязных идиотов? Девушка, несомненно. Или девочки? Она представила эти тела, крепкие, гибкие и теплые, дающие радость, выстроившиеся в ряд в кордебалете.

Она постаралась представить и себя в этом кордебалетном строе.

Неужели я в него влюбляюсь? Мысль привела ее в испуг. Неужели? Она поспешно спросила:

— И куда же ты предлагаешь пойти?

— Как насчет Афровилля пообедать и поразвлечься? Наверняка, ты, должно быть, там не была, но я могу поспорить, что ты обедала только в известных по всей стране ресторанах, а разговаривала только с продавцами.

— Нет, — сказала она, — в основном я бывала в университете, на конференциях. У них самый лучший факультет социологии в стране, где работает парочка первосортных лингвистов. Мои коллеги несколько озабочены насчет этнического фасада. Они не хотят, чтобы их коммуна стала известна, как вариант Чайнатауна.

— Тогда эти выдающиеся социологи должны отряхнуть

прах со своих выдающихся ног и узнать, насколько это место больше похоже на Чайнатаун, чем на туристические достопримечательности. А что касается Афровилля, я гарантирую, что твой ленч не будет стандартной подслащенной требухой и рулетом из овощей, а впридачу он будет дешевле.

Она закусила губу. *Как я могу сказать то, что должна сказать?*

— Тебе... лучше следить за своими расходами... до тех пор, пока мы не возьмем тебя на государственное обеспечение, — выдавила она. — Пока этого не случилось... позволь мне открыть тебе кредит. Заем, если хочешь, пока... — Она запнулась, ее щеки горели ярче, чем свет, разбивающийся о воду.

Скип бросил на нее удивленный взгляд.

— В чем дело? — И тут он догадался. — А, да. Мужская гордость. Конечно, Ивон, ты представишь мне счет после моей первой полочки.

Как он выжил в Орто? она застонала. *Не из-за того, что он легок на ногу и на сердце у него легко.*

Ему все равно, и всегда было все равно. Когда он устал прыгать, как белка в клетке, он удрал и больше не принимал в виде платы импортных орехов кешью, прожаренных и соленых; он просто радостно вернулся в свои леса, где они растут на корню.

Я слишком привыкла к клетке и орехам. И я не могу не помнить, что клетка соединена с валом, который заставляет Землю вращаться. Если Земля остановится, лес умрет.

Корабль повернул к пирсу.

— Готовься к высадке, — сказал Скип. Он взял их чемоданы. Они уже попрощались и могли высадиться на берег без суеты — разве что показав доказательство своего гражданства — подойдут и кредитные карточки — автомату у ворот.

Она со страхом ожидала увидеть человека с базы Армстронга или следующего за ней вежливого агента, исполняющего свои служебные обязанности. Но этого не произошло возможно потому, что Скип ловко проложил свой путь через пакгаузы, а не через площадку для приема

пассажиров. Когда они были в городской электричке, и она уже откатила от станции, Ивон с облегчением вздохнула и издала дрожащий смешок:

— Теперь-то уж я безнадежно плохая девочка, — сказала она.

— Ну, мы сделаем тебя еще хуже, — пообещал Скип. Он сверялся с разложенной картой. — Пересадка в Ломита, и мы сможем сесть на Харбор-экспресс прямо до Афровилля. Угу. — Обращаясь к ней: — Ты не сказала, сколько времени ты можешь там провести.

— Я сама этого не знаю, — сказала она в замешательстве. — Я полагаю... если мы вечером полетим в Денвер...

— Этим вечером? Ты разыгрываешь меня?

— Я... действительно...

— Ну, давай бросим жребий, — Скип откинулся назад.

Он, очевидно, планирует соблазнить меня. Входит ли в мои планы быть соблазненной?

Если мы останемся на ночь или на две, или три... в отдельных комнатах? Если мы останемся, он сочтет непременно, что мы... мы... Он не рассердится, если я скажу «нет». Только не он. Он сможет притвориться, что не помнит, что я сказала той ночью на прогулочной палубе, и все еще притворяется, что верит, что я ему доверяю. Возможно, ему будет больно — нет, я смогу объяснить, что все дело во мне, а не в нем. Я делаю это ради него самого.

После того как я лягу спать, он сможет выйти погулять и найти кого-нибудь еще. Но он не станет оскорблять меня, знакомя с ней на следующий же день. Если... Он может ведь и не понять, что это будет оскорбительно.

— Для человека, получившего наконец свободу, ты слишком мрачна, — сказал Скип. — Улыбнись. — Он заерзал на сиденье, приложил большие пальцы к уголкам ее губ и приподнял их.

Она вздохнула. Он опустил руки.

— Прости, — сказал он.

— Нет, ничего. Ты удивляешь меня. — Она взяла его руку, которая была к ней ближе, в свои. Солнечный луч, пробившийся через окно, окрасил волоски на его пальцах

в золотой цвет. Какой жесткой была ладонь! Ее слова прозвучали невнятно: — В последние несколько лет я стала такой колючкой, но это было ненамеренно, просто так получилось. *Правда ли это?*

— Условие для излечения. — Он взял свободной рукой ее за подбородок, улыбнулся, глядя ей в глаза. Почти что в панике она гадала, поцелует ли он ее в вагоне, где полно народу. Через мгновение он ее отпустил. Она тоже выпустила его руку. — Впереди Ломита, — напомнил он ей и поднялся.

Пока прибыл поезд, на который они делали пересадку, можно было выкурить полторы сигареты. Скип предложил ей получить по кредитной карточке наличные из банкомата.

— В Афровилле в ходу наличные, — сказал он. — Почему бы тебе не дать мне тыщонку? Легкая сумма, чтобы запомнить, что я тебе должен, а я смогу разыграть из себя важного сеньора до конца этой недели на эти деньги.

— И ты не боишься носить такую большую сумму при себе? — спросила она.

Скип пожал плечами. Он надеялся, что ничего не теряет: сможет заработать эти деньги и когда-нибудь вернуть. Она уступила. Килограмм баксов не составит видимой угрозы ее счету. Она едва ли тратила больше сотни, за исключением налогов, да и тратить-то ей их было не на кого, кроме самой себя.

Они сели в экспресс. Он мягко и бесшумно развил скорость в двести километров в час. Городской ландшафт проносился мимо, вызывая сон. Ивон покинули все остальные чувства кроме этого, когда она смотрела в окно.

Почему бы нет? Все мое тело хочет этого. Нет, все во мне кричит: «Нет»!

Весь мир будет таращиться и хихикать, когда узнает, что Ивон Кантер живет с двадцатидвухлетним мальчиком. Миру и не нужно ничего узнавать. Алмейда определенно сделал так, что ее местонахождение остается в секрете; возможно, она будет жить под вымышленным именем. Самому ему все равно, пускай снисходительно улыбается.

Остальные, кто узнает — пусть катятся к черту. У нее был талант окатывать холодом тех, кто ей не нравился.

А у Скипа-то есть в голове что-то большее, чем двухдневное развлечение, до того как они приступят к работе? Она ему нравилась, он восхищался ее умом, он хотел написать ее портрет...

— Тебе жарко, Ивон? Не хочешь пересесть на теневую сторону? Ты вся покраснела.

От висков и до груди. Нет, мне удобно. ...обнаженной?

Ну и пусть развлечение. Кому от этого будет плохо? После они смогут решить... Но если они решат расстаться и покончить со своими отношениями тогда, какую боль это принесет, и как долго она продлится?... А если они пробудут вместе какое-то время, и наконец, он почувствует тягу к странствиям, поцелует ее на прощание и уйдет, насвистывая ту же или какую-либо другую мелодию, как он делал, пока рисовал ее, останется ли она травмированной на всю оставшуюся жизнь, ища опору в лекарствах, и стоит ли это того?

Разве не могу я быть тоже переменчивой? Неужели я всю жизнь должна работать, даже в радости?

Или неужели я не смогу заставить его захотеть остаться, если это станет моим самым заветным желанием?

Поезд доскользил до остановки.

— Уотс Тауерс,— сказал Скип.— Мы на месте.

Они взяли свой багаж и вышли на мерцающий свет. Позади них был публичный парк, ошетилившийся милыми необычными зонтиками павильонов. Их там было, должно быть, двадцать, но ни одного одинакового. Группа веселящейся молодежи была занята друг другом.

Перед ними пальмы выстроились в ряд по главной улице. Она была пешеходной и предназначена для прогулок с детьми в колясках, «тротуары» же — для велосипедистов. Здания, все одно- или двухэтажные, были окружены садами. Стены и зачастую конические крыши сверкали красками. Была дикая путаница в том, для чего они предназначены — жилые дома, некоторые из которых в помещениях, выходящих на улицу, располагали частный бизнес — среди которого были магазинчики, офисы, не-

большие производства, рестораны, бары, театры, церковь, мечеть и так далее и тому подобное. Люди прогуливались, смеялись и болтали, сидели на крыльце и пощипывали струны гитар, покупали с тележки разносчика хрустящие кукурузные палочки, стояли перед входами своих магазинчиков и выкрикивали о чудесах, которые они продавали. Дашики, тарбуши и лапласцы встречались не менее редко, чем в ожившей «Национальной Географии», однако у них у всех был новомодный стиль — летящая газовая накидка, покрывающая тело, как крылья бабочки, и Ивон предположила, что скоро весь Западный мир скопирует это.

Теплый воздух с запахом цветов высушил ее плохое настроение. Она захлопала в ладоши:

— Очаровательно!

— Стереотипный Афровилль, — сказал Скип. — Управляется самыми чокнутыми представителями двуногих. Заметь, я не опустил эту часть города. Здесь ты можешь найти уникальные вещицы, особенно ручной работы, и по более честной цене, чем те, которые ты получаешь из доставочного трубопровода. И, кроме того, мы можем тут побродить до ленча.

Ивон беспокоилась, что ее могут узнать, но уверения Скипа звучали убедительно.

— Не-а. Сенсация давно изжила себя. Твоего портрета не было на экранах вот уже две или три недели. У девяносто девяти процентов населения — дырявая память, вот почему косвенные доказательства всегда лучше, чем очная ставка. Если только кто-нибудь не разыскивает тебя специально, или же мы случайно наткнемся на того, кто знает тебя лично, а остальные не обратят внимания. Ведь ты была на «Длинной Змее» под вымышленным именем, не так ли?

Она получила удовольствие от прогулки по магазинам и не устояла перед соблазном купить пояс из змеиной кожи. А в Музее Черной Истории добавился морской раздел с тех пор, как она побывала там в последний раз; посмотреть бы викингам эти стоящие рядом модели каноэ бронзового века из Дании и средневековый океанский корабль из Ганы. Ленч откладывался на более позднее время.

Они перекусили в другом районе, преимущественно жилым. Они были единственными белыми. Ресторан был крошечный в зарешеченном дворике, окруженном зарослями бугенвилля, с шуршащим бамбуком, с журчащим фонтаном, который лился из поднятого хобота каменного слона. Молодой человек сидел, скрестив ноги, и производил невероятно фальшивые рулады на своем тамтаме.

— Делу — время, потехе — час, — сказал Скип. — Вот что он хочет выразить.

Красивая официантка не удивила Ивон. В Афровилле всегда обслуживали люди. Но тогда Скип привстал и закричал:

— Эй, привет, Кларис! Помнишь меня?

— Эй, Скип, мальчик! — Они обнялись. И почему-то у Ивон создалось впечатление, что хотя они оба были совсем непротив, они никогда не были любовниками.

Может быть, я так думаю, потому что прочла, что в Афровилле больший процент пар, которые женаты официально, и в среднем браки длятся дольше, чем в Орто и у любых других западных народов. Или же мне просто хочется так думать.

— Я думал, что ты еще в Австралии, Кларис.

— Была там. Но ты отсутствовал гораздо дольше, чем думаешь. Хочешь, обменяемся впечатлениями?

— Конечно. — Скип представил их друг другу, слегка поморщившись, представляя «Иоланду Коэн». Ивон вспомнила, как он заметил: «Как правило, бродяги не лгут друг другу. Я лучше вовсе не скажу ничего своему товарищу, ведь то, что я говорю, он принимает на слово». Пока готовилась еда и после того, как Кларис принесла ее, она присела к ним, выпила кофе и присоединилась к их разговору.

Ивон почти что пожалела, что была слишком занята тем, что отдавала должное еде, которая была превосходна, особенно брюссельская капуста с ветчиной. *Кроме всего прочего*, подумала она, *я слишком задумчива*. Кларис не была женщиной, которая подходила бы Скипу; ее корни крепко держали ее в Афровилле. Но она путешествовала и не только в удобном первом классе — на старой кляче, велоси-

педe, мотоцикле, автомобиле, грузовике, автобусом, поездом, лесосплавом, когда ей удавалось, на лошадях, верблюдах, а один раз даже на зебре — с Юкона до Шикотана, из Копенгагена в Кейптаун. Ее австралийское турне проходило с полулюбительской театральной труппой, которая больше играла в провинции, чем в городах. Между увеселительными поездками она работала тут и изучала химию в университете.

— Намеревалась устроиться на работу на опреснительном заводе, — она засмеялась. — Оказалось, что они предпочитают нанимать тех, кто не берет подобных отпусков, как я. Не важно. У нас в городе все время развивается промышленность. А может быть, пойду на преподавательскую работу.

В ее отсутствие Скип сказал задумчиво:

— Здесь формируется будущее, или я ошибаюсь. Мы не берем курс на век скоростей и стали. Он уже позади. Но все равно, мы используем его потенциал. Древние египтяне научились-таки трюкам, которые и сейчас не мешает знать, но мы же больше не строим пирамид, правда?

Ивон подумала об опасениях Алмейды, но отбросила от себя эту мысль, встала и сказала:

— Она вселила в меня надежду, что ты прав. Извини меня за некоторую неловкость. Где тут комната для дам?

В дамской комнате автомат предлагал средства «Перед месячными», двадцать пять — за один новый доллар. Ивон заколебалась. Потом: *А почему бы и нет? Меня это не скомпрометирует, ему совершенно необязательно знать, что у меня они есть, они просто дадут мне право выбора.* Ее монетка со звоном проскочила в щель. Она затолкала упаковку в кошелек на поясе и умылась, чтобы охладить лицо.

Кларис предложила новичкам закончить день в близлежащем парке аттракционов. Что они и сделали. Ивон была немного расстроена голографическими «живыми картинами» в пластиковом балаганчике с надписью «Мир наших дедов», меньше — изображениями хиппи, демонстрантов, маршей мира, мятежников, полицейских в полном боевом вооружении и деканов колледжей, профессоров, читаю-

щих лекции, орущих ораторов и всего остального в этом разделе, чем смешками и гоготом большинства пришедших сюда подростков.

Молодость жестока. Неужели и Скип?

Однако секция астронавтики была оформлена со вкусом, ее настроение не могло не улучшиться при виде громадных ракет. Выйдя наружу, они нашли обычные увеселительные мероприятия, шоу и колесо обозрения и всякие чудеса, и старинную карусель, или отличную ее подделку, в комплекте с сентиментальными разрисованными пейзажами и фигурами животных, куда нужно было сесть, чтобы проехаться по кругу.

Они ужинали в мексиканском ресторанчике.

— Знаешь, что я тебе скажу, — произнес Скип за последним бокалом вина, — давай сдадим наши сумки и покатаем по дороге в Сан-Клименте, завернем в маленький отель на берегу и начнем утро с купанья, а потом, может быть, поедем в Каталину.

— Хорошо, — сказала она более хрипло, чем ей хотелось. — Звучит заманчиво.

Они вышли, держась за руки. Она понимала, что если он возьмет такси и они поедут по дороге в Ватс Тауэрс, она разделит с ним постель. Но ему этого и в голову не приходило. Его веселость в пригородном такси предполагала, что во всяком случае такое возможно.

На закате солнца вокзал Тауэрс был не слишком переполнен народом. Скип сморщил нос.

— Слишком много шума и суеты, — сказал он. — Ну, линия Лос-Анджелес — Сан-Диего подойдет. Мы сможем оказаться в нашем номере с окнами на прибой через час.

Он направился к камерам хранения, не замечая ее выражения лица. Она пошла следом автоматически, в голове у нее крутились мысли. *Что он имел в виду? Ничего? Или все? Что мне нужно ответить?*

Скип открыл их камеру и вытащил чемоданы. Мужчина, который сидел на скамейке, приблизился к ним. Неприметно одетый, он был скромным человеком, если не брать во внимание его гибкую походку и резкие черты лица.

— Доктор Кантер? — сказал он. — Здравствуйте, как вы

поживаете? Извините меня. Я — Джеральд Лассвел из Секретной Службы США. — Он показал ей удостоверение и вставил его обратно в корочки.

Она стояла, удивляясь своему страху.

— В чем дело? — с досадой спросил Скип.

— Вы с доктором Кантер, сэр? — спросил Лассвел.

Скип кивнул. Лассвел скривил губы в короткой натянутой улыбке.

— Мы отправили двоих встретить вас в порту, — сказал он, обращаясь к Ивон, — но они каким-то образом упустили вас. Адмирал Грандстад сказал нам, что вы говорили что-то о прогулке в этих местах. Нашим лучшим шансом было установить посты на каждой станции. Мы тоже предприняли попытки поисков. — Резко: — Это очень важно. Слава Богу, с вами ничего не произошло.

— Полагаю, вы скажете нам в чем дело, — перебил его Скип.

Лассвел покачал головой.

— Не при всем же честном народе, сэр. Не поедете ли вы оба с нами в офис. Шеф все объяснит.

Ивон посмотрела на Скипа.

— Это необходимо? — услышала она свой голос.

— Я не могу принудить вас, арестовывать вас не входит в мою компетенцию, — сказал Лассвел. — Однако, в случае своего несогласия вы ввергнете и мою службу, и полковника Алмейду в истерику. Вас чуть не убили. Теперь у нас больше сведений об этом. Я сижу тут с утра и обливаюсь кровавым потом.

Она кивнула. Скип ругнулся и поднял чемоданы.

— Сюда, пожалуйста, — сказал Лассвел. — Мои подчиненные припарковали машину тут неподалеку.

Это был «Нептун» с городским номером, совершенно ничем не отличающийся от миллионов таких же машин в виде капли. Человек, который вылез из автомобиля, был одет так же, как Лассвел, но вид у него был несколько более свирепый.

— Ты нашел их! — прокаркал он.

— Поспеши, — сказал Лассвел. — Пожалуйста, доктор Кантер, садитесь на заднее сиденье, и вы, сэр.

Он и его приятель сели впереди.

— Позволь мне,— сказал Скип и нагнулся, чтобы пристегнуть ей ремни безопасности. Его дыхание защекотало ее ухо.

— Плохи дела,— прошептал он.— В другой раз...

Автопилот был включен, и машина тронулась в путь.

— Лучше нам закрыть окна,— сказал Лассвел и так и сделал.

— Эй! — неожиданно крикнул Скип. Он указал на изогнутый кожаный предмет, который с помощью присоски был прикреплен к приборной доске.— Что делает амулет в авто Секретной Службы?

— Я тебе вот что скажу,— ответил Лассвел.

Он отстегнул ремень и обернулся к нему. Из-под рубашки он достал плоский пистолет. Скип прорычал что-то и полез в потайной карман, расстегивая пряжку на брюках. Пистолет с шипеньем выстрелил. Скип вздрогнул, пробормотал что-то невнятное, закатил глаза и сполз с сиденья. Ужас захлестнул Ивон, как волны прилива. Она вскрикнула. Вторая игла ужалила ее в желудок. По рукам, ногам, голове побежали искорки холода. Волны превратились в водоворот, и он засосал ее в темноту ночи.

Глава одиннадцатая

Скип просыпался медленно. Под ним была твердая мостовая. Голова у него болела, во рту было отвратительно. Шум транспорта на заднем фоне приносил боль. Он старался распутать путаницу в мыслях. Что произошло? Монументальная попойка, драка или... Память не возвращалась. Он сел с полукриком, полустоном. Свет фонаря просачивался туманно вокруг огромных опор, тени которых затапливали его. Его затолкали под железнодорожный мост, чтобы не было видно.

— Ивон? — слабо позвал он.— Ивон?

Ответа не было. Он с трудом поднялся на ноги. Возникшее головокружение чуть не свалило его с ног. Он стоял, покачиваясь, пока оно не прошло, затем нетвердыми шагами вышел на улицу, которая проходила под железной дорогой. Она была пустынной в темноте, склады и заводы.

— Ивон! — кричал он.

Уверенность и силы начали к нему возвращаться. Хотя у него не было часов, он припомнил, что выстрел ампулы с наркотиком погружает в сон почти на час. Он вернулся снова под опоры на другой стороне улицы и стал искать своего друга. Конечно, ее там не было. Похитителям была нужна только она. Они взяли его только как прикрытие и выбросили его при первом удобном случае, не желая беспокоиться о лишнем пленнике.

Ищи помощи. Позвони в полицию, нет, лучше в ФБР.

Он наугад пошел вдоль улицы, сперва едва волоча ноги, потом перешел на широкий шаг, и, наконец, побежал по мере того, как его тело освобождалось от последних действующих наркотика. Физическое напряжение прояснило ему мозги. Он обнаружил, что мыслит с такой скоростью и точностью, что на задворках его мозга возникло слабое удивление.

Если бы целью этой игры было убийство Ивон, как это было в последний раз, они бы уже сделали это с ними обоими просто тогда, когда остановились, чтобы их подвезти. Пуля, перерезанное горло, восемь — десять уколов иглой — нет проблем. Следовательно, она была нужна им живой, во всяком случае, пока ее не допросят те — кто бы не нанял их. Потому что они, очевидно, были местными представителями преступного мира, профессионалы высокого класса, которые знакомы с местностью и имеют организованную структуру. Ему нужно их благодарить за то, что оставили его в живых. Наемники не берут на себя риск совершения убийства, если их не вынуждают к этому обстоятельства, или же это не является частью их задачи. В последнем случае цена взлетает высоко. Если им приказали выследить Ивон Кантер, то они сделали именно это.

Они должны были быть чрезвычайно уверены, что смогут держать ее в недостижимом месте, чтобы позволить

Скипу узнать об этом так рано. Они должны были бы предвидеть, что ищейки будут бежать у них по пятам... Ну, разве несколько часов принесут существенные перемены? Согласившись на прогулку до Сан-Клементе, Ивон сказала, что она должна позвонить на базу Армстронга и сказать им, что с ней все в порядке, или же до восхода солнца будет объявлена общая тревога.

А почему бы похитителям и не быть осведомленными? У них в распоряжении целый мегаполис, чтобы отыскать там предателя. Их операция прошла так гладко во всех отношениях, и они предусмотрели, куда ее спрятать.

Гладко как по ледяной скользкой горке, катящейся прямо в ад. Мысль была мучительной. Его ноги глухо стучали, воздух разрывал легкие, серые стены и запертые двери неслись мимо, никаких признаков жизни, ни одного освещенного окна не появилось; в безопасности от загорающего небосвода над ним и шума двигателей вокруг, он мог бы быть последним живым существом на всей планете.

Зная, что морские цыгане собирались прибыть в порт, любой мог определить точное время, просто позвонив в офис начальника порта. Преследователям оставалось только ждать, как бы не предусмотрел возможности, что их жертвы могут воспользоваться другим путем. Ничего не подозревающих, совершенно не имеющих опыта в подобных делах Ивон и Скипа ничего не стоило выследить. Фактически, если они выследили их багаж, они и вовсе могли бы их не преследовать. Было бы достаточно установить пост наблюдателя на станции.

Секретная Служба презирает... да, входить в непосредственный контакт. «Агенты ФБР» или «военной разведки» рисковали провалиться, поскольку Ивон часто виделась с представителями этих служб; ее эскорт должен был быть знаком с формой и значками местной полиции, но сколько народу имеет дело с Секретной Службой?

На кого эти люди работают? Почему нужно было организовывать похищение именно сейчас, вместо того, чтобы просто убить? Откуда они узнали, что она находилась на «Ормене»?

Мимо промчался автомобиль. Слип заорал и замахал

руками. Человек в салоне смотрел телевизор и не заметил его. Однако на перекрестке впереди двигалось машин еще больше. Гонка этого ночного кошмара уже приближалась к концу. Остановившись на углу, с раздувающимися, как мехи, легкими, с болью в селезенке, Слип огляделся. Неоновые рекламы, массив магазинчиков и баров — туда!

Когда он вошел в аптеку, его обуял страх. Он как безумный стал похлопывать себя по карманам. Деньги были здесь. Его преследователи даже не потрудились его ограбить, просто не сочли нужным.

Ну, допустим, они правы. На его глаза навернулись слезы. Это я во всем виноват. Я уговорил ее посетить Маури — кто-то, должно быть, передал это известие, несмотря на требования Хайтауэра — и я понимал со всей отчетливостью, что ей было нечего бояться в этом городке. Если они убьют ее, кровь навсегда останется на моих руках.

Он вычислил, где находится телефонная будка, и набрал номер ФБР, отделение в Лос-Анджелесе. На экране появилось изображение лица мужчины.

— Федеральное Бюро Расследований. Говорит Уильям Слейт. Чем могу вам быть полезен?

— Лучше запишите это, — сказал Слип.

— Мы всегда так делаем, сэр. — Без всякого выражения человек не спускал с него пристального, приводящего в замешательство взгляда. *Наверно я ему кажусь диким, в пыли, поту, нечесаный.* Слип собрался с духом. Вкратце, сжимая кулаки до боли, он рассказал всю историю.

Слейт задавал вопросы. В конце он сказал:

— Мы тут же займемся этим делом. Держите связь. Мы вышлем машину. Где вы находитесь?

— Я нужен вам? Я хочу сказать, я это не выдумал, и я... я рассказал вам все, что мне известно.

— Еще бы, вы нам нужны, мистер. — Теперь у Слейта на лице появилось выражение такое мрачное, какое еще Слип не приходилось видеть. — Быстро, где вы? — Получив ответ, он кивнул — единственное резкое движение вниз, как орел, терзающий кость. — Ждите внутри. У газетного стенда. Это не займет больше десяти минут.

Экран мигнул и выключился.

Скип вышел из будки. Ты ошибаешься, шура, подумал он. Это займет гораздо больше времени. Они запрут меня, а ключ расплавят.

А могут ли они? Я не виноват ни в чем, не так ли? Я совершенно чист как... я невиновен перед законом, вот именно. Я просто свидетель по делу. Они не могут задержать меня без обвинений. Или могут?

В лучшем случае они продержат меня долгое время.

Образ стен и тюремщиков привел его в болезненное состояние. Тогда я должен что-то сделать, чтобы ей помочь.

Что ты можешь сделать, глупец?

Он взял журнал и стал его листать, просто чтобы хоть чем-то занять глаза и руки. В безмерности собственного одиночества ларьки, продавцы, несколько покупателей, слегка сладкие запахи, музыка на заднем фоне были нереальны, недостижимы.

Появился заголовок: «Сигманианец и нации». Он окинул страницу взглядом. Автор заявлял, что правительства Земли были преступно небрежны, не предприняв заранее определенных предосторожностей для Комиссии по поддержанию мира, которая должна контролировать те новые знания и фантастические новые технологии, которые должны были бы обрушиться на человечество, когда наконец будет возможно общение с существом, прибывшим со звезд. Диссонансом к этому напеву звучало то, что шаткое равновесие, от которого сегодня зависит, выживет ли человечество, может быть нарушено. Например, властные структуры официальных расследований и ареста получили подтверждение об определенных классах вооружений. Остальные не были запрещены, и только несколько законодательных обязательных межправительственных постановлений — против загрязнения окружающей среды, распорядок извещения кандидатов в президенты, взаимная помощь при природных катастрофах и так далее — распространяются и на космическое кораблестроение. Но корабль, движимый силой протонов, является потенциально неотразимым оружием. Если великая держава преуспела в строительстве такого корабля для исключительного пользования, его противники действительно бу-

дут вынуждены наложить запрет на ядерные боеголовки, открыто или нелегально, и не потребуется больше межконтинентальных ракет для того, чтобы взорвать город, можно тайно собрать бомбу по частям...

Скип поднял голову и уставился прямо перед собой. *Вот, понял он, для чего все это затевалось сегодняшней ночью.*

Преступный мир вряд ли имеет связь с Маури. Однако ученый может быть шпионом для своего правительства; это достаточно часто случалось в прошлом. Хотя в Маури и не делается ничего секретного, для агента, который предназначался для того, чтобы снискать расположение среди людей различных национальностей, чья работа где-то и когда-то имела военную важность, будет прекрасная возможность. Он сможет их выследить, собирая крупницы информации, которые, будучи сопоставлены вместе, могут наконец прояснить завуалированную истину.

Предположим, русские, китайцы или кто-либо еще — назовем их «Х» — предположим, они решили отсрочить попытки других вмешаться в дело с Сигманианцем. Поскольку было неясно, как они могут это сделать или смогут ли вообще, они импровизируют, продвигаясь по этому пути. Такое отсутствие четких намерений и плана действий всегда дает возможность выступить на первый план экстремистам. Когда Ивон сделала первую попытку разрушить языковой барьер, она проявила себя лучшей из американцев, участвующих в проекте. Должно быть, разнеслась весть: «Устраните ее до того, как она разработает средства, о которых нам могут ничего не сообщить».

Ни у кого нет причин содержать дорогую и рискованную организацию для собственных нужд, которая осуществляла бы ночные кражи со взломом и убийства, во всяком случае — не на Западе. Преступный мир был в пределах досягаемости. Вы можете нанять убийцу окольным путем — да, несомненно, просто рассказав его главному боссу, что вы хотите, чтобы эти исследования не продолжались, потому что они опасны, или богохульные, или коммунистические, или что-нибудь еще...

Ивон спаслась, и правительство США тайно отправило

ее с глаз публики. В секретных кругах страны «Х», несомненно, стали интересоваться, было ли это действительно для лечебного отдыха. Если это было так, не может ли она получить свежие впечатления за время ее отпуска? Поэтому... нужно выкрасть ее, если это возможно, и выудить все, что она знает, прежде чем избавиться от ее существования. Когда агент страны «Х» в Маури увидел Ивон и узнал, где она сойдет на берег, он непременно исхитрится бы позвонить своему американскому партнеру. (Может быть, он и сам не подозревал, что его хозяева охотятся за ней. Может быть, его задача — просто информировать их обо всем интересном, что привлекает его внимание.) В свою очередь местный агент страны «Х» поставлен в известность и просто нанял людей из шайки Анжелино — торпеды, и остальное все пошло как по маслу.

Скип вздрогнул от боли. Неизбежность была сокрушительной. Через час под ударами электротока, под пытками умелого палача Ивон выложит все, что они с ней придумали. Палач чертыхнется, что его начальство не подумало проинструктировать его, что все ее сообщники должны быть включены в операцию. *Они попробуют поймать меня. Но я буду в безопасности в тюрьме.* Она станет бесполезной, опасной, чтобы содержать ее под стражей. И оператор электрической установки передаст ее назад профессионалам для полного уничтожения.

Они, возможно, хорошенько позабавятся с ней некоторое время, прежде чем позволят ей умереть.

Если она еще жива — нет, я не должен думать так. И им, этим «Х», необходимо время, чтобы подготовиться. У них мало времени, и они не могут иметь большую, постоянно меняющую состав организацию типа организаций преступного мира в этой стране. Я представляю, что их вдохновитель и организатор должен лететь сюда из дома. И тайная доставка его сюда потребует определенных условий, которые не всегда могут возникнуть, поэтому прежде всего ему будет нужно прикрытие. И все будет устроено в этом отношении таким образом, что товарищи из банды Торпеды даже и не догадываются, на кого они работают на самом деле.

И все-таки в лучшем случае один-два дня. И у ФБР,

должно быть, есть связь с преступным миром, но федеральные власти ограничены в своих действиях, и им придется пробиться через целого монстра суеверий...

Скип уронил журнал. *Иуда на распятии! Я могу кое-что сделать!*

Зрелый человек остался бы и предложил свои советы и услуги властям. Но на это потребуются часы, а в конце его идея может быть отвергнута. Кроме того, Скипа никогда еще не называли зрелым человеком. Настенные часы показывали, что его десять минут вот-вот истекут. Он поспешно покинул аптеку.

— Эй, такси! — Только позже Скипу пришла в голову мысль, что ему следовало бы позвонить и сообщить свои теории насчет Сигманианца, иначе они будут потеряны для Америки, если умрет с ним и Ивон.

Жрецом местности вокруг Лос-Анджелеса был мужчина, и он называл себя Элоуха. Его жилище было в районе трущоб, и с первого взгляда казалось еще одной столетней развалюхой с гротескной башней с пролетами, резной и покрытой щепой, как чешуей, во двореике, заросшем сорняками и заваленным мусором. Скип отпустил такси за два квартала и пошел дальше пешком. Казалось, за бортом никого больше не было. Те окна, которые были освещены, были завешаны наглухо, ни одно отворено не было. Нечастые старинные уличные фонари с лампами накаливания стояли, похожие на гоблинов, в лужицах тусклого света. Над всем шумом мегаполиса на заднем плане превалировал звук трущихся друг об друга пальмовых листьев в сильно дующем бризе, напоминающий звук трущихся костей скелета. Куски бумаги неслись по ветру вдоль тротуаров. Кошка шмыгнула под живую изгородь, переходящую в заросший кустарник.

Скип взошел на порог и нажал на дверной звонок: еще один анахронизм. Он надеялся, что его не продержат тут долго, среди безобразных колонн, возвышающихся на фоне скучного красного небосклона.

— Брррр! — прозвучало за тяжелой старой дверью. — Брррр! Брррр!

Она открылась. Женщина в черных одеждах, которая была бы хорошенькой, если бы выглядела менее строго, и если бы с ее головы не были удалены волосы вплоть до последнего волоска, спросила:

— Что вы желаете?

— Мне нужно увидеться со Жрецом, — ответил Скин. — Сейчас же. Нет, у меня время не назначено. Однако, это очень срочно.

Она подумала. У Элоухи определенно за год были тучи посетителей, которых завораживали даже его глаза. Скин постарался выглядеть как можно моложе и принял самый благопристойный вид.

— Входите, пожалуйста, мы обсудим это, — сказала она наконец.

Когда дверь затворилась за ним, Скин попал в роскошные апартаменты. Занавеси из алого бархата занавешивали комнаты, в которые вел коридор, обшитый темным деревом. Витиеватые плафоны ламп в подставке о семи рожках давали тусклое освещение. Темный ковер скрадывал шаги, такой плотный и мягкий, что ноги утопали в нем. Откуда-то едва слышимый донесся легкий печальный напев.

Достигнув передней, женщина села за огромный письменный стол. Телефон и интерком были размещены на витрине с резными демоническими лицами, наверху которой покоился человеческий череп. Стены и потолок были завешаны красной и черной тканью. Пол был также роскошно устлан, как и в коридоре. Слегка горьковатый запах шел от жаровни. Над внутренней дверью находился тетраграмматон.

Элоуха — несколько лучше, чем средний шарлатан, размышлял Скин. Но пусть так и будет. Он не посетит обычных овец. (Как случилось, что произошел возврат обрядов суеверий? В детские годы моего отца образованные люди уже официально использовали астрологию. Не может ли наука быть слишком требовательной? В любом случае, даже в суперсуевериях, я полагаю, криминальные классы всегда брали первые призы.) Среди клиентов Элоухи есть бароны преступного мира из банды Анжелино. Если они перестанут когда-нибудь бояться его, с ним будет покончено, он знает слишком много.

— Присаживайтесь.— Женщина указала на стул. Скип подчинился. Она вытащила отпечатанный бланк из ящика стола.— Мне необходима информация определенного рода, прежде чем я смогу решить, стоит ли беспокоить Верховного из-за вас. Прошлой ночью ему пришлось воскрешать мертвеца, и, честно говоря, после этого на следующий день он все еще чувствует себя усталым.

— Он должен меня принять,— сказал Скип.— Бэтс Блидон показывал мне здешние места пару лет назад. Мы тут посещали один сеанс, и меня представили Верховному. Он любезно приказал прислужнику провести меня для осмотра незапрещенных мест усадьбы.

— Неужели? — Ее белое поблекшее лицо отразило большой интерес.— Это было еще до меня. Могу я узнать ваше имя?

Скип назвал. Она заполнила файл его данными; Элоуха не чурался пользоваться электронными банками данных и памятью. Прочитав то, что появилось на экране, она кивнула.

— А, да. Мистер Блидон хорошо о вас отзывался. Почему же вы с тех пор не были тут?

— Я уехал из города, гм, по некоторым причинам. Не возвращался до вчерашнего дня.— Скипу не нужно было искусственно придавать голосу отчаяние.— Пожалуйста, Черный ангел! Мне нужно увидеться с Верховным прямо сейчас! Дело может касаться и его, так же как и Бэта... Нет, я не могу сказать вам, в чем дело. Вам и не нужно этого знать, поверьте, Черный ангел. Послушайте, если он рассердится, он сделает это из-за меня, а не из-за вас.

— Я спрошу,— сказала она и нажала на кнопку интеркома. После короткого разговора, она закончила: — Благодарю тебя, мой Бог,— прервала связь и сказала Скипу: — Вы можете войти через семь минут. Тем временем помолчите и соберитесь с мыслями.

— *Как я могу справиться с последним?* — Женщина уставилась ничего не видящим взглядом прямо перед собой. Хорошо, секретарши Элоухи очень скрупулезно вышколены. А что до хозяина, он несомненно отдыхает, расслабляясь в своих частных кабинетах — *не обязательно с сукубом*

или с книгой оккультных наук, а почему бы не развлечься, смотря шоу клоуна Дони, если он один?— и ему требуется время, чтобы напаялить на себя свой маскарадный костюм.

Рослый бритоголовый, чьи одеяния не будут мешать ему в драке, вошел, когда секретарша позвонила.

— Вы понимаете, что в святая святых не позволено носить оружия, — сказал он. — Пожалуйста, встаньте и поднимите руки. — Он тщательно обыскал Скипа. — Очень хорошо. Спасибо.

Если бы он обнаружил кинжал, у Скипа были бы большие неприятности. Но он был внутри эластичного пояса на талии, который принимал очертания тела владельца. Небольшая выпуклость и твердость были едва ощутимы на его мускулистом животе.

— Запомните, нужно остановиться за три шага перед тронем, поклониться три раза, сложив руки на груди так, чтобы большие пальцы лежали крест-накрест, и ничего не говорить, пока к вам не обратятся, — сказала секретарша, пока охранник показывал. — Теперь вы можете войти.

Пульс стучал в ушах Скипа. Холодный пот лился из подмышек по ребрам. Его язык был как кусок дерева. Кое-как он открыл дверь, вошел через нее и закрыл ее за собой. Ее массивность и шипящий звук, когда она входила в дверной проем, обеспечивали звуконепроницаемость.

Оказавшись один в темном коридоре, он расстегнул карман на поясе и вытащил оттуда кинжал. Это была тонкая, медленно распрямляющаяся коричневая лента длиной тридцать сантиметров, четыре сантиметра шириной и толщиной два миллиметра. Он резко ударил ей о ботинок. Задребезжав, пластик принял свою естественную форму, которую он «запомнил». Он почувствовал минутное расширение и зигзагообразное трепетание и держал нож с десятисантиметровым лезвием. Внутренняя поверхность и острие, вокруг которых обмоталась лента, блестели, как лезвие.

Восстановление прежней конфигурации займет времени больше. Ему придется нагревать пластик до тех пор, пока его теперяшняя твердость не приобретет мягкость, а

потом засовывать его в форму, которую он носит в своем снаряжении, и ждать, пока он восстановит форму. В противном случае, если его оставить в покое, он снова станет ножом. То, что он ударил его о ботинок, ускорило процесс. И теперь он засунул нож в штаны между нижним бельем и выпустил рубашку наружу, чтобы она прикрыла нож. Вся работа заняла несколько секунд. В крайнем случае он может сделать это гораздо быстрее.

Иногда ему было интересно, как много времени пройдет с того момента, как возникнет идея или же ее изобретут вновь, до тех пор, пока ее не приведут в исполнение. Тем не менее Хэн Саншайн, который делал такие вещи, давал их только бродягам, которым можно было доверять.

Чувствуя себя несколько поувереннее, Скип прошел через прихожую и вошел через дверь в помещение за ней.

Она была в том же стиле, что и приемная, но огромная по площади и высоте. Окна были занавешаны, от немногих тусклых ламп отбрасывались темные тени. Полки старых книг в кожаных переплетах превалировали на двух стенах, беспорядочные магические и химические приборы — на третьей. Витрины с любопытными предметами — он заметил берцовую кость, перепонки, мумифицированный уробный плод среди всего прочего — были расположены сбоку от двери. Алый ковер, лежащий на черном полу, отмечал его путь к трону.

Он зашагал по дорожке, которая, казалось, разворачивалась перед ним, и отвесил поклон.

— Именем Бога-Отца, Матери Асторес и легионов Подземного мира, сын мой, приветствую тебя, — сказал шелестящий голос над ним. — Мир тем, кто пришел сюда с почтением. Говори свободно и не бойся, но не забывай, что должен быть краток, потому, что ты — не единственный, чья беспокойная душа нуждается в моей помощи в тяжелую минуту.

Скип посмотрел вверх. Элоуха казался высоким в своих полночных одеяниях. Их капюшон окружал лицо белое, как у женщины, мрачное и изможденное, как этот дом. На шее висел амулет из смоковницы. Крест на четках на груди

представлял собой скрещенные руки. В правой руке подобно скипетру он держал изогнутый жезл.

Неожиданно нервозность отпустила Скипа. Он видел, слышал, нюхал, чувствовал более тонко, чем мог вспомнить, что такое было с ним когда-либо еще. Его мысли ринулись вперед дисциплинированными рядами. Под ними была такая захлестывающая ярость, такая сильная, что казалось: и в самом деле им завладел демон.

— Повелитель, — начал он, — то, что я хочу рассказать... ну, лучше прочитайте мои мысли, а то еще назовете лгуном.

— Сперва позволь мне выслушать тебя, сын мой.

— Но, простите меня, Повелитель, но проверьте сначала, слушает ли нас кто-нибудь, как по интеркому. Мы не можем доверять... Ну, то, зачем я здесь, связано с властями, Федеральными...

— Правительство знает меня как священника и советника, у которого есть официальное разрешение, — тон Элоухи стал немножечко менее спокойным. Годы мошенничества не прошли для него даром, и он не удержался, чтобы не добавить: — Если я скажу тебе имена определенных клиентов... Продолжай.

— *Да-да да, — насмешливо звучало в голове Скипа. — И вы даете ваш хорошо оплаченный совет, после того как прочитаете будущее по звездам, или по чернильному пятну, или по вашему пупку, или еще как-нибудь; вы насылаете чары, вы упражняетесь в ясновидении; вы продаете амулеты, брелки, приворотное зелье; вы благословляете, вы проклинаете, вы устраиваете чертовски впечатляющее шоу; вам не нужно мастерски отрабатывать каждый трюк как любому фокуснику, иллюзионисту, предсказателю судеб, медиуму, телепату, ваше имя — оно всегда вызывало у ваших собратьев благоговейный страх и щедрость.*

Другая половина мозга высчитывала расстояние и диспозицию. В зале могли быть установлены мониторы, которые постоянно транслировали изображение охранникам, а, возможно, и нет, потому что Верховному доверялись многие секреты, а охрана могла быть подкуплена или похищена. У Элоухи должна была быть кнопка на случай тревоги в кресле или где-то еще. Однако поскольку пред-

полагалось, что его посетители безоружны, а у него в руках тяжелый жезл, а может быть, и пистолет, он не станет беспокоиться о возможном нападении — только не те, кто пришел к Прорицателю, в страхе или жадности, ненависти или скорби, никто не осмелится обидеть вызывателя ангелов, друзей, привидений...

Он сидел, наклонясь вперед, в напряжении, свободная рука лежала на колене. Лучшего шанса завладеть им может не представиться.

Скип преодолел расстояние в два прыжка. На секунду он согнулся в полете. Его левая нога оказалась впереди, последовал удар карате в солнечное сплетение. Трон опрокинулся назад, звук удара смягчил ковер. Скип ударился о возвышение трона и откатился по полу. Он вскочил одним прыжком, распрямился, вытащил кинжал и прыгнул на свою жертву. Верховный лежал бездыханный. *Эй, старый негодяй не помер, не может быть!* Возможность того, что единственная ниточка, ведущая его к Ивон, может быть, оборвана, привела его в отчаяние. Нет, Элоуха дышал с присвистом, он был просто оглушен. Скип поправил трон. Если кто-нибудь заглянет, не нужно будет лишних объяснений. Он отволол чародея в дальний, самый темный угол зала, уложил его и проверил, нет ли оружия. Оружия не было, этот парень чувствовал себя достаточно уверенно.

Верховный зашевелился и застонал.

— О'кей, приятель, приди в себя,— сказал Скип. Он ударил его по щеке. Веки Элоухи затрепетали. Он схватился за живот и рыгнул. Скип показал ему лезвие.— Мне нужна информация, ты. Быстрая и точная.

— Что...— Элоуха с трудом принял сидячее положение. Он начал чертить в воздухе знаки и бормотать что-то.

Скип опять его ударил.

— Прибереги свое шоу для других. Может, ты и проклял нескольких только потому, что они в это поверили и перестали бороться за жизнь. Я не собираюсь. Послушай. Если кто-нибудь нас прервет, скажешь, что у нас сеанс, и пусть он оставит нас. При первых признаках ситуации, с которой я могу не справиться, я тебя убью. Чтобы ты мне поверил лучше, позволь мне довести до твоего сведения,

что мне нечего терять. Я прекрасно знаю, что со мной сделают твои гунны. После того как твое сердце пронзит нож, мое будет следующим. Сотрудничай со мной, если не хочешь погибнуть.

— Чего ты хочешь? — прошептал Элоуха.

Скип поведал о похищении, не только описав на словах двоих исполнителей, но и представив рисунки, которые он сделал по пути в своем блокноте, с которым не расставался.

— Я знаю вашу систему, — закончил он. — Кроме обычных дешевых трюков, она зависит от разведывательной сети, которой могут позавидовать и профессиональные шпионы. Клиенты дают тебе сведения, ты держишь курьеров, наблюдателей, людей, которые суют свой нос в чужие дела, тех, кто сопоставляет и обменивается информацией со своими коллегами повсюду. Власти отдали бы свои левые почки, чтобы только узнать то, что знаешь ты, вот почему ты так осторожен, чтобы не давать им и малейшего повода арестовать тебя.

— Я... я... законопослушный гражданин. Ты...

— Я — самый жестокий уголовный преступник, — сказал Скип гораздо веселее, чем было у него на душе. — Я хочу узнать, где находятся эти два носорога, и кто их нанял, где они прячутся, и все другие места, где может быть их логово, какая охрана и другие предосторожности могут там быть — все целиком, Элоуха.

— Информация не для всех, — сказал Верховный. К нему вернулись спокойствие и уверенность снова, и его хитрость и крысиная отвага.

— Да, тебя просто застрелят, если обнаружится, что ты предал своего клиента. Но они этого не обнаружат, если мы все правильно устроим. Будь уверен, что, если ты мне ничего не скажешь, ты тоже будешь покойником. Ну!

— Нет! Аэраэль, покарай его! Семфорагас, я ламизель...

Заклинания были прерваны рукой, которая обвилась вокруг его горла.

Следующие несколько минут Скип ненавидел всей душой. То, что он делал, было хуже некуда. Только мысль об Ивон в ловушке взывала к его действиям. Элоуха был в преклонных годах, физически слаб. Он сдался:

— Да-да. Я скажу, будь ты проклят, дьявол тебя по-
бери...

— Начинай,— сказал Скип, прерывая его всхлипы.

К тому времени, когда Элоуха рассказал все, что вспомнил сразу, без подсказки, он достаточно пришел в себя, чтобы воспользоваться интеркомом. По его приказанию значительный файл был сдублирован на ридерфаксе за ширмой.

— Нам нужно принять меры предосторожности, чтобы защитить тебя,— сказал Скип, после того как все прочитал,— Поэтому у тебя будет причина не считать меня доносчиком. Вот тот телефон, правда, работает?

Элоуха в отчаянии кивнул. Скип этого и ожидал. Где-то в городе был прибор, через который туда-сюда проходили сообщения с этого телефона. Постоянно работающий сканер почувствует, если незнакомец попадет в эту отдаленную комнату после того, как точно проследит за разговором. Связь будет тотчас же прервана, и установлена новая линия.

Скип заставил своего пленника лечь на пол, придерживая его ногой, и позвонить в ФБР. Слейт все еще сидел за столом.

— Вы! — выпалил он.— Что...

— Я полагаю, что обнаружил, где находится доктор Кантер,— бесцеремонно сказал Скип. Он дал имена, адреса и относящиеся к делу детали.— Это для большей вероятности. Я предлагаю вам использовать усыпляющий газ, прежде чем туда врываться, но вы, конечно, об этом знаете лучше, чем я. И Христом Богом прошу, *торопитесь!*

— Откуда Вы все это узнали,— спросил Слейт.— Как мы узнаем, правду ли вы говорите?

— Неужели вы осмеливаетесь сомневаться? Я перезвоню вам через час,— Скип прервал связь и освободил Верховного.

— Мы можем провести это время, составляя план,— сказал он.— Вы понимаете, если я расскажу им, как я получил информацию, я признаюсь им в серьезном преступлении. Возможно, меня подвергнут допросу, и мой рассказ будет утомительным и путаным, и я получу плохую оценку в

табеле, и меня отстранят от работы с доктором Кантер — вы можете написать сценарий сами. Следовательно, и у вас, и у меня есть равный интерес в освещении правды должным образом.

Элоуха пристально посмотрел на него.

— Ты настолько же остр умом, насколько «крут», — невнятно произнес он. — Если тебе когда-нибудь будет нужна ра-бота...

— «Квин сабэ»? Слишком далеко заходишь, ты, мошенник, и уж если я окажу тебе честь, то можешь не просить меня нарушать правила приличия. А теперь давай придумаем очередную небылицу.

На основе воображения Скипа и знаний Верховного была выработана подходящая легенда. Слип нашел своих давних знакомых из преступного мира в надежде найти след. Среди них был человек, который совершенно случайно оказался рассерженным, недавно изгнанный член тех наемных кругов, которые схватили Ивон. (Он был реальным, хорошо известным полиции. За исключением того, что за три ночи до этого он попал под щетки мусорной машины своего соперника, которую хотел остановить.) Слип описал его, движимый естественным чувством негодования, прибавив массу похожей на правду чепухи.

После того как это было решено, Элоуха и его гость побеседовали весьма дружелюбно. Но под видимым спокойствием напряжение Скипа достигло высшей точки. Трясущимися пальцами он набирал номер ФБР, когда час был на исходе.

— Да, мы нашли ее, — сказал Слейт. — Запертой в комнате первого дома, который вы перечислили, перепуганную и в шоке, но целую и невредимую. К сожалению, люди, которых мы взяли, кажется, не знают ничего, кроме того, что им надлежало ждать дальнейших приказаний. Та парочка улизула. Они были в задней части дома, где был вход в тоннель, который мои мальчики обнаружили позднее. А теперь, вы не приедете ли к нам?

— Уже в пути. — Слип повесил трубку и перевел дыхание. Наконец он сказал: — Прости, что опять причиняю тебе беспокойство, старик. Однако ты понимаешь, что мне

нужно обеспечить себе беспрепятственный путь к отступлению.

— Конечно, — Элоуха нажал кнопку интеркома. — Черный Ангел Заафира, мистер Вейберн уходит. Я хочу, чтобы меня никто не беспокоил, потому что я хочу поразмыслить о том, что он сообщил мне, в одиночестве. — Скип связал его разорванными на полосы занавесками, завязав такие узлы, что искусному в таких делах человеку потребовалось бы не меньше получаса, чтобы выпутаться из них. Для Верховного не пристало, чтобы его нашли связанным, как борова. Вставив ему кляп в рот, Скип похлопал его по макушке и отбыл.

— Садитесь, товарищ профессор, — сказал генерал Чьжу. Вань Ли взял стул, на который указывала сигарета. Последовала минутная тишина. Наконец из-за вуали дыма Чьжу начал:

— Вам следует это знать, потому что Ивон Кантер может сказать вам, что была предпринята еще одна попытка ее убийства.

— Нет! — Какая-то частица Вань сознавала, что он ужасен, сказав это, что было правдой. — Я не слышал...

— И не слышали бы. Американские власти скрывают этот факт, во всяком случае, пока. Мы знаем, потому что у нас есть среди них агенты, что не является таким уж противозаконным, товарищ профессор, в то время как они делают то же самое в наших рядах и, возможно, преуспели в этом.

— Я понимаю, — тихо сказал Вань. — Она ранена?

— Нет. Это было похищение с помощью наемных преступников. Фашистская полиция обнаружила ее, и они взяли двоих под стражу, но они не знали ничего, что представляло бы хоть какую-то ценность. Кроме того, сопротивляясь им в испуге, она разболтала им о свежей концепции относительно Сигманианца, что-то, что откроет путь к настоящему союзу с ним. Она, очевидно, надеялась, что они освободят ее после этого. Но, увидев их безразличие, она не стала говорить ничего больше.

— Кто в ответе за это? — заставил себя спросить Вань.

— Кто знает? — ответил Чьжу. — Советы, японцы, Западная Европа... или это могло бы быть подстроено и самим американским режимом, который нанял настоящих гангстеров, но намеревался обвинить их в публичном судебном процессе, с целью запугать ее до полного подчинения им.

Он наклонился через стол.

Примите это во внимание, профессор Вань. Это случилось несколько дней назад. Доктор Кантер, должно быть, оправилась и рассказала свою великую идею своему начальству. Любое открытие, связанное с Сигманианцем, как предполагалось, должно было быть сразу же доведено до сведения сотрудничающих сторон. За последнее время мы не получили об этом никаких сообщений. Это вам ни о чем не говорит?

— Они, может быть, еще не совсем уверены, — нерешительно сказал Вань. — Они, возможно, решили, что она ошибается.

— Или же они решили скрыть от нас свои успехи, — хмыкнул Чьжу. — Мы готовы к этому. Я вызвал вас сюда, чтобы вы знали, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в чем заключается ваш долг.

Глава двенадцатая

К своему удивлению, Скип обнаружил, что Эндрю Алмейда был привлекательным человеком, в основном, свободным и с которым было легко общаться, довольно разговорчивым, но и хорошим внимательным слушателем, имеющим степень доктора исторических наук, тонким ценителем искусства, главой очаровательного семейства, чье гостеприимство было большим и неподдельным по уик-эндам в их хижине в горах.

Пожалуй, это был единственный отдых, который полу-

чал Слип. Все остальное время у него была комната на базе, и когда он не получал инструкций, он обучался. Он должен был изучить результаты трехлетнего исследования Сигманианца, проникнуться ими до мозга костей, потому что, если его план сработает, нельзя предусмотреть, что сделает это существо, а его реакция, в свою очередь, не должна быть неясной. Ну, это ему было раз плюнуть. Он даже ничего не имел против такой холостяцкой жизни. Когда он попал на земную орбиту, чтобы научиться элементарно себя вести в условиях невесомости, когда он увидел, не ощущая ни верха, ни низа, перед глазами Мать-Землю, сверкающую среди звезд — это был самый величественный час во всей его жизни.

Тем временем ФБР определенно пыталось проверить его прошлое. Он забавлялся и желал им хорошо провести время. Влияние Ивон гарантировало ему временную благонадежность, которой было достаточно.

Спустя месяц последний инструктаж Алмейды был громом среди ясного неба.

Он сидел за письменным столом в своем кабинете, Слип и Ивон — на стульях лицом к лицу. Окно было нараспашку и впускало прохладный воздух, беспорядок и суету, здания через дорогу, а над ними — сверкание пирамидальной ракеты, которая с завтрашним восходом поднимется, извергая пламя, и пронзит синие небеса.

Алмейда попыхивал трубкой.

Мне хотелось бы, чтобы мы провели больше времени, готовясь для такой миссии, — сказал он.

Ивон вытащила сигарету. Хотя она была напряжена и нервничала, Слип восхищался орлиным профилем, раскосыми глазами, блестящими волосами, фигурой, чертовски ладной, правда, под ее строгими рабочими одеждами, с длинными стройными ногами...

— Мы почти совсем готовы, — сказала она. — Если мы впустую будем тратить время, Сигманианец может отправиться еще на одну прогулку или вообще уберется домой.

— Верно, — согласился полковник. — Или кто-то может тоже догадаться о том, что придумал Слип.

Ивон выпрямилась на стуле.

— Энди, — сказала она, — мне не нравится, что ты счи-

таешь, что концепция целиком принадлежит нам. Кроме всего прочего, мне хотелось бы обсудить ее с моими иностранными коллегами, в частности, с Дуклосом. У него есть склонность к анализу, поскольку в частной жизни он — большой знаток. Я подчинялась тебе до сих пор, потому что мы были заняты объяснениями и выработкой детального плана. Но я не хочу больше хранить молчание.

Скип потянул себя за мочку уха.

— О, я полагаю, что не так уж и плохо — держать некоторые вещи в секрете, Ивон, — рискнул он. — После того, что случилось с тобой... не нужно ли сначала подумать, а потом уже предпринимать что-то такое важное, как это? Если мы ошибаемся, мы всего лишь задержим прогресс науки на месяц. Потому что, как мы сможем скрыть наши попытки, когда мы попадем на борт?

— Именно, — сказал Алмейда, — именно это я и хочу обсудить с вами сегодня.

Его трубка полыхнула огнем неожиданно, с громким звуком. Ивон вздрогнула. Скип схватился рукой за кинжал, хотя и не намеревался вспоминать о нем вообще.

Алмейда выдохнул дым сильной струей, прежде чем поставил локти на стол и сказал с несвойственной строгостью:

— Мы уже проинформировали соответствующие агентства за границей, что мы отправляем корабль туда завтра. Они поддерживают радарное слежение точно так же, как и мы. Но мы заявили, что это обычная проверка на внешних границах силового поля Сигманианца, чтобы проверить, нет ли каких перемен. Вы же знаете, что обычно их не бывает, но есть смысл периодически проверять, и кроме того, подобные маневры — хорошая практика для астронавтов. Как мы и ожидали, больше никто не собирается лететь.

— Вы выйдете на близкую орбиту и передадите свою программу на естественной волне Сигманианца, поддерживая энергию не достаточной для того, чтобы можно было засечь сигнал на расстоянии больше нескольких километров. В этом случае, если вы получите ответ, этот факт может остаться в тайне.

— Да? — воскликнул Скип. — Теперь постойте минуточку.

Алмейда поднял руку.

— Не нужно мне ничего говорить. Грязный трюк, нарушение торжественного обещания. Но предположим, что ответ Сигманианца — это целый набор планов его корабля. Это не фантазия. Ведь, по-видимому, мы представляем собой нацию, заинтересованную в технологиях. Или еще менее предсказуемое может произойти. — Рука превратилась в кулак и ударила по столу. — *Мы не знаем.* И у нас нет твердых добровольных международных соглашений относительно всего этого. И не нужно обвинять китайских республиканцев или американских параноиков, или кто там еще обливается слезами и соплями. Просто считайте, что проблема в том, что нужно быть готовым к событиям, которые на самом деле даже трудно вообразить, не говоря уже о том, чтобы их предсказать. И чем больше игроков в игре, тем менее стабильной становится игра.

Он вздохнул.

— Возможно, если вы установите смысловую коммуникацию, вы сможете просить Сигманианца отправиться восвояси до тех пор, пока человеческая раса не подрастет, — сказал он. — Или, может быть, и я надеюсь, что это более вероятно, знания окажутся совершенно безобидными и будут подаваться постепенно, так, что мы сможем вернуться к открытым действиям. Но пока, тем не менее, мы стараемся отсрочить акцию.

Губы Ивон задрожали. На глазах навернулись слезы.

— А что, если Сигманианец пригласит нас на чай? — спросил Скип. — Любезно будет предположить это, если наша схема сработает. Спутники с людьми на борту все время наблюдают, не появится ли его радуга.

— Может быть, вы как-нибудь притворитесь, что не заметили ее, — предложил Алмейда. — Или же, попав к нему на борт, попытаетесь заставить его снова закрыть силовое поле. В этом случае мы сможем отклонить возмущенные протесты, объявив, что, вероятно, произошло какое-то недопонимание... Ответственность ляжет не на ваши пле-

чи, ваши пилот и второй пилот тщательно выбраны. Майор Тьюлис имеет опыт в боевых действиях — инцидент в скалах, например. Капитан Керланд — служит в разведке Воздушных Сил. Позвольте мне выработать основные правила ваших действий.

Скип ушел с головой в созерцание космического корабля. Этот радостный танец массы и формы, где солнце и тени ритмично чередовались, как будто Земля плыла во вселенной, как музыка, как любовь, и приключения, и созидание — это можно было ощутить, только пережив наяву. Слова самых прекрасных писателей, фотографии лучших умельцев голографического искусства никогда не предполагали тут такого священнодействия.

Эта сфера, эта кривая, вот та спираль, да я вижу, как они сливаются вместе, чтобы образовать единое целое, чтобы потом разойтись обновленными.

Керланд похлопал его по плечу.

— Мы — на орбите, мистер Вейберн.

Выведенный из транса, Скип дернулся, но его удержали ремни. Кабина была переполнена инструментами, приборами, воздух был тяжелый, насос скрипел, невесомость была приятной, но он понимал, как она будет действовать на его нетренированные мускулы. Окно, через которое он смотрел, было маленьким и запыленным.

— О да, — промямлил он глупо.

— Вы можете сразу приступить к делу? — спросил Тьюлис.

— Да, конечно, — Ивон начала отстегиваться.

— Помните, — Керланд втолковывал Скипу, — время от времени нам придется пользоваться взрывом, чтобы откорректировать девиацию, если мы хотим сохранить нашу относительную позицию. Это будет не больше одной десятой «j» снаружи, и мы просто хотели вас предупредить заранее.

Скип кивнул нетерпеливо. Восстановив свою полную уверенность в себе, он был возбужден от своей миссии. Если она увенчается успехом, какие только восторги он не увидит! Освободившись от ремней, он как маятник, метался по кабине возле видеофонного передатчика, где он

оборвал связывающий его провод и начал упаковывать предметы, которые нужно было взять с собой.

Ивон помогала. Ее голос был обеспокоенным:

— Я почти желаю, чтобы все было впустую! — Она помотала головой. — Нет, не хочу!

— Если получится так, — сказал Скин ни к селу ни к городу, — мы продолжим попытки. — Откуда ты знаешь, что приемник Сигманианца включен? — спросил Керланд сзади.

— Мы не знаем, — сказал Тьюлис. — Но разве вы не оставите наш записывающим и не станете проверять пленки в перерывах?

— Моя догадка в том, что устройство монитора отрегулировано на подачу сигнала, когда происходит что-то, на что следует обратить внимание, — сказал Скин. — Оп-ля! Черт побери! — Ключок ваты, в который была обернута чаша, ускользнул от него.

Тьюлис поймал его.

— Я все еще не могу понять, на основе чего вы подбирали свои образцы, — заметил он.

— В основном по догадке, — признался Скин. — Нам нужно было большое разнообразие. Однако поскольку этот корабль не мог вместить в себя Британский Музей, мы небольшим количеством хотели охватить все. И мы выбрали большинство экспонатов из того, что сочли наиболее привлекательным. Я не могу объяснить наш метод. Мы попытались абстрагироваться от того, что обычно люди видят в корабле Сигманианца, и исходили из этого. Честно говоря, это были скорее догадки и интуиция, чем логика.

— В наибольшей степени, Скин, — добавила Ивон. — Именно так я рассеяла его подозрения. Разнообразные предпосылки или нет, — сказала я, — у кого еще есть лучший шанс преуспеть?

Час спустя копии произведений искусства были расположены в определенном порядке, запись показа была приколоты перед ними, он и она посмотрели друг на друга и пожали руки. Он увидел, как на ее шее бился пульс. Во рту у него самого пересохло. *Быстрее, что я могу сказать в этот исторический момент? Орел снес яйцо... Нет, дьявол,*

нужно просто упорно работать. Он привел в действие сканер видения. Ивон начала говорить по синтезатору.

— Люди... приближаются... Сигманианец. Люди... приближаются... Сигманианец. Люди — Сигманианец. Люди — Сигманианец.

Теперь она кивнула Скипу. Экран перед ними оставался пустым, но он поднял первый экспонат из того, что он выбрал — рисунок китайского мандарина. Он не думал, что прищелец его тонкую простоту найдет в высшей степени интересной, но это могло бы открыть путь к фотографиям японских врат Тори, к китайской каллиграфии...

...Дюрер, Микеланджело, Веласкес, Рембрандт, Коро, Мотонубу, Лунь-Мьен, персидские миниатюры и бизоны Ласко, чьи создатели были забыты, но не работы...

...изгиб индусских чаш или греческих амфор, мужественность полинезийской военной булавы или африканская маска, зловещая грациозность вырезанного из хрусталя ацтекского черепа, безмятежное очарование русских икон, вырезанных на дереве... изображения скульптур, больших по размеру, голова Нефертити, Афродита и Ника, но здесь, главным образом, менее древние мастера — Роден, Бранкузи, Милле, Нильсен — изображения парков и садов — самых благородных и самых очаровательных зданий, которые когда-либо возводил человек, храмы, дворцы, сельские дома, беседки, замки, гробницы...

Во всем этом был взгляд художника — уверенность в том, что путешественник осуществил свое одинокое паломничество, потому что тоже был художником в поисках ничего иного, как красоты.

— Эй! — закричал Тьюлис. — Он загорелся, черт возьми, как новогодняя елка!

Скип стремительно повернулся. Со своего места он мог видеть только лишь краешек судна Сигманианца на расстоянии нескольких километров. Но дальше космическое пространство, которое было между ними, не было пустынным больше. Оно горело красками, всеми красками, от глубокого и чистого свечения до самых мягких оттенков солнечного восхода или цветка, до тех пор, пока наблюда-

тель не становился частью, экстаза и не возвышался над этим всеобъемлющим зрелищем.

Голос Керланда вернул его к действительности:

— Господи Иисусе, вы же прорвались. Приглашение никогда не было и в половину таким ярким и прекрасным, правда же?

— Правда,— сказал Тьюлис. Понизив тон: — Они еще не изобрели для этого слова.

— Может быть, это название есть в словаре Сигманианца,— сказал Керланд, приходя в себя от изумления.

Ивон залилась слезами.

Тьюлис встряхнулся и отвернулся от зрелища.

— Ну, наша надежда на то, чтобы держать все в полном секрете, провалилась с треском,— сказал он без всякого выражения.— Здорово то, что мы вошли в контакт, то есть вы двое и теперь мы будем действовать по плану Чарли.— Он отстегнулся.— Я помогу вам выгрузить всю эту ерунду. Мы можем запихать эти вещи прямо в стойки и связать их, правильно?

— Я вытащу космические скафандры и приборы,— заявил Керланд.

Сияющее чудо снаружи утонуло в пылу приготовлений.

— Порядок,— сказал Тьюлис, прежде чем закрыть забрало шлема.— Давайте все проверим в последний раз. Мы остановимся как обычно. Попад на борт, вы поступите, как сочтете нужным. Если вам удастся, скажите Сигманианцу, чтобы он закрыл вход силовым полем за вами. Затем проведите остальное время там, убеждая его общаться только с американцами. Я знаю, что это самый важный приказ, особенно когда у вас почти тридцать часов до того, как начнут прибывать иностранные корабли.

— Может быть, меньше,— сказал Керланд.— Мы знаем, что они держат базы на расстоянии суток с тех пор, как вы принесли это известие, доктор Кантер. Но у кого-нибудь непременно может быть в запасе сюрприз.

Ивон содрогнулась.

— Я буду так смущена, мне будет так стыдно, если...

Керланд похлопал ее по плечу, облаченному в скафандр. От удара она отплыла от него.

— Ты что, забыла свою легенду? — спросил он.— Идея

Скипа была слишком дикой, чтобы довести ее до сведения общественности, но поскольку он — доброволец и ему необходимо обучение, мы на своем уровне решили не трудиться извещать Вашингтон, мы могли также все перепутать. Вы приехали сюда совершенно случайно, чтобы посмотреть. Никто не был так изумлен, как мы, когда это все случилось.

Лицо Ивон казалось растерянным и несчастным в шлеме.

— Я не слишком хорошо умею обманывать, — сказала она. — Я ненавижу ложь.

— Я — дока в этом деле, — уверил ее Скин, — и когда я нахожусь вдали от своих друзей, я получаю удовольствие, практикуюсь в этом искусстве. Пойдем?

Вань Ли прибыл, не прошло и десяти часов.

Скин и Ивон потеряли связь с остальным миром, и совершенно забыли о нем. Там, в этой камере с изогнутыми стенами, которые контрастировали с куполом, где волшебные формы и листья, и цветы наполняли воздух, они начинали узнавать того, кто путешествовал среди звезд.

— Что означают эти решетки и все эти растения, — выдохнул Скин. — Могу поспорить на свой указательный палец. Это не оборудование, не восстановление кислорода, корабль должен иметь более эффективные системы. Это наслаждение. Возрождение духа.

Ивон наблюдала за огромной, скользкой, шершавой массой впереди. Вот уже каждый видимый участок тела проходил через необычный портал. Сигманианец парил, поглощенный фотографией «Пяти сестер» Йорка Минстера.

— Знаешь, — сказала она тихо, — он не такой уж и отвратительный. Конечно, судя по нашим стандартам, особенно если смотреть на него под правильным углом.

— Черт, я не мог бы этого сказать года три назад, — ответил Скин.

В его мозгу поплыли воспоминания того, что он сказал ей в их первый день наедине на морском судне: «Поскольку у большинства людей не хватает вкуса понять, что Сигма-

нианец не омерзителен, я предполагаю что подсознательно они считают само собой разумеющимся, что он — обыватель. Определенно многие из размышлявших понимали, что он должен бы интересоваться нашим искусством точно так же, как и мы были бы заинтересованы в искусстве сигманиан — но не изнутри, а как другое явление, которое можно наблюдать и написать об этом научный труд. То искусство, которое они ему показали в самом начале, было такой несущественной частью всех этих диаграмм и тому подобного, и так чертовски плохо несистематически подобрано, что этот парень даже и не мог понять, что это было. И в любом случае, прежде всего обращали внимание на возможность общения с помощью слов. Все считали, что когда взаимопонимание будет достигнуто, все остальное можно будет обсудить на досуге. Они забыли, что слова ни в коей мере не могут быть единственным языком. Им даже и в голову не приходило, что Сигманианец совершил свое замечательное путешествие не с какой иной целью, как получить просто художественное вдохновение — потому что планеты сами по себе так сильно вызывают его, что он не поскупился на то время, которое он потратил на нас, видя, что мы так никогда и не смогли ему дать именно того, что он хочет...»

Он оторвался от воспоминаний. Сигманианец приближался к стене купола. Фотографию он легко держал в одной паре клешней. Окружающие щупальца-пальцы подергивались и вытянули с того места, где он был, альбом с видами Парфенона. В другой «руке» он держал оптический проектор.

Скип хотел подвинуться ближе. Неуклюжий, он поскользнулся и выругался. Его неопытность в свободном полете невесомости осложняла дело. Наконец он пристегнулся, держа карандаш и блокнот наготове. Было принесено голографическое оборудование, но в данный момент оно не было нужно. Сигманианец указывал на рисунки, в то время как он сам следил за их линиями — лучами, которые оставались светящимися, пока он не стирал их или не изменял. В ответ на это карандаш Скипа скользил по бумаге.

— Угу,— сказал он, просто думая вслух,— он очарован

контрастом между классической и перпендикулярной архитектурой... я так полагаю. Что они имеют общего? Ну, как «Золотое сечение», я полагаю, что смогу разъяснить... — Он вспомнил о своем товарище. — Скажи, Ивон, вот шанс установить вербальный язык, если я только смогу объяснить ему на рисунках, чтобы он стал учить слова...

Вплыла одетая в скафандр фигура. «О», — чуть не вскрикнула Ивон. Скип ответил более язвительно.

Вань Ли проверил свою траекторию, пристегнул багаж и открыл шлем. На его лице застыла холодная ярость.

— Что это? — требовательно спросил он.

Вновь прибывший указывал на Скипа.

Бродяга ошетинился.

— Сэр, правильное местоимение — «кто». Но если вы действительно хотели спросить именно это, тогда это — пуговица у меня на животе.

Ивон приблизилась одним движением.

— Вы... Профессор Вань... так с-скоро? — сказала она, заикаясь.

Китаец сверкнул свирепым взглядом.

— Мои службы предупреждали меня, что тут произойдет предательство. Я надеялся, что их предупреждения беспочвенны.

— Но... нет... нет...

— Я полагаю, вы не собираетесь совершить убийство, — сказал Вань. — Я проинформирую моего офицера эскорта, что он может вернуться к своему кораблю. — Он покинул помещение.

Скип нашел Ивон, чтобы поддержать и успокоить ее. Его попытка потерпела фиаско; он продолжал висеть в воздухе, в то время как его карандаш и блокнот уплывали за пределы досягаемости. Она осталась одна в отчаянье. Сигманианец издал звук.

— Извини, приятель, — пробормотал ему Скип.

Вань вернулся и начал снимать свой скафандр. Скип подплыл к нему на расстояние вытянутой руки и остановился. Ему нужно было время, чтобы оправиться от тошноты, вызванной центростремительной силой и силой Кариолиса, прежде чем он смог сказать:

— Позвольте представиться. Я — Томас Вейборн. Вы, должно быть, Вань Ли. Наслышан о вас. Для меня большая честь познакомиться с вами.

Как негодяй, которого вымазали дегтем и извляли в перьях, и вынесли из города на шесте, и когда его спросили позднее, как он себя ощущал, он сказал, что, если бы не честь, он бы предпочел, чтобы с ним подобного не происходило.

— Я — еще один доброволец, который, кажется, стал причиной такого удивительного поворота событий в этом проекте, с тех пор...

— Да, у вас подготовлена гладкая история, — сказал Вань. — Пожалуйста, избавьте меня от нее. Что означают эти предметы в куполе? Картины и... это не было просто импульсивным. В чем ваш план?

Скип был избавлен от немедленного ответа исчезновением Сигманианца в кормовой части. Ивон оправилась от замешательства и сказала:

— Просто когда мы вызвали ответный интерес, да, даже нетерпение, появились вы и все прервали.

Вань крепко сжал губы. Он продолжал освобождаться от скафандра и делать приготовления для своего пребывания там. Скип подумал: *Это отбрасывает нас к плану Дельта. Хотя я и сомневаюсь, найдем ли мы способ привести его в исполнение, если он такой чокнутый, как о нем говорят. Скорее все движется к тому, что мы станем с ним совершенно честны и прямодушны. Ну, это, по крайней мере, не требует такого напряжения...*

Не было слышно ни звука, ни шороха. Неожиданно они, теряя все... поплыли к поверхности купола, медленный и мягкий подъем, да, мягкий, потому что «верх» и «низ» возникли снова... вес возрастал с каждой минутой, и Вань громко кричал по-китайски, Ивон задыхалась, а Скип заорал:

— Мы движемся!

Худая фигура Вань Ли выпрямилась:

— Быстро, — резко крикнул он. — Слишком много всего было установлено с учетом постоянной невесомости. Мы должны все установить заново, иначе все будет свалено в одну кучу и переломается.

Скип зауважал его за это, и работа заняла все его мысли. Не то, что бы он испугался. Сигманианец мог бы заставить людей уйти лучшими средствами, чем это, если бы захотел. В нем росло возбуждение. *Что мы взяли на себя?* И все же прозаическая задача разобраться в неразберихе приборов помогла ему остаться сдержанным, даже спокойным. Когда они все закончили, ускорение стабилизировалось на величину в одну третью «жэ», о чем пришли к согласию Вань и Ивон. Скип веселился, прыгая, распустив перья, пока Ивон не взмолилась, чтобы он прекратил.

— Не сейчас. Нам нужно подумать. Что мы будем делать дальше?

— Ну, подождем, пока наш гость не вернется,— сказал Скип.— Ты знаешь что-то лучше? А вот и он.

Сигманианец карабкался флегматично по решетке, собирая произведения искусства. Ивон покачала головой.

— У меня уши болят,— пожаловалась она.

— У меня тоже,— сказал Вань.— Вам не ~~кажется~~, что мы стали говорить громче обычного?

О причине этого догадался Скип.

— Жуйте и глотайте,— посоветовал он.— Сравняйте давление внутри и вне. Давление растет. Могу поспорить с вами, профессор Вань, на обед в лучшем ресторане в Пекине против банки тушенки, оно достигнет величины, равной приблизительно двум земным атмосферам, и остановится. Мы сможем его выдержать, а Сигманианцу, вероятно, просто оно таким и требуется.— Он обнял Ивон. Его смех был наполовину веселым, наполовину истерическим.— Он хочет, чтобы мы полетели с ним!

Глава тринадцатая

Наверняка никогда до этого не предпринимали дети Адама такого странного путешествия по эту сторону жизни.

В течение бесконечного времени, которое часы и календари в целом сосчитали как семь недель, огромный корабль вращался вокруг солнечной системы. Он не искал самого большого обзора. Это заняло бы гораздо больше времени, пересечь невообразимое пространство этого слегка затерянного водоворота у края галактического вихря. Но скорость, возрастающая с каждым мгновением, (она оказалась на порядок ниже, чем та, на которую был способен фантастический двигатель) унесла его за сотни миллионов километров от изначального положения за семьдесят часов. В следующий такой же период времени к этому расстоянию добавилось втрое большее, вот таким образом и проходил полет. Используя вторую половину перехода от мира к миру для торможения, межпланетные пассажиры все еще измеряли время в днях.

Полет от планеты до планеты не проходил впустую. Потому что, в частности, Скип каждую минуту бодрствования заполнял открытиями и достижениями. Простое физическое утомление валило его в сон, который был похож на обморок, но он просыпался со свежими силами, голодный не столько до пищи, сколько до работы, до нового восхищения.

О практических проблемах позаботились еще раньше.

— Я надеюсь, что Сигманианец осознает, что наши запасы пищи ограничены, — сказала Ивон.

— Давайте будем есть в его присутствии и покажем это жестами, — предложил Вань.

— Нет, дайте мне нарисовать рисунки, — счел нужным сказать Скип. — Мы уже обмениваемся друг с другом графическими средствами выражения. Основная проблема в том, что он привык к трехмерному представлению — что-то вроде вида, как через рентген, впридачу, как некоторые стили изображения земных аборигенских племен — но я, возможно, могу воспользоваться оптическим проектором, во всяком случае, я знаю, что он понимает перспективу на плоской поверхности, потому что когда я представил ему куб таким образом, он скопировал его в трехмерном изображении и наоборот.

Вань сдерживал возмущение. Ему совершенно не нравился этот разговор.

Сигманианец скоро понял, или скорее предусмотрел, эту проблему. Он привел их на место, где колебалась загадочная, похожая на выполненную из ртути форма, и стал показывать что-то жестами. Палочка чего-то коричневого выскользнула на поднос (?). Скип и Сигманианец обменялись рисунками.

— Пища человеческого типа,— доложил Скип.

— Разве можно быть в этом уверенным? — забеспокоилась Ивон. — Я уверена, что он хотел только хорошего. Но этот состав может на девяносто девять процентов насыщать нас, а на один процент представлять из себя смертельную отраву. Среди нас нет химика-аналитика, даже если бы нужное оборудование было на борту.

Скип пожал плечами.

— Догадываюсь, что нам нужен подопытный кролик.

Взгляд встретил взгляд, и резко все отвернулись друг от друга.

— Я не хочу, чтобы меня сочли жестоким, но мистер Вейберн не профессионал, мы могли бы им пожертвовать.

— Нет! — Ивон схватила Скипа за запястье. Тон ее был безумный. — Мы без него не сможем обойтись. Он — художник... Я или вы, Вань Ли!

— Ну и ну! — Скип покачал головой. — Только не ты, птичка. Как насчет того, чтобы бросить монетку, профессор?

— И я проиграю и умру, и останутся двое американцев? — спокойно сказал Вань. Его лицо было скорее застывшим, чем враждебным. И стоял он неподвижно. — Никогда.

Время шло — пока Ивон не схватила палочку, откусила кусочек и проглотила.

Скип прижал ее к себе.

— С тобой все в порядке? — Через ее плечо он бросил Ваню: — Сукин сын!

— Нет, прекратите, не нужно ссориться, — умоляла Ивон. — Мне не причинено никакого вреда. Эта штука вкусная. Похоже на, да, на стейк и антоновские яблоки?

Я собираюсь доесть до конца, а вы оба пожмите друг другу руки.

Под поверхностной вежливостью целые земные сутки не исчезала натянутость. Потом, когда она сообщила, что состояние ее здоровья было отличным, они все втроем начали обучаться у Сигманианца как пользоваться машиной.

Было ли слово «машина» правильным? Как почти все, с чем они встречались, прибор не имел механической системы управления, а возможно, и вообще никаких движущихся деталей. Вы машете руками в определенном месте, определенным образом, направляемые дисплеями, которые появляются у вас перед глазами. Читать с них было не трудно. Таким образом вы определяете вид, количество и температуру того, что будет произведено (предположительно из вторичного сырья, надлежащим образом собирается атом за атомом в гидромагнитных полях особого рода). Ничто, что выходило из прибора, не было ни безвкусным, ни опасным. Спустя некоторое время, когда взаимопонимание улучшилось, Сигманианец объяснил, что устройство было неспособно производить субстанции, опасные для людей. Попрактиковавшись, они научились имитировать возрастающее разнообразие известных продуктов. Ивон находила отдохновение в совершенствовании и производстве съестных припасов, которых на Земле никогда и не видели.

Сигманианец получал пищу из похожего устройства в том же самом помещении.

— Это в сущности доказывает то, о чем мы уже раньше догадывались, — объявил Вань. — Они уже совершали раньше сюда экспедиции, которые осуществили интенсивные биологические исследования. Корабль прибыл, готовый для размещения в нем людей.

С помощью трехступенчатой обработки с использованием серебра получали чистую воду.

— Вот только если бы я смог догадаться как сделать этиловый спирт без жировых дрожжей, — пробормотал Скип. Но на самом деле ему вовсе не нужен был допинг в этом похмелье открытий.

Физиологические отходы и органический мусор сваливались где попало на эластичной палубе. В течение секунд они опознавались и поглощались, и таким образом закрытая экология корабля восстанавливалась. (Или же жизнь корабля? Все больше и больше казалось, что корабль был не похож на робота, а больше — на симбиоз растение-животное, получающее энергию от своего личного термоядерного солнца, питание — из газов и камней космического пространства.) Окружающая среда требовала привыкания к ней. Воздух всегда был душный, горячий и влажный, если сравнивать с нормами Земли, хотя для млекопитающих довольно подходящий. Скип нашел ножницы, и укоротил свои брюки до шорт, и не носил ничего, кроме них. Его товарищи остались в своей обычной одежде.

Интенсивный желто-оранжевый свет вызывал головную боль, пока Сигманианец не показал, как произвести местную регулировку и получить такое освещение, какое им было нужно. Запахи были повсюду, сильные и странные. Земная растительность в сравнении с этой была блеклой. К некоторым запахам нужно было немного привыкнуть, но большинство были приятными с самого начала — ароматы зеленой растительности, специй, роз, океанских пляжей, штормов, запахи нагретых солнцем женских волос, бесчисленное разнообразие, целые миры, полные жизни и стихий. Точно так же оттенки звуков, превалирующие в интерьере, резонирующие, щипающие, такие, которые мог слышать человек, и такие, какие он слышать не мог, одиночные ноты или целые мелодии. (Мелодии? Отрывки, хотя такие же приятные, однако слишком сложные, чтобы их можно было определить как музыку. Но ведь и дикарь, который ничего не знал, кроме звуков голоса и барабана, мог найти «Смерть и Очищение» сплошной путаницей звуков.)

Однако монотонности не было. Эти многочисленные стимулы, без сомнения, были гораздо сильнее, чем могли почувствовать нервы человека; защищенные кожей, и они постоянно менялись. За морскими ветрами следовало безветрие, за темнотой — яркий свет, температура, влажность и ионизация воздуха не были постоянными, свежие арома-

ты и звуки сменяли те, которые были минуту назад, иногда палуба под ногами шла мелкой рябью — вы никогда не чувствовали себя на борту корабля Сигманианца, как в тюрьме.

Одни его геометрические принципы гарантировали это. За барьерным куполом, который теперь стоял постоянно открытым, не было неподвижной структуры залов и отдельных кают. Коридоры вились лабиринтами. Земляне, которые свободно бродили по ним, скоро бы потерялись там, если бы пришелец не указал им, как растения, которые росли в некоторых коридорах, растущие загадочные настенные фрески из растений, которые украшали другие, дублировали систему указателей. («К нашей выгоде, — предположила Ивон. — Нашему другу не нужны указательные знаки.»)

Очевидно, проход мог бы быть перекрыт по команде, образуя пространство, объем и форма которого регулировались, что можно было получить почти в любом месте. Сигманианец наделил своих гостей отдельными номерами с запирающимися дверями. Из пола выдавались каучуковые помосты для постели. Слип развлекался в управляемой части своего номера, добавив неказистый стул, а там, где в ответ на жест лилась вода — умывальник и ванну.

Все это было осуществлено и освоено в первые несколько земных дней. Это было просто приготовлением к тому, что последовало дальше.

Там была еще наблюдательная башня, но это неверное слово. Люди стояли на прозрачном мосту в центре огромной поллой сферы, которая воспроизводила вид снаружи. Воспроизведение не было абсолютно точным, опасная яркость солнца снижалась, а актиниевые лучи просто не пропускались, но все равно, изображение было гораздо более достоверным космосом, чем то, что видели люди через шлюзы корабля или шлемы. Сигманианец был еще где-то, осуществляя управление кораблем, которое он еще им не показал. Они тормозили в направлении Марса.

В тишине ночи они почти что забыли, как сильно воздуж

был наполнен парами. Мириады звезд блестели, похожие на льдинки, Млечный Путь лился по небесам, далекое маленькое солнце горело внутри жемчужной линзы зодиакального света. Впереди неясно вырисовывалась планета, выступающая между снежными шапками на севере и антарктическим сумраком, сотня различных темно-коричневых и ржаво-красных тонов, которые пятнали сине-серо-зеленые островки и рыже-коричневые пыльные бури, шрамы кратеров были видны невооруженным глазом, вид, чей аскетизм превзошел себя и стал безупречным. И все же свечение, которое исходило оттуда и попадало на людей, высвечивая их лица из темноты, было мягким, как из домашнего камина.

Вань нарушил долгое молчание. Он говорил тихо, без той натянутости, что была раньше.

— Мой младший сын мечтает стать космонавтом. Он сказал мне однажды, что если у нас будут корабли, такие как этот, он отречется от своей заветной мечты, потому что работа будет нелегкой. Я одобрял такое отношение. Теперь я сомневаюсь, уж не ошибался ли он.

— Думаю, что да,— ответила Ивон.— Разве Бетховен — протст, или Эль Греко, или Эсхил?

— Моей маленькой дочке понравился бы этот вид,— сказал Вань. Улыбка коснулась его лица.— Она бы спросила, почему ни одна ветка с цветами персика не видна на фоне этой смешной луны.— Резко, как будто в смущении, его тон стал хриплым, и он продолжал: — Почему нас привезли сюда? Люди уже были на Марсе, а Сигманианец прилетал к нам неоднократно. Какие у него мотивы?

— Их несколько, я полагаю,— отвечал Слип.— Во-первых, практические. Люди так долго показывали, что они смогут сделать что-то, что устранит трудности нахождения общего языка. Для этого гораздо более удобно, когда ощущаешь вес. Во-вторых, если мы будем подвергаться ускорению, почему бы не совершить кругосветное путешествие? Фактически, это дает бесконечные возможности сравнить свои впечатления,— и ну, как мы с капитаном делаем рисунки одного и того же пейзажа, осваивая технику, о которой даже и думать не могли — разве он не этого

хочет от нас? Наша наука и инженерные приемы — смешны. Наша биология и так далее были описаны, возможно, тысячу лет назад. Но взаимопроникновение искусств...

— Как Китай воздействовал на европейское искусство в восемнадцатом веке, — кивнул Вань, — или как позднее — африканское.

— Или как буддийские мотивы из Индии повлияли на Китай раньше, — сказал Скип, — и они в свою очередь были вдохновлены греками. Или же как восемнадцатая династия в Египте, самый прекрасный период их искусства за все время, потому что на некоторое время они были под впечатлением Крита и Сирии. Ну, вы поняли в чем суть. В-третьих, причина этой поездки... — Он замолчал.

— Что же?

— Неважно.

Глаза Вань, в которых отражался свет Марса, устремились на него. Остальные почувствовали, как его охватило напряжение.

— Вы опять что-то предпринимаете за моей спиной?

— Утихни, — сказал со злостью Скип, — и вали отсюда. — Он с силой ударил кулаком о поручень. — Ты что, все время собираешься демонстрировать нам свое недовольство, час за часом? Хорошо, приятель, я скажу тебе, что я думаю о третьей причине, по которой он покинул земные окрестности. Чтобы избавиться от таких назойливых персон, как ты, чтобы они не смогли присоединиться к нашей компании.

— Скип, — Ивон схватила его за руку. — Пожалуйста.

— Мне лучше удалиться. Мои сожаления, доктор Кантер, — Вань поклонился и пошел с моста вниз. Скоро он затерялся среди звездных облаков.

На корабле были небольшие тендеры для посещения поверхностей планет. В одном из них все четверо спустились на Марс, пронесаясь через тысячи километров, паря над поверхностью, чтобы произвести осмотр с близкого расстояния. Их судно представляло собой узкий, заостренный на концах цилиндр, в котором не было ничего

такого, что могло бы размещать в себе двигатель, приборы управления и другие инструменты, их корпусов совершенно не было видно.

— Я полагаю, он управляется радаром,— сказал Вань. Его голос стих. Одна и та же мысль не давала покоя трем человеческим умам: *Какой бомбардировщик! Какой метательный снаряд!*

Ивон сказала поспешно, чтобы восстановить хрупкое перемирие:

— Но опасные лучи должны быть блокированы. Сигма Дракона холоднее, чем Солнце, дает намного меньше ультрафиолета. Это должно означать, что жизнь там гораздо более уязвима для УФ и всего остального, чем мы.

— Что касается меня, я все бы отдал, чтобы узнать, как работает эта штука,— сказал Скип. Никаких реактивных двигателей, ни ракет, ни пропеллеров, ничего заметного, и ничего не было слышно, кроме звука, похожего на скрип привидений разреженного марсианского воздуха, когда внизу под ними разворачивалась пустыня. — Гидромагниты? Недостаточно для открытого космоса, возможно, но когда поблизости ощущается воздействие огромной массы...

Он отправился к Сигманианцу, одна пара «рук» которого, похожих на клешни ракообразных, изображала действия пилота. Задние глаза на ниточках повернулись в его сторону. Он открыл свой блокнот.

— Что ты задумал? — спросил Вань подозрительно.

— Ну и расспросить, исследовал ли наш приятель Землю. Лодка, как эта, могла путешествовать незамеченной, за исключением, возможно, редкого блеска, который наблюдатель мог бы принять за мираж или обман зрения, или же, он подумает, что ему это примерещилось спяну. Во всяком случае, он мог бы, если бы избегал густонаселенных мест, или же наблюдал за ними с большой высоты. Ведь вы бы не хотели приземлиться на Таймс-сквер, не так ли?

Скип убедился, что его предположение было верным. Он подозревал, что Сигманианец избегал контактов в этих полетах, поскольку ему мешала гравитация, которую он не мог переносить долгое время. Кроме того, он подозревал,

что виды с большого расстояния на архитектурные произведения были всем тем, что способствовало продолжению попыток войти в контакт с гением человека.

Вскоре после этого они произвели первую из нескольких своих посадок. Надев космические скафандры, они вышли наружу. Защитный костюм Сигманианца представлял собой прозрачный пластиковый мешок, который аккуратно закрывал его конечности и низ тела, свободный наверху, чтобы не стеснять движения его чувствительных щупалец. («Почему же давление не выпустит из него воздух как из воздушного шарика», — изумлялся Вань, и не находил ответа.) Места высадки были выбраны предусмотрительно, потому что не все они были такими однообразными, чтобы не произвести впечатления на землян, которое они привезли бы домой. Пейзаж из дюн в приглушенных красных и черных тонах, скала, которая, казалось, была сделана из драгоценных камней, утес, застывший на фоне темно-пурпурных небес. Вероятно, Сигманианец был разочарован, когда понял, как неудобно было Скипу в перчатках, и быстренько прервал прогулку, чтобы продолжить рисование и писать красками.

Марс стал сдвигаться вбок. Корабль уходил все дальше.

Почему-то земляне стали называть Сигманианца Агасейрусом. Им не удалось установить, были ли у его расы имена.

— Я бы сказала, что нет, в нашем смысле этого слова, — сказала Ивон. — Никакие звуки не соответствуют индивиду. Вместо этого есть целый комплекс ассоциаций, внешность, личность, запах, походка, всю индивидуальность запоминают и воспроизводят целой группой символических действий, когда требуется идентификация. — Задумчиво: — *Если* это вообще нужно. Индивидуальность Сигманианца может иметь фундаментальные отличия от рода человеческого. Ключ, который у нас есть, не настолько...

Тем не менее Бродяга Агасейрус быстро научился произносить специальные звуки, которые обозначали опреде-

ленного его гостя. И он взял на себя инициативу в развитии определенных требований. В полете между Марсом и Юпитером он часто говорил: «Ивон Кантер и Вань Ли — уходите. Слип — остаюсь» или: «Слип идет со мной. Ивон Кантер и Вань Ли, не беспокойте нас, если вы тоже идете».

Это были случаи, когда он хотел осуществить изучение земных материалов, или показать собственные работы — которые не так просто было описать человеческим языком — или сравнить методы изображения определенного предмета, такого, как цветок или частичка небесного свода. Вань быстро свел на нет его интерес к китайской каллиграфии, и вскоре после того он стал частенько игнорировать лингвистов.

Они извлекали пользу из этих эпизодов, планируя дальнейший словарь и грамматические структуры для следующего сеанса Агасейруса со звуковым синтезатором. Постепенно их взаимное недоверие исчезало.

— Я понимаю, что вас нельзя винить за те установки, которые возложило на вас ваше правительство, — сказал однажды Вань, когда они с Ивон были наедине. — Конечно же, вас следует пожалеть. На вашу жизнь дважды покушались...

— Дважды! — воскликнула она в изумлении. — Откуда вы знаете об этом?

Вань на мгновение не справился с досадой.

— Я высказался опрометчиво. Вы правы, об этом не сообщалось. — Он принял обиженный вид. — А почему?

— Чтобы избежать того, что и без того плохая ситуация стала еще хуже, — она отступила от него на шаг. — В таком случае, у вас есть шпионы среди нас.

— А у вас — среди нас, — бросил он ей в ответ. Смягчась: — Да, меня проинформировали о вашем повторном несчастье. Я сожалею обэтой неприятности, и надеюсь, что больше покушений не будет. Ради вас же самих, умоляю, отбросьте эту свою наивность.

— Что вы имеете в виду, профессор Вань?

— Вы слишком доверчивы. Вы и в самом деле верите, что об этом не сообщалось из-за альтруистических сообра-

жений. Неужели вам не приходило в голову, что широкая известность этих фактов сможет повлечь за собой и другие факты, которые американское правительство предпочло бы держать в секрете? — голос Вань был металлический. — Правда ли, что этот молодой человек, который сопровождает вас, и в самом деле такой простодушный невежда, каким притворяется? Какое давление он оказывает на Сигманианца в данный момент? Что он узнал, что он скрывает, о чем он нам с вами не говорит?

Ивон бросало то в жар, то в холод. Ноги у нее подкашивались.

— Прекратите это! — закричала она. Позднее собственное неистовство удивило ее. — Скин — самый честный, самый смелый... Хорошо, у него нет надлежащего китайского преклонения перед возрастом и чинами, но только его мы должны благодарить за то, что мы с вами здесь, и, когда меня похитили, он пошел в преступный мир и нашел человека, который знал, где я могу находиться, и уговорил его... — Рыдания охватили ее. — Если бы вы знали, как мне противно, когда люди обвиняют и подозревают друг друга! Что за раса меркантильных людишек, мы все, черт возьми?! — Она развернулась и убежала.

При следующей встрече они обменялись официальными извинениями. И снова ссоре был положен конец. *Но каждый раз*, — думала она — и одновременно мысль, что именно так и представлял себе Скин, — *все тайное становится явным.*

Юпитер, величественный мир, просторный янтарный щит, богато сдобренный облаками цвета охры и бронзы, с зеленым и синим по краям, сумеречный фиолетовый свет, горящие драгоценности Красного Пятна, где могли бы поместиться рядышком четыре таких планеты, как Земля, правящий роем лун, главные из которых, возможно, небольшие планеты, твое величие не менее внушающее трепет, чем величие Солнца.

Скин плыл в сфере для осмотра, связанной с мостом, и неотрывно смотрел на виды, вокруг которых пролегла его

орбита. Их великолепие пронизывало его и Ивон на этом расстоянии, превышающем пятьдесят полных месяцев от Земли, вокруг блестели звезды и заливали золотым сиянием наблюдавших. Они были одни.

— Я не могу понять, почему Агасейрус не с нами, и не видит всего этого, — сказала она наконец.

Его мысли были далеко и медленно возвращались к действительности. Что наконец вернуло его к настоящему, так это свет, отражавшийся в слезах, которые скатывались с трепещущих ресниц и падали вниз в молчании. Он подумал о Данае, и пожелал, чтобы у него нашелся лучший ответ, чем:

— Представь, что он пошел спать, как Вань. Нет таких, кто бы не уставал. Вань — не молод, а у Агасейруса был тяжелый день. Ускорение в два с половиной «жэ», когда привык к ноль целым трем десятым — представь себе.

— А ты? — Ее пальцы оставались на его плече.

— М-м-м, я и сам не мало потрудился, и как избитый. Астрономы постоянно говорили мне, что в верхних слоях атмосферы Юпитера происходят бури, которые по мощности могут сравниться с ураганом на Земле, так они считают. Ан, нет, я могу туда отправиться в полет на судне. — Игривость Скипа исчезла. Его взгляд вернулся к Сверкающему Великолепию. — Это достойно уважения, восхищения, — прошептал он, — это выше нашего понимания. Паровые сугробы, выше чем горы, шире, чем глаз может охватить; грохочущий в них гром и сверканье молнии, а краски, а цвета...

— Ты так отчаянно хотел поехать, Слип. Пожалуйста, не подвергай себя опасностям снова.

— Я поеду, если поедет Агасейрус. — Он повернулся и взял ее за руку. — Слушай, Ивон, прогулка сегодня была его идеей. Я полагаю, он понимает, что может и чего не может тендер. И когда он показал мне как управлять лодкой, позволил мне поплавать в атмосфере Юпитера — Господи, это не то, что серфинг! — Он помолчал. — Не беспокойся. Это смешное судно отлично держит нас, и хотя я и был новичком, но не растерялся. Знаешь, я подозреваю, что у Агасейруса на уме. Он хуже приспосабливается к сильному

ускорению, чем мы. Партнерство человека и сигманиан, разве это невозможно?

Она вздохнула. Он потрянул головой.

— Ты выглядишь несчастной, — пробормотал он. — Проблемы?

— Нет, ничего, — она отвела глаза. — Устала. Эмоциональное напряжение... Нет, не обвиняй в этом Вань Ли. Просто я сама такая. — Она вытерла лицо. — И сказать по правде, этот тропический климат угнетает меня. Как ты думаешь, не могли бы мы устроить помещение с сухим и прохладным воздухом?

— Вероятно, если нам удастся об этом сообщить. Однако тебе будет удобно прямо сейчас, если ты стянешь с себя все, что на тебе напялено. — Скип указал жестом на ее одежду и свои шорты. — Пускай Вань остается отказывающим себе во всем коммунистом и поддерживает честь партии в своем коричневом костюме. Тебе же, как и мне, не нужно ничего, кроме карманов. Ну, при весе от нуля до одной трети ты можешь снять лифчик, и грудь у тебя не отвиснет. Хотя я и не могу представить, что ты это сделаешь.

Свет Юпитера был такой яркий, что он увидел, что она покраснела. Он взял ее подбородок в ладонь левой руки, положил правую на ее бедро и сказал:

— Ивон, твое Орто само отбросило табу обнаженного тела, кроме совершенно публичных мест, еще до того, как я родился. Мы оба видели квадратные километры различной человеческой кожи, а это вряд ли публичное место. Нет никого рядом, кто бы обращал на тебя свое пристальное внимание. Почему же ты так боишься сделать так, чтобы тебе было удобно?

Она тяжело вдохнула и выдохнула воздух, сжав зубы вместе, и затем:

— Хорошо, — она быстрым движением скинула комбинезон, наполовину с вызовом, и переступила через одежду, пока не пропала ее храбрость.

— Изумительно, — Скип рассмеялся. — Я не обещал, что не буду восхищаться. Ты — прекрасна.

— Я лучше пойду, — сказала она нетвердо. — Спокойной

ночи. — Она ослабила зажим на ремне, прикрыла одеждой грудь и живот и пошла вдоль перил.

Скип остался, наблюдая как она передвигалась в золотом дожде.

Агасейрус показал, что следующим будет Сатурн. Это будет долгий переход, особенно из-за того, что седьмая планета никак не была связана с Юпитером.

Четверо на борту решили систематически проводить совместные обсуждения. Это не означало, что теперь Сигманианец проводил большую часть своего времени при наличии звукового синтезатора. На самом же деле разговорный язык оставался самой наименьшей частью его попыток. В два раза больше он общался со Скипом графическим и скульптурными видами искусства, и в три раза больше времени он проводил, не важно, чем он там занимался, когда людей не было поблизости. (Скорее всего он работал над своими собственными проектами, как думал Скип, или же просто задумчиво наблюдал за тем, как опадают листья, или за синевой звезды.)

Однако, Агасейрус выказывал больше терпения с лингвистами, чем до этого. Либо он решил, что под конец ему нужно все-таки общаться с землянами посредством речи, или же Скип навязал ему эту идею полу-интуитивными иероглифами, которые были понятны только ему и Сигманианцу, а может быть, что-то еще произошло в нечеловеческом сознании. Какой бы ни была причина, теперь синтезатором пользовались два или три часа в день.

Прогрессу способствовало то обстоятельство, что все лучше и лучше Агасейрус мог читать земные рисунки Снипа, а тот мог понимать горящие, висящие в воздухе схемы. И каждый из них усвершенствовал приемы письма другого.

Ивон вскоре забыла о скудности своего теперешнего одеяния. Вань — свое неодобрение тому. Они оба были слишком заняты, осуществляя вербальный обмен, анализируя результаты, делая планы на будущее.

— Мы вдвоем пытаемся решить задачу в нашу пользу, — сказал он уныло. — Нам повезло, что мы представляем

собой команду с различными языками. Но мне бы хотелось, чтобы у нас были те, кто говорит на арунте, нагуа, на дравидианском и языке хоза...

— ...на всех языках человеческой расы, — закончила она и отбросила влажный черный локон со лба. — Ну, возможно, когда мы вернемся... Я буду молить Бога, в которого я не верю, пусть он этим сблизит земные народы.

Он не ответил. Невысказанная мысль появилась у того и у другого: *Это только еще больше отодвинет нас друг от друга.*

Работа захватила их с головой, и каждый раз они открывали что-то новое. Они подошли к тому, что стало возможным задавать вопросы.

Возникали ответы, быстро или медленно, в зависимости от очевидности. Корабль, действительно, был с Сигмы созвездия Дракона, второй планеты созвездия. Планета в диаметре составляла приблизительно одну четвертую диаметра Земли, и с более низкой средней плотностью. Это было неудивительно, и сравнивая размеры и атмосферу Венеры, вы начинаете удивляться, почему Земля не разваливается, имея меньше воздуха, чем надлежит планете такого же размера и температуры. (Спросите, спросите! Сигманианец посетил множество солнц, за последние «х»-тысяч лет.) Там были моря и массы суши, последние — скорее острова, чем настоящие континенты. Там не было естественных спутников. Период обращения был приблизительно равен 50 часам, осевое отклонение ограничено, год составлял опять же примерно одну четвертую от земного... нет, погодите, это не может быть, планета ведь дальше и, следовательно, холоднее... нет, звезда менее массивная... пусть это решают астрономы. Для них открывається новая наука о космосе.

Родственные планеты — еще нет. Сперва давайте спросим относительно чувств, которые породил этот единственный в своем роде мир. Какая польза от вселенной без жизни, которой можно удивляться?

Несколько строго биологических загадок были выяснены в срочном порядке. Оказалось правильным предположение, что тела сигманиан не имеют много внутренних

особенностей, какие есть у людей. Органы, тождественные человеческим, были более примитивными, в сравнении с желудком, железой, мозгом. Была всегда тенденция к образованию клеток определенного рода — гораздо большим, более сложным и гибким, чем любые земные аналоги — чтобы осуществлять целый ряд функций. Таким же образом, все особи имеют один и тот же пол, хотя необходимы два партнера для зачатия: и оба они участвуют в рождении новой жизни. Вероятно, для жизни выбирался только один партнер, а жизнь продолжалась столетия.

Более подробные расспросы могли бы на настоящем этапе привести только к ответам, которые могли бы быть выведены путем умозаключений, что возможно было бы и ошибочным. Но медленно пришли к экспериментальным заключениям.

Сигманиане живут и думают гораздо медленнее, чем люди. То же самое характерно и для их восприятия: они купаются в океане чувств и отвечают на нюансы чуть ли не на молекулярном уровне. Ферромоны играют огромную роль в общении между особями, точно так же как и другие тонкие подтексты совершенно иного рода. В то время, как речь была хорошо развита, и письменность также на высоком уровне, однако, они были всего лишь частью языка — полезными для определенных целей, необходимыми, однако это было не все.

Несомненно каждый сигманианин обладал индивидуальностью. Тем не менее казалось верным заключение Ивон, что сама по себе личность была более расплывчатой, менее ясно огражденной от остальной действительности, чем даже на Земле. (Скип сказал: «Супер-Дзэн».) Это помогло объяснить, почему Агасейрус мог проводить годы совершенно один. Он не имел, по своим собственным критериям, отшельнических наклонностей. У него были для общения неопределенно большое количество суперличностей, и никто из них не чувствовал себя изолированным, когда их окружала вселенная. Конечно, время от времени путешественникам хотелось вернуться домой.

Но они не торопились. Здесь было такое великолепие для изучения и описания, и есть с кем общаться.

Эстетика должна быть первейшим эволюционным фактором, вызывающим к разуму на планете Сигма. Имелись теории, что для предков человека таким стимулом было любопытство. Эта характерная черта стала жизненной необходимостью, заставляя животных узнавать опасности и возможности окружающей среды. Возможно, древние предки сигманиан уже открыли свою окружающую среду и были в ней уверены, извлекая пользу соответственно из энергии, которую они вначале искали, а позднее — создавая гармоничные условия жизни. Таким образом, когда появились методы научных исследований, это было инструментом не для расширения границ точных наук, а, скорее, для снижения интеллектуального хаоса, чтобы подойти к элегантным решениям.

Конечно, у человечества тоже был такой же идеал, но, несомненно, и у сигманиан было любопытство. Разница была в акцентах. У обоих особей технология заняла вскоре прагматическое преимущество над научными открытиями. Если впечатления Ивон и Ваня были правильными, война была до сих пор не известна сигманианам, а разрушение почвы и загрязнение воды, что избегалось почти что инстинктивно, встречалось редко. Таким образом, машины были всего лишь фактором удобства.

Это не означало, что сигманиане были святыми от природы. Они могли быть менее преданы, чем люди, группе или идеалам, более склонными к черствой эксплуатации своих собратьев. Однако это были просто измышления. Неспособность Агасейруса постичь определенные понятия, такие как «бесконечность», была почти неопровержимо доказана. (Рисунок серий возрастающих по размерам треугольников, имеющих один центр. Две сходящиеся стороны становятся больше и больше похожи на параллельные. Рисуя их, наконец, почти что точно параллельными, разрывая карандашную линию где-нибудь и указывая на то, что в идеале линии продолжают. Агасейрус никогда не предпринимал этого последнего шага, вместо этого он подавал знания, обозначающие отрицание. Вы почти что могли слышать, как он думает: «Но этого не может произойти».) Возможно, у человечества есть еще

кое-что, чему можно было бы обучить сигманиан, в математике или искусстве... в философии, в поэзии, и музыке, и танцах... Есть гораздо больше видов любви, чем секс. Какие их виды могут возникнуть между товарищами двух рас — три, четыре, тысяча, миллион?

— О, победа, победа, — напевал Скин звездам, пока не наступил час, когда все рухнуло.

Глава четырнадцатая

Далеко под космическим судном облака Сатурна лежали как континент, равнины, горы, каньоны, медленно текущие туманные реки. Они были белые и тускло-золотые, тени на них были сочного синего цвета, и над этим сверкающим великолепием отражались привидения колец. Ивон в основном не отрывала взгляда от самих колец. На фоне темноты и звезд они парили в вышине, гигантские радуги, сверкалидвигающиеся, мигающие точки призматического света, ошеломляюще-устрашающие, необыкновенно прекрасные.

— Мне не хочется, — сказал Вань в тишине. — Но нам лучше вернуться назад.

Она кивнула. Он бросил взгляд на дисплеи приборов, которые висели сверху маленькой кубической каюты, и подвигал пальцами перед ними. Ускорение вдавило тела в сиденья, а континент уменьшился до сферы.

Вань включил радиопередатчик.

-- Эй, на корабле, — сказал он. — Мы возвращаемся. Как прошло ваше рандеву?

Монитор был установлен, чтобы связаться со Скипом, поскольку радиоточки были расположены повсюду на главном корабле. Его голос ответил через минуту:

— Привет. Хорошо провели время?

— «Хорошо» — это не то слово, — ответила Ивон приглушенно.

— Да, я знаю как это хорошо, — сказал Скип. — Не то, чтобы я жалею, что остался на борту. Я вам все расскажу, когда вы прибудете... Проверка некоторых приборов, ну, с Агасейрусом... Гораздо проще, чем вам, когда вы отправились к Титану. Всего одно «жэ». Мы пообщались. Это вас устраивает?

— Да, — Вань повторил план действий и отключился. Его руки вызвали проекцию местной системы. В стиле инопланетянина она представляла собой схематический рисунок. Он обнаружил самую большую луну и показал, что он хочет отправиться туда с определенным ускорением. Судно повернуло свой нос, описав дугу, и выпрямилось.

Когда он узнал, что Скип научился управлять тендером — как он это делал в первой поездке в этой атмосфере — Вань настоял на той же привилегии для себя. Тут было немного, что ему сообщили. Компьютер (?) делал почти все сам. Пересечь пространство на таком транспортном средстве было безопаснее и проще, чем водить машину вручную на пустом шоссе.

Тогда Агасейрус дал понять, что ему хотелось бы прогуляться вокруг планеты, преимущественно, чтобы насладиться видами с различных углов зрения и расстояний, в течение нескольких часов до того, как они отправятся в направлении к Солнцу. Ивон и Вань хотели повторить почти что религиозное восхищение от вида колец снизу. Они уже наблюдали их издалека, и хотя это было и превосходно, но это было не то. Скип думал так же, но Сигманианец настоял, чтобы он остался. Он не сделал никаких возражений насчет того предложения, чтобы его товарищи посетили еще раз планету. Сатурн был совершенно безопасен, во всяком случае, если оставаться в верхних слоях атмосферы. Получая менее одной третьей той легкой солнечной энергии, которую получал Юпитер, эти слои — спокойны, и на их высоте гравитационные силы едва ли больше, чем на Земле.

Ивон разволновалась.

— Если бы мы только смогли сказать им, когда прибудем домой, — сказала она. — Скажи им так, чтобы они

поверили. Как мы малы, мы люди, какими великими мы можем быть, как убоги все наши интриги и ссоры.

— Я полагаю, что они уже и так знают,— ответил Вань,— не говоря уже о тех нескольких чудовищах. К сожалению, многие чудовища наделены властью, которая требует от честных людей действовать подобным образом.

Ивон печально улыбнулась.

— Никто не может прийти к соглашению, кто есть кто.— Она больше не стала ничего говорить. Ее желание не могло осуществиться, даже под этим радужным мостом Богов.

Они стояли в наблюдательной каюте и внимательно смотрели, как удаляется этот мир. Вань и Агасейрус занимали другой конец моста. Вань сочинял поэму об этом, а Сигманианец наблюдал одним из своих четырех глаз за знаками, которые он рисовал. Ивон пододвинулась к противоположному концу, чтобы не отвлекать их, и самой не отвлекаться.

Планета все еще была огромной и блестящей. Свет был менее интенсивным, чем от Юпитера, более серебристый, чем золотистый, хотя по силе он был равен нескольким земным лунам. Ленты облаков не были впечатляюще раскрашены или же клубящиеся. Но кольца! И впереди около крошечного солнца поднималась арка огромного белого лука, Титана; Ивон стояла на его внешних снегах, смотрела через туманную синеву плотного воздуха Сатурна, подвешанного над горным хребтом, и плакала.

На ее руку, которой она держалась за перила, легла рука. Она почувствовала гладкую кожу и тепло, которое коснулось ее плеча, и через мириады запахов Сигманианца повеяло ароматом человека.

— Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе? — тихо спросил Скип.— Я не стану больше болтать, как тогда, когда вы вернулись на борт.

Ее сердце застучало чаще.

— Пожалуйста, оставайся. Ты так и не рассказал мне, что произошло в мое отсутствие.

Он заколебался.

— Ну... мы здорово провели время. Мы сперва вышли на орбиту здесь, потом там, и обменялись впечатлениями и... Давай не будем говорить о делах. Это место и в самом деле настраивает тебя на поэтический лад, не правда ли?

— А разве это не так?

Она повернулась к нему лицом. В феерии света он стоял, как отлитый из серебра и увенчанный звездами.

— И мы сможем вернуться назад, — ликовала она. — Агасейрус принял нас во вселенной. Не так ли?

И снова он помедлил с ответом.

— Да. Очень хорошо. — Когда он двигался, тени плавали по его мускулам рук и живота.

— Мы сможем вернуться назад, — повторила она. — Мы сможем продолжать наше общение. Любая мечта нашей расы, о какой только можно было подумать... это похоже... для меня это как будто я только что вышла замуж... Нет. Это было потом омрачено ежедневной рутинной. Это... Ты помнишь как настал новый век?

— Конечно. Моя банда, соседские мальчишки, мы все раздобыли незаконно фейерверки и ракеты и стреляли ими. Полиция и родители всего навсего нас пожурили. Это была такая ночь!

Хотя, ты была почти что взрослая. Я был в позднем подростковом возрасте. В возрасте, когда с неуклюжестью покончено, рождаются новые надежды, все представляется чудесным. А тут еще новый век — новое тысячелетие! — стояло перед нами. Порог, за которым мы оставляли все плохое, старое, грязное, а входили через дверь ко всему беззаботному, чистому, свободному. В страну, которую никто не испортил, в землю обетованную. Это то же самое. Только это не иллюзия молодости теперь, это на самом деле. И навсегда!

Она обняла его.

— Слип, ведь ты заслужил это для нас. Ты, и никто другой.

Он тоже обнимал ее. Она отступила. Он не отпустил ее. Она оторвала щеку от его груди и увидела его жаждущий

рот. Через минуту, которая закружила ее как в водовороте, она освободилась и показала взглядом, полным опасений, мимо него вдоль невидимого моста. Силуэт, перпендикулярный Млечному Пути, как будто свободно парящий среди сгущения звезд, тело Агасейруса, похожее на сосновую шишку, все еще скрывало ее от Вань Ли. Скип взял ее за волосы и мягко, не давая ей сопротивляться, прижал к себе. Его рука путешествовала вниз по ее спине. Обе ее руки обнимали его за шею, потом за плечи, потом коснулись ребер.

— Нет... пожалуйста... о-о-ох... А почему нет? Чего же я медлю?

— Пойдем, дорогая, дорогая. Сатурн может подождать. Мы вернемся. В мою каюту...— И между смехом и слезами: — Я подготовился к этому. Я не думал сперва, но когда распаковал свой личный багаж, то обнаружил... Кольца — для влюбленных!

Сигманианец намеревался остановиться в глубинах Меркурия. Орбита за орбитой, это займет около пятнадцати дней. Оттуда, приближаясь все ближе к солнцу, он возьмет курс на возвращение к Земле (вероятно, он нашел Венеру совершенно непривлекательной, как сочли и люди).

— И нас отпустят,— сказал Скип.

Ивон уютно пристроилась у него под рукой.

— Я не знаю, радоваться этому, или печалиться,— говорила она ему.— Полагаю, и то, и другое.— Ее пальцы у начала его позвоночника говорили: — *Я рада, пока мы вместе.*

Вань игнорировал ее. Он никак не прокомментировал того, что явно происходило между ними. Средний житель Запада выразил бы свои поздравления. *Я полагаю, бедняга чопорный сухарь думает, что мы поступаем ужасно*, размышляла Ивон и еще ближе прижималась к Скипу.

— Нам позволят воспользоваться тендером? — спросил Вань.

Они сидели на временно полученных из пола кушетках там, где изначально было помещение для приема земных

гостей. Научные приборы оставались там, что естественно предполагало встречи около них. *(И мы действительно стали регулярно тут обедать. Скип и я обедали вместе, начиная с закуски и заканчивая поцелуем на десерт. Вань питался совершенно один.)* Агасейрус не присутствовал при этом. Открытый купол, шелестящий нежный сад кругом, напоминали о существе, которое, как узнал Скип, пролетело восемнадцать световых лет, чтобы возобновить от имени своего народа чувство изумления, которое его далекие предшественники привезли назад из солнечной системы.

Вань подал реплику:

— Не думаете ли вы, что настало время поделиться с нами — со мной — знаниями, которые вы получили в своих специальных переговорах? Предполагалось, что этот проект — совершенно идеальный для международного сотрудничества. И поэтому была устроена пресс-конференция.

Скип нахмурил брови.

— Ну? — настаивал Вань.

— О'кей. Я буду говорить прямо, — сказал Скип. — Я не уверен. У меня и Агасейруса нет секретного кода, которым мы обмениваемся и посылаем своим начальникам секретной службы, как вы воображаете себе.

Вань еще больше напрягся, и Ивон подумала:

— *Я должна убедить своего любимого поступать уважительно. Он не хотел причинить вреда — как обычно — но Вань не понимает добродушного подшучивания — он принимает все за обиду и отвечает той же монетой, и тогда Скип злится и в свою очередь платит ему тем же, и так до тех пор, пока при виде друг друга они будут готовы броситься с кулаками.*

Возможно, бродяга заметил это, потому что он продолжал невыразительным тоном:

— Не зная как пользоваться звуковым синтезатором, я не могу воспроизводить имитацию звуков Сигманианца. Мы перебрасываемся несколькими словами, но в основном мы делаем рисунки. Мы уже выработали множество элементарных знаков, да, и я сделаю из них словарь, если вы пожелаете. Уж в своем официальном отчете, я это

сделаю непременно. Однако, в целом, мы понимаем друг друга преимущественно интуитивно. Это что-то вроде того, когда читаешь головоломку, в которой большинство слов пропущено.

— Вы нам это уже объясняли раньше, — сказал Вань, не так уж недоверчиво. — Я спросил, что вы думаете, насчет того, чтобы... каковы ваши впечатления насчет того, дадут ли нам тендер, чтобы мы могли спуститься на Землю.

— Мои впечатления таковы: мы можем получить один, если попросим. Или точнее — я попрошу. Давайте говорить прямо: Ивон первой догадалась, как можно договориться с Агасейрусом, но я его собрат по профессии. — Скип приласкал ее. — То, что он предпочитает мою компанию — ее, доказывает, насколько мы оба инопланетяне. — Он снова стал серьезным. — Я не думаю, что нам стоит об этом просить. Я не стану этого делать. Наши астронавты могут снять нас, как они делали это раньше.

Вань сидел неподвижно. Ивон заглянула Скипу в лицо, которое больше не было мальчишеским, и спросила с беспокойством:

— Почему?

— Ты знаешь, почему, — ответил он. — Слишком большой соблазн для правительств. Я полагаю, что это называется «дестабилизацией».

— Возможно, вы правы, мистер Вейберн, — медленно сказал Вань.

Скип приподнялся на локте. Его рука была под ее шеей, ладонь — на противоположной стороне головы. Его свободная рука и нога двигались вдоль нее, медленно лаская. Свет в его каюте был неяркий и розовый.

— Ты — ангел, — прошептал он.

Она протянула руку, чтобы погладить его в ответ.

— Я счастлива, насколько это возможно, — сказала она не громче, чем он. — Падший ангел, однако.

Его губы скривились.

— Падший или все еще падающий? — скаламбурил он.

— И то и другое. Черт возьми, скорее, падающий в пропасть.

— Души, опускающиеся в пропасть вместе. Свободное падение... эй, а как насчет этого когда-нибудь?... в свободном падении навсегда...

Он наклонился, чтобы коснуться губами впадинки, где ее горло переходило в плечо. И от нее повеяло сладкой истомой, возникшей из ее дремы, резко, как удар ножа. Она обняла его и сказала в страхе:

— Ты действительно хочешь этого? Правда?

— Да,— сказал он в ее волосы.— Здесь, рядом с тобой, я наконец хочу сказать, что это навсегда.

— Ты то же самое чувствовал и к другим?

Он уловил намек, выпустил ее и сел. Его глаза строго смотрели на нее.

— Я понимаю. Да, когда-то раньше я точно так же честно думал, что это было навсегда. Только, ты — особенная, Вонни. И нет такой другой.

Ивон присоединилась к нему, она оперлась спиной о спинку кровати, в которую они превратили помост, когда удваивали его ширину. Она вцепилась в его руку со всей силы, но смотрела прямо перед собой. Ее речь была быстрой и не совсем четкой:

— О да, у меня есть образование, положение... Нет, пожалуйста, пойми меня правильно, я понимаю, что тебе абсолютно ничего от меня не нужно, за исключением меня самой. Мы хорошо работаем и общаемся вместе. Вероятно, я — самая умная из женщин с которыми тебе доводилось встречаться. Ты тоже умен, ты любишь узнавать новое, размышлять. Я тебя учила и давала пищу твоему уму.— Она уронила голову.— Что же дальше? Я не красавица. Не льсти мне. Я привлекательна. Возможно, это я первая начала влюбляться в тебя, когда ты показал мне, как я привлекательна, тысячу лет назад, на том океанском корабле. Но я не королева красоты. Я просто очень худенькая. Я стараюсь научиться, как ублажить тебя, но скорее всего у тебя были более способные ученицы. И... когда мне будет сорок лет, тебе будет тридцать два. Когда же тебе будет сорок два, мне будет пятьдесят.

— Не важно, — сказал он.

— Потому, что тебя уже не будет со мной? Эта мысль часто лишает меня сна, после того как заснешь ты. Я лежу тут, прислушиваясь к тебе, к твоему дыханию и думаю: «При лучшем стечении обстоятельств, это было бы не так уж и просто. Но он — орел, а я — просто курица».

— Теперь ты просто сентиментальничаешь, — протянул он. — Почему бы не назвать меня гусем, а себя цыпленком?

Она старалась сдержать слезы, но ей это не удалось. Он обнял ее.

— Прости, — говорил он ей снова и снова. — Мне не следовало шутить. Просто я такой, против своего желания. Я не сделаю тебе больно ни за... даже за этот поганый космический корабль.

Когда она наконец стала более спокойной, он бросил ей двусмысленную реплику:

— Приближается трудное время месяца? — спросил он.

Она проглотила слезы и кивнула.

— Похоже на это.

— Это не делает все, что ты сказала, менее значимым, нет. Но более болезненным, чем нужно.

— Угу, — она попыталась улыбнуться. — Проклятье, как бы мне хотелось, чтобы у нас были сигареты! Уж в следующем путешествии я позабочусь об этом.

— Гадкая девчонка. — Он погладил ее щеку. Потом сел на край постели, так, что мог заглянуть ей в глаза, и, держа ее руки в своих, сказал: — Вонни, если бы у меня была привычка беспокоиться о будущем, как ты, я бы определенно был бы испуган. Кажется, это ты скорее устанешь от меня и бросишь, чем я уйду. Но давай попробуем и посмотрим. Я хочу попробовать и приложу все усилия, чтобы все это продлилось как можно дольше. Ты действительно замечательная. — Он перевел дыхание. — Чтобы доказать тебе это, я тебе кое-что расскажу. Я еще не решил, нужно ли рассказывать об этом кому-нибудь. Может быть я не должен, я не знаю, но я хочу отдать тебе все, что у меня есть.

На мгновение она вспомнила о своем младшем брате, который, когда ему было пять лет, а у нее был четырнадца-

тый день рождения, пришел, стесняясь, в восхищении обнял, и поцеловал ее, и сунул ей модель ракетного глайдера, которую он собрал сам.

— Я знаю, как работает этот корабль,— сказал Скип.

Она выпрямилась.

Он кивнул.

— Да. Когда мы с Агасейрусом прогуливались вокруг Сатурна. Он хотел, чтобы я вел его, пока он возьмет тендер, чтобы совершить небольшой облет. Я думаю, что он чувствителен к Допплеровскому сдвигу и хотел сотрудничать только с художником, но я не могу поклясться в этом. Во всяком случае, он преподавал мне урок. Совсем просто. Единственную возможность попасть в помещение, где располагалось управление кораблем. Нужно просто правильно сделать точный жест, иначе стена не откроется. Есть еще целый набор сигналов, чтобы привести в действие двигатели. Просто предосторожность, для безопасности. Во всяком случае, я так полагаю. Во всех остальных отношениях это едва ли отличается от управления тендером. Стоишь себе в миниатюрной копии просмотровой комнаты и пользуешься уменьшенными дисплеями навигации. Потом можно включить автоматическое управление кораблем, пока не попадешь, куда тебе нужно. Черт, я могу провести нас между звездами. В файле заложено путешествие по всем окрестностям галактики. Просто начать Вуссаровское поглощение, когда готов развить большую скорость, и нажать на фотонный привод, если уверен, что не нанесешь ущерб никому поблизости.

— Агасейрус, должно быть, и вправду нам доверяет,— выдохнула она.

От широкой улыбки лицо его сморщилось.

— В том-то все и дело,— сказал он.— Он считает само собой разумеющимся, что мы так же... невинны... как и другие особи атомной эры, которых он знает. Разве способны другие уничтожить себе подобных?

— Я понимаю, почему ты молчал.

— Угу. Сперва во мне все кипело, как ты можешь припомнить. В основном, я полагал, что мне лучше не говорить этого Ваню. Но потом, чем больше я задумывался

над этим, тем больше сомневался. Он же сам согласен, что будет неразумно давать нашим военным тендер такого типа, даже несмотря на то, что они, по всей видимости, не будут в состоянии сдублировать его, не лучше чем Маркони смог бы сдублировать транзисторный телевизор. Но сам корабль! Не нужно строить флот. Его одного достаточно. Просто послать делегацию — ведь Агасейрус теперь с удовольствием будет принимать делегации, если они привезут с собой произведения искусства — и эта делегация берет Агасейруса в заложники или убивает его, и вот они — владельцы всего мира.

Она подумала, *что он достаточно сильно ее любит, если делится с ней своими опасениями.* Она сказала:

— Ты не можешь убедить Сигманианца больше никому не рассказывать об этом?

— Я пытался. Но подобное сообщение не так уж и просто ему втолковать.

— А ты... Слава Богу, что ты — единственный, Скип! — Она потянулась к нему. Он не сдвинулся с места и сказал: — Если ты хочешь сказать, что нам повезло, потому что я сохраняю все это в секрете, не лови меня на слове, Вонни. Разве не так?

— Что? Конечно...

— Что значит «конечно»? Положим, вся власть достанется Америке. Я — не пылкий патриот, но я также и не питаю отвращения к своей стране. Мне кажется, что во многих отношениях Америка более подходящая страна, чем остальные, и она достаточно большая и могущественная, чтобы сохранить и поддерживать мир. Я совсем не уверен, что эти надуманные международные соглашения, которые у нас есть, продлятся долго. Посмотри, как они уже сейчас распадаются. Пакс Американа — разве это паршивое соглашение лучше, чем совсем никакое? И вообще, сработает ли оно? — Он покачал головой. — Я не знаю. А ты?

— Нет, — сказала она. — Но я верю...

— Разве одной веры достаточно? Пожалуйста, подумай, Вонни. Воспользуйся своими хорошо смазанными мозгами. — Его дерзость не могла не промелькнуть в его

усмешке. — Вместе с хорошо смазанным телом, гм-м-м? — И снова серьезно: — Мне нужен твой совет. Однако, в конце концов, ты понимаешь, решать придется все-таки мне. Мне, и только мне самому.

Меркурий представлял собой скалы и кратеры под черным небом, в дневное время его освещало гигантское солнце, чей свет лился как дикий огонь, местами то тут то там — лужи расплавленного металла, который застывал по ночам и блестел отраженным светом звезд — мучительное великолепие.

Ивон думала, что понимает, как корпус тендера защищает ее от ослепительного блеска, а может быть, и от коротковолновой радиации. Его прозрачность по мере необходимости затемнялась сама собой. Она не понимала, почему ей не жарче, чем обычно, в то время как температура за бортом приближалась к 700 градусам по Кельвину. Ну, если они и хотели обогнуть Солнце — сможет ли верное взаимодействие регулируемых электрических и магнитных полей контролировать не только выделяемые частицы, но и нейтральные и кванты? Она не была уверена, что это возможно теоретически. Однако она была уверена, что теории Земной физики не были последним словом в науке.

Ее размышления были всего лишь тонкой струйкой в потоке печали, который заполнял ее целиком.

На дальнем конце тендера Скип и Агасейрус возбужденно сотрудничали в вытапливании масел и сигманианских пигментов, которые вызывали свечение. Подхваченные порывом ветра, который оставался в этом мире, тончайшие, похожие на слюду, частички были принесены с отвратительной массы скалы впереди них.

Как он может радоваться, когда его коснулась рука судьбы? Я с каждым часом все больше и больше уверена в том, что в этом наша вина, не важно какой путь он выберет. И эта уверенность делает меня все меньше и меньше похожей на женщину его типа, и он чувствует, что ему отказывают, а я не могу хорошо притворяться, и поэтому он может оставить меня, как только его нога коснется Земли, а

может, это и к лучшему? А я молюсь, как я молюсь, чтобы он этого не сделал.

Рядом с ней на носу корабля Вань наклонил кинокамеру, которую он взял из их обычного научного снаряжения.

— Я должен лично иметь копии этих последовательностей, если уж ничего другого я не могу иметь, — сказал он. — Моя дочь обожает светлячков.

На этих днях в первый раз он показал мне ее портрет.

— Мне бы хотелось познакомиться с Вашей дочерью, — сказала Ивон.

— Обязательно. — Он говорил так, как будто у него не было сомнений на этот счет. — Для нас будет большой честью принимать вас в своем доме.

— *Примете ли? После того, как моя страна спалит до пепелища парочку ваших городов, чтобы доказать, что она может расплавить и спалить все, что за четыре тысячелетия Китай давал нам, если он не позволит ввести оккупационные войска?*

— А я надеюсь, что в свою очередь мы сможем ответить вам тем же, — продолжал Вань. — Она уже слышала о Диснейленде. — Он вздохнул. — Я ходил туда однажды и нашел его легкомысленным. Но именно для того и работали наши последние два-три поколения со времени Революции, чтобы у Пинь было время для изучения искусства, самосовершенствования, и, конечно, для того, чтобы легкомысленно его проводить.

Если Вы все еще живете обещаниями после того, как два — три поколения уже прожили, станет ли она жить тем же? Вы не можете просто взять и привезти ее ко мне в гости, потому, что если вы отправляетесь за границу, ваша семья остается в заложниках. Смее ли я сказать Скипу, что такое правительство не должно быть уничтожено в целях безопасности, ради выживания всего человечества? — Но осмелюсь ли я сказать, что оно не может развиваться, что оно уже не сможет развиваться дальше, что оно не даст нам ничего лучшего, чем позорный мир Цезаря?

Будет ли такой мир длиться вечно? Рим разбит в пух и прах. Византия разрушена.

Разве я не верю в своих соотечественников? Что если мы

расскажем Энди Алмейде, что мы, вернее Скип, может управлять кораблем? Станет ли Энди пытать Скипа каленым железом и вытягивать из него признание, пока он не покажет как? А может это станет делать его начальство? Я голосовала за Президента Бравермана. Он сидит в доме Томаса Джефферсона, но ведь Гитлер начинал в уютной старой Баварии, не так ли? — Что делать, что делать?

Поверхностное притяжение Меркурия давало немного меньшее ускорение, чем нормальное ускорение корабля. Однако это было похоже на притяжение Земли.

Ты читала данные: диаметр фотосферы — один миллион триста девяносто тысяч километров, масса — в триста двадцать девять тысяч триста девяносто раз больше земной, выход энергии перерабатывает пятьсот шестьдесят миллионов тонн вещества в радиационные отходы за минуту, протуберанцы высотой более ста пятидесяти тысяч километров, корона простирается на расстояние в несколько раз большее, солнечные ветра дуют в направлении самой удаленной планетарной орбиты и за нее. И ты видела фотографии, съемки астрономов, передачи с неуправляемых человеком зондов. Это было интересно. Это были сплетни о твоём старинном дружке, Солнце, который ни что иное, как обычная желтая карликовая звезда, которая, как ожидается, будет продолжать освещать мир еще приблизительно пять миллиардов лет. Ты сама, конечно, можешь наблюдать за Солнцем. Оно неистовое. Оно может сделать помехи во время твоей любимой телевизионной программы, или от него твой нос покраснеет и станет шелушиться. Когда оно и в самом деле разъярится, и если ты не предпримешь мер предосторожности, оно может ударить тебя и убить. Но в душе оно — отличный парень, постоянное старое солнышко.

Тогда ты обнаруживаешь, что все это не имеет ничего общего с тем, не важно насколько низко ты спустилась и сбита с толку, что пламенеет перед тобой.

В направлении Солнца от Меркурия ты сначала увидишь белое великолепие, которое невозможно описать

словами, в водовороте бурь, с гривами огромного кружевного дождя, который фонтанами льется наружу и замысловатым образом вниз снова, окруженный лучезарностью, которая сверкает как жемчужина, и самая прекрасная жемчужина среди звезд — тут не помогут никакие слова. Но ты подъезжаешь ближе, и оно растет и поглощает все небо, все горит, пылает, сгорает, и все вокруг становится ревущим огнем, и каким-то образом часть этой ярости омывает корабль, который ударяется в него, рев, пронзительный визг, и свист, и высокие сладкие ноты, сгустки красного и желтого, зеленого и небесно-голубого, которые могут кремировать твою планету, все с шумом летит тебе навстречу, и ты не можешь удержаться от того, чтобы не закрыть глаза и уши, а стремительный поток яростно проносится мимо, проглатывая тебя, его грохот проникает тебе в спинной мозг, чтобы наполнить страхом...

И все эти часы оно будет притягивать тебя, оно зовет тебя, и тебе придется спрятаться в своей каюте, если тебе не хочется показывать, ну, то, что оно сердится на тебя, и тебе нужно доказать, что ты не трусишь, и поэтому ты остаешься, но он и его друг не хотят тебя поблизости, они проводят прямые линии, разбрызгивая мазки красок на поверхности, они были такими же дикими, как Рэгнарк вокруг них...

Но спокойный неприметный человек, который любит свою дочку, он стоит рядом, он позволяет тебе прижаться к себе и касается тебя руками, когда шум дня страшного суда смолкает на минутку, как замолкает море перед приливной волной, он говорит тебе...

— Мы — в полной безопасности. Корабль был тут раньше. Вам нечего бояться.

— Я знаю, я знаю. Тогда п-п-почему я так напугана?

— Вид, звук, существо в середине предела реальности... все это ошеломляет. Чувства перегружены, а мозг ищет своей собственной защиты. Это художники привыкли к необыкновенно сильному восприятию внешнего окружения. Они рождены для этого. А я... я признаюсь, я дрожу, я утрачен, но жизнь сделала меня стойким, я научился, как не поддаваться впечатлениям. Вы же никак не защище-

ны. Тут нечего стыдиться, и это пройдет. Вам не следует смотреть на все это.

— Я должна, я должна.

— Могу догадаться почему. И в последнее время вы были взволнованы, ваши нервы издерганы. Это тоже снизило вашу защитную реакцию против этого... этого зрелища, которое одновременно и психоделическое и наводящее ужас. Я не знаю, почему вы чувствуете себя несчастной, когда все, кажется, идет для вас отлично — для всего человечества...

Огненная гроза прошла. Ты держишься за своего единственного друга и болтаешь, не важно что, ты обратилась к нему, и он ответил тебе.

На мгновение он кажется тебе раскаленным железом. Потом он становится менее напряженным, он продолжает успокаивать тебя, пока корабль облетает вокруг Солнца, пока твой любовник не отведет тебя назад в свою каюту.

В каюте Вань Ли было так тихо, что он мог слышать, как звенело у него в ушах от пережитого неистовства. Комната впридачу была пустой, просто место для сна и ничего больше, кроме ее портрета, который он держал перед собой — крошечного смелого всплеска красок на фоне совершенной пустоты. Его рубашка промокла от пота, была горячей и грубой и натирала ему шею. Он хотел снять ее, постирать и снова надеть, но не сделал этого.

Он послунывил свою кисточку, опустил кончик в чернильницу и стал писать, тратя столько же времени на сочинение того, что пишет, сколько он тратил на выписывание иероглифов:

*Моя любимая дочка,
когда ты прочитаешь это, если когда-нибудь прочитаешь,
ты уже станешь молодой женщиной, красивой, грациозной,
щедрой на смех, повсюду окружающей себя преданными друзьями.
А я уже буду мертв или же стар и еще более строгий, и
непреклонный, чем я сейчас. Что тогда прикажешь мне с
тобой делать? Я ведь папочка маленькой Пинь, которая*

никогда не приветствовала меня по-другому, как схватившись за большой палец, вела меня в сад, а возможно, возможно, называла меня «большим мешком, полным любви». Но на что я могу надеяться от мадемуазель Вань, чей достопочтимый отец совершил то, о чем будут помнить? И это все естественно и правильно. На самом деле я не думаю о себе больше, чем как о вьючном животном, которое должно нести определенный груз для того, чтобы мог быть построен новый мир.

Пожалуйста, пойми, я не чувствую к себе жалости. Когда я смотрю на бедных, пустых людей с Запада, которым не для чего жить, кроме своих пустых жизней, я понимаю, как мне повезло. Когда у тебя будут собственные дети, ты поймешь. Однако, как бы мне хотелось перепрыгнуть через время на мгновение и дотронуться до тебя?

Если ты когда-нибудь прочтешь это, ты будешь читать историю. Я хочу, чтобы ты, и только ты одна, знала, что я был человеком, который не знал, кем он был на самом деле, но который испытал одиночество, смущение, испуг, слабости — мне бы хотелось, чтобы ты узнала меня. До этого я поклялся не исправлять, не стирать этих слов, хотя они и могут показаться грубыми, а оставить их для тебя, когда ты вырастешь.

В этот час вся цель моего существования в том, чтобы ты жила долго.

Сегодня мы побывали в аду. Ты читаешь о нашем путешествии. Вполне вероятно, для тебя перелет через Солнце будет само собой разумеющимся, тем, что делает каждый рука об руку с возлюбленным на пассажирском лайнере к Сатурну. Но я же видел ад. И мироздание тоже, которое вызывает к первому глупому подснежнику, чтобы тот расцвел до того, как окончится зима. Но ад, я говорю — ад, то же самое, что может единственным языком пламени слизать жадно мой цветок... хотя он мог бы с такой же легкостью просто осветить ее красоту, которая принадлежит мне.

Ошеломленный, в панике, человек, ищущий помощи у меня, дал мне понять — я не могу поверить, что она понимала, что делала — то, что у империалистов есть такая сила, которая уничтожит тебя. Я надеялся... Не важно. Дважды они

нарушали свои самые священные клятвы. Третьего раза не будет. Я пойду и сделаю то, что необходимо.

Это мой долг перед человечеством. Мое неловкое признание, Пинь, в том, что это только отговорка, и то, что я делаю, на самом деле дар моей любви к тебе.

Он раздумывал, стоил ли подписаться «папа» или же «твой отец», решил выбрать более достойную форму, перечел страницу, сложил ее пополам и запечатал. Тем временем он раздумывал, ощущая подкатывающуюся к горлу тошноту: *Есть ли какие-то веские сомнения в том, что это мое правительство охотилось за Ивон Кантер?*

Из своего багажа он извлек автоматический «магнум», действующий без отдачи, на присутствии которого настоял генерал Чьжу. Чьжу оказался прав.

Возможно, Вейберн и Кантер решат ничего не делать и ничего не говорить. Но это не тот шанс, чтобы воспользоваться им. В действительности дело в том, что они ничего ему не рассказали. Одна уверенность в том, что у Чьжу нет причины позволить, чтобы солнечное пламя сожгло Пекин.

Вань проверил магазин и действие оружия, надел его ремень на плечо под рубашку и оставил ее застегивать расстегнутыми, чтобы он смог быстро вытащить его. Он засунул письмо среди своих разбросанных в беспорядке вещей и вышел, чтобы разведать ситуацию.

Глава пятнадцатая

— Прости, я была в истерике.
— Это мне нужно просить прощения за то, что я не обращал на тебя внимания. Давай забудем об этом. У нас у обоих мозги заклинило.

Их тела сказали остальное. После они обратились к устройству для получения пищи.

— Программа на стейк и жаркое по-французски,— требовал Скип.— Если хочешь кроме этого чего-нибудь экзотического, давай, мне же нужна плотная еда!

Смех Ивон был нежен. Она выполнила соответствующие пассы, наблюдая за появившимися диаграммами, и уточняла приказы до тех пор, пока они не приблизились к точному меню, и их производство не началось. (Мясо млекопитающих, типа корова, 1,5 килограмма, размеры... текстура... степень тепловой денатурации... температура... вкусовые качества...) Став экспертом в этом деле, она теперь выполняла эту задачу быстро, позволяя себе даже думать о посторонних предметах.

— Несколько коротких дней,— сказала она,— и мы будем дома.

— Угу. Нам бы лучше отдохнуть и набраться сил заранее. Некоторое время будет неразбериха там, на Земле. Конечно, я думаю, если с нами обойдутся грубо, мы сможем защитить себя каким-нибудь образом, но... О, профессор, привет!

Волосы Ивон рассыпались, когда она повернулась, чтобы посмотреть.

— Добрый вечер,— сказала она.— Хотите присоединиться к нашему ужину?

Вань стоял прямо. Его губы слегка дрогнули, лицо его ничего не выражало, только тик в правом углу рта.

— Вы чувствуете себя лучше?

— Прекрасно, спасибо,— сказала она ему.— Мне нужно было всего несколько часов отдыха и... и смена деятельности, и я снова, как огурчик.— Она улыбнулась с неподдельным теплом.— Все могло бы кончиться не так хорошо, если бы не вы.

— Где Сигманианец? — голос Вань был хрипл и натянут.

— Не знаю,— сказал Скип.— Возможно, получает свою порцию сна. Что-нибудь срочное?

— Да.— Вань сделал такое движение, как будто захотел почесаться под рубашкой. Такой нехарактерный для него жест вызвал их недоуменные взгляды. Когда он вынул пистолет, то произнес: — Поднять руки. Не двигаться.

— Что за черт?... — Слип метнулся к ремню своих шорт. Ивон издала крик.

— Нет! — заорал Вань. — Стой смирно, или я убью ее!

Слип поднял руки. Он заранее предвидел такой поворот дела. Сердце его забилося, он обливался потом, едкий запах которого смешался с мягкими влажными запахами сигманианской атмосферы. Справа от себя он слышал, как тяжело, неровно дышала Ивон.

— Хорошо, — сказал Вань. — А теперь слушайте. Я отличный стрелок, и этот пистолет не дает осечки. В магазине восемь патронов, и один — в стволе. Полагаю, вы знакомы с этим типом оружия. Семь из этих патронов заправлены магниевыми пулями. Только при одном выстреле гидростатический шок немедленно вас убьет. Первые два заряда — минимальные. Они выведут вас из строя, мистер Вейберн, например, раздробив вашу коленную чашечку, но оставят вас в состоянии выполнять мои приказы. Доктор Кантер — мой залог вашего послушания.

Слип думал: *Стой спокойно, расслабься. Следи за малейшей возможностью, но ради всего святого, не пытайся сделать ничего. За этой железной маской он в состоянии амока. Смотри, как с него тоже льется пот!* Он приказал своим легким прекратить судорожно дышать, а мускулам — дрожать и начать расслабляться. Он еще не совсем владел своим голосом:

— Чего тебе надо?

— Управлять этим кораблем, — сказал Вань. — Тебе показали — как, но ты не рассказал об этом мне.

— Да ну? Я никогда не...

— Успокойся. В полубессознательном состоянии доктор Кантер намекнула мне смутно об этом.

— Нет! — Ивон закричала, как будто с нее сдирали кожу. Она опустилась на колени и закрылась руками, чтобы не было видно ее диких рыданий.

— Вам не следует так себя винить, — бесстрастно продолжал Вань. — Вините меня за то, что я воспользовался этим. Вините Сигманианца за то, что он опрометчиво подвергал созданий, с чьей психологией он не был знаком, необычайному стрессу. Вините своего любовника за то, что

он оставил вас тогда, когда вы больше всего в нем нуждались. Но сначала и до конца вините в этом фашистов, которые не держат обещаний. Именно из-за них я не могу больше доверять вам. В результате, доверие к любому, за исключением лидеров моей страны, становится угрозой человечеству.

— Ну и дурак! — сказал Слип. Он был слегка удивлен хладнокровием своих слов. Спокойствие быстро росло в нем при таком повороте дела. — Вы же, как предполагается, занимаетесь семантикой. Как же вы можете думать, что такое ругательное слово как «фашист» может что-то означать, или же использование его может что-то решать? Разве Вонни не сказала вам, что я не собираюсь никого в это посвящать? *Или же она сказала правду, что я еще не решил?*

Монотонный голос Вань было ужасно слышать:

— Нет, она просто неясно намекнула, что вы владеете знаниями. Тот факт, что вы хранили молчание, говорит сам за себя. Вы можете быть человеком с хорошими намерениями и доброй волей. И, скорее, я верю, что так оно и есть. Но я не должен делать предположений. Я могу читать мысли только в собственной голове. Более того, если вас обучили, другие тоже научатся, сразу после того, как мы прибудем на Землю. Кем будет первый, и что он сделает дальше? Я не предлагаю рисковать будущим нескольких миллиардов живых человеческих существ. Они перевесят вас обоих, Агасейруса и меня просто своим количеством. Больше мы не станем терять времени. Ведите меня в контрольную управления.

— Нам лучше подчиниться, любовь моя, — сказал Слип свернувшейся в комок плачущей женщине. Казалось, она его не слышала.

— Помоги ей встать на ноги, — пробубнил Вань. — Держи свои руки так, чтобы я их видел. Я наблюдал за тобой, когда ты занимался зарядкой, и знаю твои возможности.

Слип поднял Ивон.

— Пойдем, пташка. — Она повисла на нём и плакала. Он закусил губу и с размаху шлепнул ее пониже спины. Она замерла, потом оторвалась от него и, пошатываясь, встала рядом с ним прямо перед нацеленным дулом пистолета.

— Вам не будет причинен вред без необходимо-

сти,—сказал Вань.—Я заставлю ее связать тебя, потом обезврежу ее сам и проверю, крепко ли вы связаны. По пути я буду о вас заботиться. По прибытии я проинформирую мир о том, что с нами все в порядке, но нас следует оставить в покое на несколько часов, пока не закончатся некоторые приготовления. Так, чтобы ни один земной космический корабль не мог стартовать, чтобы повидаться с нами. Они засекут, как мы будем приближаться, но я направлю корабль на неожиданную диаметрально противоположную орбиту. Мы отправимся на тендере в Пекин. Я привезу людей на корабль и покажу им, как установить неуязвимое силовое поле и управлять кораблем. Потом все будет хорошо, и, возможно, вас репатрируют. В противном случае, мое влияние обеспечит вам почтительное отношение.

Коридоры вились лабиринтом и пересекались, оживленные странным шествием. Листья и цветы касались кожи и приветствовали легкими приятными запахами. Палуба пружинила под ногами. Звук, похожий на удары гонга, пробивался через влажный теплый воздух.

— Что же в это время будет делать Сигманианец? — спросил Слип.

— Это зависит от обстоятельств,—сказал Вань. В его металлическом голосе, как у автомата, послышалась искренность.— Все, что делается, делается во благо и его расы тоже. Когда в следующий раз человек и Сигманианец встретятся, человечество должно быть мирным. Для этого сперва нам нужно освободить его от его демонов.

— Слип,—шепнула Ивон,—о, Слип, что я могла сказать? Чем я могу помочь?

— Ничем,—ответил он.—Ты и в самом деле не виновата. Я люблю тебя.

Они добрались до рубки управления. Он хотел было завести Ваня куда-нибудь в укромное место, чтобы напасть на него, но общее расположение все время оставалось хорошо просматриваемым. Переборки возвышались, прозрачные и плоские, за исключением того, что в некоторых были установлены оптические объекты и установки регулируемых силовых прожекторов.

— Дай мне ясное представление о всей процедуре, — приказал Вань. И дело было в том, что движения не были настолько легкими, как те, с помощью которых пальцами вызываешь обед. Для людей — несомненно Агасейрус сделал некоторые приспособления — они были полудюжиной простых сигналов морского семафора.

Вход расширился. За ним лежала темнота.

— Доктор Кантер пойдет первой, — сказал Вань. Когда она вошла, ее тело осветилось белым светом. Он проявил все, что было внутри: сферическая камера около пяти метров в поперечнике, рассеченная надвое прозрачной палубой, от которой поднималось несколько пиллерсных столбов. В дальнем конце находилось скопище непонятных бесформенных коробок, которые вмещали в себе приборы управления. — Теперь вы, мистер Вейберн, — сказал Вань. — Пройдите мимо доктора Кантер к этим приборам. Она останется рядом со мной.

Переборка закрылась за ними, и они стояли, окруженные видами неба. Это было рабочее место, и не было предпринято никаких попыток улучшить точность воспроизведения. Во всяком случае, свечение, вызываемое телами и одеждой, интерферировало. Они видели самые яркие и ближайшие звезды, хотя большинство последних были невидимы невооруженному глазу. Они видели солнечный диск, и прекрасных его сопровождающих — голубую Землю и золотую Луну, и след движения модуля. Звуки, которые были повсюду, сюда не проникали.

Вань встал рядом с входом.

— Встаньте передо мной, доктор Кантер, — сказал он. — Сдвиньтесь метра на два — не загораживайте — вот так. Мистер Вейберн, мне сказали, что все манипуляции похожи на управление тендером, но я хочу, чтобы вы показали, и впридачу коротко описали свои действия.

— Это насторожит Агасейруса, — сказал Слип.

Вань кивнул.

— Я понимаю. Даже не думайте сбить меня с ног непредвиденным повышением ускорения. Я прошел тренировку Чань, и более того, я привык летать при трудных

и изменяющихся условиях земной космонавтики, и не забывайте, что жизнь доктора Кантер зависит полностью от вас.

Скип поморщился. *Я не смогу обойтись без введения в действие контрольных приборов, и когда он увидит, как это делается, он сможет догадаться об остальном сам. А вдруг будущее за Китайской Народной Республикой? Он сделал несколько жестов.*

— Это все приходит в действие автоматически. Если повторить, все станет как было.

— Понимаю. Хорошо. Дайте подумать... Да.— Левая рука Ваня схватилась за поручень в ожидании невесомости.— Берите курс на Марс. Это будет неплохой иллюстрацией основных принципов управления.

Скип поставил ногу на горизонтальный рычаг перед собой и сделал знак перед дисплеем. Горящие знаки читать было несложно. Он направил корабль, как ему было сказано, объясняя каждое свое действие, когда он его производил. *Никакого героизма. Ничего, что могло бы разозлить его, иначе он ее убьет. Лучше убей меня за это... Я воображаю, что Народная Республика позволит нам жить в условиях, похожих на домашний арест. А почему бы и нет? А с милыми друзьями Околопланетного мира, что будет с ними? С Уранией и ее мальчиками, с Роджем Нилом, Деном Кео, с викингами, которые бороздят морские просторы Земли, Кларис... И еще и еще, с сотнями тех, с кем он встречался, с тысячами, с которыми ему встретиться не довелось, в которых он лелеял надежду, есть что-то новое, не то, что возвращает всемогущего доброго короля, как думал об этом этапе Вань Ли — и, конечно, с его родителями, братьями, сестрами, с родными Вонни, с семейством Алмейды, с Тьюлисом, Керландом... и с остальными такими же, что станет с ними?*

Тем временем он изменил курс корабля. Перемена была еле заметной. Время невесомости было безопасным, потому что центростремительная сила была слабой в то время, пока вращались оба модуля, за чем последовало возобновление линейного ускорения, векторная сила, сочетающаяся с настоящей скоростью для того, чтобы привезти их к

планете, названной именем Бога войны. Однако Сигманианец заметил это и появился на корме.

— Как я объясню это Агасейрусу? — спросил Скип.

По спине у него забегали мурашки, а пот, заливающий лицо Ваня и скатывающийся на его рубашку, тоже заблестел белым цветом.

— Может быть, доктор Кантер сможет нам помочь, — сказал китаец.

— Я не знаю, — ответила она едва слышно. — Если мы пройдем к синтезатору, возможно...

— Позвольте мне нарисовать, что мы будем делать, — предложил Скип.

— Нет, — рявкнул Вань. — Как я узнаю, что ты ему говоришь? — Он сглотнул и сказал спокойно: — Мы должны разработать схему действий, которая гарантировала бы мне, что я не потеряю контроль над ситуацией. — Маска превратилась в волчий оскал. — Но не такая, как позиция утешения в ядерный век...

Переборка открылась. Вошел Агасейрус. Все его четыре глаза смотрели на них. Клешни щелкали. Чешуя сверкала, как звезды, с которых он прилетел.

Вань открыл огонь.

Звуки выстрелов били по барабанным перепонкам. Сигманианец вздрогнул, когда две пули низкой массы и скорости попали в него. Вань стал отступать к переборке, где он спрятал обрез Вирго, и сделал первый выстрел магниевой пулей.

Она с шумом разорвала броню и вошла в незащищенные клетки тела. Фонтаном брызнула жидкость. Агасейрус тут же был повержен. Он взвыл, собрался с силами и пополз вперед. Вань стрелял еще и еще. Каждая пуля все больше и больше разрушала тело создателя прекрасного. Между выстрелами Вань предупреждающим жестом наставлял дуло пистолета на пленников. Ивон приникла к поручню и вскрикивала, как будто не могла остановиться. Скип повернулся спиной.

После четвертого тяжелого выстрела Сигманианец не мог больше двигаться вперед. Его глубоко запрятанная жизнь почти иссякла, разлившись флюоресцирующей

жидкостью по палубе. Он поднял клешню и перебросил плечо через арку. Фонтан тягучей желудочной жидкости поплыл мимо Млечного Пути. Он попал Ваню в грудь и стал разъедать рубашку, проникая вовнутрь. Агасейрус с грохотом рухнул на палубу, издал вздох и затих.

Вань застонал от боли. Однако его пистолет, несмотря на то, что его качало из стороны в сторону, оставался у него руке.

— У меня еще... осталось три пули,— сказал Вань сквозь зубы.

Он распахнул рубашку, хотя кислота уже разъела плоть его левой руки, и сбросил ее с этого плеча. Концом рукава он вытер едкую жидкость, которая попала ему на грудь.

— Я выживу,— сказал он запинаясь.— Рана... не смертельна. Раствор, кажется... уже использованный.

Скип стал приближаться, осторожно, шаг за шагом.

— Дайте я посмотрю,— сказал он.

Ивон нетвердо последовала за ним. Он обнял ее и что-то прошептал на ухо. Она вздрогнула, но взяла себя в руки и двинулась вперед.

— Нет,— сказал Вань.— Не подходите... ближе.

— Тогда я,— заикаясь, сказала Ивон.— Позвольте мне помочь вам.— Она сжала кулаки, глубоко вздохнула и продолжала: — Если вы почувствуете, что теряете сознание, вы ведь убьете нас, не так ли? Позвольте мне посмотреть, чем я могу помочь вам остаться в с-с-сознании. Я — женщина, у меня нет опыта в драках, я не смогу удержать вас, вы легко сможете оттолкнуть меня в сторону и...

— ...и приготовиться к выстрелу.— Вань тяжело дышал из-за огня, который горел у него внутри.— Я... не... слабею, Вейберн, не теряю реакции... во всяком случае... не сильно. Ты можешь подойти ко мне. Ты ведь не сможешь вырвать у меня оружие, чтобы спасти себя... я успею выстрелить.

— Согласен,— сказал Скип.

Ивон подошла к китайцу. Она осторожно взяла рубашку Ваня за воротник. Он наставил на нее дуло.

— Я должен переложить это,— сказал он,— в мою левую руку. Прежде, чем ты стянешь рукав.

— Да,— сказала она.

Она попыталась схватить его за запястья, но он резко отбросил ее в сторону. Прогремел выстрел, пуля ударилась о палубу и стукнулась о сияющую переборку. Скип шагнул ему навстречу. Вань стал поднимать пистолет. Если Скип схватит его, то получит пулю в голову.

Но силы Вань были на исходе и выстрелить он не успел. Скип в прыжке выдернул из-за пояса кинжал. Острые ударило в горло Вань, лезвие резануло поперек.

Кровь фонтаном полилась на обоих мужчин и Ивон. Вань упал. Им показалось, что они слышали что-то вроде: «Яао...» После было только короткое ужасное бульканье, а потом — тишина, и кровь Сигманианца и человека слилась вместе на палубе и запятнала вид на созвездие Южного Креста.

Глава шестнадцатая

Они уложили мертвецов около портала корпуса в помещении, где встретились впервые. Ивон, цепляясь за плечо Скипа, сказала сквозь слезы:

— Мы не можем просто так выбросить их за борт.

— Но и оставить Агасейруса для вивисекции мы тоже не можем,— согласился он.— Они заслужили последние почести, да.

— Разве мы сможем их им отдать? Я хочу сказать... ты знаешь, как... какие-нибудь обряды... не важно, в какой вере. Я не знаю. Некоторые обрывочные сведения из Каддиша, смутные обрывки христианских обрядов — плохо помню похороны... и вообще, когда ни мы, ни они не верили... Что мы можем предложить кроме высокопарных, надуманных высказываний? — Она уставилась прямо перед собой.— Ничего. В нас такая же пустота, как в открытом космосе.

— Я думаю, им бы понравилась церемония проводов в последний путь,— сказал он.

— Что? — Она бросила затуманенный недоуменный взгляд в его сторону.

— Ну, то, как мой народ хоронит друзей. Никто не знает, кто написал слова, но большинство из нас знает их наизусть. «Путник, прощай. За дар твоей любви мы благодарим тебя, и твой дар будет сохранен в нашей памяти в любой дороге, по которой нам придется идти, и будет жить меж нами в каждом лагере, где мы встретимся, и воздастся нам опять, когда мы, подобно вам, вступим в ваш покой. А пока мы будем радоваться небу, ветру, воде и объятиям, во имя вас и памяти о вас...— голос Скипа сорвался.— Тут есть еще небольшое продолжение,— сказал он смущенно,— и у нас положено особым образом класть полевые цветы или еще что-нибудь, что есть под рукой, и тому подобное. Как ты думаешь, это подойдет?

— О, да-да,— сказала она, и он услышал, как в голосе ее росло отчаяние.

— Мы можем привезти их к нам, сделать так, чтобы они принадлежали к нашему миру... В околопланетных мирах — наша надежда.

Они сидели на наблюдательном мостике и смотрели, как мать человечества — Земля вращалась рядом. Она светила холодным голубым светом посреди ночи и звезд. Там, где шел дождь, клубились облака. На океаны указывали раскаленные солнечные отблески. В стороне была ее Луна — сморщенная и безжизненная, как будто давным-давно она на себе ощутила ярость бомбардировок, но теперь там были люди, и в немногих их жилищах росли розы.

— Агасейрус любил Землю,— сказал Скип.

— Вань Ли — тоже,— ответила Ивон.

Он кивнул.

— Попробуем, не сможем ли мы сохранить ее для них.— И затем: — Нет. Мне не надо было говорить так. У мира и так слишком много спасителей и защитников.

Из-за которых,— продолжил он мысленно,— двое, с которыми мы путешествовали, теперь находятся на прямой дороге к Солнцу.

Но печаль ослабла, как и должно было быть. Теперь же

они строили планы и были уверены, что смогут справиться с кораблем.

В помещениях было тихо. Они выключили бормочущий фон, который слишком о многом им напоминал. Постепенно они обучат корабль петь на языке землян. Атмосфера оставалась плотной, теплой, влажной и наполненной запахами, потому что они не хотели погубить сады. Но намеревались перенести их в специальные места и создать в большей части корпуса корабля атмосферу, которая бы лучше им подходила.

— Ты уверен, что мы также хорошо сможем контролировать события? — спросила она, когда они впервые заговорили о будущем.

— Нет, — сказал он. — На самом деле, я очень сомневаюсь. Однако я уверен, что мы увидим конец поисков вслепую, конец погони за этой мощью, которая должна быть предназначена только для... для...

— ...для возвышения духовности.

— О'кей. — Он пробежался пальцами по волосам, расхаживая перед ней. — Он — наш. Твой и мой. Мы никогда не отдадим его Орто. Ни одному Ортеанцу. У них был шанс, и они доказали, что еще не доросли до этого. Теперь пусть кусают локти. Нас невозможно будет достать. Если нужно, мы сможем улететь из солнечной системы совсем. Я знаю парочку планет, которые мы сможем сделать своим родным домом. Но я полагаю, лучше нам остаться тут. И я уверен на все сто, что мы сможем заключить сделку. Даже такую, которая даст нам возможность погостить на Земле без всяких преследований. Не забудь, мы, кроме всего прочего, неуязвимы в корабле. И у нас есть о чем торговаться, например, мы можем перевозить ученых. Конечно, мы всегда будем держать на борту в основном своих людей.

— Кто же они?

— Новые жители околопланетного мира. Те, кого я знаю лично, хорошие люди и добрые искатели приключений, которых не интересует чужая жизнь. — Он помолчал, обнял ее за плечи и улыбнулся, заглянув ей в лицо — она сидела. — Может быть, ты возьмешь нескольких Ортеан-

цев, таких же как сама. Великолепно. Дело ведь в том, что после того, как они заключат с нами сделку, они тоже станут представителями околопланетного мира.

Разговор велся в их каюте, поэтому его всеохватывающий жест указывал на стены. Но он имел в виду все простирающиеся за ними пространство космоса.

Видение воодушевило ее.

— И мы будем охранять мир.

— Нет! — ответил он. — Неужели ты не понимаешь, дорогая, из-за чего весь сыр-бор? Из-за того, что люди имеют власть над другими людьми, или хотят ее, или боятся, что другие захотят ее иметь? Агасейрус прилетел сюда не за тем, чтобы надеть новое ярмо людям на шею.

— Хотела бы я постичь твой образ мыслей, — сказала она смиренно. — Мне кажется невозможным, что кто-то когда-нибудь после того, как нас уже не станет, не воспользуется силой, которая есть у нас — для самых высоких целей, с самыми лучшими намерениями...

Его пыл поугас.

— Этого-то мы и не обсудили. У меня есть что-то вроде надежды, что к тому времени все нации не будут настолько близкими, чтобы позволить кому-то управлять собой. Но чем больше я думаю о том что этот корабль будет повторен хотя бы через тысячу лет, тем невероятней мне кажется эта идея.

Настала ее очередь. Она вскочила на ноги и заключила его в объятия.

— Нет, конечно, дорогой! Я была глупа. Я должна была сразу же понять, принимая во внимание, с каким множеством технологий я столкнулась... Послушай, в природе нет секретов. Вопрос всего лишь в том, можно или нет это осуществить. Они знают, что можно, и этого достаточно. Они найдут способ. И не думаешь ли ты, что они направят на это все, что есть на Земле, пока мы будем на борту, убаюкивая их бдительность? Мы можем позволить ученым, которым мы доверяем, тоже проводить исследования. Скин, ты любишь держать пари. Хочешь поспорить, что мы не доживем до того времени, когда мы сможем увидеть первый подобный космический корабль, сотворенный руками

людей — грубый, может быть, но корабль, способный отправиться на сигму Дракона?

Он выдавил короткий, неуверенный смешок.

— Нет, слишком много очков не в мою пользу. — И еще раз более спокойно: — Пока ставкой не будет что-то такое, что я в состоянии буду оплатить.

Теперь она говорила громко, как будто ее могли услышать будущие поколения.

— Ты получил свой шанс. Ты испробуешь тысячу способов, отыскивая те сто, которые новы и хороши, потом — у нас достаточно мозгов, чтобы понять, что у других их нет, чтобы рассказать миру то, что должно произойти.

— Эй, не стоит читать им проповеди, — сказал Слип. — Что касается меня, я не возлагаю никаких требований ни на одну живую душу. Я только вижу остаток своей жизни среди планет или звезд, как замечательный праздник.

Ивон покраснела:

— А это разве не нравоучительно, нет? Я все еще никак не научусь быть просто собой. Ты не научишь меня?

Он обнимал ее между Землей и Магеллановыми Облаками.

— Знаешь, — сказал он, — наша проблема, как мы можем быть вместе, решение которой мы не нашли и не надо искать. Нам вовсе и не нужно делать это.

Немного погодя он сказал:

— Я лучше отлучусь и верну корабль на орбиту. И запомни, несмотря на критику, я заставлю тебя дать обещание составить наше обращение к людям.

МАВРАИ И КИТ

**ЛЮДИ ЗВЕЗД
И ЛЮДИ МОРЯ**

...если только другие народы, например вы, помогли бы нам распространить нашу деятельность в масштабах мира, мы могли бы сравниться в богатстве с нашими предками или превзойти их... не в их деятельности, которая зачастую оказывалась расточительной и недальновидной, но в наших уникальных достижениях...

Его голос оборвался. Она не слушала, глядя поверх его головы в небо, в неопишуемом ужасе, который ясно отражался у нее на лице.

Затем зазвучали боевые трубы, а на соборе ударили в колокола.

— Что такое, девять дьяволов? — Руори повернулся и задрал голову. Зенит совсем поглубел. В небе над С'Антоном лениво проплывала эскадра из пяти дирижаблей. Юное утреннее солнце осветило яркие геральдические символы, нарисованные у них на боках. Он в замешательстве прикинул, что каждое из судов имеет не менее трехсот футов длины.

Эти летучие машины цвета крови, как оторванные лепестки, кружили в воздухе, медленно опускаясь на город.

— Люди Неба! — раздался за его головой сдавленный крик. — Пресвятая Мари, теперь молись за нас!

Мавраи и Кит

МАВРАИ

Люди неба

Пиратский флот приближался к городу на рассвете. С высоты пяти тысяч футов Земля, окруженная призрачной дымкой, казалась серо-голубой. Ирригационные каналы в первых утренних лучах солнца были будто заполнены ртутью. На западе сверкал океан, дальний край которого отдавал пурпуром, да виднелось несколько звезд.

Прислонившись к кормовому балкону своего флагманского корабля, Локланн сына Холбер направил телескоп на город. Тот открылся ему беспорядочным скоплением стен, плоских крыш и квадратных сторожевых башен. Освещенные восходящим солнцем купола соборов отливали розовым. В небе не висело ни одного заградительного аэростата. Должно быть, слухи о том, что Перио оставил пограничные провинции на произвол судьбы, были правдивыми. Следовательно, то богатство мейканцев, которое можно было утащить, перевезли на сохранение в *С'Антон*. Это означало, что туда стоило наведаться. Локланн ухмыльнулся.

Робра сына Стем, помощник капитана на *Буффало*, сказал:

— Лучше нам спуститься тысяч до двух, чтобы людей не разметало куда попало и не выбросило за городские стены.

— Ага,— кивнул головой, закрытой шлемом, шкипер.— Пусть будет две тысячи.

В вышине, где безмолвие нарушали лишь ветер да скрип снастей, их голоса звучали странно громко. Небо вокруг их дирижаблей простиралось туманной бесконечностью, расцвеченной на востоке красноватым золотом. На палубе посверкивала роса. Но когда затрубили длинные деревянные рожки, их сигнал прозвучал вполне органично, как и отдаленные слова команд, доносившиеся с других кораблей, топот ног, скрежет брашпиль и гул ручных компрессоров. В сознании человека Неба эти шумы были естественны для верхних слоев атмосферы.

Пять огромных дирижаблей стали ровно снижаться по спирали. Первые солнечные лучи высветили пять золотоголовых фигур, прямо и уверенно стоявших на носу гондол, их четкие силуэты контрастировали с безудержно пышной раскраской воздушных шаров. Паруса и мачты казались неправдоподобно белыми на мрачном фоне западного участка неба.

— Эй, там,— начал Локланн. Он изучал порт, разглядывая его в телескоп.— Что-то новенькое. Что бы это могло быть?

Он передал трубу Робра, который прижал ее к своему единственному глазу. В круге, ограниченном объективом, различались каменные доки и склады, построенные несколько столетий назад, во времена могущества Периио. Сейчас их мощности использовались менее, чем на четверть. Нормальная суматоха убогого рыболовецкого флота, единственное прибрежное трехпалубное судно... и да, Октаи. Приносящий бурю! Откуда взялся этот монстр размером побольше кита, с семью мачтами невероятной высоты?!

— Не знаю,— помощник опустил телескоп.— Иностранец? Но откуда? На этом континенте нигде...

— Я никогда не видел подобной махины,— заметил Локланн.— Квадратные паруса на стенге, косой парус внизу.— Он погладил свою короткую бородку. В утреннем

свете та горела, как начищенная до блеска медь. Локланн был светловолос и голубоглаз, такие редко встречались и среди людей Неба, а в других местах о них и не слыхали. — Конечно, — сказал он, — мы не специалисты по морскому флоту. Мы видим корабли только мельком. — В словах Локланна прозвучало добродушное презрение: из моряков получались хорошие рабы, по крайней мере, единственно подходящим атрибутом воина дома являлся конь, а за границей — дирижабль.

Он обратился к более насущным проблемам. У него не было карты С'Антоня, ему раньше не приходилось его видеть. Это была самая южная точка, в которой доводилось разбойничать людям Неба, и дальше почти никому не случалось бывать: в былые времена их воздушный флот оставался слишком примитивным, а Перио еще было в силе. Итак, Локланну вначале предстояло осмотреть город с высоты, сквозь дрейфующие облака, и составить план на месте. Не так уж это было и трудно, ведь у него были и сигнальные флажки, и мегафон для передачи приказов на другие корабли.

— Вон перед собором большая площадь, — пробормотал он. — Там-то наш контингент и сядет. Команда *Штормового облака* захватит то большое здание на восточной стороне... пожалуй... это резиденция их правителя. А там, вдоль северной стены — типичные казармы, вон и плац, — ими займутся солдаты с *Койота*. А мужики с *Небесной ведьмы* приземлятся в доках, займут береговую оборону и захватят тот странный корабль, а потом присоединятся к атаке на гарнизон. Команде *Огненного лося* надо приземлиться в городе перед восточными воротами, чтобы взять горожан в котел. А я, заняв площадь, pošлю подкрепление туда, где оно потребуется. Все ясно?

Он собрал на палубу всех своих лупоглазых. Некоторые силачи, столпившиеся вокруг него, были одеты в кольчуги, но он предпочитал кирасы из армированной кожи. В стиле монгов. Они были почти такие же прочные, но намного легче. Локланн был вооружен пистолетом, но питал куда большее доверие к своему боевому топору. Из пращи или лука можно было стрелять почти с той же скоростью, что

и из пистолета, — и не менее точно, — а огнестрельное оружие становилось баснословно дорогим, поскольку запасы серы иссякли.

Он ощутил напряжение, словно вновь был маленьким мальчиком, развертывающим подарки праздничным утром Середины зимы. Одному Богу Октаи известно, какие сокровища он обнаружит: золото, ткани, инструменты, рабов. Локланн предвкушал героические поступки и вечную славу. Возможно, смерть. Несомненно, однажды он сложит голову в бою: он столько жертвовал своим идолам, что они не пожалеют для него смерти на поле брани и шанса возрождения в образе человека Неба.

— Пошли, — крикнул он.

Перемахнув ограждение палубы, он спрыгнул вниз. Несколько секунд город крутился перед глазами; теперь он оказался сверху, а мимо пронесся *Буффало*. Затем, притянув лямку своего парашюта, он восстановил равновесие. Воздух вокруг пестрел алыми куполами парашютов. Почувствовав движение ветра, он схватился за стропу, направляя движение книзу.

* * *

Дон Мивел Карабан, кальде С'Антон д'Инио, готовил богатый пир для маврайских гостей. Дело даже не в том, что он расценивал их визит как поворотный момент в истории, который даже мог ознаменовать конец продолжительного периода их упадка. (Дон Мивел, являвший собой редкое сочетание практичности и грамотности, прекрасно сознавал, что вывод войск Перио в Бразиль, произошедший двадцать лет назад, был отнюдь не «временной мерой по выравниванию границ». Они не вернутся никогда. Пограничные провинции были предоставлены сами себе.) Но пришельцев было необходимо убедить в том, что они обнаружили богатый, могущественный и, в целом, цивилизованный народ, благодаря чему они стали бы посещать мейканское побережье с торговыми целями, что в итоге привело бы к заключению военного альянса, направленного против северных дикарей.

Пиршество продлилось чуть не до полуночи. Хотя некоторые ирригационные каналы засорились и так и не были восстановлены, так что земли окрестных деревень заполонили кактусы и обжили гремучие змеи, мейканские провинции оставались плодородными. Во время своего рейда, предпринятого пять лет назад, узкоглазые монгские всадники из Теккаса перебили массу пеонов, так как деревянные вилы и обсидиановые мотыги были слабой защитой от сабель и стрел. На восстановление прежней численности населения уйдет не менее десяти лет, и лишь тогда будут периодически наступать голодные годы. Итак, Дон Мивел предложил гостям множество яств: говядину, ветчину со специями, оливки, фрукты, вина, орехи, кофе, неизвестный людям Моря,— правда они проявили к нему мало интереса,— и прочее, и прочее. Затем последовали развлечения, музыка, фокусы, фехтовальные номера, представленные дворянами.

В этот момент корабельный врач с *Дельфина*, порядочно нализовавшись, предложил показать им островной танец. Его мускулистое коричневое тело, обильно покрытое татуировками, стало дергаться в серии похожих на спазмы движений, вызвав снисходительные улыбки на губах чопорных Донов. Сам Мивел заметил:

— Это мне несколько напоминает ритуалы плодородия, принятые у наших пеонов,— что прозвучало вымученно-вежливо, наведя капитана Руори Ранги Лоханнасо на мысль, что последние имеют совершенно иную, и не очень приличную культуру.

Откинув косичку из волос, судовой врач ухмыльнулся.

— А теперь давайте-ка спустим на берег наших корабельных вахинь, чтобы они вдоволь погуляли,— сказал он на мавро-инглисском.

— Нет,— запротестовал Руори.— Боюсь, что мы и без того их уже шокировали. Как говорится в пословице: «Когда приезжаешь на Соломоновы острова, покрась кожу в черный цвет».

— По-моему, они понятия не имеют, как веселиться,— посетовал доктор.

— Мы пока не знаем, какие здесь действуют табу,— пре-

дупредил Руори.— Так что будем такими же серьезными, как эти мужчины с бородами клинышком. Не будем хохотать или заниматься любовью, пока не вернемся на корабль и не окажемся опять среди наших вахинь.

— Но это же глупо! Пусть всемогущий Нан со своими акульными зубами сожрет меня, если я...

— Твои предки стыдились бы,— заметил Руори. Это было, пожалуй, самое жесткое из замечаний, которое можно было сделать мужчине, не нарываясь на поединок с ним. Чтобы сгладить остроту, он несколько смягчил тон, но доктору пришлось замолчать. Что он и сделал, бормоча извинения и краснея, отступая в темный угол, поближе к выпцветшим фрескам.

Руори обернулся к хозяину.

— Прошу прощения, С'ньор,— сказал он на местном наречии.— Мои люди знают спаньоль еще хуже меня.

— Не извиняйтесь.— Дон Мивел, затянутый в строгий черный костюм, слегка, официально кивнул. От этого движения смешно, как собачий хвост, вздернулась его шпага.

До Руори донеслись приглушенные смешки его офицеров.

«И однако же,— подумал про себя капитан,— чем длинные штаны и кружевная рубаша хуже саронга, сандалий и клановых татуировок?»

Чтобы оценить громадные размеры этой планеты, хранившей массу неразгаданных тайн, необходимо было пройти морем Маврайскую Федерацию, от Авайев до Нв'Зеландии и на запад, в Млаю.

— Вы говорите на нашем языке просто блестяще, С'ньор,— вступила в разговор Донита Треза Карабан. Она улыбнулась.— Может быть, лучше нас, ведь, прежде чем приехать сюда, вы изучали тексты, созданные несколько веков назад, а спаньоль с тех пор очень изменился.

Руори улыбнулся в ответ. Дочка Дона Мивела того стоила. Богатое черное платье облегло фигуру, лучше которой в мире было не найти; и, хотя люди Моря обращали на лицо женщины мало внимания, он заметил, что оно имеет хорошие черты и излучает гордость: орлиный

нос ее отца в ней приобрел более нежные, женственные очертания, а еще у нее лучистые глаза и волосы цвета полуночного океана. Как жаль, что эти мейканцы, по крайней мере, зная, думают, что девушка должна предназначаться исключительно мужу, которого ей в конце концов находят. Хотел бы он одарить ее жемчугом и серебром и отправиться с ней в море в корабельном каноэ — наедине, встречать рассвет и заниматься любовью.

Однако...

— В таком обществе, — пробормотал он, — у меня есть стимул освоить ваш язык как можно скорее.

Она не стала кокетливо обмахиваться веером по местному обычаю, который люди Моря находили то забавным, то раздражающим. Но ее ресницы дрогнули. Они были очень длинными, а ее глаза, заметил Руори, — зелеными, с золотистыми искорками-веснушками.

— Умоляю тебя, не называй наш язык «современным», — перебил господин ученого вида, облаченный в длинные одежды. Руори узнал пископа Дона Карлоса Эрмосилло, который был, по-видимому, знаком с Маврайским Лезусом Харисти. — Он не современный, а исковерканный. Я также изучал старинные книги, напечатанные до Судной Войны. Наша теперешняя версия такая же обезображенная, как и современное общество. — Он вздохнул. — Но чего еще ждать, если даже среди благородных господ лишь один из десяти в силах написать собственное имя.

— В период расцвета Перио уровень грамотности был выше, — вмешался Дон Мивел. — Жаль, что вы не посетили наши земли сто лет назад, С'ньор капитан, и не видели, на что был способен наш народ.

— Но что представляло собой само Перио, оно ведь было лишь государством-преемником, — горько напомнил пископ. — Оно объединяло обширные территории, некоторое время диктовало законы, но что нового оно создало? Его история оказалась лишь повторением печальной участи сотен других королевств, поэтому тот же Судный день обрушился и на Перио.

Донита Треза перекрестилась. Даже Руори, имевший

ученую степень не только по навигации, но и по машиностроению, был поражен.

— Здесь не было атомной войны?

— Что? Нет. Старинное оружие, которое разрушило древний мир? Нет, конечно, нет.— Дон Карлос покачал головой.— Но в нашем конкретном случае мы проявили не меньшую глупость и греховность, чем наши легендарные прародители, и результаты получились похожими. Можно это назвать человеческой жадностью, или Божьим наказанием: на мой взгляд, это одно и то же.

Руори внимательно посмотрел на священника.

— Мне хотелось бы поговорить с вами, С'ньор,— сказал он, надеясь, что называет его правильным титулом.— В наше время люди, которые знают историю, а не предание — редкость.

— Всегда пожалуйста,— обрадовался Дон Карлос.— Буду польщен.

Донита Треза беспокойно переминалась на своих легких, стройных ногах.

— Здесь принято танцевать,— пояснила она.

Ее отец рассмеялся.

— Ах, да. Юные леди наверняка потеряли всякое терпение. На продолжение дискуссий у нас хватит времени и завтра, С'ньор капитан. А теперь пусть играет музыка.

Он дал знак. Оркестр ударил по струнам и клавишам. Некоторые инструменты были совсем как у мавраев, в то время, как другие выглядели совершенно непривычно. Сам звукоряд был другим... Это напоминало Стралию, но... на плечо Руори опустилась рука. Оглянувшись, он увидел Трезу.

— Раз уж вы не приглашаете меня танцевать...— сказала она,— можно, я наберусь нескромности, чтобы сделать это самой?

— Что значит «нескромность»? — осведомился он.

Зардевшись, она попыталась объяснить, но у нее это не получилось. Руори пришел к выводу, что это какая-то из местных концепций, неизвестных людям Моря. В это время мейканские девушки и их кавалеры высыпали на пол бальной залы. Несколько секунд он рассматривал их.

— Движения мне незнакомы, — сказал он, — но я мог бы скоро научиться.

Она скользнула в его объятия. Этот контакт был приятным, хотя его не ожидало никакое продолжение.

— У нас получается очень хорошо, — сказала она через минуту. — У вас весь народ такой грациозный?

Лишь позднее до него дошло, что это был комплимент, за который ее следовало поблагодарить; как островитянин, он принял его буквально и, поскольку ему был задан вопрос, попросту на него ответил:

— Большинство из нас проводит много времени на море. Если не хочешь вывалиться в воду, у тебя должны быть развиты равновесие и чувство ритма.

Она сморщила носик.

— Ах, оставьте. Вы серьезны, как С'Осе в соборе.

Руори ответил ей широкой улыбкой. Это был высокий молодой человек с черной кожей, как у всех людей его расы, но с серыми глазами, которые, как у многих его соплеменников, были памятью, оставленной инглисскими предками. Благодаря тому, что он происходил из Нв'Зеланнии, его тело было разрисовано татуировками не так обильно, как у некоторых федератов. Зато он вплеl себе в косичку китовый ус, саронг на нем был из тончайшего батика, а сверху еще была надета рубаха. Его кинжал, без которого маврай чувствовал себя неприлично беспомощным, выделялся на фоне этого наряда: он был старинный, потертый — инструмент.

— Я должен видеть этого Бога, С'Осе, — сказал он. — Ты мне его покажешь? О нет, я различу простую статую.

— Сколько вы здесь пробудете? — поинтересовалась она.

— Сколько сможем. Мы должны обследовать все Мейканское побережье. До сих пор маврайский контакт с мериканским континентом ограничивался одним плаванием от Авайев до Калифорнии. Обнаружили пустыню и несколько дикарей. От торговцев с Оккайдо нам приходилось слышать, что дальше на север есть леса, где живут белые и желтые люди, которые воюют между собой. А что южнее Калифорнии, нам не узнать, пока туда не съездит

экспедиция. Может, ты знаешь, что нас ждет в Юж-Мерике?

— Сейчас уже мало что. Даже в Бразиле.

— Да, но в Мейко цветут красивые розы.

К ней вернулось хорошее настроение.

— А в Нв'Зеланнии колосятся льстивые слова, — хихикнула она.

— Вовсе нет. Мы отличаемся прямотой и правдивостью. Конечно, пока речь не коснется наших морских путешествий.

— И какие небылицы вы будете рассказывать про это плавание?

— Мы будем немногословны. Иначе все юноши Федерации слетятся сюда. Но я могу взять вас на свой корабль, Донита, и познакомить там с компасом. Тогда он всегда будет указывать только на С'Антон д'Инио. Вы станете, так сказать, моей розой-компасом.

Он несколько удивился, что она поняла его слова и рассмеялась. Он провел ее по полу зала, она так легко двигалась в его руках.

Потом, до рассвета, они танцевали вместе столько, сколько допускали приличия, или даже чуть больше, и между ними происходили разные глупости, которые никого, кроме них, не касались. Перед восходом солнца оркестр отпустили, и гости, благовоспитанно прикрывая зевающие рты хорошо ухоженными руками, стали расходиться.

— Как скучно стоять, отвечая на прощания, — прошептала Треза. — Пусть они думают, что я уже пошла спать. — Она взяла Руори за руку и скользнула с ним за колонну, а оттуда — на балкон. Пожилая служанка, представленная к этому месту, чтобы служить дуэньей парам, выбирающимся туда, заснула на утреннем холодке, накинув на плечи мантилью. Если не считать ее, они оказались наедине среди жасмина. По дворцу проплывал туман, скрывавший своей дымкой город. Где-то вдалеке, на наружной стене стражник прокричал: «В городе все покойно». К западу от балкона еще стояла тьма, в которой

догорали последние звезды. Семь высоких мачт *Дельфина* засверкали в лучах утреннего солнца.

Трезза, дрожа, подошла поближе к Руори. Некоторое время они молчали.

— Помни нас, — наконец попросила она, очень тихо. — Когда ты вернешься к своему счастливому народу, не забывай, что здесь есть мы.

— Как бы я мог? — возразил он, на этот раз серьезно.

— У вас настолько больше всего, чем у нас, — печально заметила она. — Ты же рассказывал мне, как невероятно быстро могут плавать ваши корабли, почти соперничая с ветром, как ваши рыболовные сети всегда возвращаются полными рыбы, как вы разводите китов, и те гуляют стадами, такими огромными, что от них темнеет вода, как вы даже добываете из океана еду и волокно и... — она потрогала пальцем тонкую ткань его рубахи. — Ты сказал, что это сделано из рыбьих костей. Говорил, что у каждой семьи есть свой просторный дом, а у каждого человека чуть ли не... собственная лодка... что даже маленькие дети на самых далеких островах умеют читать, что у вас печатают книги... что вам неведомы те болезни, от которых погибают наши люди... что у вас никто не голодает, и вы свободны. О, не забывай нас, ты, кому улыбнулся Бог.

Тут она, смутившись, замолчала. Он видел, как вытянулась ее шея и затрепетали ноздри, словно он вызвал у нее неприязнь. В конце концов, подумал он, она происходит из породы, которая веками отдавала, а не принимала благодеяния.

Поэтому он подбирал слова с большой осторожностью.

— За это мы благодарны не столько нашим добродетелям, сколько везению, Донита. Мы меньше всех пострадали в Судной Войне, а поскольку наше население живет в основном на островах, нам удастся пользоваться дарами моря, которое может нас содержать. Поэтому нам... не было нужды сохранять или восстанавливать утраченные знания и навыки наших предков. Их просто нет. Но мы восстановили отношение к миру, которое было свойственно древним, образ мыслей, это и обусловило разницу, дав рождение... науке.

Девушка перекрестилась.

— Атом! — выдохнула она, отпрянув.

— Да нет, нет, Донита, — возражал он. — Так, многие народы, которые встречались нам в последнее время, убеждены, что именно наука послужила причиной разрушительных мировых войн. Или они полагают, что наука — это собрание сухих, безжизненных формул, по которым можно строить высокие здания или разговаривать на расстоянии. Но научный метод — это лишь средство постижения мира. Это вечное... начинание заново. Поэтому вы здесь, на Мейканском побережье, можете помочь нам не меньше, чем мы вам. Именно поэтому мы вас разыскали и в недалеком будущем опять с надеждой постучимся в ваши двери.

Она нахмурилась, хотя и стала наполняться внутренним светом.

— Я не понимаю, — призналась она.

Он огляделся, подыскивая подходящий пример. Наконец он показал на ряд небольших отверстий в перилах балкона.

— Что здесь раньше было?

— Хм, не знаю. Они всегда были такими.

— Думаю, что я могу ответить на свой вопрос, я видел такие штуки в других местах. Это была решетка из сваренного железа. Но ее давно растащили на прутья, которые стали использовать в качестве оружия или каких-нибудь инструментов. Правильно?

— Вполне возможно, — согласилась она, — железо и медь стали большой редкостью. Нам приходится снаряжать караваны через все побережье, к развалинам Тамико, чтобы везти оттуда металл, что сопряжено с большой опасностью нападения грабителей и варваров. Это мне рассказывал Дон Карлос.

Он кивнул.

— Именно. Древние люди истощили мировые запасы. Они добывали руды, сжигали нефть и уголь, вызывали эрозию почв, пока все не пропало. Но ресурсы еще есть. Правда, их недостаточно. Старая цивилизация, так сказать, растранижила капитал. Но теперь на Земле восстано-

лось достаточно лесов и плодородных почв, и мир может пытаться восстановить индустриальную культуру, однако для этого не хватает запасов топлива и минералов. Веками людям приходилось разрушать то, что делали их предки, чтобы добыть хоть немного металла. В целом, знание древних не было утрачено: оно просто вышло из употребления, став непригодным, поскольку мы намного беднее их.

Серьезно задумавшись, он подался вперед.

— Но знание и открытия не зависят от богатства, — продолжал он. — Может быть, у нас на островах просто было мало металла, и мы поэтому его не растрачивали, но зато мы обратили поиски в другом направлении. Научный метод так же применим к ветру, солнцу и живой материи, как к нефти, железу или урану. Изучая генетику, мы открыли способы разведения водорослей, планктона, рыбы, которые могут служить нашим целям. Научные технологии выращивания лесов дают нам потребные количества древесины, исходных компонентов для органического синтеза и немного топлива. Ветер, благодаря применению таких принципов, как несущая поверхность крыла и закон Ветури, или аэродинамической руды, обеспечивает нас энергией, теплом, холодом; мы можем использовать энергию приливов и отливов. Даже на теперешней, ранней стадии, параматематическая психология помогает нам в управлении населением, а также... О, прости, я заговорил своим языком, языком инженера. Я хотел сказать, что, если только другие народы, например вы, помогли бы нам распространить нашу деятельность в масштабах мира, мы могли бы сравниться в богатстве с нашими предками или превзойти их... не в их деятельности, которая зачастую оказывалась расточительной и недальновидной, но в наших уникальных достижениях...

Его голос оборвался. Она не слушала, глядя поверх его головы, в небо, в неописуемый ужас, который ясно отражался у нее на лице.

Затем зазвучали боевые трубы, а на соборе ударили в колокола.

— Что такое, девять дьяволов? — Руори повернулся и

задрал голову. Зенит совсем поглубел. В небе над С'Антоном лениво проплывала эскадра из пяти дирижаблей. Юное утреннее солнце осветило яркие геральдические символы, нарисованные у них на боках. Он в замешательстве прикинул, что каждое из судов имеет не менее трехсот футов длины.

Эти летучие машины цвета крови, как оторванные лепестки, кружили в воздухе, медленно спускаясь на город.

— Люди Неба! — раздался за его головой сдавленный крик. — Пресвятая Мари, теперь молись за нас!

* * *

Приземлившись на брусчатку площади, Локланн перекатом встал на ноги. Рядом с ним над бьющим струями прохладной воды фонтаном возвышался каменный всадник. Мгновение он любовался камнем, казалось, почти живым; ничего подобного не было у них в Каньоне, Зоне, Корадо и других горных королевствах. А собор из белого камня, выходявший фасадом на площадь, возносился к небесам.

На площади только что царило оживленное движение, крестьяне и ремесленники расставляли свои лотки в начале базарного дня. Большинство из них теперь разбегалось в дикой панике, лишь один крупный парень с криком схватился за каменный молоток и кинулся с ним на Локланна. Он прикрывал бегство юной женщины, должно быть, своей жены, державшей на руках младенца. Сквозь бесформенное мешковатое платье Локланн рассмотрел, что фигура ее совсем не дурна. Он сорвет за нее хорошую цену при следующем приезде в Каньон монгского работорговца. Ее муж, пожалуй, тоже пошел бы за приличные деньги, но сейчас, пока Локланн не отстегнул парашют, возиться с ним не было времени. Выхватив свой пистолет, он пальнул. Мужик упал на колени, уставился на кровь, сочившуюся сквозь пальцы у него из живота, и затих. Локланн освободился от парашюта и, топая тяжелыми башмаками по мостовой, пустился догонять женщину. Она завизжала, когда его пальцы сомкнулись на ее руке и попыталась

вывернуться, но ей мешал ее щенок. Локланн поволок ее к собору. Робра уже стоял на его ступенях.

— Поставь караул,— закричал шкипер.— Мы можем здесь держать пленных, пока не будем готовы очистить сам собор.

Старик в одеждах священника шлепал к двери. В руках у него был какой-то их, мейканский, идол, будто защищавший его. Робра разmozжил башку старика топором и пинком сбросил тело со ступенек, а женщину толкнул внутрь.

Отовсюду бежали вооруженные люди. Локланн протрубил в свой рог, собирая их. Контратаки можно было ждать в любую минуту... Да, вот она.

Вдалеке показались ряды мейканских всадников. Это были молодые мужчины горделивого вида, одетые в пышные штаны, кожаные жилеты и шлемы с плюмажами. Развевающиеся плащи, обожженные деревянные пики и стальные сабли — все это напоминало теккасских кочевников, с которыми им приходилось сражаться уже несколько веков. Но столько же сражались с ними и люди Неба. Локланн вышел во главу строя, где его знаменосец поднял Флаг Молнии. Половина экипажа *Буффало* замерла в ожидании, сомкнув ряды, держа на изготовку копыя с керамическими наконечниками. Отряд наткнулся на них. Некоторые пики попадали. Одни лошади понесли, другие с криком повернули прочь. Воины с пиками стали преследовать всадников. Выступила вторая линия отряда, вооруженная топорами, шпагами и ножами. Несколько минут кипела бойня. Потом мейканцы сломались. Нет, они не бежали, но отступали в замешательстве. И тогда люди Неба стали стрелять из своих знаменитых луков.

Теперь площадь обезлюдела, она лишь усеяна убитыми и ранеными. Локланн прохаживался, разглядывая последних. Тех, кто не был ранен слишком сильно, тащили в собор. Сейчас надо было собрать всех, кто мог сгодиться в рабы, а если что, прикончить никчемных можно было и позднее.

Издали донесся глухой звук.

— Пушки,— заметил подошедший к нему Робра.— У армейских казарм.

— Ладно, пусть артиллерия позабавится, пока наши ребята с ней не разберутся,— сардонически разрешил Локланн.

— Конечно-конечно,— поддакнул Робра.— Он выглядел обеспокоенным.— Жаль только, что от них нет известий. Нет ничего хорошего в том, чтобы просто так стоять.

— Это долго не продлится,— заверил Локланн.

И он был прав. К нему подбежал гонец со сломанной рукой.

— *Штормовое облако*,— выдохнул он.— То большое здание, куда ты нас послал... полно вооруженных шпагами... Они встретили нас у дверей...

— Надо же... А я-то думал, что это всего-навсего королевский дворец,— удивился Локланн. Он расхохотался.— Может, у короля бал? Ладно, пойду-ка я сам посмотрю. Робра, ты здесь за старшего.

Он взял с собой человек тридцать. Они понеслись по пустым улицам, в тишине, нарушаемой лишь их топотом да перезвоном оружия. Обыватели, должно быть, попрятались в ужасе за стенами своих домов. И хорошо, их будет проще оттуда выковыривать потом, когда бой закончится и начнется сбор трофеев.

Раздался рев голосов, Локланн и его люди в последний раз завернули за угол. Перед ними высился дворец, старинное здание под красной черепичной крышей, с мягкими стенами из известняка и множеством стеклянных окон. Команда *Штормового облака* билась у парадного входа. Мертвые и раненые, оставшиеся от последней атаки, густо покрывали лестницы.

Локланн мгновенно оценил ситуацию.

— Эти остолопы не додумались послать отряд через один из боковых входов? — прорычал он.— Джонак, возьми пятнадцать наших ребят и бегом к маленькой двери, чтобы ударить по ним с тыла. Остальные помогут мне отвлечь их.— Он вскинул окровавленный топор.— Каньон! — завопил он.— Каньон! — И войско ринулось за ним на бой.

Последний атакующий отряд откатился назад в крови и без сил. Половина мейканцев стояла в широком проеме.

Это была знать, мрачные мужчины с козлиными бородами и нафабранными усами, одетые во все черное, с красными плащами, закинутыми на левую руку, заслоняющими тело, как щиты, и с длинными тонкими шпагами в правой руке. За спиной у них были другие, готовые встать на место павших.

— Каньон! — вновь прокричал Локланн, бросаясь в бой.

— Да поможет нам Господь! — воскликнул высокий седовласый Дон. Золотая цепь, служившая каким-то знаком его придворной должности, висела у него на груди. Клинок был направлен вперед.

Локланн метнул в него свой топор. Дон ловко откинул его от себя, попав в грудь одного из захватчиков. Но с помощью крепкой пращи Локланн достиг своей цели. Люди Локланна столпились вокруг Дона, тыча в него пальцами. Сам Локланн выбил у врага шпагу.

— О нет, Дон Мивел, — крикнул юноша недалеко от калыде, который застонал, выбросил руки вперед и каким-то образом выхватил у Локланна его топор с неожиданной силой. В его глазах Локланн прочитал смерть. Дон Мивел поднял топор. Локланн выхватил пистолет и уложил его наповал.

Когда Дон Мивел падал, Локланн подхватил его, сдернул золотую цепь и накиннул на собственную шею. Выпрямляясь, он почувствовал сильнейший удар. Чья-то шпага пронзила его шлем. Подобрав свой топор, он крепко поставил ноги и пошел рубить напрапалую.

Линия обороны смешалась.

Из-за спины Локланна раздались крики. Повернувшись, он увидел сверкание оружия над головами своих людей. С проклятьями он подумал, что во дворце оказалось больше людей, не только те, кто оборонял эти ворота. Остальные выскочили через здание двери и теперь обошли со спины его самого.

Его что-то ткнуло в бедро, и, хотя Локланн ощутил лишь укол, его захлестнула слепая ярость.

— Чтобы вам в новой жизни родиться свиньями! — прогремел он. Сам того не замечая, он покачнулся, накренился и случайно увидел бой.

Вновь прибывшие были, в основном, из дворцовой стражи, судя по их униформам веселой полосатой окраски, пикам и мачете. Но у них были союзники — около дюжины мужчин, каких Локланн никогда не видел, и ему не приходилось ни о чем подобном слышать. У них были темная кожа и черные волосы, как у индейцев, но чертами лица они больше напоминали белых. На этих странных людях были лишь полотнища, намотанные вокруг бедер, да на головах — венки из цветов, а их тела покрывали прихотливые голубые узоры. Они размахивали кинжалами и дубинами со зловещей ловкостью.

Локланн разорвал штанину, чтобы осмотреть свою рану. Она была несерьезна. Более серьезным был бой, разворачивавшийся вокруг его людей. Он увидел, как метнулся Морк сына Бренн, целясь шпагой в одного из темных незнакомцев, крупного мужчину, который добавил к своей юбке блузу из дорогого по виду материала. Морк точно убил дома четверых в честных боях, а уж скольких уложил в походах, не мог бы сказать и он сам. Темнокожий стоял наготове, зажав меж зубов кинжал, со свободными руками. Когда Морк ударил шпагой, темнокожего просто не оказалось на месте. Улыбаясь, с ножом в зубах, он перехватил рукоять шпаги вместе с запястьем нападающего. Чужеземец ударил его по адамову яблоку. Морк рухнул на колени, выплевывая кровь, скрючился и затих. На темнокожего бросился другой человек Неба с топором наперевес. Тот снова уклонился от удара, захватил в движения тело нападавшего за бедро и что есть сил толкнул его вперед. Человек Неба грохнулся головой о мостовую и больше не шелохнулся.

Теперь Локланн заметил, что вновь прибывшие образовали кольцо вокруг тех, кто не дрался. Женщины. Он был готов поклясться всемогущим Октаи и пожирателем людей — Улагу, что эти ублюдки выводят из дворца всех женщин. А битва с ними не клеилась, нападавшие разбрелись кто куда, зализывая свои раны.

Локланн побежал вперед.

— Каньон! Каньон! — орал он.

— Руори Ранги Лоханнасо, — вежливо сказал крупный чужеземец. Он отдал несколько распоряжений. Его отряд двинулся прочь.

— Бейте их, вы, мразь! — ругался Локланн. Арьберггард пиками отогнал их назад. Локланн бросился к переднему ряду людей, образующих живое ограждение в виде квадрата.

Крупный мужчина заметил его приближение. Его серые глаза на момент задержались на золотой цепи калыде и застыли абсолютным холодом.

— Итак, ты убил Дона Мивела, — сказал Руори на спаньоль.

Локланн понял его, так как во время своих многочисленных грабительских походов перенял этот язык от своих узников и наложниц.

— Ах ты, поганый сын гиены! — огрызнулся Локланн и вскинул пистолет. Руори пошевелил рукой. Вдруг в правый бицепс человека Неба вонзился намертво кинжал. Он уронил свой пистолет.

— Я его еще у тебя отберу, — прокричал Руори. Потом, обращаясь к тем, что шел за ним: — Пошли, все на корабль!

Локланн бессмысленно уставился на кровь, струей бежавшую у него из руки. Он слышал, как группа беженцев прорвалась через измотанную боем линию Каньона. Отряд Джонака показался из парадного входа, который теперь никто не охранял, последние защитники ушли вместе с Руори.

К Локланну, который все еще рассматривал свою руку, приблизился человек.

— Будем их преследовать, шкипер? — спросил он почти застенчиво. — Джонак послал нас за ними.

— Нет, — ответил Локланн.

— Но у них под охраной находится не меньше сотни женщин. Среди них много молодых.

Локланн затрясся, как собака от холода.

— Нет. Я хочу найти медика, чтобы он зашил мою рану. Потом у нас будет много дел. С этими чужеземцами мы успеем разобраться позднее — если представится случай. Мужик, нам будет, чем поживиться в этом городе!

По причалу были раскиданы мертвые тела, некоторые из них — обожженные. Рядом с высокими складами они казались странно маленькими, напоминая тряпичные куклы, которые бросил раскапризничавшийся ребенок. Пушечный дым и сейчас щипал ноздри.

Ател Хамид Серайо, первый помощник, остававшийся на борту *Дельфина* во главе дежурных, приказал встретить Руори салютом, который был произведен в традиционной островной манере — так неожиданно, что многие мей-канцы все еще не оправились от потрясения.

— Мы как раз собирались идти за вами, капитан, — сказал он.

Руори спросил:

— Что здесь произошло?

— Шайка этих дьяволов подобралась к батарее. Они захватили платформу для орудия, пока мы все еще пытались разобраться, что творится вокруг. Часть из них отправилась к той свалке, что развернулась на севере, вероятно, там у них расквартированы военные. Ну, а поскольку планшир был наставлен на десять футов над доком, а мы обучены отражать нападения пиратов, им не слишком повезло. Я дал им прикурить от нашего огонька.

Руори вздрогнул, посмотрев на почерневшие трупы. Несомненно, эти люди заслужили своей участи, но ему не нравилось, когда по живому человеку бьют горящим пузырем из нефти.

— Жаль, что они не зашли с моря, — добавил Ател, вздохнув. — У нас тут стоит отличная гарпунная катапульта. Мне пришлось стрелять из такой в Инди, когда синезский пират подобрался слишком близко. Он завопил не хуже кита.

— Люди — не киты, — вспыхнул Руори.

— Хорошо, капитан, хорошо-хорошо. — Ател, слегка струхнув, умерил свою свирепость. — Я ничего плохого не имел в виду.

Руори одернул себя и сложил руки на груди.

— Я проявил в разговоре излишний гнев, — официально признал он. — Я сам смеюсь над собой.

— Да ничего, капитан. Я вот и говорю, что мы их отбили, и они наконец отступили. Должно быть, сейчас приведут подкрепление. Что мы будем делать?

— Вот этого я не знаю, — признался Руори. Он обернулся к мейканцам, которые стояли потрясенные, не понимающие, о чем идет речь. — У вас испрашивается прощение, Доны и Дониты. Мой помощник только что рассказал мне, что здесь произошло.

— Не извиняйтесь, — сказала Треза Карабан, выступая из группы мужчин. Некоторые из них казались немного обиженными, но они чересчур устали и переволновались и были не в силах одернуть ее за дерзость. Что касается Руори, то, по его понятиям, было вполне естественным, что женщина держится с той же свободой, что и мужчины. — Ты спас нам жизнь, капитан. Больше, чем жизнь.

Он спросил себя, что может быть страшнее смерти, а потом кивнул. Ну конечно же — рабство: веревки и плети и пожизненный подневольный труд на чужой земле. Он окинул взглядом девушку — ее волосы в беспорядке рассыпались по плечам, платье было разорвано, лицо со следами слез отражало усталость. Она стояла прямо, глядя на него с неким вызовом.

— Мы не знаем, что нам делать, — неловко сказал он. — Нас здесь только пятьдесят мужчин. Можем ли мы помочь вашему городу?

Молодой дворянин, которого плохо держали ноги, ответил:

— Нет. С городом все кончено. Вы бы могли отвезти этих дам в безопасное место. Больше ничего.

Треза запротестовала.

— Вы же еще не сдаетесь, С'ньор Доноху?

— Нет, Донита, — выдохнул молодой человек. — Но я хотел бы исповедаться прежде, чем вернуться в бой, потому что я уже покойник.

— Поднимемся на борт, — пригласил Руори.

Он пошел по трапу. Лилиу, одна из пяти судовых

вахинь, выбежала ему навстречу. Обвив руками его шею, она расплакалась:

— Я боялась, что вас убили.

— Пока нет,— Руори мягко высвободился из ее объятий. Он заметил, как напряглась Треза, глядя на них обоих. Он изумился: неужели эти чудные мейканцы предполагают, что их команда отправляется в плавание, которое продлится не один месяц, не прихватив с собой нескольких девушек? Потом ему подумалось, что одежда вахинь, сшитая по типу мужской, не соответствовала местным нравам. Нан возьми эти дурацкие предрассудки! Но его обидело, что Треза от него отвернулась.

Другие мейканки оглядывались по сторонам. Не все поднимались на борт, когда корабль пришвартовался в их порту. Они в растерянности разглядывали линии и топрепы, заглядывали на несколько саженей вниз, туда, где располагалась гарпунная катапульта, осматривали шпиль, бушприты, посматривая назад, на моряков. Мавраи ободряли их улыбками. Пока что для них это было развлечением. Мужчин, которые для развлечения нагишом ныряли между акулами и в одиночку переплывали на каноэ тысячи океанских миль, чтобы навестить друзей, не мог выбить из колеи обыкновенный бой.

Им не довелось накануне разговаривать с гордым Доном Мивелом, веселым Доном Ваном и деликатным пископом Эрмосилло, а на следующее утро увидеть, как они падают замертво в бальной зале, подумал Руори.

Мейканские женщины сгрудились в кучку, дамы и служанки, и плакали, прижимаясь друг к дружке. Дворцовая стража по-прежнему окружала их стеной. Дамы и Треза последовали за Руори на корму.

— Теперь,— начал он,— давайте поговорим. Кто эти бандиты?

— Люди Неба,— прошептала Треза.

— Это я понял,— ответил Руори, взглянув на воздушный флот, паривший у них над головой. Корабли были зловеще красивы, как барракуды. В некоторых местах виднелись струйки дыма.— Но кто они? Откуда?

— Они сев-мериканцы,— ответила она тихим надтреснутым голосом, словно боясь говорить с интонациями.— Из диких мест, окружавших реку Корадо и Большой Каньон, который она себе пробила,— горцы. Согласно преданию, с восточных территорий их вытеснили монги-захватчики, это случилось очень давно, но, набравшись сил среди гор и пустынь, они разбили одни племена монгов и подружился с другими. Сотни лет они нападали на наши северные провинции. Мы никогда не думали, что они появятся здесь. Должно быть, шпионы донесли им, что большинство наших солдат ушло на Рио Гран, где они подавляют восстание. Они направились над нашими землями на юго-запад.— Треза содрогнулась.

Молодой Доноху сплюнул.

— Проклятые шакалы! Они только и умеют, что грабить, жечь и убивать! — Он вздохнул.— Что мы сделали, чтобы так нападать на нас?

Руори в задумчивости потер подбородок.

— Они не могут быть совершенными дикарями,— пробормотал он.— Эти их дирижабли лучше, чем нам удавалось построить во всей нашей Федерации. А ткань? Из чего она? Какая-нибудь особая синтетика? Должно быть, иначе в них не удержать бы водород так долго. Не гелий же они используют! Но для того, чтобы производить водород в таких объемах, нужна промышленность! По крайней мере, хорошая практическая химия. Может быть, они даже получают его электролизом... Лезус Харисти!

Он заметил, что говорит сам с собой на родном языке.

— Прошу прощения, спохватился он.— Я просто раздумывал, как нам поступить. У нашего корабля нет летающих шлюпов.

Он взглянул вверх. Ател передал ему свой бинокль. Он навел его на ближайший дирижабль. Огромный воздушный шар и гондола внизу — размером с многие маврайские корабли — образовывали чистую аэродинамическую форму. Гондола была на вид легкой, каркас, должно быть, из дерева, а оплетка — из тростника. На три четверти от киля было нечто вроде галереи, на которой команда могла

находиться и работать. В некоторых местах около ограждения стояли машины, приводившиеся в движение силой мускулов, часть из них, видимо, для подъема, в остальных угадывались катапульты. Должно быть, в северных королевствах между дирижаблями иногда разворачивались бои. Это следовало бы разузнать. Правительственные психологи Федерации были сильны в политике по правилу «разделяй и властвуй». Но теперь...

Сила, приводившая его в движение, представляла чрезвычайный интерес. От носа корабля футов на пятьдесят вбок выступали два ланжерона, один над другим. По обеим сторонам на них крепились на осях рамы, к которым были привязаны квадратные паруса. Подобная пара ланжеронов была пропущена и на другом конце каркаса. Всего получалось восемь парусов. Пара маленьких, действовавших как флюгеры, ветряных турбин, которые можно было убрать, на осях, выступали под гондолой: должно быть, они выполняли функции ложного кия. Паруса и рули были оснащены линиями, проходившими через блок, и тянувшимися к брашпилю на галерее. Если изменять их набор, можно было повернуть хотя бы несколько точек в наветренную сторону. А ведь воздух на разной высоте движется в различных направлениях. Дирижабль может снижаться, если откачивать газ из нескольких камер воздушного шара, сжимать его компрессором и нагнетать в баллоны; для подъема достаточно было закачать газ обратно, сбросив давление, или скинуть балласт (правда, последний прием использовался только в обратных перелетах, когда из-за течи обратная подача газа ограничивалась). При наличии парусов, рулей, возможности использовать благоприятные воздушные потоки, такой дирижабль мог пересекать расстояния в тысячи миль с грузом в несколько тонн. Да, хороший флот!

Руори опустил бинокль.

— Разве Перио не построило несколько летательных аппаратов, чтобы отражать нападения?

— Нет, — промямлил один из мейканцев. — У нас были только воздушные шары. Мы не знаем, как изготовить

ткань, которая будет достаточно долго держать воздух, не умеем вести управляемый полет. — Он смущенно замолчал.

— А поскольку у вас ненаучная культура, вам не приходило в голову провести систематические исследования, чтобы научиться? — спросил Руори.

Треза, смотревшая на свой город, обернулась к нему.

— Тебе легко говорить, — закричала она. — Вам не приходилось веками отбиваться от монголов на севере и рауканианцев на юге. Вам не потребовалось тратить двадцать лет и десять тысяч человеческих жизней на строительство каналов и акведуков, чтобы голод косил чуть меньше людей. У вас не преобладают пеоны, способные лишь к черной работе, не умеющие позаботиться о себе, потому что никто не научил их, как это делать, потому что их существование — слишком большое бремя для нашего народа. Вам легко развезжать по морям со своими полуголыми докси и шутить над нами. Что бы вы сделали, С'ньор Всемогуший Капитан?

— Замолчи, — одернул Доноху. — Он спас нам жизнь.

— Пока, — добавила она сквозь зубы и слезы. Одна крошечная танцующая туфелька топнула о палубу.

Совершенно не к месту Руори спросил себя, что могло означать слово «докси». Оно было, видимо, уничижительным. Может быть, она имела в виду вахинь? Но разве для женщины существует более почетный путь заработать приданое, чем этот, когда она подвергает себя всем опасностям плавания бок о бок с мужчинами, в поисках новых культур и цивилизаций? А что же Треза собирается рассказывать дождливыми вечерами своим внукам?

Затем он спросил себя, почему она волнует его. Он и до этого заметил странное, почти ужасное напряжение, существующее в отношениях между мужчинами и их женами у многих мейканцев, словно супруги были друг другу чем-то большим, чем уважаемыми друзьями и партнерами. Но какие иные отношения были возможны? Психолог мог бы это знать, что до Руори, то он был в полном неведении.

Чтобы в голове просветлело, он ею потряс и вслух сказал:

— Сейчас не время для негородского поведения.— На спаньоль ему пришлось использовать другое слово, несколько отличавшееся оттенком значения.— Надо решать. Вы уверены, что мы не сможем отразить набег пиратов?

— Нет, если только С'Антон не свершит чудо,— ответил Доноху безжизненным голосом.

Потом, резко выпрямившись, он продолжал:

— Вы можете сделать для нас лишь одно, С'ньор. Сейчас же отчалить с женщинами на борту, а среди них есть дамы высокого происхождения, которых нельзя подвергнуть позорной продаже в рабство. Отвезите их на юг, в порт Ванавато, кальде которого позаботится об их благополучии.

— Я не люблю спасаться бегством,— возразил Руори, глядя на людей, лежавших на причале.

— С'ньор, но это же *дамы*! Во имя Господа, сжальтесь над ними!

Руори обвел внимательным взглядом благородные бородатые лица. Он был в долгу перед этими людьми за их гостеприимство и не видел другого способа отплатить им добром.

— Если вы настаиваете,— медленно согласился он.— А как же вы?

Юный дворянин поклонился ему, словно королю.

— Наши молитвы и благодарность пребудут с вами, мой господин капитан. А мы, мужчины, разумеется, вернемся, чтобы продолжить бой.— Он расправил плечи и скомандовал, как на параде: — Внимание! Стройся!

На палубе послышалось несколько поспешных поцелуев, а потом мейканские мужчины спустились по трапу и двинулись в город.

Руори ударил кулаком по гакаборту.

— Если бы у нас был другой выход! — пробормотал он.— Если бы я мог что-нибудь сделать.— И добавил, почти с надеждой: — Как, по-вашему, бандиты могут напасть на нас?

— Только, если вы останетесь здесь,— ответила Треза. Ее глаза были, как зеленые льдинки.— Разве ты не поклялся отчалить?

— А если бы они погнались за нами в море...

— Не думаю, что они на это решатся. На этом корабле сотня женщин и немного товара на продажу. А в городе люди Неба наберут тысяч десять женщин, столько же мужчин и все городские сокровища. Зачем же им размениваться на погоню?

— Э-э-э...

— Вперед! — сказала она. — Медлить нельзя.

Ее холодность была, как удар.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он. — Ты думаешь, что мавраи трусы?

Она замялась. Потом, неохотно, но честно ответила:

— Нет.

— Ну, тогда почему же ты фыркаешь на меня?

— Ой, убирайся прочь! — Она встала на колени у ограждения, склонила голову на руки и ушла в свои мысли.

Оставив ее, Руори стал отдавать приказы. Мужчины собрались у парусов. Развернувшаяся парусина, вырвавшись на волю, затрепетала на ветру. За пристанью океан сверкал голубизной, на волнах поигрывали мелкие ба-
рашки; чайки метались по небу. Руори вспомнил отдельные эпизоды боя, которые он наблюдал, уходя от дворца.

Безоружный мужчина с расколотой головой. Девочка, едва ли старше двенадцати лет, которая кричит и вырывается из рук двух пиратов, которые тащат ее по аллее. Старик, в страхе бегущий зигзагами, и четверо лучников, палящие в него наугад, их дикий смех, когда он, пронзенный, упал (они куда-то его поволокли). Женщина в разорванном платье, в оцепенении сидящая посреди улицы рядом с телом младенца, у которого выстрелом выбили мозг. Маленькая статуя с отбитой головой в нише, святой образ, у ее ног — букетик увядших фиалок. Горящий дом и раздающиеся изнутри крики.

Дирижабли, застывшие в вышине, вдруг утратили в его глазах свою красоту.

Добраться до них и стянуть с неба!

Руори остановился как вкопанный. Вокруг него столпилась вся команда. Он услышал короткую матросскую песню, которую пели низкие голоса, красивые от постоянной

свободы и хорошей еды, но мелодия лишь отдавалась эхом в отдаленном уголке его мозга.

— Отчаливаем,— пропел помощник.

— Нет! Нет! Погодите!

Руори пробежал по палубе, сбежал по лестнице, мимо рулевого, к Доните Трезе. Она поднялась с колен и стояла со склоненной головой, ее лицо было заслонено волосами.

— Треза,— сбивчиво заговорил Руори.— Треза, у меня идея. Я думаю, у нас может быть шанс, может быть, нам все-таки удастся дать им бой.

Она подняла на него глаза. Ее пальцы сомкнулись у него на руке так сильно, что он почувствовал, как в кожу вонзаются ее ногти.

Слова вылетали у него беспорядочно.

— Это будет зависеть... от того, как их заманить... к нам. По меньшей мере, пара их судов... должна последовать за нами... в море... Тогда, мне кажется... Я не уверен в деталях, но, по-моему... Мы могли бы сразиться... даже сбить их...

Она по-прежнему неотрывно смотрела на него.

Он заколебался.

— Конечно,— сказал он,— мы можем проиграть бой. И у нас на борту женщины.

Она спросила тихо, едва слышно:

— Что будет, если вы проиграете: мы погибнем или попадем в плен?

— Мне кажется, погибнем.

— Это хорошо,— кивнула она.— Тогда будем биться.

— Я не уверен в одном. Как заставить их преследовать нас...— Он помолчал.— Если бы кто-нибудь согласился... попасть к ним в плен... и сказал, что мы везем огромное сокровище... Они бы в это поверили?

— Вполне возможно.— Ее голос зазвучал живее, в нем даже ощущалась заинтересованность.— Допустим, казна кальде. Ее никогда и в помине не было, но разбойники убеждены, что погреба моего отца ломятся от золота.

— Тогда кто-то должен к ним пойти.— Руори повернулся к ней спиной, сцепил пальцы и пришел к выводу, который ему так не хотелось делать.— Но для этого не

подойдет просто кто угодно. Если это будет мужчина, они загонят его дубиной в группу других пленников. Я хочу сказать, они вообще не станут его слушать, так ведь?

— Вероятно. Мало кто из них знает спаньоль.

— К тому времени, как мужчина сможет заронить в их души мысль о сокровище, они будут уже на полпути к дому.

Трезва покачала головой.

— Что же нам делать?

Руори знал ответ, но не смел произнести его вслух.

— Извини,— пробормотал он.— В конце концов, моя идея была не такая уж удачная. Пошли.

Девушка пошла перед ним, слегка касаясь его, словно они опять танцевали. Ее голос прозвучал совершенно спокойно.

— Тебе известен выход.

— Нет.

— Я хорошо тебя узнала. За одну ночь. Из тебя плохой лжец. Скажи мне.

Он отвел глаза, но все же ответил:

— Должна пойти женщина, не просто женщина, а красавица. Разве такую не отведут к их главарю?

Трезва сделала шаг в сторону. Ее щеки побелели.

— Да,— согласилась она наконец.— Я тоже так думаю.

— И опять же,— в отчаянье продолжал Руори:— Ее могут убить. У них много случайной стрельбы, у этих бандитов. Я не могу подвергать риску никого, кто вверен моей заботе.

— Ты просто дурак,— сказала она, не разжимая губ.— Неужели ты полагаешь, что опасность смерти остановила бы меня?

— А что еще может случиться?— с изумлением спросил он.— О да, конечно, женщину могут сделать рабыней, если мы потом проиграем бой. Конечно. Я этого не сознавал. Но мне кажется, если она красива, к ней не будут плохо относиться.

— И это все, что ты...— она осеклась. Он никогда не видел, чтобы улыбка выражала обиду.— Ну конечно. Мне следовало это знать. У вашего народа свой образ мыслей.

— Что ты имеешь в виду? — проямлил он.

Она простояла еще секунду, сжав кулаки.

А потом сказала, про себя.

— Они убили моего отца; да, я видела его мертвым на дороге. Они оставят мой город в руинах, а все его население перебьют.— Она подняла голову.— Я пойду,— сказала она.

— Ты? — Он схватил ее за плечи.— Нет, конечно, не ты... Какая-нибудь другая девушка...

Она рывком высвободилась и, пробежав по палубе, спустилась по трапу. Она не смотрела на корабль. До него долетело несколько слов:

— А потом, если будет это потом, для меня всегда найдется монастырь.

Он не понял. Он стоял на корме, провожая ее взглядом и ненавидя самого себя, пока она не скрылась из виду. Потом он сказал: «Отчаливаем» — и корабль вышел в море.

* * *

Мейканцы упорно сражались, отстаивая каждую улицу и каждый дом, но через пару часов их солдат, оставшихся в живых, уже вытеснили в северо-восточную часть С'Антоня. Сами они едва ли это сознавали, но *Небесный вожак* наблюдал сражение с высоты, его дирижабль был теперь привязан к собору, сбросив веревочную лестницу, чтобы его люди могли подниматься и спускаться, и к нему сейчас как раз причалило другое судно, на котором была только дежурная команда, чтобы сообщить новости.

— Я вполне доволен,— сказал Локланн.— Мы будем удерживать их в котле четвертью наших войск. Не думаю, что им удастся сделать вылазку. Тем временем остальные могут заняться организацией. Не надо давать этим тварям слишком много времени, чтобы спрятать свое серебро и забиться по щелям. После обеда, когда отдохнем, мы можем высадить своих парашютистов в тылу у городских войск, оттеснить их навстречу нашим отрядам и уничтожить.

Он приказал опустить *Буффало*, чтобы загрузить самое

ценное из добычи уже сейчас. В целом его мужики были слишком уж грубыми: хорошие ребята, но могут в спешке повредить ценные одежды или кубок, или крест, инкрустированный драгоценными камнями, а иногда эти мейканские вещи бывают такие красивые, что с ними жалко расставаться, даже за деньги.

Флагманский корабль снизился, насколько это было возможно. Он все-таки висел в воздухе, на высоте футов в сто, ручные компрессоры и баллоны из сплава алюминия не обеспечивали достаточного сжатия водорода. Но с него сбросили веревки, подхваченные собравшейся на земле частью команды. Дома около каждого жилища были шпилы с храповиками, с помощью которых судно могли посадить и четыре женщины. Они терпеть не могли эти экстренные посадки из-за необходимости выпускать водород. У киперов, хозяев хранилищ, его едва хватало, несмотря на то, что помимо гидроэлектростанции у них теперь появилась солнечная батарея, и драли за него соответственно. (Возможно, так говорили киперы, пользуясь возможностью взвинчивать цены, так как даже сами короли им в этом деле были не указ. Некоторые главари, в том числе и Локланн, начали потихоньку самостоятельно экспериментировать с получением водорода, но быстро эту загадку, механизм которой и киперы понимали лишь наполовину, им было не разрешить.)

А здесь механизмы заменялись силачами-мужчинами. *Буффало* вскоре посадили на соборной площади, на которой от него стало совсем тесно. Локланн лично проверил каждую веревку. У него болела раненая нога, но боль все же позволяла ему ходить. Его сильнее беспокоила правая рука, которая болела больше от швов, чем от раны. Медик наказывал ее обязательно поберечь. Это означало, что ему придется биться левой рукой, ведь невозможно допустить, чтобы потом болтали, как Локланн сына Холбер покинул поле боя. Но все же он чувствовал, что будет собой лишь наполовину. Он потрогал нож, которым его проткнули. За свою боль ему хоть досталось лезвие из прекрасной стали. Кстати, его владелец что-то там говорил, что они встретятся снова, и он его отберет. В таких словах могло быть

предзнаменование. Хорошо бы после смерти воплотиться в этого Руори.

— Шкипер. Шкипер, сэр.

Локланн оглянулся. Юв Красный Топор и Аалан сына Рикар, из его экипажа, обращались к нему. Они держали за руки молодую девушку в черном бархатном, расшитом серебром, платье. Вооруженная толпа, бушевавшая вокруг, устремила свои взгляды к ней. Общий гул голосов прорезали скабрезные выкрики.

— Что там у вас? — отрывисто спросил Локланн. У него было много дел.

— Телка, сэр. Ничего, а? Мы ее нашли там внизу, у кромки воды.

— Тащите ее в собор, где сидят остальные, пока... О...— Локланн отшатнулся, прищурился и встретился со взглядом ее зеленых глаз.

Она все болтала одни и те же слова: «Шеф... Рей.... омбро гран»...

— Я в конце концов подумал, может, она правда ищет шефа,— пояснил Юв.— А когда она завизжала «хан», я совсем уверился, что она хочет говорить с вами. Поэтому мы и не использовали ее сами,— благонаравно закончил он.

— Ты говоришь на спаньоль? — спросила девушка.

— Да...— широко улыбнулся Локланн. Он говорил с сильным акцентом, но вполне прилично.— Я, например, понял, что ты называешь меня на ты.— Ее изящно очерченные губы сложились в слабую улыбку.— Что означает, что ты меня считаешь низшим по сравнению с собой. Еще так обращаются к Богу или к возлюбленному.

Вспыхнув, она закинула голову, (солнечный свет пробежал по ее волосам цвета воронова крыла) и ответила:

— Можешь сказать этим чурбанам, чтобы они меня отпустили.

Локланн отдал приказ по-инглиски. Юв и Аалан отпустили ее руки, на них остались отпечатки и ссадины от их пальцев. Локланн погладил бороду.

— Ты хотела меня видеть? — спросил он.

— Да, если ты здесь главный. Я дочь кальде. Донита Треза Карабан.— Ее голос слегка задрожал.— Цепь, что на

тебе, принадлежала моему отцу. Я пришла от имени его народа, чтобы обсудить условия.

— Что? — моргнул Локланн. Кто-то в толпе вояк расхохотался.

«Она, должно быть, не может просить милости, — подумал Локланн, — вон как твердо говорит».

— Учитывая, что, ведя бой до победы, вы несомненно потеряете много людей и, кроме того, можете вызвать контрнаступление на вашу собственную страну, не хотите ли вы принять денежный выкуп и возможность беспрепятственно отступить, если отпустите наших пленных и прекратите разрушения.

— Клянусь Октаи, — пробормотал Локланн. — Только женщине придет в голову, что мы... — Он замолчал. — Ты сказала, что вернулась сама?

Она кивнула.

— От имени своего народа. Я знаю, у меня нет легальных полномочий на обсуждение условий, но на практике...

— Выбрось это из головы, — оборвал Локланн. — Откуда ты вернулась?

Она замялась.

— Это не имеет никакого отношения к...

Вокруг было слишком много глаз. Локланн приказал начать систематическое прочесывание города. Он повернулся к девушке.

— Пошли на корабль, — приказал он. — Я хочу вести дальнейшее обсуждение.

Она прикрыла глаза, буквально на момент, и ее губы шевельнулись. Потом она вновь посмотрела на него — он вспомнил пуму, которую как-то поймал в ловушку, — и сказала спокойным тоном:

— Хорошо, у меня есть еще аргументы.

— Как у любой женщины, — засмеялся он, — но у тебя они лучше, чем у большинства.

— Я не о том говорю, — вспыхнула она. — Я хочу сказать, Мать Божья, молись за меня. — Они прошли мимо свернутых парусов к лестнице, которая спускалась с галереи. В нижней части корпуса был открыт люк, в который было

видно свободное место, предназначенное для груза, и кожаные путы для рабов. На палубе галереи стоял пост из нескольких стражников. Они стояли, опираясь на свое оружие, из-под шлемов у них катился пот, и перешучивались: когда Локланн прошел мимо них с девушкой, они добродушно загалдели, выражая зависть.

Он открыл дверь.

— Ты когда-нибудь видела наш корабль? — спросил он. В верхней гондоле было длинное помещение, в котором стояли лишь койки со спальными мешками. Верхняя часть была разгорожена перегородками на несколько отсеков, камбуз и, наконец, у самого носа располагался отсек с картами, таблицами, навигационными приборами, мегафонами. Его стенки выступали относительно корпуса наружу, так что во время полета из помещения открывался хороший обзор. На полочке, под развешанным по стене оружием стоял маленький четырехрукий идол из слоновьего бивня. На полу была постелена соломенная циновка.

— Это рубка. А также кабина капитана, — пояснил Локланн. Он указал жестом на один из четырех плетеных стульев. — Садись, Донита. Что-нибудь выпьешь?

Она села, но ничего не ответила. Ее руки, сжатые в кулаки, лежали на коленях.

Локланн налил себе в стакан виски и выпил половину одним глотком.

— Хм. Позднее мы для тебя принесем нашего вина. Просто позор, что вы здесь не освоили перегонку.

Когда он навис над ней, на него обратились ее полные отчаяния глаза.

— С'нбор, — начала она — умоляю вас, именем Карины, ладно, именем вашей матери, пощадите мой народ.

— Моя мать со смеху бы умерла, услышав такие слова, — ответил он. И наклонился вперед: — Знаешь, давай не будем попусту сорить словами. Ты спасалась бегством, но потом вернулась. Где было твоё укрытие?

— Оно... А это имеет значение?

«Ну вот, она начала тянуть время», — подумал он и продолжал:

— Конечно. Я знаю, что сегодня утром ты была во дворце. Мне известно, что ты бежала с чужеземцами.

Я знаю, что их корабль отчалил около часа назад. Ты, наверное, была на нем, но покинула его. Это так?

— Да.— Она задрожала.

Глотнув еще расплавленного огня, он попросил ее рассудительным тоном:

— Теперь скажи мне, Донита, что у тебя есть для выкупа. Ты же не надеешься, что мы поступимся большей частью наших трофеев и столь ценными для нас рабами ради того, чтобы нам дали спокойно уйти. Да от нас отвернутся все королевства Неба. Ну-ка, выкладывай, что еще ты можешь предложить, если уж собралась купить нас.

— Нет... Но не...

Он ударил ее по щеке. Ее голова далеко отвернулась от удара. Она отпрянула, трогая красный след на лице, а он орал:

— У меня нет времени на игры. Говори! Говори сейчас же, какая мысль вытолкнула тебя сюда из безопасного места или тотчас же отправишься в трюм. Торговцы из Каньона дадут за тебя хорошую цену. Тебе будут рады во многих местах: в лесной хижине в Оргоне, в юрте монгского хана в Теккасе, далеко на востоке в борделе, в Чаи Каго, и от этого ты можешь уберечься.

Она потупилась и устало сказала:

— Чужеземный корабль нагружен золотом кальде. Мой отец давно намеревался перенести свои личные сокровища в какое-нибудь более безопасное место, но не решался отпускать его в караване из повозок через всю страну. Между С'Антоном и Фортлез д'С'Эрнан до сих пор шатается много разбойников. Такие богатства введут в соблазн стать грабителями и само воинское сопровождение. Капитан Лоханнасо согласился перевезти золото по морю в порт Ванавато, который недалеко от Фортлеза. Ему можно доверять, так как его правительство заинтересовано в том, чтобы торговать с нами, так что он прибыл сюда официально. Когда начался ваш набег, сокровища уже были погружены. Разумеется, на корабль также взяли женщин, находившихся во дворце. Но ты можешь их пощадить? На этом иностранном корабле ты найдешь такую добычу, что ее не поднять всему твоему флоту.

— Клянусь Октаи!

Отвернувшись от нее, он зашагал по комнате, а потом остановился и выглянул из окна. Он почти слышал, как у него в голове работал мозг. То, что она рассказала, имело смысл. Дворец их разочаровал. Да, там было много дамасских клинков, серебряной посуды и всякой всячины, но ничего, что могло бы сравниться по ценности с сокровищами собора. Либо у кальде было больше власти, чем богатства, либо он куда-то спрятал свою казну. Локланн предполагал допросить несколько слуг, чтобы узнать, которое из предположений верно. А теперь он понял, что существовала и третья возможность.

Лучше все-таки допросить нескольких заключенных — на всякий случай. Нет. Времени нет. Учитывая попутный ветер, этот корабль может, не потяя, уйти настолько, что его ни на каком дирижабле не догонишь. Возможно, уже слишком поздно начинать погоню. А если нет? Хм... Атака была бы рискованна. Узкий легкий корпус — плохая цель для парашютного десанта, а поскольку на корабле паруса и мачты... Подожди. Смелые всегда найдут путь. А что, если их взять на abordаж сверху? Если оснащение поломается, это будет еще лучше. Если на веревку укрепить груз, ее можно без труда спустить на палубу. А если зацепить корабль крючьями, отряд сможет спуститься по веревкам на стены. Моряки, конечно, тоже шустрые, но приходилось ли им когда-нибудь иметь дело с мериканской грозой, разрывавшейся на высоте в милю?

Он мог вести бой, импровизируя по ходу. Уж в самом крайнем случае, хотя бы, любопытно попробовать! А в лучшем, он родится в следующей жизни покорителем всего мира — в награду за то, что сделал в этой.

Он радостно рассмеялся вслух.

— Мы это сделаем.

Трезва встала.

— Ты пощадишь город? — хрипло прошептала она.

— Я ничего такого и не обещал, — возразил Локланн. — Разумеется, из-за груза, который сейчас на корабле, у нас не останется места для большинства пленников. Если, хм, если мы не решим дать кораблю дойти с грузом по морю до Калифорнии, чтобы встретить его там. А что, почему бы и нет?

— Ты — клятвопреступник, — сказала она, вложив в это слово все свое презрение.

— Я обещал лишь одно — не продавать тебя, — напомнил Локланн. Он смерил ее взглядом с головы до ног. — Я и не продам.

Шагнув вперед, он притянул ее к себе. Она отбивалась, ругаясь; ей даже удалось выхватить у него из-за пояса нож Руори, но его кожаный жилет задержал лезвие.

Наконец он поднялся. Она рыдала у его ног, на ее груди были красные следы от цепи отца. Он тихо сказал:

— Я не продам тебя, Треза, я буду держать при себе.

* * *

— Дирижабль!!!

Крик дозорного минуту раздавался в пустоте, среди ветра и открытого моря. Внизу, под грот-мачтой он слился с топотом ног членов экипажа, разбегавшихся по своим постам.

Руори вглядывался на восток. Он видел полосу земли, а над ней голубоватые горы кучевых облаков. Он не сразу заметил противника в огромном небе. Наконец солнце указало его. Он поднял бинокль. Два раскрашенных судна летели наперерез на высоте в милю над уровнем моря.

Он вздохнул.

— Всего два.

— И этого может оказаться для нас слишком много, — возразил Ател Хамид. По его лбу тек обильный пот.

Руори пристально взглянул на своего помощника.

— Ты же их не боишься? Должен сказать, что суеверный страх противников им на руку.

— О нет, капитан, принцип плавучести известен мне не хуже, чем вам. Но они — крутые воины! И на этот раз они нападают на нас не в порту, они в своей стихии.

— Как и мы. — Руори похлопал собеседника по спине. — Принимай управление. Одной Танароа известно, что должно произойти, но ты полагайся на свой рассудок, если меня убьют.

— Я бы хотел, чтобы ты сейчас отпустил меня. Мне не нравится оставаться здесь в безопасности. Меня беспокоит то, что произойдет в небе.

— Здесь не так уж безопасно, это должно тебя утешить. И потом, кто-то должен довести эту посудину домой, чтобы передать наши отчеты в Геоэтническое исследовательское общество.

Он сбегал по лестнице на палубу и направился к вантам грот-мачты. Вокруг него шумела команда, блестело на солнце оружие. Два воздушных змея были наготове: принайтованные к тумбе, они шелестели туго натянутым холстом. Руори пожалел, что у них не было времени наделать их побольше.

Но даже так, он медлил больше, чем стоило бы, вначале вышел далеко в море, а затем медленно двинулся назад, заставляя противника себя поискать, пока он готовился к бою, а точнее, планировал бой. Когда от отпускал Трезу, он не имел определенного плана, а лишь знал, что они каким-то образом смогут сразиться. Если считать, что пиратов вообще удастся заманить, существовал еще риск, что они потеряют терпение и повернут назад. Вот уже час он медлил под стеньгой и парой летающих кливеров, надеясь, что люди Неба окажутся достаточно несведущи в мореплавании и не поймут, что для такой хорошей погоды он использует слишком мало парусов.

Но вот они наконец приближаются, и хватит укорять себя за судьбу конкретной девушки. Такие эмоции были нехарактерны для островитянина: обнаружить, что ты направляешь их на какую-то определенную особу, одну из миллионов, живущих на земле, было ужасно. Руори полез по выбленке, словно спасался бегством.

Дирижабли все еще были высоко, они летели, используя бриз в верхних слоях. Здесь, внизу, ветер был почти точно южный. Воздушный флот был более неуклюж в управлении, и спуститься прямо на *Дельфина*, когда дирижабли находились непосредственно над ним, было бы невозможно. В любом случае *Дельфин* мог увернуться от их неловкой атаки.

Но *Дельфин* не собирался это делать.

Снасти были теперь укреплены вооруженными матросами. Руори подтянулись, уселся на салинг стеньги и стал небрежно болтать ногами. Корабль подталкивал шквалистый ветер, а он сидел наверху, глядя в голубовато-зеленую, подернутую белой пеной, бесконечность. Слегка балансируя, даже не замечая этого, он спросил Хити:

— Ты устроился?

— Ага.— Великан-гарпунщик, тело которого играло мышцами, испещренными татуировками, кивнул бритой головой. К свайке, около которой он сидел на корточках, была принайтована корабельная катапульта, заряженная таким железом, которое убило бы кита-вожака одним ударом. Еще пара гарпунов лежала про запас. За Хити стояли два его помощника и четверо палубных матросов, в их руках были гарпуны помельче, со стержнем всего в шесть футов, такие забрасывали с корабля вручную. От всех тянулись к носу лесы.

— Ну, теперь пусть подойдут.— Полная широкая физиономия Хити расплылась в улыбке.— Пусть Нан съест весь этот мир, если нам не будет случая потанцевать, радуясь этой победе, когда мы вернемся домой.

— Если вернемся,— вставил Руори. Он прикоснулся к топору, прикрепленному у его бедра. Он представил себе родину, где под луной играли огромные белые барашки волн, и люди танцевали веселые танцы, а парочки прятались в тени пальм. Он подумал, понравился ли бы его остров дочери мейканского кальде... если ей, конечно, не перерезали горло.

— Что-то ты загрустил, капитан,— заметил Хити.

— Люди будут умирать,— ответил Руори.

— Ну и что? — Маленькие добрые глаза внимательно изучали его лицо.— Они готовы умереть, если так надо, ради песни, которую о них сложат. У тебя на сердце какая-то другая печаль.

— Оставь меня в покое!

Гарпунщик, явно обиженный, замолчал. Дул ветер, и под солнцем переливался океан.

Воздушные пираты приблизились. Они подлетят с двух

сторон. Руори вытащил мегафон. Ател Хамид ровно держал курс.

Теперь Руори увидел ухмылку Бога, прикрепленного к носу дирижабля. Дирижабль шел в небольшом расстоянии от стены, немножко с наветренной стороны... В небо полетели стрелы, посылаемые импульсивно, но они не попадали. Однако люди оставались спокойными, никто не стал тратить ружейных патронов. Хити взялся за свою катапульту.

— Подожди, — сказал Руори, — лучше посмотрим, что они задумали.

Над ограждением галереи дирижабля показались головы в шлемах. Пираты выходили друг за другом, один, второй, третий, раскручивали и кидали железные абордажные крючья. Руори видел, как один зацепил фок-мачту, другой ударил по кливеру... Веревка, которой его прицепили к дирижаблю, натянулась, но не лопнула, она была из кожи... Кливер сломался, хлопнула парусина, одного моряка ударило в живот и отбросило на целый ярд... Он поднялся на ноги, выпрямился и нырнул напрямик в чистую воду. Лезус, сделай так, чтобы он остался жив... Крючья все летели, один зацепил гафель, дерево подалось, застонало... Корабль задрожал, повисая на веревках... Он далеко накренился, так как его утягивала система рычагов. Его паруса хлопали. Пока не было опасности захвата, но мачту могли испортить. А теперь на галерею высыпали пираты. С мальчишечьим визгом они стали спускаться по веревкам и цеплялись за любые снасти, попадавшие им под руку.

Один из них как обезьяна спрыгнул на гафель грот-мачты, под салинг. Помощник гарпунщика выругался, взялся за свое оружие и прицелился в пирата.

— Подожди, — остановил его Хити. — Нам это железо еще потребуется.

Руори оценивал положение. Дирижабль, находившийся с подветренной стороны, все еще маневрировал около своего напарника, которому ветер дул в бок. Руори приставил мегафон ко рту и усилитель на солнечных батареях закричал:

— Слушай мою команду! Второго противника — сжечь, пока он не пошел на abordаж. У себя перережьте веревки от всех крючьев и перебейте всех abordажников.

— Стрелять? — спросил Хити. — У меня никогда не будет лучшей мишени.

— Ага.

Гарпунщик выстрелил из катапульты. Она развернулась с громоподобным звуком. Колючая проволока впилась в бок гондолы, пробив его насквозь, и ушла концом куда-то в переплетения каркаса.

— Пробил! — заревел Хити. Его руки, напоминавшие лапы гориллы, ухватились за рукоять рычага. Подскочили двое и начали ему помогать.

Руори соскользнул по вантам футтока и вспрыгнул на гафель. Там приземлился еще один пират, потом третий, за ним — еще пара. Тот, кто попал на перекладину, был босиком, он балансировал не хуже матроса, вытаскивая шпагу. Руори упал, когда мимо него просвистел клинок. Он ухватился одной рукой за громмет мейнсейла и повис на нем, рубя своим топором по веревке abordажного крюка. Пират нагнулся и ткнул в его сторону ножом. Подумав о Трезе, Руори ударил его топориком в лицо и скинул вниз, на палубу. Он снова принялся за веревку. Кожа была прочная, но его нож — острый. Веревка разорвалась и с пронзительным свистом отлетела. Гафель высвободился, Руори чуть не разжал пальцы. Второй человек Неба свалился вниз и ушел в море, выплеснувшее множество брызг. Те, кто держались за веревку, соскользнули к ее концу. Один из них не смог остановиться, и его поглотило море. Другой разбился о топ мачты, пока болтался как маятник. Руори уселся верхом на гафель и так сидел, наполняя воздухом горящие легкие. Вокруг кипел бой, на вантах и перекладах и внизу, на палубах. Второй дирижабль подлетел поближе. С кормы поднялся воздушный змей, подгоняемый ветром несущегося корабля. Ател нараспев дал команду, и кормчий повернул руль. Хотя *Дельфину* и мешали крючья, он отреагировал отлично, так как был сконструирован с учетом законов гидродинамики. Воздушный змей, намазанный китовым маслом, прилип к дири-

жаблю на некоторое время, которого оказалось достаточно, чтобы от горящей бумаги огонь по его леске поднялся к корпусу.

Дирижабль отшатнулся, змей упал, порох, которым он был заряжен, взорвался, не причинив воздушным пиратам вреда. Ател выругался, отдавая новые команды. *Дельфин* повернул на другой галс. Второй змей уже висел в воздухе и горел, он поразил цель. Она сдетонировала.

Водород со свистом хлынул наружу. Дирижабль внезапно охватило пламя. Против солнца оно казалось странно бледным. Стал подниматься дым, — это плавился пластик, из которого были сделаны отдельные ячейки для газа. Дирижабль упал в воду, как метеорит.

Второму судну не оставалось ничего, как отпустить веревки абордажных крючьев, оставляя на борту корабля часть экипажа. Капитану пиратов было неизвестно, что у *Дельфина* всего два воздушных змея. В сторону пиратов мстительно устремилось несколько катапультных ударов. Итак, маврайский корабль освободился и выправил курс.

Враг мог отступить и вернуться в порт, а мог планировать новую атаку. Руори не хотел дать ему ни одной из этих возможностей. Он крикнул в мегафон:

— Прикончить их! — и ринулся вниз, на палубу, где продолжался бой.

Отряд Хити уже выстрелил в гондолу три главных гарпуна и полдюжины помельче. Их лесы натянулись, привязав цепные линии дирижабля к шпилью на носу корабля. Теперь было нечего бояться излишнего напряжения. Подобно всем маврайским судам, *Дельфин* делали с таким расчетом, чтобы в плавании его экипаж питался морскими продуктами. Ему случалось тащить за собой здоровых китов; по сравнению с ними дирижабль был чуть ли не пушинкой. Значение здесь имела скорость, время, которое потребуется пиратам, чтобы осознать, что происходит, и освободиться, перерезав лесы.

«*Тохиб*, *тохиба*, *итоки*, *итоки*» — запели моряки старую песню лодочников, приплясывая на корме. Руори спрыгнул на палубу, заметил, как пират с *Каньона* бьется с

его матросом, шпагой против дубинки, и треснул парня сзади по голове, как сделал бы это, окажись перед ним любой хищник. (Потом он с удивлением спросил себя, как мог так подумать о человеке.) Битва быстро подходила к концу; у людей Неба не было шансов. Но полдюжины федератов были тяжело ранены. Руори захихнул нескольких выживших пиратов в лазарет, а своих раненых предоставил действиям Донит, анестетиков и антибиотиков. Затем он быстро стал готовить команду ко второй фазе.

Дирижабль почти подтащили к бушприту. Он так накрепился, что его катапульты оказались бесполезными. Пираты выстроились на палубе своей галереи, ругаясь и потрясая оружием. По численности они превосходили команду *Дельфина* в три-четыре раза. Руори узнал одного из них — того высокого, желтоволосого, с которым они бились у стен дворца; у него возникло недоброе, сверхъестественное чувство.

— Сожжем их? — предложил Ател.

Руори сморщился

— Пожалуй, придется. Постарайся не поджечь само судно. Ты же знаешь, оно нам нужно.

Луч заскользил туда-сюда, его движение сопровождалось хриплыми криками островитян. Из керамического сопла вылетало пламя. Дым, вонь, человеческие вопли и то, что предстало из взору, когда Руори приказал прекратить огонь, заставило бы содрогнуться и бывалого корсара. Мавраи были несентиментальным народом, но они не любили причинять боль.

— Брандспойт! — приказал Руори. Потоки воды пролились благословением. Корзина, начавшая было гореть, с шипением потухла. На дирижабль полетели абордажные крючья. Пара юнг кинулась впереди взрослых мужчин, чтобы первыми полезть по лесам. На галерею их встретили без сопротивления. Те пираты, которые не пострадали (таких было большинство), валялись у них под ногами. На дирижабль стали перебираться островитяне, которые занялись сбором пленников.

Несколько людей Неба выскочило из-за двери, размахивая оружием. Среди них Руори заметил светловолосого

пирата с его кинжалом в левой руке, бежавшего навстречу. Правая рука у него казалась совсем бесполезной.

— Каньон! Каньон! — повторял он как заклинание свой воинственный клич.

Руори, отступив в сторону, подставил ногу. Блондин растянулся во весь рост. Когда он упал, Руори бросил в него топор, так чтобы тот пришелся ему древком по шее. Пират вздрогнул, попытался подняться, но не смог, лишь перевернулся навзничь.

— Отдай мне мой нож. — Руори присел перед ним на корточки, снял с пирата его кожаный пояс и стал его отстегивать. Пират взглянул на него помутневшими глазами, в которых читалась мольба.

— Разве ты не убьешь меня? — пробормотал он на спаньоль.

— Харисти, конечно, нет, — удивился Руори. — Зачем?

Он встал и выпрямился. Последнее сопротивление было сломлено. Дирижабль принадлежал ему. Он открыл дверь, за которой, по его предположениям, находилось то, что на дирижабле эквивалентно по назначению капитанскому мостику.

Он застыл неподвижно, слыша только шум ветра да собственной крови.

Перед ним предстала Треза. Она протянула к нему руки, как слепая, и ее глаза смотрели сквозь него.

— Ты здесь, — произнесла она пустым, безжизненным голосом.

— Донита! — растерялся Руори. Он поймал ее за руки. — Донита, если бы я знал, что ты здесь, я бы никогда... не рискнул бы...

— Почему ты нас не сжег и не потопил, как другой корабль? — спросила она. — Почему его надо возвращать в город?

Она вырвалась из его рук и, спотыкаясь, пошла на палубу. Та колебалась у нее под ногами. Она упала, поднялась на ноги, осторожно, босиком подошла к ограждению и устремила взгляд на океан. Ее волосы и разодранная одежда трепетали на ветру.

Управление дирижаблем требовало навыков. Руори заметил это, наблюдая, как неуклюже управляют им тридцать человек, откомандированных им на воздушное судно. Опытный воздушный навигатор на глаз определял тяги и воздушные потоки, ему было достаточно для этого взглянуть на землю или на водную гладь, простирающиеся внизу. Он решал, на каком уровне лучше ветер, мог без толчков снижаться и подниматься, даже лететь против ветра, хотя это был медленный и трудный процесс.

Однако часа оказалось достаточно, чтобы освоить основные принципы. Руори вернулся на капитанский мостик и стал командовать через мегафон. В конце концов им удалось пойти на снижение. Взглянув вниз, он разглядел *Дельфин* с грузом и военнопленными, следовавший малым ходом. Ему и другим аэронавтам пришлось выслушать много добродушных шуток насчет их небесного тихиходства. Руори они не веселили, и он не придумывал остроумных ответов, как сделал бы это еще вчера. За его спиной была Треза.

— Ты знаешь, как называется этот корабль, Донита? — спросил он, чтобы нарушить тишину.

— Он его называл *Буффало*, — ответила она, словно издалека, совершенно равнодушно.

— А что это такое?

— Дикое животное.

— Он, наверное, разговаривал с тобой, пока вы нас искали. Он говорил что-нибудь интересное?

— Рассказывал о своем народе. Хвалился вещами, которые у них есть, а у нас нет... двигатели, энергии, сплавы... Как будто от этого они перестают быть шайкой грязных дикарей.

Наконец она хоть немного оживилась. Ему уж показалось, что она желала бы, чтобы ее сердце остановилось; но он вспомнил, что не видел у мейканцев этого столь распространенного среди мавраев явления.

— Он тебя очень обидел? — спросил Руори, не глядя на нее.

— Это не считают обидой, — с жаром возразила она. —

А теперь, оставь меня в покое, ради всего святого.— Он услышал, как она пошла прочь, в соседний отсек.

Что ж, в конце концов, они убили у нее отца. От этого кто угодно будет горевать, в любом уголке мира, но она, наверное, огорчается больше, чем сделал бы это он. Ведь мейканского ребенка растят родители, он не проводит половины жизни со случайными родственниками, ест, и играет, и спит не по чужим домам, в отличие от большинства детей островитян. Поэтому ближайшие родственники важнее для мейканца. По крайней мере, это было единственное объяснение мрачности, охватившей Трезу, до которого смог додуматься Руори.

Показался город. Они увидели в небе оставшиеся невредимыми дирижабли противника. Три против одного... Да, сегодняшний день войдет в легенду у людей Моря, если им повезет. Руори знал, что испытает то же всепоглощающее удовольствие, которое известно серфингисту или бойцу с акулами, или тому, кто выходит на парусной лодке в тайфун, любому сорвиголове, который занимается опасным спортом, приносящим ему славу и успех у девушек. Он услышал, как распевают его матросы, отбивая военные ритмы руками и притопывая в такт. Но его сердце принадлежало Антарктике.

Приближался один из дирижаблей противника. Руори попытался встретить его профессионально. Он нарядил свою команду в трофейные костюмы аэронавтов. На первый взгляд они могли сойти за каньонитов, умаявшихся в бою, если бы не захваченный маврайский корабль у них под ногами.

Когда северяне неторопливо, как было принято у аэронавтов, приближались, Руори, подняв мегафон, крикнул своим:

— Притормозите и стреляйте, когда мы выпустим луч.

— Ага,— отозвался Хити.

Через минуту капитан услышал, как зарокотала катапульта. В иллюминатор он увидел, как снаряд попал гондоле в бок.

— Поосторожнее, нам он нужен вместо змея, но чтобы мы сами не сгорели.

— Ладно. Я и раньше попадал в рыбу-меч,— слышался смех Хити.

Противник, растерявшись, отклонился от курса. Катапульты нанесли несколько ударов, один попал в цель, зацепил дирижабль, но одна пробитая газовая ячейка дела не меняла.

— Развернитесь. Нет смысла направлять луч на дальнейшее расстояние.— Оба судна пошли по ветру, хлопая парусами. И тут сработал змей, изготовленный на обратном пути. На этот раз у него были рыболовные крючки. Он цепко закрепился на воздушном шаре каньонитов.— Поджигай,— скомандовал Руори. Огонь побежал по леске змея. Через несколько минут он жег противника. В небо сыпалось несколько парашютов.

— Осталось два,— сказал Руори, и в его голосе не было триумфа, переполнявшего его матросов.

Захватчики были не дураки. Оставшиеся два дирижабля повернули к городу, не желая пострадать ни от огня, ни от воды. Один из них спустился, выбросил стальные тросы и быстро направился к площади. Руори разглядел в бинокль толпившихся там вооруженных мужчин. Другое судно, на котором явно была только дежурная команда, сделало маневр вперед, к *Буффало*.

— Этот парень наверное хочет задержать нас,— предупредил Хити.— А тем временем второй дирижабль спустится, заберет на борт человек двести солдат, подлетит к нам и высадит на борт.

— Знаю,— кивнул Руори.— Пойдем им навстречу.

Он направил свой корабль, словно хотел вплотную приблизиться к судну с малочисленным экипажем. Тот не стал увертываться — вопреки опасениям Руори; видимо, храбрость вменялась людям Неба в обязательные добродетели. Он двинулся навстречу схватке во весь опор. Если завяжется бой, другой корабль получит время спуститься, чтобы привезти подкрепление. Противник приблизился чуть ли не вплотную.

— А теперь в них надо посеять страх,— решил Руори.— Огненные стрелы,— распорядился он. На палубе в маленькие цилиндры закладывали пистоны из твердой

древесины и поджигали трут на дне. Так разжигали пропитанные нефтью стержни. Когда враг оказался достаточно близко, лучники *Буффало* стали посылать на него свои красные кометы.

Если бы этот план не сработал, Руори бы остановился. Он не хотел жертвовать своими воинами в рукопашной схватке. Он бы предпочел сжечь вражеский корабль издалека, хотя по его стратегическому плану тот был ему нужен. Но моральный эффект от только что совершившегося несчастья еще действовал. Когда огненные стрелы стали вонзаться в обшивку гондолы, такая обманная тактика, неизвестная никаким северным каньонитам, сработала, хотя они и были достаточно вооружены, чтобы отразить нападение. Каньониты ударились в панику и стали прыгать за борт. Может быть, уже спускаясь на парашютах, некоторые из них заметили, что стрелы вовсе не направлялись в воздушный шар.

— Быстро на бордаж. Гаси огонь.

Крючья перекидывались точно. Дирижабль застыл относительно неподвижно. Люди стали перелезать на галерею соседнего судна, слышался плеск воды.

— Половина команды — на захваченное судно. Готовьте спасательные веревки и скрепляйте дирижабли.

Он отложил мегафон. Позади скрипнула дверь. Руори повернулся и увидел Трезу, вернувшуюся на капитанский мостик. Она была по-прежнему бледна, но причесалась и ее голова была теперь высоко поднята.

— Еще один, — сказала она почти радостно. — У них остался только один корабль.

— Но в нем будет полно солдат. — Руори с жаром воскликнул: — Как я жалею, что разрешил тебе не возвращаться на *Дельфин*. Я как следует не подумал. Это было слишком опасно.

— Ты думаешь, это для меня имеет какое-то значение? — сказала она. — Я — Карабан.

— Но это имеет значение для меня.

Высокомерие покинуло ее, она мимолетно прикоснулась к его руке, и у нее на щеках выступил румянец.

— Прости меня. Вы так много для нас сделали. Нам никогда вас за это не отблагодарить.

— Способ есть, — возразил Руори.

— Назови его.

— Не останавливай свое сердце только из-за того, что оно было ранено.

Она посмотрела на него с некоторым изумлением.

У наружной двери вырос его боцман.

— Все готово, капитан. Мы зависли на тысяче футов, у каждого из двух клапанов стоит по человеку.

— Каждому досталось по спасательной веревке?

— Ага. — Боцман удалился.

— Тебе одна тоже понадобится. Пошли. — Руори схватил Трезу за руку и повел на галерею. Они увидели, что вокруг — небо, легкий ветерок щекотал их лица, а палуба под ногами шевелилась, будто живая. Он указал на множество тонких канатов, прикрепленных к ограждению. — Мы не можем рисковать спускаться на парашютах без должной подготовки, — пояснил он. — Но ты не умеешь слезать и по таким веревкам. Я привяжу тебя так, чтобы ты была в безопасности. Ты будешь спускаться, перебирая руками. Когда встанешь на землю, отрежешь веревку. — Он отрезал ножом несколько кусков веревки, связал их вместе со сноровкой бывалого моряка. Когда он привязывал Трезу, та напряглась всем телом.

— Но я же тебе друг, — пробормотал он. Она расслабилась и даже смущенно улыбнулась. Он дал ей свой нож и пошел назад.

А теперь приближалось последнее пиратское судно. Оно было уже рядом. Два дирижабля Руори не пытались бежать. Он видел, как солнце играет на металлических деталях, знал, что на глазах у этих людей зря погиб один экипаж, и их теперь не заставишь покинуть свой корабль, даже если вокруг все будет полыхать, они укроются внутри. В случае чего, они подожгут его корабль, а сами спустятся на парашютах. Он не стал осыпать их стрелами. Когда до дирижабля противника оставалось всего несколько морских саженьей, он крикнул:

— Открыть клапаны!

Газ полился из шаров. Дирижабли, скрепленные между собой, стали стремительно снижаться.

— Огонь! — скомандовал Руори. Хити прицелился из своей катапульты и послал гарпун с якорной цепью, который вонзился в днище вражеского судна. — Поджигайте и уходите!

На палубе люди подожгли нефть, которая была разлита заранее. Взметнулось пламя. Каньонский корабль, который тянули вниз два других судна, с почти выпущенным газом начал падать. На высоте пятисот футов спасательные канаты оказались над плоскими крышами домов и потянулись по улицам. Руори подошел к борту. Когда он спускался, веревка обожгла ему ладони.

Он не слишком торопился. Загарпуненный дирижабль выпустил сжатый водород и взлетел со своим грузом на тысячу футов, ища места в небе. Вероятно, никто еще не видел, что груз — в огне. Им ни в коем случае так просто не отделаться от железных пут, накинутых на них Хити.

Руори смотрел вверх. Горение было бездымным, ветер раздувал пламя, получилось маленькое зловещее солнце. Руори не рассчитывал, что пожар станет для противника полной неожиданностью. Он думал, что солдаты все же спустятся на парашютах и попадут под атаку мейканцев. Он почти хотел предупредить их.

Но в конце концов огонь добрался до водорода, остававшегося в спущенных шарах. Послышался громкий хлопок. Верхнее судно превратилось в летучий погребальный костер. Ветер погнал его на городские стены. Нескольким фигуркам, издали походившим на муравьев, удалось все же спрыгнуть. Один из парашютов горел.

— Пресвятая Мари, — прошептала Треза, пряча лицо на груди Руори.

* * *

Когда спустилась темнота, во всем дворце зажгли свечи. Но они не могли украсить эти комнаты с голыми, обезображенными грабителями стенами и закопченными потолками. Стража, заполнявшая тронный зал, была усталой и

изможденной. В С'Антоне тоже не чувствовалось ликования. Там было слишком много мертвых.

Руори сидел на троне кальде, Треза — справа от него, а Паволо Доноху — слева. До избрания нового правительства в их руках оставалась власть. Дон сидел подчеркнуто прямо, не давая склониться своей перебинтованной голове; но иногда его веки тяжелели и опускались. Треза смотрела на происходящее огромными глазами из-под капюшона плаща, в который она завернулась. Руори чувствовал себя непринужденно, он испытывал некоторое облегчение оттого, что бой кончился. Бои были тяжелые, даже после того, как городские войска пошли в наступление, преследуя отходящего противника. Слишком многие люди Неба бились до смерти. Сотни пленников, захваченных при первом удачном ударе мавраев, представляли потенциальную опасность: никто не знал, что с ними делать.

— Но по крайней мере, мы с ними покончили, — сказал Доноху.

Руори покачал головой.

— Нет, С'ньюр. Мне очень жаль, но конца этим вылазкам не видно. На севере есть тысячи таких кораблей и множество голодного народа. Они придут снова.

— Мы дадим им отпор. В следующий раз, капитан, мы будем готовы. Усилим гарнизон, заготовим воздушные шары, змеи, поставим пушки, стреляющие вверх, может быть, заведем собственный воздушный флот... Мы же можем научиться.

Треза пошевелилась. В ее голосе снова была жизнь, хотя и полная ненависти.

— В конце концов, мы перенесем войну к ним. В горах Корато не останется ни одного разбойника.

— Нет, — возразил Руори. — Этого не должно быть.

Она резко обернулась и окинула его взглядом из-под своего капюшона. Потом она сказала:

— Правда, мы должны любить наших врагов. Но это не относится к людям Неба. Они бесчеловечны.

Руори обратился к пажу.

— Пошлите за их начальником.

— Чтобы он выслушал наш приговор? — спросил Доноху. — Его надо объявить публично, при всем народе.

— Мы только с ним поговорим, — возразил Руори.

— Я тебя не понимаю, — забеспокоилась Треза. Ее голос дрогнул, и ей не удалось передать им всю меру презрения. — После всего, что ты сделал, тебе вдруг отказывает мужество.

Он спросил себя, почему ему больно от ее слов. Он бы не обратил внимания, если бы их сказал кто-нибудь другой.

Привели Локланна, по обеим сторонам от него шли охранники. Руки у него были связаны за спиной, на лбу запеклась кровь, но и под пиками он шел, как победитель. Дойдя до подножия трона, он остановился, широко расставив ноги, и улыбнулся Трезе.

— Так, значит ты находишь этих, других, менее удовлетворительными, и решила снова пригласить меня.

Она вскочила и выкрикнула:

— Убейте его.

— Нет! — запротестовал Руори.

Стражники колебались, наполовину вытащив мачете из ножен. Руори встал и схватил девушку за запястье. Она вырывалась, царапаясь и шипя, как кошка.

— Ладно, не надо его убивать, — наконец согласилась она, так зло, что ее слова трудно было разобрать. — Не сразу. Мы сделаем это медленно, будем его душить, жечь живьем, подкидывать на копьях...

Руори крепко держал ее, пока она не встала спокойно.

Когда он ее отпустил, она села на свое место и разрыдалась.

В голосе Паволо Доноху прозвенела сталь:

— Я думаю, ты понял. Надо придумать подходящее наказание.

Локланн сплюнул на пол.

— Конечно, — сказал он. — Когда человек связан, с ним можно сделать кучу гадостей.

— Помолчи, — распорядился Руори. — Ты этим себе не поможешь. И мне — тоже.

Он сел, скрестив ноги и сплетя пальцы на колене, и

устремил взгляд прямо передо собой, в темень противоположного конца зала.

— Я знаю, что вы пострадали от того, что сделал этот человек, — осторожно начал он. — И вы можете ожидать, что его народ принесет вам новые лишения. Они — молодая раса, беспечные, как дети, такими были в юности и ваши, и мои предки. Вы думаете, становление Перио проходило без крови и боли? Если я правильно помню вашу историю, что, разве появление спаньольского народа на этой земле приветствовалось местными индиос? Инглиссы никого не убивали в Нв'Зеланнии, а мавраи изначально не были каннибалами? В эру героев у героев должны быть противники.

Ваше подлинное оружие против людей Неба — это не армия, высадившаяся в горах, пока не нанесенных на карту... А ваши священники, купцы, художники, ремесленники, манеры, моды, ученость — вот средства поставить их на колени. Именно их вам следовало бы использовать.

Локланн вздрогнул.

— Ты, дьявол, — прошептал он. — Неужели ты думаешь, что мы обратимся в веру этой бабы и дадим заточить себя в клетки городских стен? — Он затряс головой, которую венчала пышная грива, и во все горло заорал: — Нет!

— На это уйдет один-два века, — сказал Руори.

Дон Паволо улыбнулся в свою скудную юношескую бородку.

— Какая изысканная месть, С'ньор капитан.

— Слишком изысканная! — Треза вскинула лицо, отведя руки, которыми его закрывала, глотнула воздух и вытянула вперед пальцы с длинными ногтями, словно целясь Локланну в глаза. — Даже если это было бы возможно, если у них есть души, то на что нам они, их дети и внуки... если сегодня эти дикари убивали наших детей? Перед Всемогушим Богом я, последняя из рода Карабанов, и мне принадлежит слово в Мейке, я обещаю: здесь их не ждет ничего, кроме истребления. Мы можем это сделать, клянусь. Нам помогут многие теккасцы — ради добычи. Я еще доживу до тех дней, когда загорятся ваши дома, вы,

свиньи, и за вашими сыновьями будут охотиться с собаками.

В безумном бешенстве она обернулась к Руори.

— Как еще спасти наши земли? Мы — в кольце врагов. Мы должны их уничтожить, у нас нет выбора, иначе они уничтожат нас. А мы последние во всей мериканской цивилизации!

Она, вся дрожа, откинулась назад. Руори потянулся, чтобы взять ее за руку. Пальцы были как лед. Импульсивно она ответила на рукопожатие, но потом вырвала у него свои пальцы.

Он устало вздохнул.

— Не могу согласиться — сказал он. — Мне жаль. Я понимаю, что ты чувствуешь.

— Нет, не понимаешь, — сказала она сквозь сомкнутые челюсти. — Это тебе недоступно.

— Но в конце концов, — продолжил он нарочито сухо, я не просто человек со своими желаниями, я здесь представляю свое правительство. Я должен проинформировать его о том, что здесь происходит, и могу предсказать его реакцию.

Они помогут вам отразить нападение. От такой помощи вы ведь не откажетесь? Те, кто отвечает за судьбу Мейки, не отвергнет наше предположение лишь для того, чтобы из каприза сохранить свою независимость, как бы вы сейчас ни спорили. И наши условия будут вполне разумны. Мы потребуем от вас, прежде всего, политики примирения и установления тесных отношений с людьми Неба, что случится, как только они устанут подставлять себя под удары наших объединенных сил.

— Что? — переспросил Локланн. Все остальные в зале молчали. Белки глаз сверкали из-под шлемов и капюшонов, все взгляды были обращены на Руори.

— Мы начнем с вас, — продолжал маврай. — В надлежащее время вы и ваши товарищи будут отправлены домой с сопровождением. Выкуп за вас будет заключаться в том, что вы пустите к себе дипломатическую и торговую миссии.

— Нет, — запротестовала Треза, словно ей было больно говорить. — Только не он. Если нужно, возвращайте других, а этого... чтобы он хвалился тем, что сегодня сделал...

Локланн снова ухмыльнулся, глядя на нее в упор.

— Уж я похвалюсь,— пообещал он.

Глаза Руори вспыхнули гневом, но он промолчал.

— Я не понимаю,— вступил в разговор Дон Паволо.— Почему вы делаете поблажки этим дьяволам?

— Потому что они цивилизованнее вас,— пояснил Руори.

— Что? — Дворянин вскочил на ноги, хватаясь за шпагу.— Я требую объяснения, С'ньор.— Он сел, вся его фигура застыла в напряжении.

Руори не видел лица Трезы, которая создала себе свою собственную ночь под сенью капюшона, но он чувствовал, что девушка теперь от него дальше, чем звезда.

— Они построили воздушный флот,— начал он, поворачиваясь на своем кресле, он был измучен и не торжествовал от своей победы... *О великая Танароа, дай мне заснуть сегодня ночью!*

— Но...

— Это было сделано на пустом месте,— пояснил Руори.— Они не повторяли технологии древних. Люди Неба начинали беженцами. Но они создали сельское хозяйство, и теперь страна, где раньше не было ничего, кроме голой пустыни, может посылать в военные походы тысячи воинов, при этом она обходится без рабского труда пеонов. На допросе выяснилось, что они используют солнечную энергию и у них построены гидроэлектростанции, они научились синтезировать различные вещества, у них развита навигация, а она, как известно, основывается на достижениях в математике. У них есть металлургия, порох, аэродинамика... Да, я согласен, это кривобокая цивилизация: тонкий слой учености, который опирается на безграмотную основную массу. Но даже эта масса может пользоваться достижениями технологии, иначе они не достигли бы такого прогресса.

Короче говоря,— закончил он, спрашивая себя, способна ли она его понять,— люди Неба — это раса ученых, единственная, кроме нашей, которую мавраям удалось обнаружить в мире. А это делает их чересчур ценными, чтобы мы дали их так просто уничтожить.

— У вас здесь лучше манеры, гуманнее законы, выше развито искусство, шире — мировоззрение, есть все традиционные добродетели. Но вы чужды науке. Вы используете истрепавшиеся знания, доставшиеся вам по наследству от предков. Поскольку больше нет ископаемых источников топлива, вы применяете мускульную силу: это неизбежно требует существования большого класса пеонов, который вы и имеете. Железо и медь в руде кончились, и вы достаете их из старых развалин.

В вашей стране мне не пришлось видеть исследования возможностей силы ветра, солнечной энергии или энергии живой клетки, не говоря уже о теоретической возможности получения водородной энергии без первичного расщепления урана. Вы делаете ирригационные каналы в пустыне, хотя освоение моря потребовало бы в тысячу раз меньших усилий, но вы так и не попытались усовершенствовать технику рыболовства. Вы не провели исследований с алюминием, которого по-прежнему много в глиноземе; ваши крестьяне используют орудия из дерева и вулканического стекла.

О нет, вы не глупы и не суеверны. Чего вам недостает, так это способа добывать новые знания. Вы хорошие люди, благодаря вам наш мир лучше и чище; я люблю вас так же сильно, как ненавижу этого дьявола, стоящего здесь перед нами. Но в итоге, друзья мои, если вы окажетесь предоставлены сами себе, вы грациозно соскользнете назад, в каменный век.

К нему возвращались силы. Он стал говорить громче, так, что его слова разносились по всему залу.

— Путь людей Неба — тернистое восхождение во внешний мир, к звездам. В этом отношении, а оно важнее всех остальных, люди Неба ближе нам, мавраям, чем вы. А мы не можем дать погибнуть своим родственникам.

Он продолжал сидеть в наступившей тишине, ощущая на себе самодовольный взгляд Локланна и напряженный — Доноху. Стражник переминался с ноги на ногу, поскрипывая кожаной амуницией.

Наконец из тени капюшона Треза тихо спросила:

— Это ваше окончательное слово, С'ньор?

— Да, — ответил Руори. Он повернулся к ней. Когда она наклонилась, капюшон чуть отодвинулся назад, так что ее лица коснулся свет свечи. И вид ее зеленых глаз и полуоткрытых губ вернул ему торжество победы.

Он улыбнулся.

— Я не надеюсь, что вы поймете меня сразу. Можно мне будет говорить с вами об этом позднее? Часто? Когда ты увидишь острова, я надеюсь...

— Чужеземец! — воскликнула она.

Ее ладонь резко обрушилась на его щеку. Она поднялась, и, пролетев по ступеням трона, выбежала из зала.

Прогресс

Вон они. Бычье мычание Кеануа еле слышно донеслось с наблюдательного поста на мачте, почти полностью утопая в скрипе перекладин и хлопанье парусов. Он мог сказать это и попросту спустившись, но лучше оставлять такой прием для настоящих чрезвычайных происшествий. Иначе об этом каким-нибудь образом могут пронюхать брахмарды.

Если только они уже не знают, подумалось Рану.

Для предстоящих событий день был слишком ясным. Мимо прокатывались крупные складки волн. Вода на их гребнях играла сотнями оттенков: от голубизны неба над головой до царственной полуночной синевы; впадины между волнами отливали то янтарем, то изумрудом. Сверху причудливо пузырилась пена. Вдали все это сливалось в единое великолепие неутомимого движения, купающееся в солнечном свете и простирающееся до горизонта. Волны бились и расплющивались, кидались на корпус корабля, где-то у Рану под ногами, отчего он чувствовал, как у него играют мышцы голени и бедер. Воздух был нежный, но в нем ощущались порыв и обильный привкус соли.

Хотелось бы Рано раствориться в этих мгновениях. Еще несколько минут ничего не должно произойти. Ему надо думать только о солнечных лучах, согревающих кожу, ветре, который ерошит ему волосы, голубых тенях на том облаке, поражающем своей белизной, лениво плывущем высоко в небе, где нет таких стремительных потоков воздуха. Когда придут бенегальцы, он вполне может погибнуть. Кеануа чувствовал себя уверенно, он не беспокоился, пока не настало время. Правда, Кеануа родом с Таити. Рану родился и вырос в Нв'Зеланнии: его маврайские гены слишком перемешались с раздражительными инглисскими. Эта примесь отразилась и на его облике: высокое и стройное тело, узкое лицо, нос клювом, каштановые волосы и редкостно голубые глаза.

Достав бинокль, он стал рассматривать воздушный корабль. Из задумчивости его вывело легкое прикосновение к плечу. Отпустив бинокль, он криво улыбнулся Ализабете Канукауаи.

— Все еще слишком далеко, ничего не разглядишь, — пояснил он. — Мешают стены. Но лезть вверх не стоит, ты не успеешь забраться до половины вантов, как они уже будут у нас над головами.

Вахиня кивнула. Она была небольшого роста, толстовата, но благодаря юному возрасту ее фигурка выглядела совсем неплохо в коротеньком пэп-пэп. Ее иссиня-черные кудри, обрезанные по мужскому фасону коротко, чуть ниже ушей, украшал цветок гибискуса из корабельного сада. В море не отратишь длинных кос, пусть даже на борту такого широкого тримарана, как этот. На некоторых кораблях у женщин не было других обязанностей, кроме ведения хозяйства. Но Ализабета была кибернетиком. Ассоциация корабельщиков Лоханнасо, к которой и она, и Рану принадлежали по крови, предпочитала иметь минимальный состав команд, так что всем приходилось совмещать специальности.

Это была одна из причин, по которой для сегодняшнего задания выбрали *Аورانги*. Техническое образование Ализабеты было невозможно скрыть от брахмардов. Глаза, наторевшие в подозрительности, заметили бы массу мелких

признаков ее профессии во всем ее поведении, на котором отложились годы, проведенные в занятиях математической логикой, физикой и теорией машин и механизмов. Но это было вполне естественно для девушки, принадлежащей к Лоханнасо.

Более того, если дело не выгорит, будут принесены в жертву лишь три жизни. На некоторых торговых судах было целых десять канак-моряков и по три вахины на борту.

— Я, пожалуй, вернусь к радио,— сказала Ализабета.— Они, может быть, захотят выйти на связь.

— Сомневаюсь,— заметил Рану,— если они не собираются попросту атаковать нас сверху, то спустятся. Когда мы с ними разговаривали раньше, они так и сказали. Но тебе действительно лучше постоять там.

Он проводил ее взглядом, в котором читалось явное удовольствие. Обычно в культурах людей Моря деловые женщины считались противоестественными, это были особы дамского пола, для которых собственные дом и дети становились случайным эпизодом в жизни — и то, если они решали их завести. Но Ализабета прекрасно готовила, с ней было весело, а ночью под луной с ней было не хуже, чем с семнадцатилетней девчонкой, подписавшей контракт, чтобы посмотреть мир, пока не обзавелась семьей. И кроме того, с ней было ужасно интересно поговорить. Она проявляла такую тонкость в интерпретации шаткой этнополитической ситуации, что можно было подумать, будто она специализируется на психодинамике.

Любопытно, не в первый раз пришло в голову Рану. Брак, может быть, удался бы. Почти неслыханно, чтобы моряк, даже шкипер, держал при себе постоянную женщину. И дети... Все же такое бывало, и не раз.

Она скрылась за резной перегородкой радиорубки, на потолке, обработанном составом от паразитов, ветвилась и благоухала буганвилья. Рану резко переключил мысли на то, что происходило вокруг.

— Если мы выберемся из этой переделки живыми, у меня еще будет время обдумать личные планы.

Показался дирижабль. Акулообразный воздушный шар в длину не менее ста метров, плавники управления расто-

пырились, как крылья сказочной птицы рук. К шуму ветра прибавился тихий гул пропеллера. На боках были нарисованы символы, бог Шива, золотой символ брахмардской сиентократии: разрушение и возрождение.

Возрождение илц... Вот это-то мы и узнаем.

Аоранги шла по ветру, но не очень быстро, ее паруса и крылья были развернуты под фантастическими углами. Дирижабль легко ее нагнал и стал сбавлять высоту, пока не снизился почти до уровня палубы. Метрах с двадцати Рану увидел головы в чалмах и туники со стоячими воротниками, людей заполнивших смотровую веранду правого борта. Кеануа, спустившийся со своего наблюдательного поста на мачте, поспешил на левый борт и уселся подле одной из тумб. Он стянул с себя рубаху, — даже таитянину требуется защита от тропического солнца, нещадно палящего на высоте, где уже нет тени от парусов, и помахал ей, чтобы привлечь внимание. Рану заметил, как человек на диражбле кивнул и стал отдавать распоряжения.

Кеануа заработал аварийным рулем. Раздался гулкий стук. Катапульта на носу дирижабля выпустила гарпунный крюк. Стрелок оказался первоклассным: первый же крюк намертво вонзился в грузовую стропу. Крюк крепился на две лесы. Кеануа, толстяк с густыми татуировками на плоской жизнерадостной физиономии, втащил крюк на борт и закрепил один его конец. Второй он привязал к соседней тумбе. При помощи катапульты, бьющей по воздушной цели, он повторил это действие в обратном направлении. Итак, два судна были соединены.

В какой-то момент бенегальский пилот проявил неосторожность, дав канатам натянуться. *Аоранги* накренилась, и ее поволокло. В вышине прогремели паруса. Рану содрогнулся при мысли о напряжении на мачты и реи. Корабельный лес не был особенно дешев, несмотря на то, что рациональное лесоводство практиковалось уже несколько веков. (В его мыслях мгновенно возник образ такого леса — шелест листвы, солнечные блики на ветвях деревьев, опушка, с которой неожиданно открывался чудесный вид на овечьи пастбища и белеющий водопад: окрестности отцовского дома). Пилоту воздушного судна

было куда труднее проникнуться подобными чувствами, тем не менее он поспешно выправил положение.

Когда конфигурация была окончательно сбалансирована и бенегальский дирижабль оказался над *Аоранги* на высоте в несколько метров, по канату стало спускаться с полдюжины мужчин. Первый съехал на специальном сиденье, остальные просто соскользнули, зацепившись за канат изгибом руки и ноги. Каждый в свободной руке держал оружие.

Рану через палубу пошел им навстречу. Их начальник с достоинством поднялся со своего кресла. Он был невысокого роста, но держался прямо, как ружейный ствол. Штаны, туника, чалма сверкали под лучами солнца белизной. Лицо у него было заостренное, с плотно сжатыми губами, прятавшимися в седой бороде. Он официально кивнул.

— К вашим услугам, капитан, — сказал он на бенегальском варианте хинджи. — Ученый-администратор Индраварман Дхананда приветствует вас в этих водах. — Его тон был совершенно невыразителен.

Рану воздержался от инициативы рукопожатия, принятого в Маврайской Федерации.

— Капитан Рану Карело Макинтаиру, — представился он. Подобно многим морякам, он бегло говорил на хинджи. Его коллеги освоили этот язык на интенсивном курсе, который проходили несколько месяцев. Они приблизились, и Рану представил каждого: — Инженер-навигатор Кеануа Филипоа Джуберти; кибернетик Ализабета Канукауаи.

Дхананда обвел зорким взглядом корабль.

— А другие члены экипажа? — спросил он.

— Больше никого, — пояснил Кеануа. — Мы не попали бы в эту передрагу, если бы у нас были еще люди.

Бородатые солдаты в зеленой униформе тихо прохаживались, заполонив всю палубу. Некоторые заняли позиции, позволявшие убедиться, что за дверями кают никто не скрывается. Они не выразили восхищения по поводу превосходной деревянной резьбы, расписных экранов оккайдской работы, силуэта крыши, поражавшего силой и красо-

той изгиба. Их цивилизация была бесчеловечно-прагматичной. Рану заметил, что, кроме шпаг и телескопически выдвигающихся пик у них есть пара переносных пулеметов.

— Да, подумал он в легком ознобе. *Разведка Федерации не ошиблась. На этом острове скрывается нечто особо важное.*

Дхананда перестал его разглядывать. Было очевидно, что скудно одетым мавраям негде прятать оружие, кроме ножей.

— Вы извините нам наше кажущееся недоверие, капитан, — сказал брахмард. — Но побережье Бурума по сей день кишит пиратами.

— Я знаю. — Рану заставил себя улыбнуться. — На нашей палубе вы видите обычный набор оружия.

— Э... Из вашего радиосигнала я понял, что вы в опасности.

— Весьма существенной, — вступила в разговор Ализабета. — Наш двигатель вышел из строя. Три человека не могут управляться с этими парусами, а если мы переставим мачты, это мало нам поможет.

— А что, если спустить паруса и пойти на пропеллерах? — спросил Дхананда. — В его голосе вновь прозвучал холодок. В Бенегали только продажные женщины — об этой категории мавраи имели очень слабое представление, — свободно ходили в плавание с мужчинами.

— Они работают от того же двигателя, сэр, — пояснила Ализабета более скромно.

— Ну, во всяком случае, вы можете спустить большую часть парусов и прекратить этот дрейф на рифы, не так ли?

— Не получится, иначе мы разрушим всю основную структуру, — возразил Рану. — Хотя эта ткань и из синтетики, у нее огромная площадь. *Хуже того*, она наматывается на палубы, забьет оснастку, поломают каюты. И при этом нам будет очень трудно управлять. — Он показал на штурвал в рулевой рубке, тот был принайтован к своему месту. — Вся система рулевого управления в судах такого типа основана на взаимной юстировке парусов и лопастей. Например,

при таком ветре на траверзе, как сейчас, нам надо снять парус с грот-мачты и поднять *ванароа*, это, ну ладно, это детали. Это такой полукруглый парус, который задраивается по кривой на своей мачте, чтобы изменить движение потока воздуха, направляя его кверху. У этих тримаранов неглубокая посадка и узкий киль. Благодаря этому они быстрые, но требуют слаженного действия оснастки.

— Ммммм. Да, пожалуй, я понимаю.— Дхананда задумался, почесывая бороду.— И что вам нужно, чтобы снова оказаться на ходу?

— Стоянка в порту и несколько дней работы,— не задумываясь, ответила Ализабета.— С вашей помощью мы могли бы добраться до Порт Арберта.

— Хм-м. Это трудновато. А не могли бы вы попросить какой-нибудь другой корабль, следующий на материк, взять вас на буксир?

— Сейчас для этого не время.— Рану указал на восток, где горизонт застилала мгла.— Если ничего не предпринять в ближайшие часы, мы сядем на рифы.

— Вы знаете, как мало здесь торговых судов в это время года,— добавила Ализабета.— Вы одни откликнулись на наш SOS, да еще один корабль, находящийся вблизи Никбара.— Она, помолчав, продолжала с небрежностью, в которой, как надеялся Рану, «гости» не заметят нарочитости.— Тот корабль обещал сообщить нашей Ассоциации наши координаты. Его капитан был уверен, что бенегальский патруль поможет нам добраться до Порт Арберта, чтобы там починиться.

То, что она говорила, было не совсем ложью. В Кар Никбар действительно стояли корабли, и морские, и воздушные, под камуфляжем: они выжидали. Но до них было несколько часов пути.

Дхананда молчал недолго. Каково бы ни было решение брахмарда, он принял его с быстротой и уверенностью, вызвавшими восхищение Рану. (Хотя во враге видеть такие качества нежелательно, разве не так?)

— Очень хорошо,— сдался он, довольно кисло,— мы поможем вам добраться до порта и проследим, чтобы необходимые работы были выполнены. Вы можете пере-

дать в порт назначения, что запоздаете. Куда вы направляетесь?

— В Калькут, — ответил Рану. — Шерсть, шкуры, рыбные пресервы, лес, водорослевое масло.

— Значит, вы из Нв'Зеланнии? — заключил Дхананда.

— Да. Порт приписки — Веллантоа. Хм, я веду себя негостеприимно. Не могли бы мы предложить выдающемуся ученому легкие закуски?

— Позднее. Сначала — дело.

На это ушло около часа. Бенегальцы были неопытными моряками. Но по указанию Кеануа они могли с силой натягивать канаты. Таким образом пластиковая ткань была спущена, пусть медленно и неловко, свернута и сложена. По паре лиселей и кливеров оставили наверху, подняли спанкерный парус, лопасти отъюстировали, и корабль стал более-менее слушаться руля. Его сопровождал дирижабль, к которому он по-прежнему был прикреплен. Он был слишком легкий — из плетения и тонкой ткани, чтобы служить плавучим бумом, но благодаря ему поддерживалось благоприятное направление ветра. *Аоранги* перестала, подобно крабу, пятиться на рифы и благополучно похромала в сторону берега.

Рану пригласил Дхананду осмотреть корабль. Немногие хинджиговорящие страны вели океанскую торговлю. Их купцы шли верблюдскими караванами или посылали ценные скоропортящиеся товары по воздуху. Брахмарду никогда не приходилось бывать на борту одного из крупнейших морских судов, не раз пересекавшего Маврайскую Федерацию от Авайев на западе до Нв'Зеланнии на юге, обошедшего всю планету под флагом с крестом и звездами. Он явно приглядывался, не спрятаны ли в деревянных переплетениях оружие и шпионы. Но корабль интересовал его и сам по себе.

— Я привык к яхтам, джонкам и тому подобному, — признался он. А это судно — совсем иное.

— Конструкция — из новейших, — подтвердил Рану. — Но сейчас строят еще лучше. В будущем вы часто будете их встречать.

Когда большая часть парусов была спущена, палубы

приняли сурово-аскетический вид. Только каюты, крышки люков да тумбы, крепительные планки, палы и оборонные установки, впереди — коллекторы солнечной энергии да сад цветов, разведенный Кеануа. Под ним скрывались три корпуса, которые были видны только там, где вперед выступали их носы, покрытые богатой резьбой, изображавшей стилизованные головы островитян. Имелось три мачты. Передняя и задняя были в целом обычными, а грот-мачта имела форму треноги, что придавало ей огромную несущую силу.

Дхананда признался, что поражен разнообразием рей и линий, которые вырисовывались на фоне неба.

— Мы настраиваем их очень точно, соответственно направлению ветра и течению, — пояснил Рану. — Автоматические метеорологические приборы непрерывно производят измерения. Компьютер, расположенный под палубами, производит необходимые расчеты и управляет работой двигателя.

— Я знаю, что аэро- и гидродинамика — прекрасно разработанные науки, — заметил бенегалец. — Крупные современные воздушные суда не смогли бы работать на таких относительно слабых двигателях, если бы их не конструировали с большой тщательностью.

Но я недооценивал применение тех же принципов в судостроении. — Он вздохнул. — Это одна из главных проблем современного мира, капитан. Убогая и медленная связь. Да, при благоприятной погоде можно послать сообщение по радио или пересечь океан всего за несколько дней. Но это доступно очень немногим. Объем переговоров и транспортных сообщений очень ограничен. Изобретение подобного корабля так долго остается неизвестным за пределами страны, где его изготовили! Его преимущества недоступны людям, на протяжении... иногда целых поколений.

Казалось, он заметил, насколько взволнованной стала его речь, и осекся.

— О, не знаю, — отвечал Рану. — Международный прогресс развивается. Лет двести назад мои предки возились с многомачтовыми судами гермафродитного вида, а мери-

канцы использовали паруса и обдуваемые кили на своих дирижаблях, не имея антикатализатора водорода. Можете себе представить такую пожарную западню? В то же время, если вы извините меня за то, что я сейчас скажу, хинджийский континент переживал хаос переселения народов. Вы не могли бы использовать эти дирижабли с квадратным корпусом, даже если бы кто-нибудь вам их предложил.

— А какое это имеет отношение к моим словам? — раздраженно спросил Дхананда.

— Только то, что, по моему убеждению, маврайское правительство право, утверждая, что мир слишком медленно воспринимает перемены, — пояснил Рану. — Он целенаправленно провоцировал собеседника, надеясь выведать, как далеко зашли исследования в Южном Аннамани. Но Дхананда лишь пожал плечами, а его смуглое лицо застыло в маску.

— Мне хотелось бы взглянуть на ваш двигатель, — сказал брахмард.

— Тогда пойдемте за мной. По принципу действия он, правда, не отличается от моторов ваших воздушных судов, но только больше. Работает от дизлектрических аккумуляторов. Разумеется, на поверхности корабля у нас есть место для коллекторов солнечной энергии, за счет которых система перезаряжается.

— Меня удивляет, что вы не отказываетесь от парусов и не переходите на управление с помощью одних только пропеллеров.

— Мы так делаем, но только в чрезвычайных ситуациях. В конце концов, солнечный свет не является особенно сильно концентрированным источником энергии. Мы бы очень скоро разрядили аккумуляторы, если бы захотели двигаться на них на приличной скорости. Даже топливные камеры нового типа не обладают достаточной мощностью. Что касается косвенной формы хранения солнечной энергии, известной как органическое топливо... у нас на островах, вероятно, та же проблема, что и у вас на континенте. Нефть, древесина, торф и уголь слишком дороги для коммерческого использования. Но мы находим энергию ветра вполне удовлетворительной. Разумеется, за исключе-

нием тех случаев, когда двигатель ломается и мы не можем управлять парусами. Тогда мне становится жаль, что я нахожусь на борту не какой-нибудь допотопной шхуны, а этого величественного, гордого тридцатиузлового тримарана.

— А что же случилось с вашим двигателем?

— Случайная поломка. Из дефектного ротора на высокой скорости вылетел подшипник и повредил обмотку. Вы, наверное, знаете, что арматуру обычно покрывают керамической трубкой, пропитанной электропроводным раствором. В результате все закоротилось. Поломка ремонтABELЬНА. Если бы мы были в открытом море, нам бы не понадобилось подавать сигналы SOS.— Рану попытался засмеяться.— Поэтому людям и приходится сидеть на борту. Теоретически можно сделать такой компьютер, который выполнял бы всю работу сам. Но на практике всегда случается что-нибудь, что требует мозгов, которыми приходится думать.

— Можно бы сконструировать компьютер, который выполнял бы и эту функцию,— заметил Дхананда.

— А можно его заставить переживать? — пробормотал Рану на своем языке. Когда он стал спускаться по лестнице, один из солдат встал, загородив от него солнце, он почувствовал, как на его спину легла тень от пики.

* * *

В течение многих веков после Судной Войны Аннаманские острова оставались обезлюдившимися. Населявшие их аборигены легко деградировали в дикое состояние, и с ними — несколько заезжих поселенцев. Джунгли вскоре поглотили города, некогда возведенные инглисанами. Но внешний мир в конце концов понемногу пришел в себя. Бенегали со своим смешанным хинджи-паки-тамилским населением, оказавшемся под жестким контролем Удайана Раджа, накопили достаточно ресурсов, чтобы снарядить корабль для торговли и обследования скрестностей. В Южном Аннамане высадили гарнизон. Потом на арену вышли мавраи. Располагая более совершенными кораб-

лями, они вскоре захватили морские перевозки в свои руки. Однако бенгальцы сохраняли свои притязания на владение островами. Аванпост развился в Порт Арберта, остававшийся однако маленьким и сонным местечком, куда редко заглядывали иностранные суда.

Когда научная революция в Бенегали привела к власти брахмардов, эти идеалистически настроенные правители попробовали основать поблизости сельскохозяйственную колонию. Но ее поразила высочайшая смертность, и от проекта вскоре пришлось отказаться. С тех пор, насколько было известно миру, там не располагалось ничего значительнее метеорологической станции.

Но, как подумал Рану, миру было известно немногое.

Он и его команда высадились в сопровождении бенгальцев на берег. Пристань, вытравленная до белизны палящим солнцем, в этот вечерний час была безлюдна. Невдалеке выросли новые бетонные склады со слепыми окнами. Несколько примитивных рыбацких лодчонок стояли на приколе, судя по виду, уже несколько месяцев без работы. Недалеко от кромки воды у залива беспорядочно расположилось несколько хижин, крытых пальмовыми листьями. Судя по ряду деревьев, видневшихся за деревушкой, там находилась плантация. За ней начинались джунгли, растительность которых стояла монолитной зеленой стеной на холмах, уходивших в глубь суши, где их гребни темнели на фоне восточного неба, окрашенного пурпуром.

Как здесь было тихо! Завидев подходящий к берегу огромный корабль, к причалу высыпали все жители деревни. Их было несколько сот; сгрудившись, они внимательно рассматривали великана; среди них были и аборигены, и метисы, с темной кожей, кудрявыми черными волосами и крупными застенчивыми глазами; их наряды составляли в основном набедренные повязки. Солдаты с континента возвышались среди них, как башни, а мавраи выглядели настоящими гигантами. Этим людям следовало бы суетиться, собираться кучками, болтать, хихикать, кричать, навязывать свой нехитрый товар, прижимать к себе пузатых ребятишек, тянувших ручонки за сладостями, но они лишь стояли и неотрывно смотрели.

Кеануа тупо спросил:

— Что тревожит этот народ? Мы же их не съедем.

— Они боятся чужеземцев,— пояснил Дхананда.— Сюда прежде наведывались работорговцы.

Но этому пришел конец пятьдесят лет назад, подумал Рану. Нет, ксенофобия, охватившая их теперь, вызвана более поздними событиями.

— Кроме того,— продолжал Дхананда,— разве маврайская доктрина не гласит, что ни одна культура не должна вмешиваться в обычаи других народов?

Ализабета кивнула.

— Да,— подтвердила она.

Дхананда сложил губы в улыбку.

— Боюсь, что вы найдете наше здешнее гостеприимство несколько ограниченным. Мы не располагаем широкими возможностями для развлечений.

Рану посмотрел направо, за деревню, где берег шел круто вверх. На его гребне была возведена деревянная решетка, на которой был установлен радиопередатчик, главным образом, для нужд метеорологов, а также какие-то более новые строения, бунгало, ангары и летное поле. Шрамы, нанесенные земле, затянулись еще не полностью, им было не более двух или трех лет.

— Вы, по-видимому, расширяетесь,— заметил он с деланной наивностью.

— Да,— кивнул Дхананда.— Наше правительство не оставляет надежд цивилизовать эти острова и сделать их пригодными для обширной культивации. Всем известно, что материковое Бенегали лопается по швам от перенаселенности. Но вначале нам необходимо изучить условия. Это относится не только к физическим условиям среды, которые свели на нет наши прежние попытки, но и к местным племенам. Мы хотим относиться к ним по-доброму, но что это значит в их понимании? Это старая межкультурная проблема. Поэтому мы держим здесь научные коллективы, которые ведут исследования.

— Понятно.— Подходя к стоящей в ожидании повозке, запряженной осликом, Ализабета рассматривала крестьян с практической симпатией.

Рану, которому довелось повидать множество разных народов на своем веку, думал, что ему не хуже, чем ей, удастся сделать правильную оценку. Маленькие черные люди явно не выглядели истощенными, хотя их рыбаки уже давно не выходили в море. Они не смотрели на бенегальцев, как крестьяне смотрят на своих угнетателей. Скорее, их скованность вызывали своим видом мавраи.

В заливе плескалась вода. Гортанно кричала чайка, кружившая над ними, взмахивая крыльями, казавшимися золотыми в свете заходящего солнца. В остальном же стояла невероятная тишина. Она сохранилась, когда ослик ушел, провожаемый взглядами сотен глаз. Когда они въехали на покрытую гравием дорогу, проходившую невдалеке от летного поля, из своих домов стали показываться бенегальцы. Они наблюдали, стоя на верандах, и выглядели такими же замкнутыми и подозрительными, как и местные жители.

Тишину нарушил рев. Мужчина, ростом не ниже Рану, и такой же широкий, как Кеануа, одетый в клетчатую юбку и блузу, сбежал по ступеням самого большого дома и бросился через поле. Волосы и усы у него выделялись своей желтой окраской на фоне лица цвета вареного омара. Мериканец! Рану напрягся. Он заметил, как Ализабета сжала в кулак пальцы, лежавшие у нее на колене. Крестьянин остановил повозку.

— Эй! Добро пожаловать. Именем Октаи, Дхананда, почему ты мне не сказал, что везешь с собой компанию?

Брахмард рассердился.

— Мы только что прибыли, — сдержанно ответил он. — Я думал, вы... — Он осекся.

— В лаборатории до конца рабочей недели? — взорвался мериканец. — О да, я там и был, пока не услышал, что к порту приближается иностранный корабль. Один из ваших ребят говорил по рации со здешним служащим, интересуюсь запасами и чем-то еще. А я подслушал. Вначале я потребовал отчет с воздушного судна. Почему мне не дали знать? Почему вы меня не проинформировали? А вы, добро пожаловать! — Он протянул здоровенную лапу над коле-

нями Дхананды, сидевшего в оцепенении, и зацепил руку Рану.

— Меня зовут Лорн,— представился он.— Лорн сынна Брауэн из Корадского университета, и, при всем моем уважении к дорогим брахмардским коллегам, я истосковался по новым лицам. Вы, конечно, мавраи. Должно быть, Нв'Зеланнцы. Правильно?

Он являлся главным фрагментом той головоломки джигсо (Картинка, собираемая из отдельных фрагментов.— *Прим. пер.*), которую складывала Федеральная разведка. Отношения между людьми Моря и кланами Юго-Западной Мерики оставались весьма тесными, однако они мало торговали напрямую. В конце концов авайским миссионерам удалось настроить этих воздушных пиратов на более мирный лад. Более того, несмотря на медленность и скудость глобальной связи, международное научное сообщество все-таки существовало. Так что маврайские профессора имели возможность, уверенно кивая, заявлять:

— Да, этот самый Лорн из Корато, наверное, является ведущим астрофизиком мира, и брахмарды просто так его не наняли бы.

Но он был начисто лишен скрытности. Рану это понял. Он был искренне рад видеть посетителей.

Мавраи представились. Лорн рысцой бежал рядом с повозкой, не отставая, как бельмо на глазу.

— Ты что, Дхананда, собираешься поместить их в этой поганой хибаре? Ничего не выйдет! У меня здесь свой дом, где много свободного места. Нет-нет, кэп Рану, не за что меня благодарить. Это вы мне доставите удовольствие. Вы можете устроить мне экскурсию по своему кораблю, если вы не против. Мне бы было интересно там полазить.

— Обязательно,— пообещала Ализабета. Она одарила его лучшей улыбкой из своей арсенала.— Но это, кажется, далековато от вашей специальности.

Рану забеспокоил. Но у них в мозгу звучало предупреждение Кеануа:

— *Эй, вы там, поосторожнее! Мы должны быть простыми моряками торгового флота! Мы сроду не слышали ни о каком Лорне!*

— Извини! Ее карие глаза виновато округлились.— Я забыла.

— Компания дилетантов, мысленно простонал Рану. Будем надеяться, что наш общий друг Дхананда столь же мало подготовлен. Хотя боюсь, что это не так.

Брахмард зорко к ним приглядывался.

— А в чем, по-вашему, заключается работа уважаемого господина Лорна? — осведомился он.

— Что-нибудь, связанное с проектом географических исследований, — нашла Ализабета. — С чем же еще? — Она вскинула голову и сжала губки. — Постойте, дайте мне отгадать. Мерикианцы знамениты земледелием на сухих почвах... но в этих местах воды хватает. Еще они специалисты по добыче и обогащению руд. Ага! Вы нашли в джунглях залежи тяжелых металлов и не признаетесь!

Лорн, который беспокоился под пристальным взглядом Дхананды, прокашлялся и сказал с напускной сердечностью:

— Ну, мы не хотели бы, чтобы новости разошлись слишком быстро, вы же понимаете! Представляете, как заволнуется мир коммерции?

— Лучше позвольте объяснить мне, — перебил Дхананда, и его слова стали падать, как камешки. Два солдата, сопровождавшие повозку, приподняли свои убранные в ножны шпаги. Лорн вспыхнул и рывком схватился за кинжал, который было принято носить представителям его клана.

Прошло несколько секунд. Повозка остановилась перед длинным белым бунгало. Слуги, прибывшие с континента, которые, судя по их выправке, больше привыкли носить униформу, чем ливреи, приняли у гостей багаж и с поклонами пригласили их войти. Их разместили в трех примыкающих друг к другу спальнях, обставленных богато и нарядно, в стиле, популярном у хинджийцев, принадлежащих к социальным верхам. Зная, что вещи все равно обыщут, Рану попросил камердинера помочь ему переодеться в официальный костюм, стоящий из саронга и рубашки. Но кинжал он оставил при себе. Это противоре-

чило современным обычаям, так как бандиты и варвары перестали прятаться в каминных трубах. Тем не менее, Рану не собирався выпускать свое оружие из рук.

Когда они собрались на веранде выпить, спустились короткие тропические сумерки. Дхананда пристроился в уголке, нянча в руках бокал с каким-то безалкогольным напитком. Рану предположил, что бархмард, который, должно быть, выполнял здесь обязанности секьюрити, надавил на Лорна, и тот был вынужден пригласить и его. Маврайский шкипер вытянулся на плетеном стуле между Кеануа, расположившемся от него слева и Ализабетой, усевшейся справа, а напротив занял место Лорн.

На остров опустилась густая и синяя темень. Внизу трепетало море; чернела земля, вздыбливаясь горбами к звездам, которые одна за одной выступали в сверкании. Через окна гостиной, где накрывали праздничный стол, просачивался желтый свет свечей. На границах светового пятна носились мотыльки. Вверху, в кровле прошуршала ящерица. Из джунглей доносились хрюканье кабанов, вопли напуганных павлинов, разноголосое стрекотание бесчисленных насекомых. Прохлада спускалась слоями, воздух благоухал жасмином.

Лорн промокнул платком лоб и щеки.

— Боже, как бы мне хотелось снова очутиться в Корадо, — сказал он на своем родном, произошедшем от инглисского, языке, который, к его великой радости, был понятен Рану. — Эта погода меня достала. Земли моего клана расположены на северном гребне Большого Каньона. Сосны и олени... За них можно отдать пару лет, проведенных здесь. Деньги не в счет. — На мгновение нечто вроде ореола святого благоговения осенило его лицо: — Работал!

— Прошу прощения, — перебил его Дхананда, затаившийся в тени, — но больше никто не понимает, что вы нам рассказываете.

— О, извините, совсем забыл, — мериканец переключился на хинджи, на котором он говорил с резким акцентом. — Я хотел сказать, друзья, что, когда я закончу свой труд здесь, мне хотелось бы возвращаться домой через

Нв'Зеланнию. Это, должно быть, одно из интереснейших мест мира. Велланта, черт возьми, уже чуть ли не столица нашей планеты или скоро ей станет, в?

— Возможно, — словно выстрелил в ответ Дхананда.

— Я вас не хотел обидеть, — поправился Лорн. — Я также не принадлежу к людям Моря, вам это известно. Но они — самый прогрессивный народ.

— В определенных отношениях, — добавил Дхананда. — В других, — гости простят меня, если я назову проводимую ими политику антипрогрессивной. Например, ваше упорное противодействие цивилизации варварских обществ.

— Это не совсем так, — стал защищаться Рану. — Если они являют собой открытую угрозу своим соседям, наша Федерация оказывается среди первых, кто готов ввести туда миротворческие силы, которые по сути есть не что иное, как психодинамические команды, призванные направлять энергию данных варваров в иное русло. В настоящее время широкомасштабные меры предпринимаются в Сине, я уверен, что вы об этом слышали.

— Так же вы действовали с моими предками, — невозмутимо заметил Лорн.

— Что ж, это так. Но дело в том, что мы не желаем перedelывать других по своему подобию: ни бенегальских фабричных рабочих, ни оргонских лесорубов, ни мейканских пеонов. Поэтому наше правительство оказывает давление на правительства прочих цивилизованных стран, чтобы они по возможности сохраняли в неприкосновенности все институты отсталых народов.

— Почему? — Дхананда подался вперед. Его борода агрессивно оцетинилась. — Вам, мавраям, это дается весьма легко. У вас рост численности населения — под контролем. Вы имеете морские хозяйства, ведете синтез на специализированных заводах, занимаетесь морской торговлей в мировом масштабе. Вы что же, считаете, что отсталым людям будет лучше, если они останутся жить в бедности, рабстве и невежестве?

— Вовсе нет, — возразила Ализабета. — Но они преодолеют их самостоятельно, по-своему. Наша торговля и наш пример, — я имею в виду все наиболее цивилизованные

страны — могут им помочь. Но помощь не должна заходить слишком далеко, иначе произойдет то же, что уже было перед Судной Войной. То есть... как это будет на хинджи? Мы называем это культурным псевдоморфозом.

— Для такой изящной леди, как вы, это слово чересчур громоздко, — вступил в разговор Лорн сына Брауэн. С шумом глотая свой джин, он подался вперед и похлопал ее по коленке. Рану пришел к заключению, что, нанявшись на работу у брахмардов, он оставил свою семью дома, а будучи права чопорного, они не предоставили ему суррогата.

— Вы знаете, — продолжал мериканец, — я удивлен, что моряки торгового флота могут говорить так академично.

— Только не я, — вступился Кеануа. — Я — типичная палубная швабра.

— Я заметил, что из вашего саронга торчит бамбуковая флейта, — продолжал Лорн.

— Ну да, я правда немножко играю. Чтобы было веселее стоять на вахте.

— Конечно, — кивнул Дхананда. — А в разговоре вы показали большую осведомленность, капитан Макинтаиру.

— А почему бы и нет, — изумился маврай. Ему подумалось, какая ирония заключается в том, что они принимают его за кого-то другого, тогда как он и на самом деле всю свою взрослую жизнь был шкипером кораблей и более никем. — Я учился в школе, — пояснил он. — Мы берем с собой книги в плавание. Мы разговариваем с разными людьми в иностранных портах. Вот и все.

— Тем не менее, — Дхананда в задумчивости помолчал, — правда, что граждане Федерации слынут в мире людьми довольно интеллектуальными. Еще более всех восхищает ваша стопроцентная грамотность.

— О, нет, — рассмеялась Ализабета, — уверяю вас, мы самая неученая из ныне здравствующих наций. Конечно, нам нравится учиться и думать, и спорить. Но разве это не одно из жизненных удовольствий, существующих наряду со многими другими? Наша технология обеспечивает нам много свободного времени и подобных занятий на досуге.

— А наша не обеспечивает, — мрачно отозвался Дхананда.

— Слишком много людей, слишком мало ресурсов, — согласился Лорн. — Вам, наверное, приходилось бывать в Калькуте, м'леди? А вы когда-нибудь забредали в тамошние трущобы? И, готов поклясться, вы не заходили в глубь суши и вам не попадались на глаза пыльные черти, пытавшиеся наскрести на жизнь в агроколлективах?

— Я однажды это видел, — сочувственно вспомнил Кеану.

— Вот, — Лорн встряхнулся и встал на ноги, отбросив свой бокал. — Что-то мы заговорили чересчур серьезно. — Уверяю вас, м'леди, что мы в Корадском университете не такие уж сухари. Хотел бы я захватить вас с парой луков в скалы, поохотиться на горных козлов... Пошли, я слышу, что гонг приглашает нас ужинать. — Он взял Ализабету под руку.

Рану поплелся сзади.

Нельзя передать, подумал он. Эта ночь идеально подходит для первой вылазки.

* * *

Луны не было. Время для *Аоранги* было подобрано с учетом этого обстоятельства. Рану проснулся в полночь, как он заранее себе это приказал. Подобно всем мавраям, он обладал способностью восстанавливать силы после короткого сна. Соскользнув с постели, он простоял несколько минут, прислушиваясь и осматриваясь. Взлетно-посадочная площадка, начинавшаяся прямо от дома, была пуста, в сиянии звезд она казалась серой. В окнах одного из ангаров горел свет.

Мимо прошагал часовой. Со смуглым лицом, в своей чалме и костюме цвета лесной зелени, он выглядел еще одним темным пятном. Но ствол его винтовки тускло сиял. Настоящая винтовка с газовыми патронами. И... он обходил с ней этот дом.

Однако он был только один. Ему следовало бы назначить партнеров. Брахмарды были неискушенными в шпионаже, как и мавраи. Когда на Земле имеется лишь четыре

или пять наций, всерьез ориентированных на науку, а их общение медленно и скудно, серьезные конфликты между ними возникают редко. Даже теперь у бенегальцев не было большой армии. Их армия, правда, превосходила по численности войска Федерации, но Бенегали была материковым государством и ему требовалась защита от варваров. Мавраи же почти монополизировали морские силы, по той же причине, но флот у них был не большой.

Можно со всей справедливостью называть века, следовавшие за Судной Войной, ужасным периодом в истории, когда человеческая масса старалась выкарабкаться из последствий атомной войны, но ей была свойственна невинность, нехарактерная для поколений, живших до Судного дня.

— *Боюсь, подумал Рану с грустью, удивившей его самого, что мы тоже вскоре утратим этот особый род девственности..*

Но для сантиментов не время.

— *Кеануа, Ализабета,* — мысленно позвал он. Он почувствовал, что они насторожились. — *Я выхожу на разведку.*

Разумно ли это? — промелькнуло у него беспокойство девушки. *Если тебя поймут...*

— *У меня сейчас самые лучшие шансы. Мы застали их врасплох, неожиданно свалившись им на головы. Но готов поклясться, что завтра Дхананда усилит меры безопасности вдвое, промучившись целую ночь подозрениями, что мы — шпионы.*

— *Тогда будь осторожен,* наказал Кеануа. Рану ощутил кинестетический обертон, словно под подушку полезла рука, чтобы утащить кинжал. *Если попадешь в переделку, кричи. Мне кажется, мы сможем пробиться.*

— *О, держись подальше от главного входа,* предупредила Ализабета. *Когда после ужина Лорн вывел меня на веранду поговорить, я заметила, что под ивовым деревом на корточках сидит человек. Возможно, это просто старый грум вышел подышать свежим воздухом, но, скорее, это все же дополнительный часовой.*

— *Спасибо.* Рану воздержался от цветистых прощаний, принятых среди мавраев. Он будет поддерживать связь со

своими друзьями. Но он ощущал их переживания, словно они были рядом с ним. Ни один из них не претендовал на то, чтобы выйти первым. Как капитану, ему принадлежали честь и долг брать на себя дополнительные опасные обязанности. Но Кеануа ворчал и сетовал на него, а у девушки тоже что-то лежало на душе, это было не столько замечание, сколько оттенок чувства: он был ей ближе любого другого мужчины на свете.

Ему мимолетно захотелось испытать ее физическое прикосновение. Но... Часовой благополучно миновал его. Рану выскользнул в открытое окно.

Некоторое время он лежал, вытянувшись на веранде. Из ангара, где были люди, доносились слабое шевеление и приглушенные голоса. В одном бунгало горели свечи. В остальных спали, и они призрачно белели под ночным небом. Пока что на открытом пространстве ничего не происходило. Рану прокрался на клумбу. Он слишком поздно заметил, что на ней росли розы. Проглотив распостраненное среди моряков ругательство, он затаился на корточках еще на минуту.

Ну ладно, лучше уж начать. Он специально не учился красться в темноте, но большинство мавраев проходило курс дзюдо, а их последующие работа и занятия спортом поддерживали у них необходимые физические навыки. Рану мелькнул между тенями, как тень, огибая поле, пока не оказался около одного из новых складов.

Под покровом ночной темноты он приблизился к задней двери и открыл нож. Его рукоятка была нашпигована микроэлектронными приборами, там же находилась батарейка аккумулятора. Драгоценный камень на головке эфеса выполнял функции линзы, и когда он особым образом прикоснулся к нему, нож выбросил острый и тонкий, как карандаш, луч голубоватого свечения. Он осмотрел запор. Не пластик и даже не алюминиевая бронза: сталь. А дверь была армирована железом. Что же за ней такого ценного?

С точки зрения Рану, запор, содержащий железо, был удачей. Он стал поворачивать незаметные ручки на кинжале, зондируя при помощи магнитных импульсов, уси-

лием воли подавляя в себе сознание, что каждая звезда на небе пристально наблюдает за ним. Потрудившись долгое время и изрядно вспотев, он почувствовал, что запор поддается. Рану тихо открыл дверь и проскользнул внутрь.

Он обвел лучиком помещение. Интерьер составляли в основном полки, от пола до потолка, нагруженные картонными коробками. Он прошел через комнату и, выбрав коробку на задней полке, которая могла остаться незамеченной несколько недель, отодрал клейкую ленту... Хм. Как он и ожидал. Аккумулятор диэлектрической энергии, молекулярно-рассеянного типа. Стандартное устройство, применяемое на половине двигателей в мире. Но так много, в этом аванпосте безлюдья? Его прибор был неиспользованным, незаряженным. Агенты мавраев уже видели с одного коммерческого воздушного судна, «случайно» сбившегося с курса, что на всем архипелаге была только одна станция — коллектор солнечной энергии. На островах не было ни гидроэлектрических генераторов, ни генераторов, приводимых в действие энергией приливов. Однако аккумуляторы явно привозили сюда на зарядку.

Это означало, что та штука на холмах зашла в своем развитии куда дальше, чем считала разведка Федерации.

— Нан возьми, — прошептал Рану. — Акулозубый Нан, прокляни и сожри все это!

Он постоял, поворачивая в руках черную коробку. У него закололо кожу. Затем, весь дрожа, он обратно упаковал аккумулятор и вышел из склада так же тихо, как входил.

Снаружи он остановился. Должен ли он сделать что-либо еще? Одна эта информация опрадывала их предприятие. Если бы он сделал еще одну попытку, и она ему не удалась, а коллеги погибли вместе с ним, их усилия пошли бы прахом.

Однако... Времени было до противного мало. Встревожившись, Дхананда найдет средство не допускать на остров других иностранцев — изобразит аварию в порту или что-нибудь другое, пока не станет слишком поздно. По крайней мере, Рану должен исходить из этого. Он не терзался, принимая свое решение. Это было не в обычае у мавраев. Он просто его принял.

Заглянем-ка в этот освещенный ангар, наудачу, перед тем, как пойти спать. Завтра я попробую изобрести повод, чтобы пробраться в глубь острова и посмотреть лабораторию.

Из осторожности он переждал полчаса, плотно прижмаясь к стене и вглядываясь через окно. Сводчатое помещение ангара почти целиком заполнял наполненный воздушный шар. Моторы работали едва слышно на холостом ходу, пропеллеры еще не были включены. Несколько механиков делали последнюю проверку. Двое из бунгало, в котором горели свечи, сами брахмарды, судя по их белым одеждам и начальственным манерам, стояли в ожидании, пока несколько нижних чинов из вспомогательного персонала заправляли аппарат в гондолу. Сквозь рокот до Рану долетел обрывок разговора: «Неосвященный час. Почему теперь, именем Вишну?

— ...эти дурацкие прибывшие. А что, если на самом деле они не моряки-неудачники, ты об этом не подумал? В этом случае они не должны видеть, что мы справляемся с такими штуками». Мимо прошло четверо мужчин, которые несли свернутый кабель. Голые концы краснели чистой медью.

Такое же не применяется в географических исследованиях?

Рану почувствовал, как у него на голове зашевелились волосы. Протопали двое солдат, вооруженные винтовками. Рану сомневался, что сопровождение было придано только из-за ценности кабеля в денежном выражении, сколь фантастически высока она ни была.

Сзади шли ученые. Наземная команда встала у шпиля. Их старинная тягучая песня прозвучала, как протест, — что люди должны напрягать свои мышцы, когда сто лошадей ржет в той же комнате. Крыша и передняя стенка ангара со скрежетом отодвинулись.

Рану окаменел. Должно быть, он бессознательно послал свои мысли другим мавраям.

— *Нет!* — выкрикнула Ализабета ему в ответ.

Кеану отозвался более медленно и рассудительно:

— *Это каннибальское безрассудство, шкипер. Ты можешь упасть и размазаться по трем градусам широты. Или, если тебя увидят...*

— *У меня никогда не будет лучшей возможности, возразил Рану. Мы уже придумали дюжину версий, объясняющих мое исчезновение. Так что воспользуйтесь одной из них.*

— *Но как же ты?* протестовала Ализабета. Один?

— *Вам может прийти хуже, если Дхананда рассвирепеет,* возразил Рану. На него нашла типично инглисская целеустремленность, возобладавшая над бесшабашностью и легкостью, которые в крови у мавраев. Но потом эта вторая сторона его души пробудилась с воплем, потому что те, кому изначально принадлежала Нв'Зеланния, кто плавал на каноэ и охотился на акул, со смехом бросались в подобные эскапады.

Отбросив переполнявшее ее ликование, он хладнокровно изложил, что ему удалось увидеть на складе.

— *Если в какой-то момент у вас возникнут сомнения относительно собственной безопасности, забудьте обо мне и немедленно бегите,* приказал он. *Разведка должна знать хотя бы то, что нам уже известно. Если меня обнаружат на холмах, я попытаюсь оторваться и скрыться в джунглях.* Ангар был открыт, воздушное судно распускало кабели, включенные пропеллеры превращались в яркие вращающиеся круги. *Прощайте. Счастливого пути.*

— *Да хранит тебя Танароа,* в слезах прошептала Ализабета.

Рану кинулся за угол. Судно поднималось в наклонном положении, гондола была, как бревно из черного дерева, а воздушный шар — как штормовое облако. Пропеллеры обдували его лицо ветром. Он пробежал вдоль тени корабля, весь напрягся и прыгнул.

Он едва не сорвался. Его пальцы за что-то ухватились, но стали соскальзывать, и он вновь вцепился в край с силой, полный ужаса. Теперь обе руки! Рану держался за стержень из железного дерева, составлявший часть швартового механизма, а ноги болтались над землей, которая уходила вниз с неприятной быстротой. Он хлебнул воздуха,

приободрился и, перебросив одно колено через стержень, замер в таком положении и тяжело вздохнул.

Зарокотали электрические двигатели. Бриз пробежал между подпорок и перекладин. Если не считать этого, Рану оставался в одиночестве, наедине с громким пульсом. Немного спустя его сердце забилось спокойнее. Он устроился на короточках поудобнее и огляделся по сторонам. Далеко внизу расстилались джунгли, зеленые, подернутые седоватой дымкой. Небо, граничившее с ними, переливалось в свете звезд, отливая той же белизной, что и гондола. Оплетка ее дружелюбно поскрипывала, и он почувствовал толчок, когда воздушный шар стал расширяться, достигнув еще большей высоты. В вышине мимо величественно проплывали созвездия.

Он читал о реактивном самолете, который мог перегнать солнце — до ядерной войны. Однажды он видел изображение на обрывке киноплетки, найденном археологами и перенесенном на новую ацетатную основу, была добавлена и звуковая дорожка. Он не понимал, как кто-нибудь соглашался оказаться в изоляции в этом ревущем гробу, в то время, как возможно плыть, соприкасаясь с воздухом, накоротке с ночным небом, как это сейчас и делал Рану.

Как бы это ни было рискованно, не без ехидства добавило его сознание. Его не видели, и его вес очевидно не отразился на полете, так что пилот его не заметил. Однако у него было мало времени на любование ландшафтом. Стержень, на который он опирался, впивался в тело. Его мышцы уже ощущали усталость. Если этот полет окажется продолжительнее, чем он рассчитывал, он свалится на землю.

Или мышцы так затекут, что ему неостанет ловкости прыгнуть незамеченным и раствориться в темноте джунглей, когда судно снизится.

А тогда, обнаружив утром его исчезновение, Дхананда может докопаться до истины, и расставить на него ловушку.

Или что-нибудь еще! Перестань суесться, ты, идиот. Тебе нужно собрать все силы для того, чтобы висеть.

Брахмард ступал по веранде легко, но нервы у Ализабеты были так напряжены, что она, почуяв его, вздрогнула, чуть не вскрикнув. Секунду они рассматривали друг друга, не говоря ни слова — смуглый, стройный, бородатый мужчина в безукоризненно белом одеянии и плотная девушка, кожа которой отливала золотом в тени, падавшей от шпалеры дикого винограда. Вдалеке в лучах утреннего солнца белело летное поле. Над крышами ангара от жары поднималась дымка.

— Вы так и не нашли его? — спросила она наконец ровным голосом.

Дхананда медленно покачал головой, словно чалма сделалась ему тяжела.

— Нет. Никаких следов. Я вернулся, чтобы спросить вас, нет ли у вас каких-либо предположений о том, куда он мог направиться.

— Я высказала свои соображения вашему заместителю. Рану... капитан *Макинтаиру* имеет привычку купаться перед завтраком. Может быть, на заре он пошел на берег и...— Она надеялась, что он прочтет в ее неуверенном молчании: *Акулы. Резкий прилив. Судорога.*

Но взгляд, острый, как сабля, по-прежнему пронизывал ее.

— В высшей степени маловероятно, чтобы он покинул эту область незамеченным,— заметил Дхананда.— Вы видели нашу охрану. Она стоит и на холмах.

— А от кого вы охраняете себя? — парировала она, чтобы отвлечь его внимание.— Или вы не так популярны среди местного населения, как вы об этом рассказываете?

Он возразил почти презрительно:

— У нас есть основания предполагать, что два буруманских пиратских корабля, вступив в сговор, завладели неким воздушным судном. И у нас здесь действительно имеются оборудование и материалы, которые стоило бы украсть. А теперь вернемся к капитану Макинтаиру. Я не могу поверить, что он скрылся из виду, если только не сделал этого намеренно, приложив к этому немалые усилия. Почему?

— Говорю же вам, что я этого не знаю.

— Вы должны согласиться, мы обязаны допускать возможность, что вы не являетесь обычным экипажем морского торгового судна.

— А кто же мы еще? Сами пираты? Это абсурд. *Ну-ка попробуйте приписать нам шпионаж. Тогда у меня будут основания поинтересоваться, что здесь привлекательного для шпиона.*

— Только... что вы тогда сделаете?

Дхананда ударил кулаком по перилам крыльца. Он с горечью заметил:

— Ваша Федерация так кичится тем, что не вмешивается в развитие других культур.

— За исключением тех случаев, когда нас толкают на это интересы самозащиты,— возразила Ализабета.— И в минимальных пределах.

Он оставил ее замечание без внимания.

— Во имя невмешательства вы всегда готовы отказать какой-либо стране в продаже оборудования для освоения морских ресурсов, которые позволили бы ей подняться, или подкупаете другие страны *тем же* оборудованием, чтобы не дать им развернуть полномасштабную торговлю с третьей, отсталой, страной... что позволило бы этой отсталой стране добиться прогресса на протяжении жизни одного поколения. Вы говорите о поощрении разнообразия культур. Вы, кажется, серьезно верите, что поступаете нравственно, сохраняя бедность рыбаков с Оккаидо, которые довольствуются выращиванием на досуге карликовых садов и сочинением танок. И тем не менее, именем самой Кали, ваши агенты — вездесущи.

— Если мы для вас нежелательные личности, депортируйте нас и пожалуйте нашему правительству.

— Возможно, мне придется предпринять нечто большее.

— Но я клянусь...

— *Ализабета! Кеануа!*

Приглушенный расстоянием зов Рану дошел до нее и здесь, заставив застыть на месте. Ей передалось его напряжение, примесь голода и жажды, которые стали давить на

ее собственные нервы. Веранда, на которой она стояла, как-то поблекла, и она застыла во мраке, оглушенная грохотом огромных насосов. Реальной ли была та красная лампочка, которая замигала над группой трансформаторов, каждый из которых был выше человеческого роста?

Да, я внутри, раздался в ее черепной коробке его голос. Я затаился на краю джунглей, ожидая своего шанса. И когда сюда подъехала запряженная быком тележка с сонным местным жителем, я спрятался на дне и проскочил через ворота. Запасы продовольствия. Должно быть, здешние сотрудники имеют контракт с какой-нибудь близлежащей деревней. Дикари привозят еду и стоят на страже. Я видел, как минимум трое рыскали поблизости с газовыми. Как бы там ни было, я внутри. Я прыгнул с тележки и нырнул в боковой туннель. А теперь я крадусь по нему, чтобы меня не заметили.

Место — огромное! Они, должно быть, много лет расширяли анфиладу естественных пещер. Везде воздухопроводящие каналы. Очевидно, по ним и доходят наши сообщения; я тебя тоже чувствую, но слабо. Принудительная вентиляция с контролем термостатика. Можешь себе представить масштабы энергозатрат? А теперь я направляюсь посмотреть, что там, в самом центре. Мой сигнал, вероятно, будет экранироваться, пока я не вернусь ко входу.

— Не надо, шкипер, взмолился Кеануа. Ты и так уже много увидел. Мы точно знаем, что догадки разведки подтвердились. Этого достаточно!

— Не совсем, возразил Рану. В его словах прозвучала маврайская порывистость. Я хочу убедиться, что проект зашел в своем развитии так далеко, как мне подсказывают мои опасения. В противном случае Федерации, может быть, не понадобится принимать экстренные меры. Но боюсь, что это будет неизбежно!

— Рану! — позвала Ализабета. Она была окружена его мыслями. Но статика взорвалась, и посторонние энергии вызвали интерференцию, отчего ее восприятие нарушилось. Спустя секунду в том участке ее мозга, который занимал Рану, образовалась пустота.

— Вы нездоровы, моя леди? — рявкнул Дхананда.

Она перевела затуманенный взор на небо, не в силах ответить ему. Он подошел поближе.

— Что с вами? — не унимался он.

— *Спокойно, девочка*, — прорычал Кеануа.

Ализабета сглотнула, расправила плечи и в упор посмотрела на брахмарда.

— Я беспокоюсь за капитана Макинтаиру, — холодно сказала она. — Вас удовлетворяет такой ответ?

— Нет.

— Ага, вот вы где! — раздался голос от входной двери. Вышел Лорн сынна Брауэн. Его форма с юбкой отвлекла их внимание на себя, светлые глаза сверкнули в сторону Дхананды. — Такое-то у вас гостеприимство? Он вам докучает, моя леди?

— Я не уверен, что эти люди ведут себя, как положено гостям, — ответил Дхананда, терпение которого, кажется, лопнуло.

Лорн сложил руки на груди, у него сжались кулаки:

— Пока вы не сможете это доказать, пожалуйста, следите за собственными манерами. Итак? Пока я здесь, это мой дом, а не ваш.

— Пожалуйста!.. — начала Ализабета. Она ненавидела скандалы. И зачем только она вызвалась отправиться на это задание? — Прошу вас... не надо...

Дхананда резко кивнул.

— Может быть, я слишком погорячился, — сказал он без уверенности в голосе. — Если так, прошу прощения. Я буду продолжать поиски капитана.

— А я, пожалуй, пойду на наш корабль и помогу Кеануа с ремонтом, — прошептала Ализабета.

— Очень хоршо, — заключил Дхананда.

Лорн взял ее под локоть.

— Вы не против, если я пойду с вами? Может быть... о, вам, может быть, надо отвлечься от мыслей о вашем несчастном товарище. К тому же, я никогда не видел вблизи океанский корабль. Когда меня наняли на эту должность, меня доставили сюда по воздуху.

— Предлагаю вам вернуться к своей работе, сэр, — жестко сказал Дхананда.

Лорн небрежно пообещал:

— Когда приду в себя, обязательно так и сделаю. Пойдемте, мисс, то есть м'леди. — Он помог девушке спуститься по лестнице и повел ее через летное поле. Дхананда, стоя неподвижно на крыльце, провожал их взглядом.

— Не обращайтесь на него внимания, — вскоре сказал Лорн. — Он не плохой. Вообще, это прекрасный семьянин, отлично играет в шахматы, а по части поло — просто дьявол. Но на нем уж очень давно лежит бремя ответственности, и оно его истощило.

— О да, я понимаю, — заметила Ализабета, *но все равно он меня напугал.*

Лорн провел ладонью по своей редющей желтой шевелюре.

— Брахмарды в большинстве — вполне приличные люди, — сказал он. — За время своей работы здесь я хорошо их узнал. Их набирают молодыми при помощи психологических тестов, которые отсеивают тех, кому не хватает... преданности, наверное, это наиболее подходящее слово для этого качества. Ну конечно, естественно, им приятно принадлежать к правящей касте. Но кто-то же должен ее составлять. Ни в одной из хинджийских стран нет ресурсов или лишнего локтя пространства, которые позволили бы управлять так мягко, как это делаете вы, люди Моря. Брахмарды хотят модернизировать Бенегали, а в конце концов — весь мир. Вернуть человечество в то состояние, в котором оно находилось до Судной Войны, и продолжать развиваться от этой ступени.

— Я знаю, — отозвалась Ализабета.

— Я не понимаю, почему вы, мавраи, так непреклонно настроены против. Разве вы не понимаете, сколько людей теперь ложится спать голодными?

— Конечно, конечно понимаем, — взорвалась Ализабета. Она рассердилась на себя, почувствовав, как близко подступают у нее к глазам слезы. Но перед войной голодных было не меньше. Почему никто не понимает, что превратить нашу планету в одну гигантскую фабрику — это не выход? Вы читали что-нибудь по истории? Вам приходилось когда-нибудь слышать о... назову лишь одно движе-

ние, которое считало себя прогрессивным,— о коммунистах? Они также собирались положить конец нищете и голоду. Они хотели реорганизовать общество, основываясь на соображениях рассудка. Что ж, у нас сейчас имеются документальные свидетельства того, что в одной лишь России в первые тридцать — сорок лет коммунистического господства режим истребил свыше двадцати миллионов собственных граждан. Их морили голодом, расстреливали, заставляли работать до изнеможения в концентрационных лагерях. В целом, в коммунистическом мире погибло до ста миллионов человек. А это было до того, как евангелистская внешняя политика развязала ядерную войну. Сколько бы голодных лет и эпидемий чумы потребовалось, чтобы унести столько жизней? И какова была цена выживания при таких правителях?

— Но брахмарды — не такие,— возразил Лорн.— Вы это сами увидите там, в деревне. О местных жителях хорошо заботятся. Никто их не оскорбляет и не давит на них. То же относится и к континентальным территориям. В Бенегали еще полно проблем, как раз теперь там свирепствует массовый голод — но все это будет преодолено.

— А почему деревенские жители не ловят рыбу? — с вызовом спросила Ализабета.

— Что? — Поставленный в тупик этим вопросом, Лорн остановился на тропе. Солнце заливало их обоих белыми горячими лучами, залив пылал расплавленной медью, а в джунглях листва сливалась в единую зеленую стену. Но Рану пробирался по брюху горы, где шумели машины.

— Это же непрактично,— возразил мериканец.— Часть нашей работы строго конфиденциальна. Мы не можем допускать риска утечки информации. Но бенегальцы их кормят. Октаи, для рыбаков это же праздник. Они не жалуются.

Ализабета решила переменить тему, а то даже это воплощение бесшабашности могло что-нибудь заподозрить.

— Значит, вы ученый? — начала она.— Как интересно! А зачем вы им здесь нужны? Я хочу сказать, что у них есть и свои хорошие ученые.

— Я... хм... у меня есть специальная подготовка, которая им, хм, полезна, — ответил он. — Вы же понимаете, как связана наука с технологией. Ваши биотехники выводят особые виды бактерий, способные концентрировать определенные металлы из морской воды, и, естественно, им нужны данные из области металлургии. В моем случае... хм... — Поспешно: — По пути домой мне бы очень хотелось посетить вашу большую обсерваторию в Нв'Зелании. Я читал, что им удалось сфотографировать древний искусственный спутник, который все еще кружит вокруг Земли, уже столько веков. Я думаю, может быть, те данные, которые наши археологи раскопали в Мерики, помогут его идентифицировать. Если знать его изначальную орбиту и так далее, мы могли бы расчетным путем получить обширную информацию о солнечной системе.

— Танароа! Конечно! — Несмотря ни на что, она в воодушевлении чуть не подпрыгнула. Ее покрасневшее лицо, лоснящееся от пота, обратилось к равнодушному голубому небу.

— Конечно, — пробормотал он почти про себя, — это капля по сравнению с теми сведениями, которые мы могли бы заполучить, если бы люди сами смогли попасть на этот спутник.

— Снова строить космические зонды? Или организовывать пилотируемые полеты?

— Разумеется. Если бы у нас были энергия и промышленное производство. Именем Октаи, но мне от этого просто плохо становится. — Он бессознательно сжимал ее руку все сильнее, пока Ализабета, наконец, не сморщилась. — Поскрести бедные руды, хвосты, скрап, синтетические материалы, заменители... Потому что древние так выкачали все полезные ископаемые. Они истощили все хорошие месторождения, большую часть органического топлива, уголь, нефть, уран... затем разгромили всю промышленность в войне и оставили машины ржаветь до состояния праха, из которого нельзя регенерировать ничего полезного в эти столетия мрака. Вот что не дает нам развиваться, девочка. Мы знаем все, что делали наши предки, и даже немного больше. Но у нас нет их оборудова-

ния для обработки материалов в тех масштабах, в которых работали они, и нет естественных ресурсов для того, чтобы построить его заново. Получается порочный круг. Мы не имеем капитала, который можно было бы вложить в развитие крупной промышленности, позволяющей накопить капитал.

— По-моему, мы живем очень неплохо,— возразила Ализабета, осторожно высвобождаясь.— Солнечная энергия, топливные камеры, энергии ветра и воды, биотехнология, освоение океана, океанические фермы, эффективное сельское хозяйство...

— Мы могли бы жить лучше.— Его рука описала крутую траекторию, в результате большой палец стал указывать в направлении залива.— Там. Океаны. В их водах растворены все элементы периодической системы. Миллиарды тонн. Но с вашими дурацкими биологическими и солнечными методами мы никогда не поднимемся выше минимальных объемов производства. Нам нужна энергия. Энергия, которая позволит испарять воду кубическими километрами. Энергия, которая обеспечит синтез нефти мегабаррелями. Энергия, чтобы подняться к звездам.

Его восторг поблек. Казалось, он был потрясен собственными словами, и он, сомкнув губы, словно прячась за свои моржовые усы, шел дальше в молчании. Под ногами у них хрустел гравий и поднимались облачка пыли. Наконец они пришли в порт, поднялись на борт *Аورانги* и прошли через люк в машинное отделение.

Когда они там появились, Кеануа преостановил работу. Открыв кожух из алюминиевого сплава, он вынул детали и разложил их на палубе, присев рядом с ними на корточках в лучах света, пробивающегося через открытый иллюминатор. В помещении царили прохлада и полумрак, мелкие волны бились снаружи о корпус корабля.

— Добрый день,— поприветствовал таитянин. Его улыбка была вымученной, так как всеми мыслями он был с Рану, находившимся в горé.

— Похоже, что вы на некоторое время здесь застряли,— заметил Лорн, прислоняясь к панели переборки.

— Безусловно. Пока не узнаем, что случилось с нашим товарищем,— ответил Кеануа.

— Мне очень жаль,— сказал Лорн.— Будем надеяться, что он скоро найдется.

— Но мы не можем его ждать бесконечно,— заставила себя вмешаться Ализабета.— Если он не найдется к тому времени, как мы починим двигатель, нам придется взять курс на Калькут. Ведь ваша группа отошлет его, когда он наконец появится, не правда ли?

— Конечно,— заверил Лорн.— Если он будет жив. О, простите меня, м'леди.

— Все в порядке, я не сержусь. На островах мы не обременяем себя эвфемизмами.

— Черт побери, я весь теряюсь в догадках,— пробормотал Кеануа.— Он хороший пловец, что могло случиться, если он пошел купаться? Конечно, вместо этого он мог пойти погулять в джунгли. Вы уверены, что местные племена — миролюбивые?

— Хм...

— *Вы меня слышите? Вы меня слышите?*

Голос Рану прорезался в голове Ализабеты едва уловимо, как писк насекомого. Но она ощутила боль, мучившую его. Он был ранен.

— *Уходите! Уезжайте как можно скорее! Я видел эту штуку. Она работает. Изрыгает энергию... Нечто вроде хемосинтетической станции под... Они меня заметили, и я двинулся назад. Они выстрелили из газовой винтовки мне в бедро. Везде визжат сигналы тревоги. Надеюсь, я смогу пробиться к выходу и спрятаться в лесу...*

Кеануа вскочил. У него под кожей мускулы зашевелились, словно змеи.

— *Нам сбегать, когда местные идут у тебя по пятам?* — прорычал он.

По мере того, как Рану приближался к открытому пространству, его сигнал усиливался.

— *Это место имеет радиотелефонный контакт с городом. Дхананда, конечно, уже поставлен в известность. Сма-тывайтесь, вы, двое...*

— Если... если это удастся, запнулась Ализабета.—
Но ты...

— *ГОВОРЮ ВАМ, ПОДНИМАЙТЕ ЯКОРЬ!*

* * *

Лорн переводил взгляд с Кеануа на Ализабету. Он схватился за кинжал. Годы, проведенные за письменным столом, не притупили его реакции.

Ализабета смотрела мимо него на Кеануа. В словах не было нужды. Таитянин сжал в запястье руку Лорна, державшую кинжал.

— Какого дьявола, — мериканец ловко выдернул руку, которая проскользнула между пальцами Кеануа, и сталь лезвия отразила солнечный луч.

Кеануа сжался. Лево́й рукой от отвел удар кинжала, а правой, напрягшись, ткнул противника в солнечное сплетение. Но Лорн нанес удар ребром ладони лево́й руки сверху вниз. Если бы запястье Кеануа было послабее, оно бы сломалось. Но у моряка лишь побелело лицо вокруг ноздрей да вырвалось крепкое ругательство. Лорн вытащил нож противника из ножен и швырнул его в открытый иллюминатор.

Теперь мериканец мог бы ткнуть Кеануа в живот, но он остановился.

— Что на тебя нашло? — в недоумении спросил он высоким голосом. — Мисс Ализа... — Он повернулся вполоборота, разыскивая ее взглядом.

Кеануа достаточно пришел в себя, чтобы снова потянуться к кинжалу мериканца. Одну руку он сунул под запястье, а другой придавил сверху, пользуясь всем своим телом как рычагом — рука Лорна согнулась, пальцы разжались, и оружие стукнуло, падая на палубу.

— Подбери его, девочка, — сказал Кеануа. Он ногой отбросил кинжал в сторону. Лорн уже вцепился в него. Ализабета метнулась мимо их топчущихся по палубе ног, чтобы схватить оружие. Пульс бился у нее в глотке. В том, какой сверкающий свет проливалось солнце сквозь иллюминатор, заключался бесконечный ужас. Плеск

воды за бортом заглушался пыхтением и топтанием, — вперед-назад, — двух борющихся на палубе мужчин. Лорн стукнул Кеану кулаком, как боевым топором, но тот наклонил голову и принял удар на череп. У американца боль пронзила фаланги пальцев. Он отпустил своего противника. Воспользовавшись открывшимся преимуществом, Кеану сделал удушающий захват. Лорн выбросил ступню, удар пришелся таитянину в живот и отбросил его в сторону.

Раздумывать времени не было. Ализабета взбежала по лестнице на главную палубу. На причале, не спуская глаз с корабля, стояло несколько черных ребятишек, держа во рту большие пальцы. Если бы не они, Порт Арберта казался бы спящим. Но дальше, за мерцающим перегретым воздухом, на тропе у подножия холма... Она прикрыла глаза. Мужчина в белом и трое солдат в зеленой форме; явно направляются сюда. Дхананду проинформировали, что шпион пробрался на секретный объект. А теперь он спешил арестовать тех, кто, несомненно, были сообщниками шпиона.

Всего с тремя солдатами?

Минутку. Он же не знает о нашей связи. Он понятия не имеет, что нам известно, что Рану обнаружен. Значит, он рассчитывает захватить нас врасплох — чтобы мы не уничтожили улики, или не разрушили корабль, или... Да, он сейчас заберется на борт с какой-нибудь вымышленной историей о поисках Рану, а его люди наставят на нас винтовки по его сигналу. Не раньше.

— Рану, что мне делать?

Ответа не последовало: сосредоточившись, она ощутила лишь боль в мышцах, огонь в легких, жар и пот от бега. Он бежал по джунглям, преследуемый стрелками, не в силах думать ни о чем, кроме, где бы ему спрятаться.

Ализабета принялась грызть ногти. Лезус Харисти, Сын Танароа, что же делать, что делать? Она уже приготовилась вызвать базу на Кар Никбар. Послать единственное радиосообщение, сказать, что они узнали, а потом сдать Дхананде. Но это был акт отчаянья. Таким образом она открыто втянула бы Правительство Федерации. Хуже того,

любой посторонний, которому случилось бы настроиться на эту волну, а в последнее время велось много переговоров по радио, мог записать и расшифровать сообщение, догадаться, что здесь происходит, и разнести весть по всему миру. А от этого со временем подобные заварухи начались бы в разных уголках планеты... А Федерация не смогла бы погасить все разгорающиеся очаги, не хотела и не располагала достаточным оборудованием...

— *Прекрати бормотать, как несмышленное дитя! Принимай решение!*

Ализабета бросилась назад, в машинное отделение. Кеануа с Лорном катались по палубе, сцепившись намертво. Она достала из инструментов гаечный ключ и занесла его над головой мериканца. Под желтым пушком волос проступало розовое пятно лысины, она вспомнила, как вчера он показывал ей фотографии своих детей... Нет. Она не могла. Отбросив ключ, она стянула свой пояс, свернула его и осторожно захлестнула им шею Лорна. Один поворот — он стал задыхаться и выпустил Кеануа, тот, высвободившись, в пару секунд оглушил его.

— Спасибо! Не знаю... Справился ли бы я... в одиночку. Сильная бестия. — Говоря это, Кеануа прочно вязал мериканца и запихивал ему в рот кляп. Лорн моргал, дергался, беспомощно извивался и сверкал глазами, выражая взглядом гнев и боль.

Ализабета уже поставила на место одну панель. В задней нише имелся другой мотор, исправный. Она соединила его с управлением, одновременно рассказывая Кеануа, что видела.

— Если мы сработаем правильно, мне кажется, нам удастся захватить и тех, других, — сказала она. — Во-первых, это вызовет замешательство, а во-вторых, из них получатся ценные заложники. Так?

— Так. Хорошая девочка. — Кеануа хлопнул ее по попе и широко улыбнулся. Памятуя бенегальские обычаи, она снова надела пояс и направилась на верхнюю палубу.

Дхананда со своими стражниками добрался до палубы через несколько минут. Она помахала им рукой, но не

покидала своего места у входа в кают-компанию. Они поднялись по трапу, гулко стучавшему под их башмаками. Брахмард был мрачнее тучи.

— Где остальные? — прорычал он.

— Там, внизу, — кивнула она на кают-компанию. — Выпивают. Не хотите ли присоединиться?

Он помедлил.

— Только вместе с вами, моя леди.

— Разумеется.

Она пошла первой. Помещение было длинным, низким и прохладным, из обстановки там были только соломенные матрасы да оккайдские ширмы. Из-за одной из них вышел Кеануа. У него в руках была многозарядная газовая винтовка.

— Ни с места, приятели, — распорядился он в микрофон. — Руки вверх.

Солдат, выругавшись, схватился за автомат. Кеануа нажал на курок. Со щелчком сработало устройство подачи. Три пули прошли палубу перед ногами у солдат.

— Цианид, — напомнил Кеануа. Он не отпускал бамбуковую трубку. — В следующий раз стреляю на поражение.

— Вы соображаете, что делаете? — выдохнул Дхананда. Его лицо стало почти серым. Но он вскинул руки вверх вместе с остальными. Ализабета собрала их оружие. Она бросила винтовки в угол таким движением, словно они были горячими.

— Надо их обезвредить, — сказал Кеануа. Он заставил пленников лечь и держал под прицелом, пока девушка их связывала. Потом он поочередно перенес их в запирающийся отсек кают-компания, где уже лежал Лорн. Привязывая Дхананду к тумбе, она сказала:

— Можно пойти на компромисс. Не хотите ли вы приказать своим людям, чтобы они дали нам уйти без боя? Я вам могла бы сюда принести микрофон.

— Нет, — запротестовал Дхананда. — Вы, пиратские свиньи.

— Как вам будет угодно. Но если нас потопят, вы пойдете ко дну вместе с нами. Подумайте об этом. — Кеануа пошел обратно, наверх.

Ализабета стояла у двери кают-компаний, вся обратившись во внимание.

— Я совсем его не слышу, — прошептала она. — Он мертв?

— Теперь не время для этого, — сказал Кеануа. — Нам надо отчаливать. Берись за штурвал. Я думаю, как только мы выберемся из бухты, мы поймаем ветерок.

Мрачно кивнув, она направилась в рубку рулевого. Кеануа поднял швартовы. Как по волшебству, откуда-то показались несколько взрослых аборигенов, которые стали за ним наблюдать. Мотор ритмично застучал, лопасти погнали воду, *Аورانги* вышла в залив. Кеануа стремительно двигался по судну, приводя орудия в боевую готовность. Вооружение было стандартным, как у всякого гражданского корабля: катапульта, выбрасывавшая снаряды из сжелированного рыбьего жира, два маховых колеса, при помощи которых стреляли мелкими острыми камнями. Поскольку пираты не могли достать ружейного пороха, торговые суда находили его приобретение излишне расточительным. Один из офицеров разведки хотел снабдить их ракетной установкой, но Рану указал, что им будет нелегко скрыть дополнительный двигатель.

На вершине холма люди зашевелились, как муравьи. Ализабета заметила, как четверо из них поскакали верхом на лошадях. Позади них облаком поднималась пыль. Они рывком открыли ангар, где стояли катера, и двинулись за судном на расстоянии слышимости голоса.

Бенегальский офицер поднялся в полный рост и прокричал в мегафон:

— Эй! Куда вы держите курс? — но его голос быстро растворялся в морском пространстве.

— Ваш шеф приказал нам вести поиски, — прокричал в ответ Кеануа.

— Да? А где он? Дайте мне с ним поговорить.

— Он внизу. Сейчас выйти не сможет.

— Остановитесь. Мы сейчас поднимемся к вам на борт.

Кеануа ответил бранью. Ализабета выводила корабль через канал, едва слыша эти выкрики. Отчасти она мучилась сознанием, что напала на гостей, отчасти взывала к Рану, чтобы он ей ответил. Но отзывались только чайки.

Катер повернул к берегу. Кеануа двинулся за ним.

— Они вскоре подойдут к нам. Я предупредил, что их люди уйдут с нами на дно, и им бы лучше пойти на переговоры. Предполагая, что мы действительно пираты. Но они не станут слушать.

— Конечно,— кивнула Ализабета.— Каждый час промедления нам на руку.

Кеануа вздохнул.

— Вот такие дела. Я вызываю Никбар.

— Какой сигнал? — Посылать зашифрованные сообщения было слишком рискованно, но они заранее договорились о нескольких кодах: обычные стандартные импульсы, соответствующие определенным ситуациям.

— Нападение. Сюда! Как можно скорее, со всем, что у вас есть.— решил Кеануа.

— Только чтобы спасти нам жизнь? О нет!

Таитянин покачал головой.

— Чтобы стереть с лица земли этот проклятый проект под холмом. Иначе брахмарды разовьют свои идеи и наберут такую гвардию, что нам и близко не подойти без полномасштабной войны.

Он помолчал.

— Нас на корабле двое. И их — сотни две. Нам трудно-вато будет оставаться в живых, девочка, пока придет смена караула.— Зевнув, он потянулся, стараясь разогнать напряжение.— Конечно, я бы предпочел и ради себя остаться в живых.

В открытом море действительно оказался бриз, который слегка посвежел, когда *Аورانги* отошла южнее. Они включили компьютер, чтобы определить положение парусов и отключили лопасти. Полная мощность двигателя потребуется на стрельбу из орудий. Поставив управление на автопилот, Кеануа и Ализабета помогли друг другу облачиться в боевое защитное снаряжение и надеть шлемы из металлических сплавов.

В это время над ними показались воздушные корабли. Ализабета понимала, что это были их единственные боевые суда. Со своей материковой ментальностью брахмарды не

додумались разместить здесь морской флот. В небе летели один, два, три — целая дюжина дирижаблей, огромных и ярких. Они выстроились и двинулись в погоню.

* * *

Рану очнулся так внезапно, что несколько секунд в недоумении смотрел по сторонам: где он, и что случилось? Он лежал в яме под упавшим деревом, укрывшись за каскадом ветвей лианы с цветками, напоминавшими горны. От солнца их листья почти полностью пожелтели; свет, проникавший сквозь их ветви, был густо-зеленым, а воздух, защищенный от малейшего дуновения ветерка — невероятно горячим. По телу Рану кругом что-то ползало, он не знал, насколько это был пот, насколько — муравьи. Его правое бедро в том месте, где в него вонзилась газовая пуля, нестерпимо саднило. Аромат земли и сока поломанных ветвей, смешанный с его собственным запахом, заполнял ноздри. Полуденное безмолвие нарушалось лишь биением его сердца да отдаленным бульканьем.

Ах да, устало вспомнил он. Я добрался до главного входа, скрутил часового и прыгнул в чащу. За мной — десяток бенегальцев... потряхнул их, но потом надо было убежать от местных... скороходов. Надеюсь, мне удалось замести следы и скрыться из виду. Должно быть. А то они бы уже меня здесь достали. Я пролежал без сознания несколько часов.

Корабль!

К нему полностью вернулась память. Он втянул воздух сквозь зубы, почти выпрыгнул из своего укрытия, полностью придя в себя, и запустил пальцы в мох, на котором лежал животом. Наконец-то он обрел способность передавать мысли.

— *Ализабета? Где ты? Ты меня слышишь?*

Она ответила немедленно. Это были не слова, а громкий вдох, смех, всхлип, прозвучавший чище и сильнее, чем ему приходилось слышать... А когда их души обнялись, он почувствовал что-то новое в глубине своего сознания. Вдруг он воплотился в нее, встал на борту корабля.

Земля скрылась из виду — кругом только океан, под ногами он был светящийся и голубой, а вдали переливался на солнце, как слюда. Крушение воздушного судна произошло в километре от правого борта, гондола висела под сплюснутым воздушным шаром. Остальные суда величественно маневрировали в небесах. Шум их пропеллеров катился по пустой палубе.

Аورانги выдержала атаку. Зажигательные бомбы оказались бессильны против огнеупорных материалов, но от них посюду остались шрамы. Каюты были разбиты в щепки. Прямое попадание и взрыв бомбы уничтожили фок-мачту, куски которой валялись на разбитых коллекторах солнечной энергии. Корабль содрогался в грохоте снарядов. От парусов, висевших на мачтах, оставались одни клочья. Ударной волной открыло два отсека корпуса, так что тримаран низко сел на этот бок, палубы трескали, как бешеные.

На палубе в черных лужах запекшейся крови вытянулись трое мужчин. Когда противники, сбросив абордажные крючья, стали спускаться на фок-мачту, Ализабета закидала их камнями. Большая часть свалилась за борт, но эти трое упали на палубу с тошнотворным стуком. Тогда Кеану выпустил из катапульты один за другим четыре зажигательные снаряда по воздушному шару. Даже при современных защитных устройствах ему удалось пробиться к водороду. Воздушное судно сбилось с курса и медленно отрейфовало в море. Разгоревшееся пламя казалось бледным, его было почти не видно в свете солнца, но пар был хорошо заметен. Мавраи, естественно, не пытались препятствовать последовавшей за тем спасательной операции. Позднее бенегальцы были удовлетворены бомбежкой и беспорядочной стрельбой. Если защитники перестали действовать, они могли беспрепятственно подниматься на борт.

— *Они не форсируют нападения так, как могли бы,* отрапортовал Кеану. *Но они надеются сохранить жизнь нашим узникам, а потом, они не знают, что к нам следует подкрепление, если нам удастся продержаться...* Почувствовав, как тесна была связь между Рану и девушкой, он вышел

из разговора с извинениями. Но Рану все же успел разделить с ним боль от ожогов и пули в плече.

Ализабета присела на корточки у башни пулеметателя. Та была темная и горячая и вибрировала в такт движению махового колеса. Перед глазами девушки была пронзительная голубизна неба, а трепещущие паруса казались ей ослепительно белыми. Слишком много уже было разрывов бомб и ударов взрывной волны, и их приют делался ненадежным. Зажигательный снаряд, который упал за бортом, не вызывал пожара, но всасывал воздух.

Так-так, молодец, ласкал ее Рану. Вот и я здесь. И они вместе брались за орудие.

Ведущее воздушное судно выдвинулось из строя и стало приближаться. Эскадрилья пролетала в основном на высоте, недоступной для их снарядов, осыпая морское судно бомбами, к счастью, на глазок, без точного наведения. Но их последние несколько заходов предполагали стрельбу на поражение. Кеануа подумал, что взрывчатые вещества у противника на исходе. Они и так израсходовали массу дорогостоящих химикатов, что было слишком расточительно даже для такой высокоиндустриальной державы, как Бенегали. Ализабета думала, что их беспокоит судьба пленников.

— Неважно.

— Вот они!

Воздушное судно пролетело низко над стройной готической в форме буквы А, бросив тень на палубу. В него полетел град пуль, камней, все это сопровождалось страшным шумом, вибрацией, и вся палуба заходила ходуном. Ализабета и Рану навели главное орудие своего корабля на деревянное утолщение гондолы. Они вместе нажали на педаль. Орудие громыхнуло, и в переплетение гондолы полетели камни.

Кеануа у своей катапульты что-то прорычал. Ализабета услышала его как бы издалека. Его голос поглотил шум задетого воздушного судна. Оно закачалось, потеряло управление и накренилось. Девушка заметила, как корзина дирижабля почернела, и на ней появилась пробоина. Кеа-

нуа совершил прямое попадание в мотор дирижабля, вывел его из строя, сделав летучего противника инвалидом.

— *Ура!* гаркнул Рану.

Ализабета, наклонившись, прислонилась лбом к консоли пушки. Она дрожала от изнеможения. — Сколько мы можем так продолжать? Вскоре наши магазины совсем опустеют. Энергия в солнечных ячейках почти иссякла, а зарядить их нет возможности. Рану, не дай мне упасть в обморок. Держи меня, мой милый...

— *Слишком долго ждать не придется. Современные военные самолеты летают со скоростью сто километров в час. До базы в Кар Никбаре не более четырехсот километров. Их можно ждать в любой момент.*

В этот момент!

Кеануа снова закричал. Ализабета решилась сделать шаг по палубе, чтобы получше видеть, с шумом вздохнула и прислонилась к башне орудия. Бенегальцы, у себя на высоте, заметили опасность гораздо раньше. Это последнее нападение на *Аоранги* было предпринято в отчаянье. Они строились перед боем.

Все еще вдалеке, но стремительно приближаясь, показались пятнадцать стройных золотистых воздушных судов. У каждого было четыре двигателя, каждый имел на вооружении бомбы, снаряды и воздушные гарпуны. А бенегальцы растратили свои запасы на *Аоранги*.

Когда пополнение приблизилось, Рану-Ализабета стали рассматривать опознавательные знаки на воздушных судах. Они были, конечно, не маврайские; не соответствовали никаким официальным гербам, хотя драконы, изображенные на них, все же больше напоминали синезские. Давно ходили слухи о некоем боге войны из Юннаня, который накопил достаточно сил для попыток крупномасштабного разбоя. С другой стороны, всегда попадались новоиспеченные грабители из Бурумы, Ир'ана и из далекого Смаллилана.

— *Назад, в укрытие, предупредил Рану. Все еще может случиться. Когда она оказалась в безопасности, он облегченно вздохнул. А теперь начинается моя работа.*

— Рану, не надо, ты же ранен.

— Их нужно направлять. Прощай пока, да хранит тебя Танароа!

Он нежно отсоединился. Его мысли метнулись вверх.

— Вызывает Рану Макинтаиру, вы меня слышите?

— Громко и отчетливо, отозвался Арувера Самиту, старший офицер разведки на борту флагманского корабля. Восприняв мысли, он присвистнул. Тебе там здорово досталось, не правда ли?

— Во всяком случае, мы отделались легче, чем могли бы, учитывая, насколько далеко зашла ситуация. Слушай, ваши данные отлично вписались в созданную вами картину, которая оказалась абсолютно верной, но с опозданием на три-четыре года. Брахмарды не просто строят здесь атомную электростанцию, они ее уже построили. Она работает.

— Что?

— Клянусь, это наверняка так. Рану быстро рассказал, что он видел. Строительство, наверное, закончено недавно, иначе нам оказали бы серьезное сопротивление. На самом деле, команда исследователей все еще занимается, отлавливая последних блох. Как и выяснила ваша Служба, бенегальцы не располагали собственными научными ресурсами для такого проекта, на основе древних данных. Мне кажется, они здорово продвинулись, но не могли добиться, чтобы аппарат заработал. И они импортировали Лорна сына Брауэна. А он, со своими знаниями в области ядерных процессов на звездах, разработал новый подход. Я не могу себе представить, в чем он заключается. Но... они что-то сделали на этом острове, чего не удавалось всему древнему миру. Контролируемые реакции с водородом.

— А станция очень большая?

— Огромная. Но, как мне кажется, все ее сердце находится в одной комнате. Это круглая камера с высокой железной обшивкой. Они, должно быть, прочесали весь мир.

— Именно. Это-то нас и насторожило. Наши физики считают, что реакция происходит в магнитном поле. Но сейчас не время для обсуждения. Начинается воздушный бой. Я надеюсь, мы с этими ребятами разделаемся в течение часа. А тогда ты сможешь направить нас туда?

— Да. После того, как сам определяюсь на местности. Счастливо.

Рану вновь сосредоточил внимание на своем непосредственном окружении. Посмотрим, чуть после полудня, значит там у нас — запад, а он бежал приблизительно на юго-восток. Сжав зубы, чтобы подавить боль в ноге, он выполз из своей норы и похромал в заросли тростника.

Он двигался медленно, часто останавливался, чтобы забраться на дерево и осмотреть окрестности. Ему казалось, что он производит шум, от которого бы Нан поднялся в своем подводном аду. Прошло более часа, когда он наконец выбрался на искусственную тропу, извивающуюся между сплошными стенами лесной чащи. Судя по следам, по ней ездили на повозках, а следовательно, она соединяла одну из деревушек с пещерами. Но теперь сердце в груди Рану забилося с такой силой, что он был уже не в состоянии соблюдать обычные лесные меры предосторожности. Он просто двинулся по дороге.

Джунгли оставались жаркими и абсолютно спокойными. Он чувствовал, что сможет без труда услышать, если кто-нибудь будет приближаться: у него будет время, чтобы спрятаться. Но аннаманцы застали его врасплох.

Они прыгнули с сука у него над головой, это были два чернокожих карлика в набедренных повязках, вооруженные кинжалами и газовыми пистолетами. Рану даже не взглянул на них, когда они ссыпались. У него не оставалось времени на обдумывание, он мог только непосредственно реагировать. Он ударил ребром ладони по костлявой шее. Абориген упал как подкошенный.

Второй завизжал и отскочил в сторону. Рану вытащил свой кинжал. На него был наставлен газовый пистолет. Раздался выстрел. Рану смутно почувствовал, что пуля пролетела у него мимо уха. Она не была отравлена, аннаманцы предоставляли такие трюки цивилизованным нациям, но она могла попасть в сердце. Он поймал пулю и отбросил в сторону. На него вытаращились полные страха глаза. Дикарь вытащил кинжал и ткнул им. Он не был особо искусным воином. Рану парировал удар, его лишь чуть

царапнуло по предплечью, и тогда он воткнул собственный кинжал. Абориген застонал. Рану ударил снова.

После не было ничего, кроме залитой солнцем густой тишины, и двух тел, которые выглядели еще мельче, чем когда они были живы.

Лезус милостивый, должен ли я был так поступать?

Давай, Рану. Ноги в руки — и вперед. Прикрыв смотрящие в небо глаза абригенов, он двинулся вперед. Приблизившись к пещерам, он нашел укрытие и стал ждать.

Недолго. Бенегальский воздушный флот, который не залетал далеко над морем, обратился в бегство. Они совершили посадку вблизи Порт Арберта, ожидая, что им придется держать оборону. Но мавраи, оставив охрану вдоль кромки воды, устремились в глубь острова, к холмам. Рану восстановил контакт с Аруверой, который передавал инструкции штурману флагманского воздушного судна. И наконец они закружили над лабораторией атомной станции.

Солдаты, раскрашенные и одетые по-варварски, стали спускаться на парашютах. Схватка на земле была яростной, но короткой. Когда последний часовой скрылся в лесах, мавраи двинулись сквозь промышленные установки.

В холодном флюоресцентном свете, который поглощал бесконечно малую толику вырабатываемой энергии, Арувера с ужасом рассматривал ядерный реактор.

— Вот это машина! — повторял он. — Вот это да!

— Как мне не хочется разрушать его! — сказал главный научный консультант. — Танароа! Я не смогу спокойно спать до конца своих дней. Нельзя ли, по крайней мере, спасти чертежи?

— Если мы найдем их, и у нас хватит времени сделать микрофотоснимки. Иначе их придется спалить в общем акте вандализма. Пираты не воруют чертежей. Мы должны будем разрушить все, словно нашей целью были накопления железа и всего остального, что на вид представляет коммерческую ценность... Пора переносить награбленное, пока сюда не прилетел весь Бенегальский флот с материка. Да и надо послать сигнал, чтобы расформировали Карник-барскую базу. За дело! Где здесь основной рубильник?

Научный эксперт стал быстро и со знанием дела просматривать электрические цепи, но внутри у него все по-прежнему кипело.

— Сколько же это стоило? — удивлялся он. — Какую часть богатства этой страны мы уничтожаем?

— Очень большую, — отозвался Рану. Он сплюнул. — Но меня это не волнует. Может быть, теперь они смогут урезать налоги со своих крестьян. Что меня волнует, так это... — Он споткнулся. — Сегодня погибло множество бенегальцев и несколько мавраев. — Военные профессионалы, окружавшие его, не могли понять, как больно ему было вспоминать о двух черных мужчинах, ростом чуть больше детей, оставшихся мертвыми лежать в джунглях.

* * *

Восьмая конференция Международного физического общества состоялась в Велланта. По сравнению с предыдущими, она оказалась более пестрой, потому что еще несколько наций (племен, кланов, альянсов, сообществ, религий, анархий... — политическое устройство могло быть самым разнообразным) развились до стадии, когда могли себе позволить проведение физических исследований. Длинные одеяния, похожие на платья, полотняные штаны, напоминавшие кальсоны, таблички на груди, тоги, саронги и клетчатые юбки. По ночам мелодии в десятке систем музыкальной настройки доносились из окон верхних этажей. Те, кто принадлежал к поэтически настроенным нациям, старались сделать переводы стихотворений, написанных в других странах, и часто заимствовали главную идею для своего репертуара. В профессиональной части имелся целый ряд выдающихся выступлений, в частности, касавшихся маврайского компьютера, который использовал искусственные органические ткани, и общей теории турбулентных процессов, принадлежащей одному математику из Бразилия.

Лорн сына Брауэн был заметным участником. Не то, чтобы многие расспрашивали его о волнующей схватке с

пиратами. В конце концов, она произошла много лет назад, да и с самого начала, рассказывая о ней, он был немногословен. «Они продержали нас на каком-то необитаемом острове, пока мимо не пошел случайный корабль, а тогда высадили нас с наступлением темноты вблизи Порт Арберта. Нельзя сказать, чтобы к нам плохо относились. В основном мы страдали от скуки». Интереснее был труд Лорна, посвященный эволюции звезд.

Однако этот крупный лысеющий мужчина несколько раз исчезал из зала конференции. Он разговаривал со странными типами внизу, у кромки воды; из рук в руки передавались какие-то деньги; в конце концов он получил сообщение, которое заставило его сардонически хмыкнуть. Он стремительно бросился на улицу и свистнул проезжавшему мимо рикше. Он вышел возле дома, расположенного среди холмов, откуда открывался прекрасный вид на перелески и сады, террасами покрывавшие спуск к порту, где царило нагромождение мачт под предвечерним солнцем. Даже в своем самом крупном городе люди Моря не любили излишней толчеи. Это здание было типичным: побеленный кирпич, красная черепичная крыша, щедро цветущие клумбы. Над домом на мачте поднимался морской флаг, свидетельство того, что хозяин был капитаном. Когда он был на берегу. Но сторож сообщил, что капитан Макинтаиру находится в море. Его жена на этот раз не пошла с ним в плавание, так как двое детей ходили в школу, а третий вот-вот должен был родиться. Мериканец отпустил рикшу и пошел по тропинке ко входу. Он постучал.

Дверь открылась. Женщина мало изменилась, продумал он: пополнила, в волосах появилась седая прядь, но в остальном... Он кивнул.

— Добрый день, моя леди Ализабета,— сказал он.

— О! — Она открыла рот. Ализабета переминалась с ноги на ногу.

Он испугался, что женщина может упасть в обморок. Ирония оставила его.

— Простите! — воскликнул он. Он взял ее за руки.

Она тут же прислонилась к нему.

— Извините. Я никогда... никогда...

Она глубоко вздохнула и выпрямилась. Ее смех прозвучал неуверенно.

— Вы приятно удивили меня, — сказала она. — Заходите.

Он прошел за ней. Комната наверху была солнечной, спокойной, она была сплошь уставлена полками с книгами. Хозяйка предложила ему сесть.

— Н-не хотите ли бокал пива? — Она нервно металась по комнате. — Или я могу приготовить чай. Если вы предпочитаете... Я хочу сказать, чай. Кофе?

— Пиво — это то, что надо. Спасибо. — Он говорил по-маврайски весьма бегло, любой ученый должен был знать этот язык. — Как вы жили эти годы?

— Очень хорошо. А вы?

— Чудесно.

Нарастала тишина. Он уставил взгляд в колени, сожалея, что пришел сюда. Она поставила на стол перед ним два бокала с пивом, присела на стул напротив и некоторое время рассматривала его молча. Когда наконец он поднял глаза, то обнаружил, что ей удалось взять себя в руки лучше, чем ему. Румянец вернулся на ее лицо. Она даже улыбнулась.

— Знаете, я никогда не ожидала, что вы нас разыщете.

— Я и сам не надеялся, — промямлил он. — Но мне подумалось, раз уж я оказался здесь, стоит попробовать. Я подумал, что будет плохого, если я попытаюсь? Почему вы не сменили имена или, скажем, место жительства?

— Мы думали об этом. Но наша миссия была сверхсекретная. А Макинтаиру — очень распространенное имя в Нв'Зеланнии. Мы планировали одно: раствориться в числе простых моряков. Мы всегда ими и были, как вы понимаете.

— Я не был в этом уверен. Судя по тому, как вы себя вели, я решил, что вы подготовлены для специальных операций.

— Господи, о чем вы говорите! Разведка пришла к выводу, что правда никогда не выйдет наружу, если вместо агентов использовать добропорядочный торговый экипаж, который никогда прежде не занимался подобными делами,

и не будет заниматься ими впредь. Нас, конечно, немного потренировали для этого задания, но совсем чуть-чуть.

— Тогда, наверное, у простых моряков людей Моря высокий уровень общей подготовки,— сделал заключение Лорн.— Должно быть, благодаря тому, что вы учитываете генетический потенциал, собираясь вступать в брак и заводить детей. К сожалению, это никогда бы не сработало в нашей культуре. Во всяком случае, никто не пошел бы на это по своей воле. Мы все очень ревнивые.

— Но зато нам не удастся и половины того, чего достигли вы,— возразила Ализабета.— Например, освоение пустынь. Нам просто не удалось бы организовать такую массу людей на такой длительный срок.

Выпив полбокала пива, Лорн полез в карман за сигарой.

— Не могли бы вы удовлетворить мое любопытство всего в одном пункте? Все минувшие годы я все время спрашивал себя о том, что произошло. Я додумался только до того, что ваша команда поддерживала друг с другом прямой контакт. Уж больно блестяще была организована вся операция. И однако же у вас не было при себе никаких портативных раций. Вы что, телепаты?

— Господи, нет! — Она рассмеялась, с каждой минутой чувствуя себя все более непринужденно.— У нас были портативные радиопередатчики, сверхминиатюрные: имплантированные хирургическим путем, работающие от температуры тела. Они подведены непосредственно к нервной системе, а поэтому мы использовали слишком широкий диапазон, который не могли считывать традиционные устройства. Это действительно напоминало телепатию, я согласна. Когда позднее устройства удалили, мне не хватало этого ощущения.

— Хм.— Почувствовав себя несколько увереннее, он зажег сигару и украдкой взглянул на Ализabetу сквозь первый дым.— Вы вполне легко расстаетесь с секретами, по первому запросу.

— Трансиверы больше не составляют секрета. Они скорее относятся к моему профессиональному интересу, чем к вашему, а вы так углубились в подготовку к конференции, что, наверное, об этом не слышали. Но базовые

методы были раскрыты в прошлом году, как вновь открытые. Они очень взволновали психологов, которые видят в них инструмент для исследований и терапевтической помощи.

— Понятно. Что касается того факта, что набег на мою лабораторию был совершен не командой корсаров, а регулярным отрядом Федерации, — губы Лорна сомкнулись под прикрытием его усов. — Вы и в этом сознаетесь?

— А что еще мне остается, раз вы нас нашли? Убить вас? Убийств и так было слишком много. — Она протянула руку через стол и накрыла его пальцы. Ее темные глаза стали мягче, он заметил, что в них показались слезы. — Лорн, — сказала она. — Мы ненавидели нашу работу.

— Наверное. — Он сидел недвижно, глядя на кончик своей сигары, выпуская густые клубы дыма, и смотрел на нее. — Вначале я был ужасно зол на Дхананду... на всю касту брахмардов. Величайшее достижение моей жизни пошло прахом. У меня даже не осталось достаточно записей, чтобы восстановить чертежи. На материк не посылали копий, по соображениям, видите ли, безопасности. Мы боялись шпионов; или кто-нибудь мог выдать нас в припадке обычной истерии, связывая ядерную энергию с Судной Войной. Хотя, даже если бы у нас и остались чертежи, мы ничего не смогли бы восстановить в металле. Бенегальская казна была истощена. Люди голодали, в некоторых регионах они были близки к восстаниям, это было ужасно дорого, и им не показывали ничего, что получалось из их налогов. Вы задумывались над этим? Что вы грабили бенегальских крестьян, от которых не видели никакого вреда?

— Часто, — ответила она. — Но, не забывайте, вначале сборщики налогов обобрали их до нитки. Средства, которые были собраны на этот ядерный реактор, принесли бы им счастье и благополучие, как показывает опыт последующих лет, когда брахмарды умили свои амбиции и перешли к решению более реальных задач.

— Но реактор же действовал! Неиссякаемый источник энергии! Через десять лет в Бенегали был бы избыток

любых промышленных материалов. Этот проект окупился бы сторицей. А вы все разрушили!

Лорн откинулся в своем кресле. Медленно, со сжатыми кулаками.

— Мы не могли доказать, что налет был совершен не пиратами,— сказал он безжизненным тоном.— Разумеется, бенегальцы не могли объявить войну мощной Маврайской Федерации, не имея достаточных доказательств, чтобы снискать поддержку мощных союзников, особенно, когда ваше правительство предложило такую щедрую помощь голодающим! Но мы подозревали. В нас была моральная уверенность. И злость. Боже, как мы были злы!

— Пока...— он вздохнул.— Я не знаю. Когда я вернулся домой и погрузился в рутину своей обычной работы... и постепенно до меня дошло, какой ваш народ бескорыстный, готовый помочь... Тогда я понял, что у вас был какой-то повод, который вы считали благородным. Я не мог представить себе, какой, но... Не знаю. Наверное, нам приходится принимать некоторые вещи на веру, или жизнь наша станет слишком пустой. Не волнуйтесь, Ализабета. Я не собираюсь делать больших публичных разоблачений. От них никакого прока не будет, в любом случае. Из-под этой плотины слишком много воды утекло. Ваше правительство может быть задето, но никто не воспримет это настолько серьезно, чтобы что-либо предпринять. Вероятно, большинство подумает, что я просто лгу. Так что я уж лучше придержу язык за зубами.— Он поднял свои голубые глаза, как у ребенка, которого ударили, а он не знает, за что.— Но вы не можете мне объяснить зачем? Чего вы так боялись?

— Конечно,— согласилась Ализабета. Она еще дальше наклонилась над столом и, улыбаясь с большой нежностью, провела пальцами по его щеке — всего раз. Бедняга, которому хотелось, чтобы все было хорошо!

— Наши мотивы не составляют тайны. Тайна лишь в том, что мы предприняли эти действия. Наши аргументы были всем известны на протяжении десятилетий — с тех пор, как возможность контролируемых водородных процессов стала теоретически обсуждаться. Поэтому брах-

марды держали свой проект в такой тайне. Они знали, что мы будем оказывать давление, препятствуя осуществлению проекта.

— Да. Дхананда всегда говорил, что в вас говорит ревность. Что вы боитесь утратить положение мировой сверхдержавы.

— Ну, откровенно говоря, отчасти это верно. В целом, нам нравится, как развивается ситуация. Мы не боялись, что бенегальцам придет в голову встать на путь мировых завоеваний. Но, располагая атомной энергией, они могли начать производить военные материалы в таких количествах, которые обеспечили бы им непобедимость: взрывчатые вещества, моторный транспорт, реактивные самолеты и ядерное оружие. А если бы они поставили нас перед свершившимся фактом, мы не смогли бы влиять на дальнейший ход событий. Бенегальцы стали бы лидерами. Они оставляли бы наши протесты без внимания, а в итоге, нас никто бы не стал слушать. Мы могли бы вернуть себе лидирующее положение, только пойдя тем же путем. А Судная Война показала, чем заканчивается такая гонка!

— М-м-м, да!

— Даже если бы мы не стали заниматься возможностями атомного ядра, этим занялись бы другие. Вы понимаете, именно поэтому брахмарды никогда не ставили мир в известность о своих действиях. Они не хуже нас видели, что кто-нибудь захочет повторить их путь.

Но была важная и тонкая причина, по которой именно бенегальцев нельзя было допускать до господствующего положения в мире. Брахмарды в душе миссионеры. Они считают, что вся планета должна быть обращена, чтобы исповедовать их индустриально-урбанистические идеалы. А мы уверены, и за нами стоят серьезные психодинамические исследования, мы верим, что многие различные культуры, которые изолированно выросли в темный период после Судной Войны, должны продолжить идти по пути своей эволюции. Подумайте, Лорн. Наиболее блестящими в истории бывали эры, в которые относительно дружественные контакты устанавливались между далекими по

культуре народами. Когда Египет встретился с Критом в Восемнадцатой династии, финикийцы, персы, греки — в классические времена; Ниппон и Сина — в период Нара; Византия, Азия и Европа пересеклись, порождая Ренессанс! И конечно, наша эра, в которую мы живем!

— О, конечно, подход брахмардов открывает широкие возможности. Мы не хотим подавлять их. Но мы и не хотим подминать мир под себя. Но если бы ваш проект удался, появились бы беспредельная энергия и высокая производительность труда, обширное и стремительное движение в транспорте, огромное потребление ресурсов, демографический взрыв — тогда машинная культура вновь *поглотила* бы всю человеческую расу. Как это было до Судной Войны. Это произошло не из-за того, что они хотели бы всех покорить, но вызвали бы у других народов желание подражать.

Запахавшись, Ализабета потянулась к своему бокалу.

Лорн потер подбородок.

— М-м-может быть,— сказал он.— Если индустриализм способен лучше кормить и одевать людей, не стоит ли уступить ему место?

— А кто сказал, что он на это способен? — возразила Ализабета.— Он может одевать и кормить больше людей, это правда. Но это вовсе не значит лучше. А разве простое количество является мерилom качества, Лорн? Вам разве не хочется, чтобы в мире остались такие уголки, куда можно было бы поехать, чтобы побыть в одиночестве?

И опять же, допустим, индустриализм начал распространяться. Подумайте о переходном периоде. Я уже как-то говорила вам об ужасах, известных истории, о том, как древние коммунисты взялись переделывать свои страны по западному образцу в короткий срок. Это же случится снова. Это не обязательно будут делать брахмарды. Они — хорошие люди. Но какие-нибудь другие лидеры, в других местах — полуварвары, по-детски жаждущие власти и престижа, которые в нетерпении вдребезги разобьют свои национальные культуры. Такие лидеры обязательно появятся.

Конечно, нехорошо, что люди живут в бедности и

голодают. Но эту проблему можно разрешить по-разному. Каждая цивилизация может найти собственный выход. На островах мы добиваемся процветания, осваивая моря и ограничивая прирост населения. Вы у себя в Мерики занимаетесь сельским хозяйством в пустынных местах и ведете международную торговлю. На Оккайдо для этого культивируется умеренный образ жизни. Сбиряки добились удивительных успехов в одомашнивании и разведении оленей. И так далее. А сколько мы учимся друг у друга!

— Даже у бенегальцев, — сухо заметил Лорн.

— Да, — кивнула она вполне серьезно. — Особенно технологии машин. Хотя... пусть они поступают, как им нравится, но на островах им никто не завидует. Я совершенно уверена, что их способ, старый, не является самым лучшим. Человек рожден не для него. Если индустриализм был так благоприятен для человечества, зачем же оно совершило самоубийство?

— По-моему, это еще одна причина. Страх перед ядерной войной, — заметил Лорн.

Она покачала головой.

— Мы не боимся. Мы и сами могли бы разработать технологию и не давать никому и близко подступиться к ней. Но мы не желаем столь жесткого контроля над миром. Мы считаем, что вмешательство мавраев должно быть сведено к абсолютному минимуму.

— Однако, — резко перебил он, — вы все-таки вмешаетесь.

— Правильно, — согласилась она. — Это еще один урок, извлеченный нами из истории. Древние спаслись бы, если бы им достало мужества проявлять достаточную жесткость — действовать, пока события не нарастали снежным комом, если бы демократии подавляли любую диктатуру еще в зародыше, или если бы они просто навязали миру свой идеал, пока были в силах... Вот. — Она опустила глаза. — Мне жаль, что люди пострадали в тот день, на Аннаманах, но я не жалею о конечном результате. Видите ли, я всегда собиралась завести детей.

Лорн пошевелился. Его сигара потухла. Он вновь зажег

ее. И первая затяжка оказалась, как он и ожидал, слишком едкой. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь жалюзи на окнах, ложился пятнами на деревянный пол, на ковер из батика, привезенный с Сматры, и статуэтку странно волнующей красоты африканского происхождения.

— Ну вот. Я сказал вам, что не держу больше зла. По моему, вы не собираетесь вечно препятствовать развитию атомной энергии.

— О, конечно. Когда-нибудь, несмотря на все наши усилия, Земля станет однородной и скучной. Тогда вновь настанет время обратиться к звездам.

— Да, я слышал это мнение от многих ваших ученых. Что касается меня, то, с философской точки зрения, мне не нравится ваше отношение. Я, конечно, уступаю ему. Не могу же я рассчитывать на то, что всякое мое желание окажется исполненным. Но работа над этим проектом принесла мне большое удовольствие. Черт побери, Ализабета, я считаю, что вы не правы. Если ваше общество не в состоянии удерживать что-то огромное и новое, как укрошенный атом, клянусь Октаи, вы доказали, что это общество не стоит того, чтобы его сохранять.

Он вдруг пожалел о своих словах и принялся извиняться. Я, мол, не хотел вас обидеть, просто высказал другое мнение... Но она не дала ему договорить. Она, подняв голову, встретила с ним глазами и по-кошачьи улынулась:

— Наше общество не в силах справиться с чем-либо новым? — промурлыкала она. — Ах, мой дорогой Лорн, а что же мы по-твоему делали в тот день?

Ветряки

И... хотя была ночь, когда на земле явно холоднее, чем в море, нам пришлось искать такой ветер, который мог бы отогнать нас от Калифорнии. Наше судно тряслось

и кренилось. Оплетка гондолы скрипела, снасти гремели, воздушный шар гулко гудел, пропеллер расхныкался голо- сом усталой пилы. Я сидел на своем месте при тусклом свечении приборной доски, вскоре совершенно поглощен- ной мраком. Таупо и Вайроа, на лицах которых было написано невероятное напряжение, изо всех сил старались сохранить управление, горячий пот градом катился у них по шее и голой груди, саронги были мокрыми от него даже в этой прохладе.

Однако мы двигались. В иллюминатор, находившийся сбоку от меня, я видел, как в мерцании океана под высокими звездами возобладали серые и черные краски. Сгусток мрака далеко на берегу — должно быть, развалины Лосанглиса. Несколько костров, горевших где-то там, не давали уюта, так как известно, что гревшиеся вокруг них переселенцы могли быть грабителями и даже каннибалами. Ни один мериканский землевладелец не пытался обустро- ить бетонную пустыню; все, кто претендовал на владение, довольствовались тем, что и в своем убожестве она спо- собна служить им защитой. Интересно, стали бы люди Моря...

Но я же дрейфую, разве не так, Елена Калакауа? Может быть, я пишу о том, что тебе давно известно. Тогда прости меня. Мир столь велик и таинствен, а цивилизация опуты- вает его такой тонкой паутинкой, укрепленной лишь не- сколькими радиолиниями и, кроме того, путешествиями, такими медленными, что трудно наверняка знать, что известно о нем тому или иному человеку, даже вашей любимой девушке, отец которой — член парламента. Так что я веряю себя этому дрейфующему судну. Тебе никогда не случалось быть за пределами счастливых островов Мав- райской Федерации. Я хочу передать те ощущения, ту действительность, которые я испытал и увидел во время нашего последнего похода.

Я был рад, когда Меганекрополь скрылся из виду, и мы приблизились к чистому Муахваи. Но тогда ко мне подо- шел капитан Бовену. Его волосы белели во мраке, но он балансировал с легкостью, усвоенной им в юности, прове- денной на стенах кораблей. Боюсь, что нам придется

высадить тебя раньше, чем планировалось. Из-за этого встречного ветра моторы жрут энергию, а заправиться можно только в С'Антоне.

То есть на севере, в Саннакрусе. Но мы не могли допустить, чтобы Главный босс дознался о нашем присутствии, поскольку предмет моих поисков находился в той стране, которую он называл своей. Мейканская империя лежала в безопасном отдалении, а ее Доны были настроены дружелюбно.

Нельзя дать аккумуляторам корабля садиться. У меня мелькает мятежное сожаление, что я не на машине или реактивном самолете. Но нет, я прекрасно понимаю, что их слишком мало, они слишком дороги, а хуже всего то, что они расходуют уйму горючего и на их производство идет масса металла; они должны быть лишь у армии. Я только рассказываю, какая у меня мелькнула мысль, потому что это поможет тебе сочувственно отнестись к моим жертвам и лишениям.

— Понятно, Реву Бовену. Можно мне посмотреть на карту?

— Конечно, Тома Накамуха.— Сев рядом со мной, он разложил карту у нас на коленях и указал, где мы находимся.— Если ты пойдешь на ист-нордвест, то достигнешь города Надежды до обеда. Разумеется, твой путь не может быть особенно точным, поскольку у тебя нет ни компаса, ни хронометра. Но ты не отклонишься от курса настолько, чтобы не заметить ветряки, когда они покажутся на горизонте.

Он не сказал, что случится, если он не прав, или я собьюсь с курса. Канюки, а не чайки будут объедать мои кости, а эти птицы летают уж больно далеко от нашего моря.

Но мысль об этих ветряных мельницах и о том, что они могут значить, наполняла меня гневом. Потом, вы же знаете, что Вильяму Гамильтону был моим другом с детства. Мы вместе лазали за кокосовыми орехами, ныряли с маской и аквалангом между кораллами нежных цветов, взбирались на Мауна Лоа, чтобы заглянуть ей в глотку, ходили под парусами на торговом тримара-

не, который провез нас вокруг всего славного земного шара, а вернувшись на Авайи, пили ром и занимались с тобой и Лили любовью под луной, освещавшей наш остров. И Вильяму раньше меня отправился, чтобы ради всех нас узнать, что скрывается в поселении, которое именует себя Надеждой. Он не вернулся. И мне кажется, уже не вернется.

Поэтому я и вызвался добровольцем, даже бросал жребий, чтобы мне досталось это задание. У Службы были и другие на это место, некоторые из них, возможно, лучше подготовленные, чем я. Но у нас всегда так не хватает рабочей силы, что мне пришлось недолго упрашивать. Когда они там у себя, в Веллантао, наконец увидят, как нам недостает людей, в то время, как наша работа поважнее любой другой?

Я собрал инструменты, поднялся и повесил стропу на входной люк. Корабль резко накренился. Перекрестные течения рвали нас на куски, как стая хищных рыб — останки кита. Но я этого почти не замечал, в последний раз оглядывая себя.

Могу себя описать: я высокий для мейканца, каковым себя считаю, причем это отнюдь не невозможно, вы и сами бы заметили эту шутку генетики, наградившей половину моих предков носом, как у иннийца, и кожей цвета меди. Язык и манеры: когда я был моряком, то мне часто приходилось бывать в мейканских портах, а поступив на службу, я имел возможность заходить в глубь материка вместе с аборигенами. Кроме того, пустыня, которую редко кто пересекает, образует преграду, отделяющую их от Калифорнии. Мои спаньоль и поведение должны сойти. Теперь одежда: рубашка, брюки, форменная куртка, платок вокруг шеи, сомбреро, башмаки — все изношенное и грязное. При себе: свернутая постель, котелок, тощий пакет сухого пайка, кинжал, ножны, висящие сзади на случай, если придется использовать мачете для работы или обороны. Я очень надеялся, что для последнего оно мне не пригодится. Мы учимся пользоваться оружием, кроме того, проходим самые эффективные приемы дзюдо и карате — на тренировках; тем не менее, мысль о том, чтобы вонзить

оружие в тело человека, заставляет мои кишки связаться в узел.

Но что же случилось с Вильяму?

Может быть, ничего. Возможно, Надежда была совершенно ни при чем. Мы не могли вызвать вооруженные силы, предварительно не удостоверившись. Даже по Закону Жизни, по нашей конвенции с Главным боссом Саннакрусе даже Маврайская Федерация не может вторгнуться на чужие территории, не вызвав кризиса. Не говоря уже об убитых и раненых, ресурсах и энергии. Мы *должны* убедиться, что расходы будут оправданы — и вот я блуждаю, рассказывая об этом дочке политика, которая провела столько же времени в Нв'Зеланнии, сколько и на Авайях. Я слишком погрузился в свои мысли, пребывая в ожидании.

— Выравняться! — нараспев дал команду Таупо со своего сиденья впереди меня. Корабль с усилием добивался более ровного кия. Очевидно, альтиметр показал, что мы находимся на расстоянии каната от земли.

Реву, стоявший рядом со мной, стиснул мое плечо.

— Да хранит тебя Танароа, Тома, — пробормотал он в шуме ветра. Он перекрестил меня. — Лезус Харисти да защитит тебя от зла.

Вайроа, рассмеявшись, крикнул:

— И не надо защищать его от акулозубого Нана, его в этих дюнах не сыскать. — Он не может обойтись без шутки. Но он смотрел на меня так, словно хотел похлопать по плечу.

Открыв люк, мы выбросили канат, утяжеленный грузом. Когда лебедка перестала крутиться, я окинул корабль прощальным взглядом. Мне долго не видеть веселых батиков и тапа, если я вообще когда-нибудь их увижу. Если Надежда окажется безобидной, мне придется добираться самостоятельно, на мулах, с караванами, от стоянки к стоянке в Сандаго, где находятся наши агенты. Неудобно было бы представиться маврайским шпионом и попросить разрешения воспользоваться передатчиком, чтобы вызвать воздушный транспорт. Это заставит другие народы подозрительно относиться к находящимся среди них иностран-

цам. (Ты понимаешь, Елена, что это письмо предназначается только тебе.)

— Прощай,— хором сказали мужчины, и, спускаясь по канату, я услышал, как они тянули песню мне на счастье.

Ветер унес ее от меня. Спуск был рискованный, канат у меня в руках извивался как угорь, а мне вовсе не хотелось содрать кожу на ладонях. Но в конце концов я ощутил под ногами землю. Я потянул канат, подавая сигнал, и посмотрел вверх.

С минуту вытянутый силуэт маячил у меня над головой, *Штормовое облако* рокотало шумом пропеллеров. Затем веревку забрали, и дирижабль стал подниматься. Он скрылся на удивление быстро.

Я огляделся. Пустыни никогда мне не нравились. Но эта была особенная: природная, а не сделанная человеком. Здесь не было угасания жизни, связанного с тем, что ушла вода, истощился плодородный слой, почвы засолились. Этому месту досталось все необходимое геологическое время на то, чтобы превратиться в пустыню.

Такой чистой ночи мне никогда не доводилось видеть, звезды занимали больше места, чем кристальной черноты пространства между ними, а Млечный путь лился потоком. В небесном свете земля лежала бледная, на ней искрились сизым серебром рассеянные там и сям кусты полыни и чернели причудливые силуэты деревьев Джошуа. Я видел холмы в синеве горизонта. Холодный ветер забирался под мои потрепанные одежды, пронизывая до костей, правда, здесь, внизу, он не вопил, а шептал и цеплялся ко всему, что ему попадалось на пути. Издали доносилось завывание койотов. При движении песчаная почва у меня под ногами со скрипом слегка уходила в глубину, она была по-своему живая — как вода.

Такой прозрачной ночи мне никогда не приходилось видеть.

На этой обширной, испещренной буграми и грядами земле, заря вставала как бы притененной. Увидев вдалеке стаю диких снежных баранов, я восхитился могучим величием их рогов. Канюка, занявшая свой пост в сапфировых высотах, была не ужаснее, чем наши обыкновенные чайки,

и не менее красивой. Зеленые заросли, выделявшиеся темным пятном на фоне красных и ржаво-коричневых склонов скал, должно быть, состояли из пиньона или можжевельника.

Стоял апрель. В путешествиях по западному побережью Мейки я научился различать некоторые живые цветы: мощную окотилью, перистую недотрогу цвета меда, орхидеи, которые всегда селились возле малюсенького водного источника. Большинство же растений, робко соседствующих с шалфеем, жирным деревом и креозотным бушем, были мне не знакомы. Я слышал, как их называют брюшными цветами, потому что, чтобы разглядеть их и полюбить, действительно надо поползть на животе. Меня поразили их множество и разнообразие.

Из-под ног разбегались мелкие животные: ящерицы, змейки, богомолы; над этим мини-оазисом порхали стрекозы, крылья которых красотой не уступали орлиным. Я спугнул крупного зайца, который побежал прочь со своеобразной грацией. Но меня, в свою очередь, спугнула пара антилоп. Как раз, когда я, не останавливая хода, наблюдал собачьи бои между ястребом и вороном. Это были первые антилопы, которых мне довелось встретить, они были очаровательны, как дельфины, и почти такие же бесстрашные, потому что я был не волк, не гризли и не пума, а их род совершенно забыл мой, который не приходил сюда убивать со времени Судной Войны. По крайней мере, до недавнего периода...

Я обнаружил, что пустыня мне нравится, не как интегральная часть региональной экологии, как принято писать в книгах, а как чудо.

(О, это все же не наша земля, Елена. Нам бы никогда не захотелось здесь жить.) Взойдя, солнце застучало горячим молотом в моих висках, и колья его лучей стали тыкать меня в глазные яблоки. Воздух подпаливал меня, пока мои губы не стали напоминать пожеванную жевательную резинку, песок забрался в мои башмаки и принялся грызть ноги, а прыгучее пустынное растение чолла вполне оправдало свое название, откуда ни возмись напав на меня со своими острыми клыками. Ох, где же наш родитель Океан

и его острова! Но надеюсь, что когда-нибудь я вернусь сюда на более длительный срок. И... если Вильяму встретил среди этих природных чудес естественную смерть, погиб в пыльной буре или умер, как это утверждают люди Надежды, своей смертью, разве такая кончина хуже... чем гибель на рифах среди просторов океана?

Реву Бовену был настроен оптимистично. Время было послеобеденное, и я еще не успел бросить взгляд на ветряки, почва превратилась в природную духовку. Высокие железные скелеты прорезали мерцающий раскаленный воздух. Тем не менее я ощутил прохладу. Семь таких сооружений — это слишком уж много.

В Надежде живет около тысячи человек, взрослых и детей. Это поселение из домов белого саманного кирпича, с мрачными черепичными крышами, в центре — традиционная площадь с фонтаном, который нельзя считать излишеством в этом царстве великой суши: у глаз своя жажда, и он ее удовлетворяет яркими переливчатыми струями. (Большинство домов окружают клумбы и огороды.) Ирригационные каналы, разбегающиеся на несколько километров от города, наполняют поля злаков и овощей жизнью.

И еще ветряки. Они стояли на высоком холме за пределами города, подхватывая каждое дуновение ветра. Какие огромные! Можно только догадываться, сколь трудоемким было их возведение. Вероятно, материалом служили рельсы древних железных дорог или балки мостов, повисших над разросшейся пустотой, все это было перековано человеком, с его мускулами, человеком, который сам не поддавался перековке. Зрелище они являли безобразное, и на полном ходу оглушали меня своим скрипом, похожим на стоны. Но, как мне говорили, со временем, придут и красота, и тишина. Эта община была основана пятнадцать лет назад. Первые несколько лет они с трудом выживали. Лишь в последнее время им сделалось полегче, и они смогли заглянуть за непосредственный горизонт сиюминутности.

За холмом стояло сооружение, напоминающее ангар, из города его было не видно. От него сделанные вручную

керамические трубы тянулись, видимо соединяясь с системой ветряных мельниц, уходя в огромный кирпичный резервуар, расположенный с этой стороны, где-то близко к вершине. Из этого резервуара по системе шлюзов и затворов вода поступала в каналы, жилые дома и мастерские, проходя через небольшой затвор, маленький узел, расположенный в подошве холма, который, по словам Дэнила Смита, был снабжен гидроэлектрическим генератором. (Через несколько дней мне показали эту машину. Она была изготовлена еще до Судного дня. Для того, чтобы перетащить ее сюда и восстановить на месте, должно быть, потребовались душераздирающие усилия.)

При встрече он просто объяснил: ветряки поднимают воду из природного источника, он залегает слишком глубоко и не поддается обычной ирригации. И опять же, на обратном пути поток заряжает динамо-машину, а та — маленькие портативные аккумуляторы, которые люди приносят сюда. Таким образом есть постоянный запас электричества, он, конечно, небольшой, но для освещения и прочих подобных нужд хватает. (Эти современные вечные флюоресцентные светильники поражают своим контрастом со всеми прочими предметами быта, которые чрезвычайно примитивны, не лучше, чем пожитки какого-нибудь лесника.)

— А почему вы не используете солнечные экраны? — спросил я. — Тогда ваши запасы энергии ограничивались бы лишь числом квадратных метров, которые вы смогли бы ими покрыть.

Мое произношение на их инглисском диалекте вполне сошло за спаньольский акцент. Что касается моего лексикона, так я с самого начала не стал притворяться простым мастеровым, скитающимся в поисках заработка. Я назвался Мивелом Арруба Гонсалсом, принадлежащим к богатому семейству из Тамико, которое обеднело в Ватемаланскую войну, когда наши имения были разграблены. Пытаясь вновь вернуть свое состояние, я поступил в наемники. Мы воевали там и сям, где разгорались войны: Теккас, Зона, Вада, Ба-Калфорни, пока нас не постигло Монтрейское несчастье, о котором сеньорам, разумеется, пришлось

слышать, так что я должен быть счастлив, что хотя бы унес оттуда ноги...

В бороде Смита заблестели зубы.

— Ха! И что нам было использовать вместо денег, чтобы купить такие экраны? Я же говорил тебе, что мы начинали с тем, что удалось привезти сюда на тележках, запряженных быками. Все, что ты видишь вокруг, было выкопано, перековано, спрессовано, спечено, посажено, выращено, собрано в виде урожая, обработано вот этим...

И он вытянул свои руки, такие исковерканные трудом, сильные, жесткие, но невероятно нескладные. Но я больше смотрел на его глаза. На этом корявом лице они сияли пророческим блеском.

Однако мэр Надежды мало напоминал фанатика из лесной чащобы. В действительности, его отличало равнодушие к обряду и религиозным конфессиям. Октаи и его боги-сотоварищи — это горстка азиатов, а монгов давно уже выкинули из Калифорнии, как-то заметил он в разговоре со мной. Что до Танароа, Лезуса Харисти и этой компании, то умные в Саннакресе сегодня посещают церкви и смотрят, как поступают люди Моря. Понимаете, нельзя выражать неуважение к какой-либо религии. Я знаю, вы, мейканцы, тоже религиозны. Езу Карито, так ведь вы называете своего бога? Что касается меня, то я верю в физику, химию, генетику и хорошо обученную милицию. Дело в том, что до того, как мигрировать в Надежду, он был в столице преуспевающим инженером.

Хотелось бы мне поговорить с ним о философии, а еще больше — о прикладном естествознании. Ведь так трудно выяснить, в какой степени и какие именно знания сохранились, даже в высших классах королевств, с которыми мы постоянно поддерживаем отношения, например, в Саннакресе.

Ты можешь это полностью осознать. Многие на это неспособны. Я также не мог, пока академия Службы и опыт работы в Службе не научили меня. Невозможно помочь моему горю, не зная его причин. Поэтому, позволь, я остановлюсь на том, чему нас обоих учили детьми, чтобы указать, насколько это было сверхупрощенно.

Судная Война смела с лица Земли ряд городов, но большинство попросту умерло от голода и эпидемий, от чумы и всемирного политического коллапса, которые за этим последовали; и хаос был вызван не столько непосредственным разрушением, сколько неспособностью планеты с истощенными ресурсами поддерживать жизнедеятельность разросшегося населения, так что промышленное оборудование отказало в течение всего нескольких лет. (Чем более я задумываюсь и размышляю, тем более уверяюсь в справедливости выводов тех ученых, которые полагают, что скученность, недостаток чувствительности, нарушение связей с миром живой природы, в котором человек эволюционировал как один из миллиона видов — вся неестественность этих процессов вызвала массовое безумие, приведшее к термоядерной войне. Если это так, мой труд — святой. Елена, помоги мне никогда не уверовать в то, что хотя бы частица этой святости вошла в мою душу.)

Итак, большая часть книг, записей, даже технических приборов и аппаратов сохранилась, так как их изобилие не допускало полного уничтожения. Так, во мраке дремучих веков варвары могли продержаться зимними холодами у огня от какой-нибудь библиотеки, но другие экземпляры тех же книг сохранялись в других местах. Так же, как и умение читать эти книги. Когда некоторая стабильность воцарилась вновь, по крайней мере, в нескольких наименее жестоко пострадавших районах, отнюдь не незнание помещало людям восстановить прежнюю высокоэнергетическую культуру.

Дело было в отсутствии ресурсов. Наши предки растратили богатые месторождения топлива и минералов. Тогда они перешли на эксплуатацию более бедных месторождений. Но как только их высокоразвитое производство стало разваливаться, оно уже не подлежало восстановлению. Это особенно верно, если учесть, что почти все усилия человечества уходили на то, чтобы поддерживать его хотя бы в полуживом состоянии в мире, где почвы, леса и дикая жизнь оказались растрачены.

Разумеется, сегодняшние люди являются лучшими инженерами, более изобретательными учеными во всей истории человечества; мы — островки цивилизации, окруженные трясинной варваров, которую мы медленно, постепенно пытаемся восстановить, но нам приходится обходиться тем, что есть в нашем распоряжении, а это в основном то, что дают нам солнце и живая природа. Количества наших запасов определяются тем, насколько мы вернули здоровье всей биосфере.

Такой текст мы разучиваем с детьми по учебникам. И это, разумеется, верно. Но это не вся правда.

Видишь ли, Елена, об этом-то я и хочу сказать, именно поэтому я начал с констатации очевидного: наши усилия — это лишь одна из сил в целом тайфуне различных сил и энергий. Когда я путешествовал, вначале как моряк, потом как сотрудник экологической Службы, я стал понимать, насколько же неизмеримо велик мир, как он разнообразен и таинствен. Мы смотрим своими маврайскими глазами. Они прекрасно видят, что творится в душах калифорнийца, мейканца, оргонианца, стралийца — тех людей, которых мы часто встречаем... кое-что мы видели в Юж-Мерике, Африке, Евразии. Возможно, мы — единственная великая держава, но нас, наверное, десять миллионов, а вокруг людей, вероятно, в двадцать раз больше; и остальные нам чужие — в глухие века их несло другими ветрами, сейчас они начинают заново утверждаться на Земле и не так, как мы.

Маврайские моряки могут фланировать перед берегами Саннакруса, маврайских капитанов могут приглашать на обеды в дома местных купцов, а маврайских адмиралов — к самому Главному боссу. Но что мы знаем о том, что происходит за стенами их домов, в душах людей, лица которых нам улыбаются?

Почему всего три года назад до нас дошли слухи, что колония эмигрантов процветает на краю Муахваи? Лишь год назад нам удалось убедиться в достоверности этих данных разведкой с воздуха, когда мы заметили слишком много ветряков. Тогда-то мы послали туда на разведку Вильяму Гамильтону, и он погиб.

Да, как я уже сказал, мне хотелось бы подольше поговорить с этим умным и загадочным человеком, мэром Дэнилом Смитом. Но этому препятствовало мое положение *кабальеро*. Так позволь же мне продолжать.

* * *

В поселке меня встретили радушно. Не обошлось и без проявлений живого любопытства. Их городское радио могло ловить передачи из Саннакруса, но они отвернулись от этого города. Вообще-то, его едва ли можно назвать ярким маяком культуры. Периодические путешествия на ярмарки, предпринимаемые сандагамскими купцами, не могли удовлетворить их жажду новостей, хотя караваны возвращались с газетами и журналами. Кроме того, у них было маловато товаров, подходящих для бартера, и печатные материалы были им не по карману.

Но в целом, они производили впечатление счастливого народа.

Брюн Смит, сын Дэнила, и его жена Джина предоставили мне приют. Я помещался в одной комнате с их пятью детьми, но это было неплохо, это все были хорошие, сметливые ребята; проблема была лишь в том, что мне не удавалось изобрести достаточно приключений лейтенанта Аррубы, когда мы лежали на своих матрасах из кукурузной соломы, и они хихикали, подталкивая друг друга в бока, чтобы заснуть лишь на рассвете, когда уже пора браться за работу.

Брюн был выше, стройнее и светлее волосами, чем его отец, он, казалось, менее горел энтузиазмом. Он едва ли занимался землей, предпочитая служить в сообществе рэйнджером. Это подразумевало множество обязанностей: патрулирование пустыни на предмет случайных бандитов, охрана караванов в пути, разведка ископаемых, охота на крупного зверя, антилоп и мустангов, добывание мяса. Помимо лука и огнестрельного оружия, он был асом в обращении с топором, он мог изготавливать охотничьи горны, охотиться с лассо и бумерангом. Солнце продубило его кожу еще сильнее, чем у его соплеменников, и выщер-

было вокруг глаз следы вороновых лапок. Он обычно одевался в тусклые цвета, пока что у них едва ли делали красители, но фасон одежды был вполне щеголеватый, а его шляпу с широкими полями украшала нарядная кокарда.

— Конечно, Дон Мивел, вы можете оставаться у нас, сколько захотите, — выкрикнул он из толпы, собравшейся, когда я, весь в пыли, ступил в их город.

— Боюсь, что мне недостает умения, необходимого для помощи в сельском хозяйстве, — признался я вполне искренне. — Но, может быть, вам пригодятся мои столярные навыки, умение вязать узлы и другие познания, — это должен был знать каждый моряк и мог уметь аристократ.

Джину вскоре очаровали не только мои трудовые навыки, но и мои рассказы. Мне было приятно доставить ей удовольствие сооружением бамбукового устройства для полива сада и приспособления из листа металла, позволяющего значительно охладить дом, если вокруг дуют ветры, ей было интересно, что мейканские ученые вывели полезных насекомых и микроорганизмы, чтобы те селились на определенных сорняках, и их можно даже заказать у купцов. Она была миниатюрная женщина, изящество ее фигурки угадывалось под обвислым, нескладным, мешковатым платьем. Ее черты лесной нимфы, живость и свежий цвет лица еще не были вытравлены существованием на этих безжизненных почвах.

— У вас милая жена, сеньор, если вы позволите мне заметить, — сказал я Брюну во второй вечер моего пребывания в его доме. Мы сидели на веранде, отдыхая после дневных трудов. Ноги мы положили на ее ограждение, в правой руке у каждого была трубка с табаком, а в левой — кружка сидра, который Джина нам принесла. Впереди виднелась еще только пара домов. Этот дом стоял как раз на окраине, вдалеке сверкали каналы, по берегам которых покачивались пальмовые деревья, а дальше нежно зеленели молодые поля злаков и лишь очень далеко, почти у горизонта, начинались янтарные просторы пустыни. Длинные лучи света, падавшие с запада, окрашивали

багрянцем холмы на востоке. Земля, уже отошедшая ко сну, дышала прохладой, и я слышал скрипучую песню невидимых ветряков.

— Спасибо, — сказал мне рэйнджер. Он широко улыбнулся. — Я того же мнения. — Он отхлебнул из кружки и, выпустив дым, медленно, трезвым голосом прибавил: — Именно из-за нее я оказался здесь.

— Правда?

— Вы бы все равно узнали эту историю, — скривился Брюн. — Ее отец был главным лесничим в Саннакрусе. Но это имело мало значения, когда на нее положил глаз Главный босс, а ей тогда было всего четырнадцать. Он любил — и любит — молоденьких, свинья. Когда она отвергла его подарки, он стал дарить их родителям. Они держались, но всем было ясно, что это ненадолго. Можно было ожидать чего угодно: например, как-нибудь ночью в дом бы ворвалась шайка подонков и похитила ее. А на следующее утро, когда дело было бы сделано, родителям ничего бы не оставалось, как взять его поганые подачки и надеяться, что, насытившись, мерзавец подыщет ей какого-нибудь бедняка, который согласится взять ее в жены, если ему за это заплатят. Мы такого повидали.

— Ужас, — сказал я. И это действительно так. Среди них это вызывает больше, чем страх, для них это неординарный эпизод соблазнения; они придают такое значение девственности, что подобная история оставила бы в душе жертвы шрам на всю жизнь. И тот вопрос, который я задал, был уже менее искренним, так как ответ был известен мне наперед. — А почему граждане терпят такого правителя?

— У него есть армия, — вздохнул Брюн. — И потом, непосредственно он приносит зло незначительной доле населения. Большинство людей удовлетворены тем, что они находятся в безопасности от пиратов и завоевателей, а этот ублюдок действительно их защищает. И наконец, он спелся с людьми Моря. А пока они его поддерживают или, по крайней мере, не сопротивляются ему и не объявляют бойкота, ему хватает металла, чтобы нанимать себе солдат. — Он покачал головой. — Не понимаю, почему они за него. Мавраи, кажется, порядочный народ.

— Мне приходилось слышать,— осторожно заметил я,— что он прислушивается к их советам относительно посадки новых лесов, заботы о почвах, биоконтроля, управления животным миром, рыболовства.

— Но не в отношении людей!

— Возможно, вы правы, сеньор Брюн. Я не знаю. Но кое-что мне известно. Наши предки ободрали планету почти до костей. Пока нам не удастся нарастить на ней мясо, люди, где бы они ни жили, будут находиться под угрозой гибели. На самом деле, мы можем поддерживать технологию, лишь опираясь на биологические основы. Например, поскольку почти все приходится делать из древесины, мы должны соблюдать баланс лесопосадок и лесодобычи. А поскольку запасы нефти иссякли или почти иссякли, мы в значительной мере зависим от микробных топливных клеток, а топливо, которое они потребляют, это не что иное, как побочные продукты нашего существования, следовательно, нам нужно, чтобы жизнь была обширна. И если бы случилось чудо, и нефть вновь забила бы ключом, нам все равно нельзя было бы жечь ее в больших количествах. Опыт предков показывает, во что выливается загрязнение окружающей среды.

Он пристально взглянул на меня. Я понял, что вышел из своей роли. Я поторопился рассмеяться и заметил:

— В старые времена, в своем имении мне приходилось выслушивать такие лекции не от одного маврайского агента. А теперь расскажите мне, что же все-таки произошло в Саннакрусе.

— Ну...— он вроде бы расслабился, или мне этого просто хотелось.— Эта тревога нарастала достаточно долго, как ты понимаешь. Дело не только в Главном боссе Шарле; весь костяк полиции, который никогда не изменится, пока люди Моря сохраняют свое влияние. Нас становится слишком много, чтобы жить хорошо, когда пахотных земель и рыбы оказывается недостаточно.

Я воздержался от замечаний о преимуществах контроля рождаемости, сознавая, что то, что вполне естественно для людей, проводящих жизнь на борту корабля и на островах, с трудом, медленно, доходит до тех, кому кажется, что весь

континент лежит у их ног. Пока они не научатся, им придется еще несколько раз вымереть, а нам остается лишь заботиться о том, чтобы они при этом не слишком испоганили природу. Такова наша доктрина. Но можешь ли ты вообразить, Елена, как трудно применять эту абстрактную доктрину к живым существам, к Брюну и Джине, к маленькому сорвиголове Роджу и крошечной доверчивой Дорти?

— Мы проводили некоторые исследования,— продолжал он, сделав еще глоток и вновь выпустив дым в свежий ночной воздух.— Все, что было пригодно для разработки, уже захватила старая добрая страна. Но в старых книгах рассказывалось, как пустыни заставляли цвести, в таких местах, как Зона. Может быть, такую возможность найти и поближе к дому? И что же, это оказалось правдой. Здесь, в Маухваи нашелся природный водный источник, который давал достаточно воды, чтобы наполнить ею каналы. Черт его знает, как это предки его проворонили. Мой отец думает, что при них он не существовал: в какие-то дремучие века землетрясение могло разрушить пласт и открыть проход для большого слоя воды, о котором раньше никто не догадывался.

Как бы там ни было, случай с Джиной послужил последней каплей. Он стал поводом к тому, чтобы ее отец вместе с моим собрали небольшой отряд первопроходцев. Они выполнили основную работу по оконтуриванию водного слоя, вырыли первый короткий канал, возвели первый ветряк и проложили первые трубы, сами их изготовив. В помощь себе они наняли кочевников Иннио, однако же я не представляю, как им это удалось, вообще-то, несколько человек погибло от перегрузок.

Когда остальные вернулись, их семьи потихоньку распродали свое имущество, обменяв его на повозки, инструменты, семена, над которыми потрудились генные инженеры и т. п. Главного босса мы застали врасплох. Если бы он попытался запретить миграцию, ему пришлось бы иметь дело с гражданской войной. Он все еще претендует на то, что мы должны ему подчиняться, но мы не платим ему налоги и не обращаем внимания на его указы. Если нам

случится к кому-нибудь присоединиться, то это, скорее всего, будет Сандаго. Но мы предпочли бы оставаться самостоятельными и, мне кажется, независимость нам по плечу. Когда эта территория будет разработана, она сможет прокормить большее население.

— Героическое предприятие, — тихо заметил я.

— Да, во втором потоке многие умерли, а половина стала инвалидами от непосильного труда в начале колонизации. Но мы добились своего. — Он взялся за кружку, словно это было какое-то оружие. — Теперь мы сами себя обеспечиваем, а излишки, которыми мы можем торговать, становятся с каждым годом значительнее. Мы свободны.

— Я в восхищении от ваших достижений, в том числе, в части машиностроения, — сказал я. — Может быть, у вас есть идеи, которые пошли бы нам на пользу, когда я, наконец, вернусь домой. Или я мог бы вам что-нибудь подсказать?

— Хм... — Посасывая трубку, он нахмурился, внезапно насторожившись,

— Мне бы хотелось посмотреть всю вашу гидравлическую систему, — продолжал я, при этих словах сердце забилось у меня в горле. — Не могли бы вы завтра познакомиться меня с тем, кто за нее отвечает, и я бы посмотрел на водный источник и на ветряки?

— *Нет!* — Он вскочил со своего стула. Несколько секунд он нависал надо мной с таким видом, что я опасался, не бросит ли он в сторону трубку, чтобы выхватить нож, прикрепленный у него за поясом. Сгущалась ночная тьма, и я не мог разглядеть выражения его лица, но и глаза, и зубы у него сверкали всюду.

Через несколько долгих секунд он расслабился. Он сел, и его смех показался деланным.

— Простите, Дон Мивел, — он не был искусным лжецом. — Но у нас уже были неприятности такого рода, и я поэтому так бурно реагирую. — Он обратился за утешением к табаку. — Боюсь, к группе ветряков допускаются лишь те, кто ее обслуживает да еще мэр. То же относится и к строению, под которым расположен водный источник.

Видите ли, мы имеем, хоть и богатый, но лишь один водный источник, и мы боимся его повреждения или загрязнения... Сами понимаете, в этих местах вода ценится больше, чем кровь. Мы не можем рисковать, чтобы какой-нибудь шпион наших противников узнал, как устроены защитные сооружения. Я не хочу вас оскорбить. Вы же понимаете, вы, наш гость, наш друг?

* * *

Однако Служба требовала исчерпывающих доказательств, было бы резонно, если бы я не торопился, потихоньку, несколько недель изучая расположение сооружений, порядок работы, собирая информацию по кусочкам, а тем временем жители Надежды окончательно сдружились бы с Мивелом Аррубой.

Беда в том, что я, со своей стороны, стал привязываться к ним. Когда сын Брюна Родж стал рассказывать мне о госте, который был у них зимой, он весь светился от волнения.

— Мивел, он был прямо с Авайев! Геолог, изучал эту страну, а какие рассказывал истории! — Быстро: — В них было не столько приключений, как в твоих, но уж он по миру поездил!

Вильяму не предполагал, что ему понадобится особо изощренная версия.

Не желая возбудить в Брюне подозрения, я стал спрашивать Джину, однажды, когда ее мужа не было дома, а дети кто спал, а кто был в школе. То, что долгие часы, которые я проводил наедине с хозяйкой дома, не вызывая кривотолков в наш адрес, свидетельствовало об их сексуальной невинности, если не затрагивались ограничительные сексуальные традиции. Признаюсь, сдержанность давалась мне с трудом, сказывались и долгие недели вынужденного celibата, и уж больно хороша она была — милая, одухотворенная и сообразительная, и я, как новый человек, и ее дети, вызывали в ней воодушевление.

Закончив изготовление оросительной установки, я под-

весил ее на крючок цистерны, поставленной на плоскую крышу.

— Видишь, — гордо сказал я, поворачивая деревянную пробку крана. Вода затанцевала по желобам, которые она прорыла у себя в огороде. — Больше тебе не придется ходить с тяжелой лейкой.

— О, Мивел! — Она захлопала своими маленькими, натруженными ладошками, — не знаю, как и... Это надо отметить. Мы устроим вечеринку в Суддоу. А пока... — Она схватила меня за руку. — Заходи в дом. Я пеку... — По восхитительным запахам я уже догадывался, что она пекла. — Ты получишь горбушки с левого хлеба и корки, приставшие к духовке.

Был еще и чай, это было дорогое и редкое угощение, так как его привозили из Сины или откуда-то из района Хорн, во Флориде. Улыбаясь друг другу, мы сидели у противоположных концов деревянного стола в тепле и полумраке кухни. Пот на ее лбу собирался в крошечные бусинки, тонкое платье льнуло к телу.

— Жаль, что не могу предложить тебе лимонада, — сказала она. — Сегодня как раз лимонадная погода. У нас дома его делала моя мать. Она умерла в год Пыльной бури и никогда... Да... — Она вымученно приободрилась, — для лимонада требуется лед, а у нас его нет.

— Но потом будет?

— Отец Дэнил говорит, что, возможно, на будущий год Надежда сможет купить пару холодильников, и электростанция расстроится настолько, что сможет их обслуживать.

— Для этого вы построите еще больше ветряков?

В душе я весь напрягся, но старался, чтобы мой тон казался небрежным.

— На ваше флюоресцентное освещение их, по-моему, более чем достаточно.

Она смотрела на меня спокойно и совершенно искренне.

— Но нам же приходится качать много воды. Не забывай, она же не скатывается с гор, ее надо выкачивать глубоко из-под земли.

Мне не хотелось нарушать ее счастливое расположение духа, но меня толкал на это долг:

— Я слышал, сюда недавно приезжал маврайский геолог. Разве он не мог вам дать хорошего совета?!

— Я... Я не знаю. Это мужской разговор. Кроме того, ты слышал, мы никого туда не пускаем, большинство из нас там не были, не говоря уже о гостях, даже таких... хороших, как ты.

— Но ему бы было любопытно посмотреть. Куда он поехал потом? Может быть, я мог бы встретиться с ним позднее?

— Понятия не имею. Он вдруг сорвался с места со своими двумя индийскими спутниками. Однажды утром они пропали, ни с кем не попрощавшись, за исключением, разумеется, мэра. Должно быть, ему здесь надоело.

Часть меня хотела закричать: *«На радиозапрос «Геологического института» о судьбе этого человека ваши уважаемые городские старшины дали нам тот же ответ, сообщили, что он ушел, а если его больше нигде не видели, это означает, что с ним, по-видимому, произошел несчастный случай в пути. Но этого не могло быть! С какой стати? Опытный путешественник, в сопровождении двух аборигенов, с хорошим оснащением, никаких сведений о бандитских нападениях в этих местах за несколько лет... Подумала ли ты об этом, Джина? Смела ли ты задуматься?»*

Но другая моя часть заставляла меня соблюдать спокойствие.

— Еще чай? — предложила она.

* * *

Я не детектив. Менее бесхитростная публика окаменела бы от моих вопросов. Я не решался задавать их в присутствии зоркого старика Дэнила Смита и других, кто провел зрелые годы среди конкуренции и интриг Саннакресе. Однако что касается других... они приглашали меня на ужин, мы пили и ели, вместе распевали песни под непрерываемо звездным небом, несколько раз выезжали верхом, чтобы полюбоваться живописным каньоном или просто

насладиться быстрой ездой... выудить информацию из них было не трудно.

Например, я вслух спросил, не слишком ли они истребляют дичь. Закон Жизни требовал, чтобы в каждой местности присутствовал эксперт по дичи, подчиняющийся непосредственно Консервационному трибуналу. Брюн весь ошетинился, а потом возразил, что человек всегда нарушает равновесие в природе, когда поселяется на земле и важно лишь, чтобы он устанавливал новое равновесие. Надежда рассчитывала, что в городе будет работать квалифицированный менеджер по дикой природе, но пусть он будет из местных, хотя и получивших образование за рубежом, кто-нибудь, знакомый со здешними традициями. (И будет хранить местные тайны.)

Точно так же у одного милого человека, дежурившего при ветряках, мне удалось вытянуть график дежурств, для этого было достаточно расспросить его, когда с дежурными можно будет встретиться, чтобы посидеть и распить по стаканчику. Моя работа в хозяйстве у молодых Смитов вызвала всеобщий энтузиазм; объясняя, как и что я делал, я умудрялся задать их соседям вопросы об их местной восхитительной гидравлической системе. Картина моих представлений пополнялась фрагментами, как головоломка джигсо: скорость потока, заказанное оборудование, оборудование, на которое они рассчитывали в будущем...

В итоге у меня было все, кроме окончательного подтверждения. Моё свидетельство было необходимо для вызова войск. То, что мне удалось разузнать, оправдывало сигнал тревоги нарушения запретных территорий.

Они организовали караван, направлявшийся к торговому посту Бартсу. Я мог следовать с ним, чтобы потом переправиться в Сандаго. И это, — как я верил и боялся — был последний раз, когда я мог видеть этот негибемый народ, который я успел полюбить.

* * *

Важно, что с наступлением темноты они не выставляли часовых. Возможность происшествий была невелика, а

потребность в сне и отдыхе, необходимых для эффективного труда на следующий день — чрезвычайная. Я выскользнул, не замеченный детьми. Когда я наступил на подстилку, под ногами у меня затрещало, Дорти в темноте захныкала, и я застыл на месте. Но она успокоилась. Ночь была совершенно безлюдная, и я, тихо пройдя по знакомому мне дому, вышел на улицу, освещаемую звездами и горько-яркой, приближавшейся к фазе полнолуния, лунной. Было холодно и свежо; я слышал скрип ветряков. Вдали были койоты. (Собак там не было. У них еще не развилась потребность в этих животных. Но вскоре должны появиться овцы и другой скот, не тот, который есть в каждом хозяйстве, а содержащийся стадами. И тогда прощайте, гордый снежный баран и парящая в прыжке антилопа!) Улицы были покрыты песком. Я старался избегать призрачного сероватого света, оставаясь в тени белосероватых домов. За околицей камни стали кусать мои подошвы, полынь — цепляться за щиколотки, когда я осторожно ступал на дальнюю сторону ветряков.

Там стояло приземистое здание из самана, которое, как мне объясняли, покрывало поднимавшуюся на поверхность воду, уменьшая потери от испарения и защищая от проникновения щелочной пыли. Оттуда, как мне было сказано, вода поднималась при помощи ветряков наверх, в кирпичный резервуар, а оттуда распределялась по своим рабочим местам. За домом, возведенным над источником, земля шла в гору, и вокруг было абсолютно безлюдно. Но я мог разглядеть гораздо больше: полынь, деревья Джошуа и гулко снующих мимо сов.

В ручке моего ножа было вмонтировано электромагнитное устройство. Мне было ни к чему входить, не говоря уже о том, что я не хотел оставлять следы вторжения. Запор на двери был таким же зыбким, как стены — тонкими. Пионеры в этой жизненно важной области проявили трогательную неуклюжесть.

Я все же зашел, прикрыл за собой дверь, зажег фонарь, вмонтированный в свой нож, который служил по сути линзой. Воздух здесь был такой же холодный. Я заметил, что на трубах, уходивших вниз, в глиняный пол, и наверх,

сквозь крышу, сконденсировалась вода, принялся. Кроме этого, в кромешной тьме я едва различал верстаки, полки для инструментов, примитивные приборы. Отсюда было не слышно поворачивающихся лопастей турбин, которые приводили в движение насосы; но шум поршней грубо сработанных, смазанных салом цилиндров напоминал шуршание костей друг о друга.

Итак, источника там не было. Как я и предполагал.

Меня, как кинжалом, ударило светом. Я перевернул свой фонарь, превращая его в оружие, и отступил во мрак. Сзади послышался хорошо знакомый голос:

— Не суетись, Мивел, или как там тебя зовут. У тебя нет ружья. А у меня есть огнестрельное оружие. Собственность города. Заряжено дробью.

Присев на корточки среди каких-то громоздких вещей и ощущая биение пульса, я отозвался:

— Если ты меня убьешь, тебе от этого будет более, чем нехорошо, Дэнил Смит, — и быстро перескочил на другое место. Нож у меня в руке был как живой, мой большой палец легко прижимался к предохранителю. Я был молод, хорошо натренирован, в отличной форме. Пожалуй, я справился бы с ним в темноте. Но мне не хотелось. Лезус Харисти знает, насколько мне этого не хотелось, и ему известно, что я не просто боялся бежать в пустыню без должной подготовки.

Он вздохнул, как ветер за этими стенами.

— Ты ведь маврайский шпион, не правда ли?

— Агент экологической Службы, — ответил я, продолжая двигаться. — У нас заключен договор с Главным боссом. Я согласен, в некоторых вопросах он — хоре, но он способствует сохранению земли для своих праправнуков и для ваших.

— Мы, я и мои партнеры, не были уверены, — сказал Дэнил Смит. — И мы решили по очереди дежурить, пока ты от нас не уйдешь. Ты мог бы держаться честно.

— В отличие от вас, убийцы. — Но мне как-то не удалось вложить гнев в эти слова, даже ради Вильяму, моего однокашника, и его двух безымянных провожатых.

— У тебя, небось, есть прикрытие? — спросил он.

— Разумеется, — ответил я. — Когда мы потеряли своего первого человека, у нас возникли серьезные подозрения. А если потеряем второго... вообрази. — Скрип-скрип — шли мои согнутые ноги гусиным шагом. Я молился Богу, чтобы стук насоса заглушил от него мои шаги. — Ваша цель очевидна: вы хотите вырасти в безвестности, пока не станете такими большими и сильными, что никто, даже сама Федерация, не будет вам страшен, а вы будете отгорожены от мира преградой из пустыни. Но разве вы не видите, — настаивал я, — что мое начальство уже разгадало этот замысел? И они не собираются допускать, чтобы зло зашло так далеко.

Ты знаешь, что я преувеличивал. Людские ресурсы и запасы оборудования столь скудны, что вот-вот иссякнут. Они, вполне возможно, решат, что у них есть более неотложные дела, чем расправа с одним непокорным народишком. Вильяму и меня могут просто сбросить со счетов. Я весь покрылся холодным потом. Как много непокоренных морей, непройденных земель, недолюбленных девушек, восходов Ориона, и этот, еще невиданный, Южный Крест!

— Вы не сознавали, насколько решительно мы настроены, — продолжал я. — Закон Жизни — не риторика, Дэнил Смит. Это выживание.

— А как же наше выживание? — простонал он.

— Слушай, — начал я. — Если я выйду на свет, можем ли мы говорить перед лицом Танароа?

— Хм?.. О... — Он постоял, и в этот момент я понял, что станет с расой, некогда великой, но утратившей былые величие. Когда-то они были чужаками, которые лезли повсюду, на все земли, а теперь, растранив свои ресурсы, они могли ожидать одного: что новыми хозяевами Земли станут прежде бедные и заброшенные, у которых иначе не было шансов. Однако это было давно и ушло в прошлое. В реальности существовал Дэнил Смит, который смиренно сказал: «Да» — там, в тишине строения, хотя ради спасения своего народа он не видел иного средства, чем убийство.

Я снова переключил свой прибор на фонарь и положил его на скамью подле его фонаря, чтобы свет выхватывал из скрежещущего, клокочущего мрака его бороду, и руки, и молящие глаза. Я быстро сказал ему, потому что мне не нравились мои слова:

— Мы подозревали, что вы используете не естественный поток воды. Когда по прошествии веков в одночасье делается подобное открытие, оно выглядит странно. Нет, вы обнаружили залегание глубинного водного пласта, и теперь выкачиваете его досуха, на этой земле скудных дождей, а это нарушает Закон Жизни.

Он стоял перед мной, и с него слетали последние лохмотья:

— Хорошо, со временем мы исчерпаем его. Но это может произойти через две — три сотни лет. Разве ты не видишь, что мы могли бы использовать это время, чтобы пожить?

— А потом? — с вызовом спросил я, поскольку мне приходится постоянно напоминать себе, что мое дело — правое, и заставлять его верить, что мое правительство фанатично убеждено в важности этого вопроса. (Он ведь не имел опыта общения с нашими беспечными островитянами, и ему было невдомек, что крестовые походы стали для них невозможны: лишь горстка энтузиастов стремится пресечь катастрофу в зародыше, пока момент силы не вырос сверх всякой меры.) От этого зависела моя жизнь. Он все еще сжимал свой дробовик. Он вполне мог разнести меня, прежде чем я успел бы его ранить.

Я продолжал:

— Потом? Подумай. Вместо нашей сегодняшней жизни, когда мы увеличиваем человеческие знания и да... совершенствуем наш дух... нас постигнет сначала однообразие, свойственное злакам и скоту, потом мы превратимся в орду двуногих муравьев, а потом уйдем в пустоту небытия. И мы должны этому противиться, где бы ни появлялись признаки процесса. Иначе в конце, если мы не сможем сохранить себя как вид, Земля вновь перейдет во власть водорослей или станет голой, как Луна.

— А пока, все же... мы могли бы строить акведуки... растения, нормализующие солончаковые почвы... использовать ядерную энергию...

Я не стал передавать дошедшие до меня слухи, что управление ядерной реакцией было достигнуто, но работы в этом направлении прекращены. Кроме того, эта тайна принадлежала Адмиралтейству, я не мог объяснять этому сгорбленному трудами человеку, что Земля не может пережить второй век бездумной генерации и траты энергии. Когда-нибудь настанет день, и люди сердцем поймут, что планета создана не только на их потребу; тогда они смогут благополучно двинуться к звездам. Но это случится не при нашей жизни.

Не при жизни, которая могла бы быть у Вильяму, моего доброго товарища.

Я сомкнул зубы, сказав:

— Факт заключается в том, Дэнил Смит, что данное общество основано на истощении почвенных вод, жизненно важных для экологии планеты. Это является грубым нарушением Закона и международных конвенций. Чтобы поддерживать свой план, вы и ваши соучастники прибегли к убийству. Я полагаю, что большинство жителей Надежды — невинны, большинство верит, что здесь имеется мощный водный источник, но где тела наших людей? Достало ли у вас порядочности по крайней мере вернуть их земле?

Его душа разрывалась на части. Отец-основатель Надежды бросился передо мной на колени, содрогаясь в рыданиях.

Я погладил его по голове и прошептал:

— Могло быть и хуже. Хуже. Я за тебя заступлюсь, не тушуйся.— У меня по щекам градом катились слезы.

* * *

В конце концов, я напомним нашим адмиралам, что нам надо возрождать острова, каменистые пустыни, со всех сторон окруженные океаном.

Первопроходцам можно дать поверхностный слой почвы

и семена, цистерны с дождевой водой и солнечные батареи, если научить их выращивать пальмы и культивировать хлебные деревья, возделывать морские культуры. Человек не должен всегда нести смерть. Я знаю, что мое предложение радикально расходится с традицией. Но оно может принести результаты, стать обнадеживающим прецедентом, если те, кто не принадлежит к нашей культуре, станут нашими сильнейшими, приносящими жизнь. Помните, что мир полон людей, очень разнообразных, которых надо воспитать таким образом, — если нам это удастся. Где-то же мы должны начинать.

Клянусь, что я буду изо всех сил бороться за исполнение этого плана. Я смею надеяться, что наше правительство помилует Дэнила Смита и других заговорщиков. Но если для примера их придется казнить, они готовы принять повешение, и молят лишь об одном: чтобы их семьи отравили в любую ссылку, а не возвращали в лапы тирана.

Елена, поговори со своим отцом. Поговори со знакомыми парламентариями. Постарайся, чтобы они нам помогли.

Но не рассказывай им про этот последний эпизод. Просто думай о нем по ночам, как это делаю я, пока опять не вернусь домой.

Мы шли вперед, когда заря забелела на востоке, — Дэнил Смит и я. На западе звезды светили над дюнами и причудливыми очертаниями деревьев. Но они виднелись вдалеке, за полями и каналами, которыми прорезали нежную пустыню. А колкий ветер заставлял ветряки скрипеть над нашими головами, лязгать и рокотать, обескровливая нашу планету.

Он поднял руку, указывая на них.

— Ты выиграл этот раунд, Накамуха, ты и твои чертовы почитатели природы. Мои дети и дети моих детей запутаются в твоих кознях, потому что ты такой могучий. Но придет конец и тебе. Что тогда, Накамуха? Что тогда?

Я поднял голову на вращающиеся скелеты, и меня вдруг проняло пронзительным холодом...

КИТ*

Гетто

Монорельсовая дорога доставила их в Кит-Таун, расположенный на окраине большого города. Сверкание его красных, золотых и зеленых огней заливало высокие, стройные башни, пульсируя над ними далеко в небе, но здесь, сейчас, ночью, было темно и тихо. Кенри Шаун с минуту постоял с остальными, неловко переминаясь с ноги на ногу и силясь найти подходящие слова. Они знали, что он собирается уйти, но, соблюдая правила Кита, предписывающие уважение к частной жизни, держали свои замечания при себе.

— Ну,— наконец сказал он,— еще увидимся.

— А, конечно,— подхватил Граф Кишна.— Мы еще пробудем на Земле несколько месяцев.— Помолчав, он добавил: — Когда мы все же улетим, нам будет тебя не доставать. Мне бы хотелось, чтобы ты передумал, Кенри.

— Нет,— возразил Кенри.— Я остаюсь. Но спасибо.

* К и т м э н — люди, которые существуют обособленно от цивилизации, основное занятие — межзвездные путешествия. В силу того, что они летают между планетами выше скорости света, продолжительность их жизни выше. На их памяти многие цивилизации, ушедшие в небытие; т о м м и — рядовой космонавт (унизительное название для китмэна).

— Заходи к нам,— пригласил Граф.— Мы тут как раз собираемся на днях поиграть в покер.

— Конечно. Конечно, приду.

Граф потрепал Кенри по плечу, этот жест был в Ките красноречивее слов.

— Спокойной ночи,— вслух произнес он.

— Спокойной ночи.

Слова растворились во мгле. Они постояли еще пару минут, несколько мужчин в свободных голубых кофтах, мешковатых штанах и мягких ботинках, какие носят в Кит-Тауне. Их объединяло странное сходство: все были невысокого роста и стройного телосложения, смуглые, но больше всего их отличали общие манера двигаться и выражение лица. Всю жизнь они смотрели из межзвездного пространства на чужие миры.

Затем группка разбрелась, все пошли по своим делам. Кенри направился к дому своего отца. В воздухе стояла легкая прохлада, на северный полюс спускалась осень, и Кенри съезжился, засунув руки поглубже в карманы.

Улицы Тауна представляли собой узкие бетонированные полосы, не люминесцентные, а освещение было старомодным: от круглых фонарей. Они отбрасывали призрачный белый свет на лужайки и деревья, на домики, наполовину утопавшие в земле, расположенные вдалеке от дорог. Народу кругом было немного: серьезный пожилой офицер, в плащ-палатке с капюшоном; медленно прогуливавшаяся за руку молодая парочка; стайка детей возилась на траве, наполняя воздух залиvistым смехом, впитывая красоту и тайну, заключенные в Земле. Некоторые из этих детей могли быть рождены сотню лет назад; им доводилось смотреть на миры, даже солнца которых были здесь невидимы, но планета всегда манила людей, и они жаждали вернуться домой. Они могли однажды пересечь Галактику, но потом все равно возвращались к шелесту лесов и морским штормам, дождям и ветрам, стремительно несущимся облакам, через пространство и время тянулись к своей Матери.

.

Большая часть полусфер, которые миновал Кенри, была погружена в темноту, за ними присматривали машины, в то время, как жильцы мотались где-то выше неба. Он прошел мимо дома своего друга, Джонга Эррифранса, мысленно спрашивая себя, когда-то им доведется снова свидеться. Возвращение *Голден Флайера* в этом земном столетии не было запланировано, а к моменту его прилета, его корабль, *Флитвинг* вполне мог покинуть Землю.

Да нет. Я же остаюсь здесь. Когда Джонг вернется, молодой и веселый, я буду древним старцем, а он все так же будет таскать за спиной гитару и хохотать без перерыва. А я тогда буду землянином.

В городе было всего несколько тысяч домов, и в любое время большинство его жителей находилось в отсутствии. Только *Флитвинг*, *Флайинг Клауд*, *Хай Барбары*, *Аур Леди* и *Принсесс Карен* были сейчас в солнечной системе, или, как они говорили, на Соль, численность их команд составляла что-то около 1200 человек, считая детей. Он прошептал эти милые, старомодные названия, наслаждаясь их звучанием. Кит-Таун, подобно цивилизации Кит, не менялся; так должно быть. Когда путешествуешь со скоростью, близкой к скорости света, и время сжимается так, что ты отсутствуешь десять лет, а на Землю возвращаешься через сто земных — ты должен найти дом, в котором окажешься среди своих, ты перестаешь быть тем томми, которому приходится крутиться и соблазнять великих купцов Соль, здесь ты можешь ходить, как человек. То, что говорят на Земле: «Эти роботы не имеют корней, у них нет ни планеты, ни истории, ни привязанности к родине» — неправда. Привязанность здесь как раз глубже, чем могут себе вообразить на Соль, с ее лихорадочными битвами, взлетами и падениями.

— Добрый вечер, Кенри Шаун.

Он остановился, внезапно вырванный из своих размышлений, и посмотрел на молодую женщину. Бледное свечение уличного фонаря разливалось по ее длинным черным волосам и изящной фигурке.

— О... — Он подтянулся и кивнул. — Добрый вечер и

тебе, Тейе Баринн. Давненько я тебя не видел. Года два ведь прошло?

— Для меня это было не так долго, — ответила она. — *Хай Барбари* как раз летала на Вегу. Мы пробыли на орбите приблизительно один земной месяц. *Флитвинг* ведь, кажется, прилетел пару недель назад, правда?

Хитрит, не решается говорить прямо. Он знал, что ей известно с точностью почти до часа, когда великий корабль прибыл с Сириуса и вышел на околоземную орбиту.

— Да, — ответил он, — но у нас сгорел астронавигационный компьютер, и мне пришлось оставаться на борту, чтобы его отремонтировать.

— Знаю, — кивнула она. — Я справлялась у твоих родителей, почему тебя нет в Тауне. А ты не испытывал... нетерпения?

— Пожалуй, — этим словом он не выразил всего. Он не стал говорить о лихорадочном желании сойти, горевшем в нем, о том, как ему хотелось спуститься и мчаться к Дорти, которая его ждет среди земных роз. — Да, конечно, но корабль — это главное, а я подходил для этой работы лучше всего. Мой отец продал мою часть груза за меня; в любом случае, я никогда не любил заниматься бизнесом.

Ему подумалось, что этот пустой разговор, переливание незначительных слов, отнимают у него время, которое он мог бы провести вместе с Дорти. Но он не мог просто повернуться и уйти. Тейе была другом. Когда-то он думал, что она могла превратиться в нечто большее, но это было еще до того, как он встретил Дорти.

— С тех пор, как мы улетали, здесь мало что переменялось, — заметила она. — Хотя на Земле прошло двадцать пять лет. Звездная империя все такая же, язык тот же, а генетическая иерархия — чуть обширнее, чуть беспорядочнее, немножко ближе к перевороту или вторжению и концу. Помню, то же было у африканцев за два поколения до их падения.

— Правильно, и у других, — подтвердил Кенри. — И ждет иных в будущем. Но я слышал, что Звезды ополчились на нас.

— Да,— ее голос понизился до шепота.— Нам теперь приходится покупать значки по бешеным ценам и носить их все время за пределами Тауна. Может стать и хуже. По моему, так и будет.

Он заметил, как ее губы слегка дрогнули, а в глазах, обращенных к нему, заблестели слезы.

— Кенри, правда то, что о тебе говорят?

— Правда что? — невольно выпалил он.

— Что ты собрался уходить? Оставить Кит и стать... землянином?

— Вернемся к этой теме потом.— Комок в горле мешал ему говорить.— У меня сейчас нет времени.

— Но Кенри,— глубоко вздохнув, она отступила назад.

— Спокойной ночи, Тейе, еще увидимся. Мне надо спешить.

Кивнув, он пошел дальше, быстро, не оглядываясь. Когда он шел, на него проливались полосы то света, то тьмы.

Дорти ждет, и он увидит ее сегодня вечером. Но именно в этот момент он почему-то не чувствовал себя счастливым.

* * *

Она стояла около иллюминатора, вглядываясь во мрак, дышащий чуждыми ей тайнами, и белый свет стенок корабля отбрасывал холодные блики на ее волосы. Он тихо подошел к ней сзади и вновь подумал, какое она чудо. Даже тысячу лет назад такие высокие стройные блондинки были на Земле редкостью. И если бы селекционеры человеческого рода не сделали ничего другого, их следовало с любовью вспоминать лишь за то, что они вывели такую породу.

Она порывисто обернулась, почувствовав его присутствие с той остротой, за которой ему было не угнаться. На него обратились огромные серебристо-голубые глаза, ее губы слегка размокнулись, она их частично прикрывала своей изящной рукой. Он подумал, как восхитительны бывают женские руки.

— Ты меня напугал, Кенри Шаун.

— Извините, Фриледи,— сконфузился он.

— Это...— она неуверенно улыbnулась.— Это ничего. Я просто чересчур нервничаю, совсем не знаю межзвездного пространства.

— Это может действовать на нервы... пока не привыкнешь,— заметил он.— Сам я и родился среди звезд.

Под ее легкой голубой туникой ощущалась дрожь.

— Оно слишком огромно,— сказала она.— Слишком огромно и чуждо, и стара для нас, Кенри Шаун. Мне и межпланетные путешествия казались выше человеческого понимания, но это...— Она прикоснулась к его руке, и его пальцы сомкнулись на ее ладони, почти вопреки его воле.— Такого я не могла себе представить.

— Когда летишь почти со скоростью света,— сказал он, скрывая свою робость под маской педантичности,— нельзя ожидать, что условия останутся прежними. Аберрации смещают звезды, под действием эффекта Доплера цвета изменяются. Вот и все, Фриледи.

Вокруг раздавался мерный шум корабля, словно тот разговаривал сам с собой. Как-то Дорти спросила, что может думать его искусственный мозг — как себя чувствуешь, будучи космическим кораблем, вечным скитальцем по небесам чужих галактик. Кенри сказал, что у мозга робота нет сознания, что с тех пор эта мысль засела в голову и ему. Может быть, только потому, что она принадлежала Дорти.

— Большие всего меня пугает сжатие времени,— призналась она. Он продолжал держать ее руку, все крепче сжимая ее. Его ноздри затрепетали, почувствовав слабый аромат странных духов, исходивший от ее волос.— Не могу смириться с фактом, что ты родился тысячу лет назад, Кенри Шаун, и будешь по-прежнему путешествовать, когда я уже превращусь на Земле в прах.

Это явно давало ему возможность для комплимента, но его язык не желал повиноваться. Он — космический путешественник, китмэн, пыльный трудяга-томми, а она была Свободной Звездой, просто гениальным созданием, лучшим цветком в генетической иерархии. Он лишь сказал:

— Это не парадокс, Фриледи. Когда относительная скорость приближается к скорости света, измеряемые интер-

вал времени — сокращается, а масса — увеличивается; но только для «стационарного», стороннего наблюдателя, обе системы измерений одинаково реальны. В этом путешествии действует тау-фактор 33. Это значит, что нам требуется около четырех месяцев, чтобы добраться от Сириуса до Соль; но для того, кто следит за нами, находясь на любой из звезд, этот период составит одиннадцать лет... — Его губы одеревенели, но он постарался улыбнуться. — Это не так уж долго, Фриледи. Ты будешь отсутствовать, посчитаем, дважды одиннадцать плюс год в системе Сириуса — двадцать два года. Твои именина сохранятся.

— Разве для этого не требуется огромная реакционная масса? — спросила она. Когда она нахмурилась, пытаясь понять, ее лоб прорезала тонкая морщинка.

— Нет, Фриледи. Вернее да, требуется, но нам не надо выталкивать материю, как обычным межпланетным кораблям. Энергия поля реагирует непосредственно с массой местных звезд, теоретически всей Вселенной, и преобразует наш ртутный «балласт» в кинетическую энергию для остального корабля. Она равно действует на всю массу, поэтому мы не испытываем давления при ускорении и можем достичь скорости света всего за несколько дней. Правда, если бы корабль не вращался, мы бы находились в невесомости. Когда мы достигнем Соль, агоратрон произведет обратное превращение энергии в атомы ртути, и мы станем почти неподвижны по отношению к Земле.

— Боюсь, мне никогда не давалась физика, — рассмеялась она. — Оставим это типам Стар-А и Норм-А на Земле.

Его душило ощущение отверженности, и умственный, и физический труд — это всего лишь труд, думал он. Пусть над ним потеют низшие существа. Свободные Звезды должны служить лишь для украшения. Ее пальцы разжались, и он отнял руку.

Она ощутила боль, почувствовав, что он огорчен, и импульсивно потянулась, чтобы дотронуться до его щеки.

— Извини, — сказала она тихо, — я не хотела... Я не то имела в виду, что ты подумал.

— Ничего, Фриледи, — натянуто улыбнулся он, стараясь скрыть смущение. Чтобы аристократка извинялась!

— Но это важно,— продолжала она серьезно.— Я знаю, что очень многие не любят Кит. Вы просто не вписываетесь в наше общество, ты это понимаешь. Вы никогда не принадлежали Земле.— Ее щеки стали медленно покрываться румянцем, и она опустила глаза. Ресницы у нее были длинные и черные.— Но я правда разбираюсь в людях, Кенри Шаун. И когда передо мной оказывается тот, кто принадлежит к высшему типу, я его узнаю. Ты бы и сам мог стать Свободной Звездой, правда... это могло бы тебе наскучить.

— Никогда, Фриледи,— глухо возразил он.

Когда он уходил от нее, в его душе все цело. Остается еще три месяца, три месяца полета до того, как они достигнут Соль.

* * *

Когда он завернул к Шаун-гейт, послышался шелест живой изгороди. Вверху шуршали листья кленов, словно разговаривая на слабом ветерке, и ему на голову, медленно вращаясь, упал лист цвета крови. В этом году будут ранние заморозки, подумал он. Систему контроля погоды так и не восстановили после того, как она была разрушена механокластами, может быть, и правильно. Он остановился, делая глубокий вдох. Воздух был влажный и прохладный, напитанный запахами глины, свежевспаханной земли и созревших ягод. Его поразила мысль, что он ни разу в жизни не был на Земле зимой. Он никогда не видел, как холмы покрываются снегом, сверкающим на солнце, не попадал в снегопад.

Теплый желтый снег разливался, образуя на лужайке круги. Он положил руку на дверную табличку, просканировав естественный рисунок на своей коже, она распахнула перед ним дверь. Войдя в маленькую, забитую вещами гостиную, где помещалось полдюжины детей, он сразу же почувствовал запах ужина и пожалел, что явился слишком поздно. Он поел на корабле, но ни один повар в Галактике не мог тягаться с его матерью.

Он отсалютовал родителям, как это предписывал обычай, а отец в ответ торжественно кивнул. Его мать вела себя

менее сдержанно, она обняла его, сетуя, что он ужасно исхудал. Дети прокричали «привет» и вернулись к своим книжкам, играм и разговорам. Они видели своего старшего брата достаточно часто и были еще слишком малы, чтобы оценить важность принятого им решения.

— Иди сюда, Кенри, я приготавливаю для тебя хотя бы сандвич,— позвала его мать.— Как хорошо, что ты вернулся.

— У меня нет времени,— ответил он и неловко добавил:— Я бы с удовольствием, но мне пора снова уходить.

Она отвернулась и заметила с нарочитой небрежностью:

— О тебе справлялась Тейе Баринн. *Хай Барбари* вернулся на Землю месяц назад.

— А, да. Я ее только что встретил на улице.

— Тейе — хорошая девушка,— продолжала мать.— Ты бы к ней зашел. Еще не очень поздно.

— Как-нибудь в другой раз,— рассеянно ответил Кенри.

— *Хай Барбари* отправляется на Тау — Цети через два месяца,— сообщила мать.— У тебя будет мало возможности увидеться с Тейе, если только...— она не договорила.— *Если только ты не женишься на ней. Она как раз по тебе, Кенри. И ей бы нашлось место на Флитвинге. Она родила бы мне сильных внуков.*

— Как-нибудь в другой раз,— повторил он. Он сожалел, что обрывает разговор так грубо, но ничего не мог поделать. Повернувшись к отцу, он сказал:— Пап, а какой новый налог мы должны платить?

Волден Шаун осклабился.

— Чертово налогообложение. Нам теперь всем надо носить значки и платить за них бешеные деньги.

— Можно... можно я надену твой сегодня вечером? Мне надо сходить в город.

Волден медленно поднял взгляд на сына. Потом он, вздохнув, поднялся.

— Пойдем, поможешь мне его найти.

Они вместе вошли в маленькую комнатку. Она была забита книгами Волдена, он читал литературу по самым разным предметам, как и большинство китмэнов, были его

астрогационные инструменты и журналы прежних полетов. Все они имели какое-то значение. Этот меч в причудливо изукрашенных ножнах был подарком оружейника с Прочиона V, многорукого монстра, с которым отец подружился. На стереографе был запечатлен пейзаж Изиза, с его островерхими холмами, замерзшими газами, напоминающими расплавленный янтарь в ярком сиянии Осириса. Коллекция муравьев была привезена из путешествия на Локи в дни его юности. Эта легкая статуэтка, изображавшая существо в прыжке, служила божеством на Дагоне. Наклонив свою пепельно-седую голову, Волден стал рыться в столе между бумаг.

— Ты правда решил уходить? — спокойно спросил он. Лицо Кенри потеплело.

— Да, — сказал он. — Извини, но... Да.

— Я видел, как это делали другие, — заметил Волден. — Они даже процветали, большинство из них. Но, мне кажется, они не были особенно счастливы.

— Кто знает...

— Следующее путешествие *Флитвинга* будет, вероятно, прямо на Ригел, — добавил Волден. — Мы вернемся позже, чем через тысячу лет. Здесь уже не будет никакой Звездной империи. Даже твое имя будет забыто.

— Я слышал об этом полете, — голос Кенри зазвучал глуше. — Это одна из причин, почему я остаюсь.

Волден с вызовом поднял глаза.

— Чего хорошего в этих Звездах? — спросил он. — Я наблюдал двенадцать тысяч лет человеческой истории, и в хорошие времена, и в плохие. Теперешнее время хорошим не назовешь. А дальше будет еще хуже.

Кенри не ответил.

— Эта девушка не твоего круга, сынок, — заметил Волден... — Она Свободная Звезда. А ты обычный работяга томми.

— Предубеждение против нас основано не на расе, — ответил Кенри, стараясь не встречаться взглядом с отцом. — Оно культурного свойства. Для них космонавт землянин — то, что надо.

— Пока — да, — согласился Волден. — Но сейчас оно

постепенно становится расовым. Возможно, нам всем придется на время покинуть Землю.

— Я войду в ее круг, — сказал Кенри. — Одолжи мне твой значок.

Волден вздохнул.

— Нам придется переоснастить корабль, чтобы увеличить тау-фактор. У тебя впереди еще шесть месяцев. Раньше нам не отчалить. Надеюсь, что ты еще передумаешь.

— Возможно, — согласился Кенри, в душе сознавая, что говорит неправду.

— Вот, — Волден протянул маленькую желтую петлю из шнура. — Приколи себе к пиджаку. — Он достал большой бумажник. — А вот тысяча декардов твоих денег. В банке у тебя еще пятьдесят тысяч, но смотри, чтобы эти не украли.

Кенри прикрепил символ. Казалось, он тянул его вниз, словно камень, привязанный на шею. От большего унижения его уберегла автоматическая умственная реакция.

— Пятьдесят тысяч декардов... Что же купить? Астрогаторы обязательно вкладывали деньги в серьезную, недвижимую собственность...

Потом он вспомнил, что собирается остаться на Земле. Эти декарды должны ему послужить при жизни. А деньги имеют способность растворить накопленные предубеждения.

— Я, наверное, вернусь завтра, — сказал он. — Спасибо, папа. Спокойной ночи.

Кенри вышел в темноту, царящую над Землей.

* * *

В первый раз ни один из них не испытал особого потрясения. Капитан Саралпин сказал Кенри:

— У нас новая пассажирка. Она на Лэндфолле, это на Иштаре. Ты не против, если мы ее заберем?

— Пусть она там остается, пока мы не будем готовы к отправке. А зачем это ей проводить месяц на Мардуке?

Саралпин пожал плечами:

— Не знаю и знать не хочу. Но она хорошо заплатит за транспортировку сюда. Возьми пятую лодку.

Кенри заправил маленький межпланетный катер и отчалил с Флитвинга, ворча про себя. В это время Иштар находился на другом конце Сириуса, и даже по ускоренной орбите туда можно было добраться лишь за несколько дней. Это время он провел за изучением Общей Космологии Муринна, эта книга никогда не попадала ему в руки, хотя ей было не меньше 2500 лет. С тех пор, как пала Африканская империя, наука практически не продвинулась, подумал он, и сегодня на Земле существовало убеждение, что все основные вопросы уже разрешены. Вообще природа Земли — конечна, следовательно, горизонты науки также должны иметь пределы; спустя несколько столетий, за которые исследования не обнаружили ни одного явления, которое не было бы теоретически прогнозировано, интерес к науке был утрачен, что в итоге превратилось в догму.

Кенри не был уверен в справедливости этой догмы. Он слишком много видел в космосе, чтобы доверять способности человека познать его целиком. В сотнях различных областей: физике, химии, биологии, психологии, истории, эпистемологии существовали вопросы, на которые Девятикнижие не давало количественного ответа; но когда он пытался сказать об этом землянам, его слова вызывали лишь пустую, высокомерную улыбку... Нет, наука — это социальное явление, и она не может существовать, когда общество в ней не нуждается. Но ни одна цивилизация не существует вечно. Однажды у людей вновь появятся вопросы.

Большинство пассажиров Флитвинга составляли инженеры, у которых истек контракт на работу на других планетах, возвращавшиеся домой. Немногим из больших кораблей доводилось перевозить Звездных аристократов. Когда он приземлился на Лэндфолле, там шел дождь с пузырями, и он пошел по мокрым улицам к веранде городского общеджития, где ему была уготована неожиданность. Его пассажирка оказалась молодой очаровательной женщиной. Он кивнул ей, скрестив, как полагается, руки на груди, и ощутил смущение и скованность. Он был аутсайдер, неполноценный, космический скиталец, а она — одна из тех, кому принадлежит Земля.

— Надеюсь, лодка не покажется вам слишком неудобной, Фриледи, — промямлил он, ненавидя себя за покорность тона.

Ему следовало сказать: — Ты, ничемная, безмозглая тварь, мы поддерживаем жизнь на Земле, и тебе надо на коленях благодарить нас за это. — Но вместо этого он еще раз поклонился, и помог ей погрузиться в тесную каюту.

— Я это выдержу, — рассмеялась она. Она была слишком молода, понял он, и еще не успела усвоить высокомерные манеры, свойственные ее классу. На ее волосах мелкими драгоценными камнями поблескивали капли иштарского тумана. Взгляд голубых глаз, устремленный на его смуглое лицо, был вполне дружелюбным.

Он рассчитал на компьютере орбиту для возвращения на Мардук.

— Это у нас займет двадцать четыре дня, Фриледи, — сказал он. — Надеюсь, вы не слишком торопитесь.

О, нет, — ответила она. — Я только хотела посмотреть на эту планету прежде, чем улететь.

— Он спросил себя, во сколько ей это обойдется, и почувствовал неясную досаду, что кто-то может выбрасывать деньги на обычный туризм, но лишь кивнул головой.

Вскоре они были в космосе. Он вышел из своего отгороженного занавеской отсека, поспав несколько часов, и застал ее уже на ногах, — она перелистывала книгу Мурина.

— Я здесь ничего не понимаю, — призналась она. — Он когда-нибудь использует слова, где меньше двадцати букв?

— Он очень заботился о точности, Фриледи, — пояснил Кенри, приступая к завтраку. Импульсивно он добавил: — Мне бы хотелось с ним познакомиться.

Она окинула взглядом библиотеку, на полках которой с обыкновенными книгами соседствовали микроиздания.

— Ваши люди, должно быть, много читают, не правда ли? — спросила она.

— А что еще делать в длительных путешествиях? — ответил Кенри. — Можно, конечно, заниматься каким-нибудь ремеслом и готовить товары на продажу, но все равно остается много времени для чтения.

— Меня удивляет, что у вас такие большие команды, — заметила она. — Вам, несомненно, не нужно столько народа, чтобы управлять кораблем.

— Конечно, Фриледи,— подтвердил он.— Между звездами корабль летит сам. Но когда мы прилетаем на новую планету, работы хватает на всех.

— Еще, наверное, дело в компании,— предположила она.— Вы же летаете с женами, детьми и друзьями.

— Да, Фриледи.— Его голос стал холодным. Какое ей до всего этого дело?

— Мне нравится ваш Таун,— заметила она.— Я туда раньше часто ходила. Он такой странный, старомодный. Это как будто кусочек из прошлого, который сохраняется веками.

Конечно, хотелось ему сказать, конечно, такие, как ты, приходят к нам поглазеть. Вы там шляетесь пьяные, подглядываете в наши дома, а когда мимо проходит старик, рассуждаете, какой перед вами смешной старый хрыч, даже не понижая голосов, а если торгуетесь в магазине, и продавец лишь старается получить с вас нормальную цену, думаете про себя, что мы, томми, зациклены на деньгах.

— О да, мы бываем очень рады, что вы навещаете нас, Фриледи.

Она, кажется, обиделась, и мало говорила в последующие часы. Через некоторое время она ушла к себе, в тот отсек, который он выделил для нее, и он услышал, как она играет на скрипке. Это была старинная мелодия, старше, чем сам звездный мир, и все же она казалась новой, нежной и искренней, заключая в себе все, что хорошо и дорого человеку. Он в точности не знал, что это за музыка... Потом она замолкла. Ему захотелось произвести на нее впечатление. У китов были свои мелодии. Он достал гитару, ударил по струнам и дал простор своему воображению. Потом он начал петь.

*Когда младенцем Джерри Клоусон
Сидел у мамы на руках,
Решил летать он на ракетах,
Пока не превратится в прах...*

Он почувствовал, как она потихоньку вышла и остановилась у него за спиной, но притворился, что не замечает ее. Его

голос пробивался сквозь мерный гул, исходивший от стен, и он не сводил взгляда с холодных звезд и ржавого полумесяца Мардука.

*Джерри крикнул в микрофон:
Режьте свой кабель и мотайте,
Нам пробило оболочку,
Радияция, спасайтесь!*

*Занимайте место в лодках!
И скорей, к Земле, беда!
Я хотел пробиться в космос,
В нем останусь навсегда.*

Он закончил свою балладу звучным аккордом, оглянулся и встал, кланяясь.

— Нет-нет... садитесь, — приказала она. — Это не Земля. Что это была за песня?

— Джерри Клоусон, Фриледи, — ответил он. — Это древняя баллада, вообще-то я пел перевод, она была написана по-английски. Она восходит к началу межпланетных путешествий.

Предполагается, что Свободные Звезды должны быть не только эстетами, но и интеллектуалами. Он застыл, ожидая, что она скажет, что кто-нибудь должен собрать древнекитские баллады и издать их отдельным сборником.

— Мне понравилось, — заметила она. — Очень понравилось.

Он отвел глаза.

— Спасибо, Фриледи, а могу я спросить, что вы играли?

— О, эта мелодия еще старше, — ответила она. — Это тема из Крейцеровой сонаты. Я ее ужасно люблю. Пожалуй, мне хотелось бы познакомиться с Бетховеном.

Их взгляды встретились, и ни один из них не отвел глаз, и так они долго, молча смотрели друг на друга.

* * *

Таун кончался резко, словно его обрезали ножом. Его границы сохранялись уже 3000 лет, когда он был святилищем: иногда он стоял особняком, обдуваемый ветрами со

всех сторон, и вокруг не было никаких других следов человеческой деятельности, за исключением нескольких разбитых стен; иногда его почти проглатывал огромный и шумный монстр города; по временам, как например, сейчас, он оказывался на краю крупного поселения; но это всегда был Таун, остававшийся неизменным и незыблемым.

Нет — не совсем так. Бывало, что по нему прокатывались войны, оставлявшие вмятины на стенах и пробоины в крышах, наполняя его улицы мертвыми телами; улицы запруживали хищные толпы, жаждавшие линчевать томи, заявлялись самоуверенные крикливые офицеры, чтобы навязать населению какое-нибудь новое правило. Они могли вернуться. В водовороте истории это неизбежно.

Дрожа от нагонявшего его холодного ветра, Кенри завернул на ближайший проспект. Он оказался в зоне трупоб: безрадостные пустыри, бесцельно шатающиеся толпы народа среди нагромождения безликих зданий. Все были одеты в камзолы и нелепые юбки, и от них воняло. Большинство населения составляли Нормальные, номинально, они были свободны, то есть им предоставлялось право подышать от голода, когда не удавалось найти работу. Основная часть из них принадлежала к Норме D, это были чернорабочие низшего ранга, с тупыми угрюмыми лицами, но здесь и там в призрачном вечернем освещении мелькали более осмысленные физиономии Нормальных D или B. Когда между ними оказывался Стандартный, облаченный в ливрею государственного образца или установленное его частным хозяином, что-то зажигалось в их глазах. Словно они осознавали все с большей остротой, что вокруг что-то не так, если рабы живут лучше, чем Свободные. Кенри и раньше приходилось видеть такие взгляды, и он знал, во что они могли вылиться: в слепую лавину разрушения. А где-то были люди с Марса и Венеры, с Луны и Юпитера, да, и радиант Юпитера имел свои честолюбивые устремления, но Земля по-прежнему оставалась самой богатой из планет... Нет, подумал он, Звездная империя долго не протянет.

Но она должна сохраниться, хотя бы пока будет жива Дорти, и они могли бы позаботиться о будущем своих детей. Этого было достаточно.

Кто-то толкнул его локтем под ребро.

— Ну-ка, с дороги, томми.

Он стиснул кулаки, думал, что смог бы сделать в небесах и как ему поступить здесь, на Земле. Он молча отступил, освобождая проход. Сверху из окна на него уставилась жирная неряшливая баба, она захохотала и плюнула, стараясь попасть в него. Он увернулся от плевка, но как было избежать покотившегося за ним смеха.

Они ненавидят, подумал он. Пока они не смеют обратить неприязнь на своих хозяев, и вместо этого ненавидят нас. Надо проявить терпение. Так не может продолжаться дольше двух веков.

Тем не менее внутри он весь дрожал от гнева. Он ощутил напряжение мышц и нервов живота, и у него затекла шея, так как он старался идти со смиренно опущенной головой. Хотя в розовом саду его ожидала Дорти, ему захотелось выпить. Он заметил мигавшую неонов бутылку над какой-то дверью и завернул туда.

За столом сидело несколько опухших мужчин, интерьер украшала стенная роспись непристойного содержания, которой было не менее ста лет. В таверне промышляло не более полудюжины девиц Нормы D, таких потасканных, словно их набирали в утиле. Одна из них машинально одарила Кенри улыбкой, заметила его лицо, костюм и значок и, презрительно фыркнув, отвернулась.

Он направился к стойке. Бармен окинул его недобрым взглядом.

— Водзан,— заказал Кенри,— двойной.

— Мы здесь томми не обслуживаем,— буркнул бармен.

Кенри так впился пальцами в стойку, что они побелели. Он повернулся, чтобы уйти, но на его плечо легла чья-то рука.

— Ну-ка подожди минутку, астронавт. Эй, бармен, дай-ка двойной водзан.

— Я же сказал...

— Это для меня, Вильм. А я могу дать его кому захочу. А если пожелаю — вылить на пол. — В этом голосе прозвучала угроза, и бармен кинулся поспешно исполнять заказ.

Кенри посмотрел на белое безволосое лицо с характерной формой черепа. На стойку опиралось стройное тело, облаченное в серые одежды, рука спокойно перекатывала игральные кости. Пальцы были без костей, и это были маленькие изящные щупальца, а глаза были окрашены в цвет рубинов.

— Спасибо, — сказал Кенри. — Позвольте, я заплачу.

— Нет. Я угощаю. — Незнакомец взял у бармена стакан и передал его Кенри. — Вот, пожалуйста.

— Ваше здоровье, сэр. — Кенри поднял стакан и выпил. Жидкость обожгла ему горло.

— Не за что, — равнодушно сказал незнакомец. — Мне это не составило труда. Меня здесь слушают. — Это, должно быть, был какой-то мелкий преступник, возможно, член теперь запрещенной Гильдии наемных убийц. А тип его тела был не совсем человеческий. Должно быть, он относится к Специальным Х, которые создавались в генетических лабораториях для исполнения определенной функции, или для изучения, или просто для развлечения. Скорее всего, его отпустили на волю, когда он исполнил поручение своего хозяина, и обосновался в этих трущобах.

— Долго был в отлучке? — спросил он, перебирая кости.

— Двадцать три года. На Сириусе, — ответил Кенри.

— С тех пор многое переменялось, — заметил Х. — Антикитизм снова набрал силы. Будь поосторожнее: если тебя здесь избыют или ограбят, обращаться в городскую охрану нет смысла.

— Очень любезно, что вы...

— Ерунда. — Тонкие пальцы сгребли кости и снова бросили их. — Я люблю чувствовать превосходство.

— О... — Кенри поставил стакан. На какой-то момент у него в голове что-то смешалось. — Понимаю...

— Нет, не уходи! — Рубиновый взгляд застыл на его лице, и Кенри с удивлением увидел в глазах Х слезы. — Не сердись. Ты не можешь меня винить за грубость. Я однажды и сам хотел записаться в полет, но меня не взяли.

Кенри ничего не сказал.

— За то, чтобы совершить хоть один полет, я бы отдал что угодно, хоть ногу, хоть ключицу. Тебе не кажется, что у землянина тоже могут быть свои мечты? Но от меня было бы мало пользы. Чтобы там работать, надо вырасти в космосе, иначе ты ни к чему на какой-нибудь другой планете, о которой на Земле даже не слышали. И потом, наверное, сыграл роль мой вид. Даже низы теперь не могут ладить.

— Так было всегда, сэр,— сказал Кенри.

— Наверное, ты прав. Ты видел больше во времени и пространстве, чем мне удастся за всю мою жизнь. Итак, я остаюсь здесь, сам по себе, и кое-как живу, но не знаю, стоит ли это усилий.

Пока у человека нет чего-то более значительного, чем его собственная особа и личное счастье, чего-то, за что он, не задумываясь, умрет, он по-настоящему не живет. Ну, ладно... (бросил кости). Девять. Я что-то сбился с мысли. Я знаю такое место, где не смотрят, кто ты, и есть ли у тебя деньги.

— Благодарю вас, сэр, но у меня дела в другом месте, неловко сказал Кенри.

— Я так и думал. Ну тогда иди. Не смею задерживать.

Х отвернулся.

— Спасибо за выпивку, сэр.

— Не знаю, за что. Приходи, когда захочешь, я обычно здесь. Но не плети мне про другие планеты. Я ничего не хочу о них слышать.

— Спокойной ночи.

Выходя, он услышал стук костей о стойку бара.

* * *

Дорти хотелось попутешествовать по поверхности Мардука, посмотреть планету. Она могла выбрать себе в сопровождающие кого угодно, но предпочла попросить Кенри. Звездам не отказывают, и он, бросив многообещающие переговоры о продаже кож с местными коммерсантами, нанял

кар, передвигавшийся по почве, и забрал ее тут же после посадки.

Некоторое время они ехали молча, пока поселение не скрылось из виду. Вокруг простиралась каменистая пустыня, ее голые утесы, железные холмы и пыльные деревья, покрытые колючками, в прозрачном воздухе были окрашены в яркие тона. Над головами небо сияло величественной голубизной и висел диск Сириуса А, а сверкающее свечение его спутников окрашивало мертвый пейзаж слепящим заревом.

— Прекрасный мир,— заметила она наконец. В прозрачном воздухе ее голос прозвучал приглушенно.— Мне здесь нравится больше, чем на Иштаре.

— Большинство придерживается другого мнения, Фриледи,— ответил он.— Его называют унылым, холодным и сухим.

— Тогда не знаю...— Ее светлая головка была повернута в другую сторону, она смотрела на фантастическое нагромождение камней, скопление безжизненных скал и заросли суховатых кустов. Их общий ржавый тон в соединении с голубыми и красными прожилками минералов образовывал причудливую гамму.

— Я завидую тебе, Кенри Шаун,— наконец сказала она.— Я видела достаточно картин, читала немало книг — все, что попадалось мне в руки, но этого так мало! Когда я подумаю обо всем странном, красивом и восхитительном, что видел ты, меня охватывает зависть.

Он решил задать вопрос:

— Именно поэтому вы прилетели на Сириус, Фриледи?

— Отчасти. Когда умер мой отец, мы захотели, чтобы кто-нибудь проинспектировал собственность семьи на Иштаре. Все думали, что надо просто послать агента, но я настояла на том, что полечу сама, и заказала место на Темерере. Они все думали, что я сошла с ума. Итак, я вернусь с новыми людьми, новым сленгом, новым стилем жизни. К тому времени мои друзья станут людьми средних лет, а я сделаюсь ходячим анахронизмом...— Она вздохнула.— Но это того стоило.

Он подумал про собственную жизнь, про действующее ему на нервы однообразие путешествий, недели, накапливаю-

щиеся в месяцы и годы, которые проводятся в железной пульсирующей раковине; приближение, неизвестность, жесточайшая враждебность диких планет — он видел, как его друзья погибали под оползнями, выплевывали свои легкие, когда у них повреждались скафандры в отсутствие атмосферы, заживо гнили от неизвестных болезней и он прощался с ними и наблюдал, как они уходят в безмолвие, которое никогда не возвращало их, и спрашивал себя, как именно они умирали; а на Земле он оставался призраком, посторонним, плывущим по великой реке времени, на Земле он ощущал себя нереальным.

— Не знаю, Фриледи,— протянул он.

— О, я привыкну,— заверила она, рассмеявшись.

Кар пробивал себе дорогу меж высоких дюн, оставляя пыльный след, который стирал ветер. В эту ночь они разбили лагерь около развалин заброшенного города, в месте, которое, должно быть, некогда являлось жемчужиной этого пейзажа. Кенри установил две палатки и стал готовить ужин, пока Дорти наблюдала за его действиями.

— Дай, я помогу,— раз предложила она.

— Это не подобает Фриледи,— возразил он. (И в любом случае ты слишком неуклюжа и только все испортишь.) Он ловко разжег примитивный очаг. На фоне окружавшего их мрака золотисто-коричневый свет казался особенно ярким, отбрасывая на их лица колеблющиеся от ветра алые тени. На них смотрели далекие холодные звезды.

Она посмотрела на бурлящую в котелке еду.

— Я думала, ваши люди никогда не едят рыбу,— пробормотала она.

— Одни едят, другие нет, Фриледи,— рассеянно отозвался он. Здесь было трудно соблюдать дистанции. Когда-то это было запрещено китским обычаем, когда пространство и энергия для выращивания пищи на борту корабля были в дефиците. Только богач мог позволить себе аквариум, и в мелких группах кочевников это было запрещено, чтобы не породить неприязнь между людьми. А теперь, когда экономические сложности давным-давно отпали, только старики соблюдают этот запрет.

Дорти с улыбкой приняла от него тарелку.

— Смешно,— заметила она.— Никто не подозревает, что

у вашего народа может быть своя история. Вы всегда были — и все.

— О, история есть, еще какая! У нас множество традиций, возможно, больше, чем у остальной части человечества.

В темноте проскрипел преследующий добычу маркат. Она спросила:

— Кто это?

— Местный хищник, Фриледи. Не пугайтесь. Он щелкнул хлопнушкой, с удовольствием демонстрируя, что? — свое мужество? — Когда есть оружие, нечего бояться крупных животных. Опасность представляет другое — иногда болезни, чаще — холод или жара, или ядовитые газы, или вакуум и черт знает что Вселенная может заготовить для нас. — Он широко улыбнулся, на его худом лице сверкнул белизной ряд ровных зубов. — Во всяком случае, если бы он нас съел, то вскоре бы сам подох. Мы для него не менее ядовиты, чем он для нас.

— Различия в биохимии и экологии, — кивнула она. — Миллиарды или более лет раздельной эволюции. Было бы странно, если бы на многих планетах развилась жизнь, близкая к земной, так, чтобы мы смогли бы питаться местными животными. Вероятно, поэтому никогда не случалась широкая колонизация за пределами солнечной системы — дело ограничивалось несколькими поселениями, где занимаются добычей полезных ископаемых, торговлей или органическим синтезом.

— Отчасти вы правы, Фриледи, — согласился он. — Дело еще в экономике. Оставаться дома было гораздо дешевле, — с точки зрения денежных затрат; ни при каких обстоятельствах значительный процент людей не мог покинуть Землю; селекция выводила больше экземпляров, чем могла отобрать эмиграция.

Дорти в упор посмотрела на него. Когда она заговорила, в ее голосе прозвучала особая мягкость:

— Вы, китмэны, очень мозговитый народ, правда?

Он знал, что это так, но возразил, как она и ожидала.

— Нет-нет, — настаивала она. — Я кое-что читала про вашу историю. Если я не права, можешь меня поправить, но, насколько мне известно, с давних пор от космических путе-

шественников требовалась весьма высокая квалификация. Астронавту были необходимы высокий интеллектуальный уровень, быстрая реакция и при этом — уравновешенность. Физически он не мог быть особенно крупным, но сила ему требовалась, а в условиях особенно яркого солнечного света и радиации смуглость кожи служила определенным защитным средством... Да, именно так и было. И остается по сей день. Когда женщины тоже стали летать в космос, профессия естественно стала семейной. Те, кто не подходил для межзвездной жизни, выпадали из нее; а те, кого вербовщики набирали в солнечной системе, обнаруживали значительное физическое и душевное сходство с теми, кто уже совершал полеты. И так сформировался Кит — почти особая раса людей; у них сложился свой образ жизни. Пока наконец вы не монополизировали межзвездную навигацию.

— Нет, Фриледи, — возразил он. — Мы ничего не монополизировали. Каждый, кто желает построить космический корабль и пилотировать его, волен сделать это. Но это требует огромных капиталовложений, а когда первоначальный блёск славы рассеивался, средний житель солнечной системы утратил интерес к подобной трудной и одинокой жизни. Поэтому сегодня все астронавты — китмэны, но это никогда не планировалось целенаправленно.

— Я это и хотела сказать, — поправила она. С полной серьезностью. — А то, что вы другие, естественно породило подозрительность и дискриминацию... Нет-нет, не перебивай, я хочу высказаться до конца... любое заметное меньшинство, составляющее конкуренцию большинству, обречено на неприязнь. В солнечной системе не могут обойтись без изотопов, которые вы привозите со звезд, так как собственные давно израсходованы; и те химикаты, которых нет на Земле, часто оказываются очень ценными; нельзя обойтись и без вашей торговли мехами и драгоценностями. Поэтому вы необходимы нашему обществу, но по сути к нему не принадлежите. Вы по-своему слишком гордые, и не можете копировать своих угнетателей. Поскольку вы люди, то, естественно, берете деньги, покрывающие все расходы на вашу деятельность, и поэтому слытите жадными. А раз вы сообра-

жаете лучшие и живее, чем любой житель солнечной системы, вам удастся выторговать себе лучшие условия, и вас за это ненавидят. Кроме того, существует традиция, которая уходит своими корнями во времена механокластов, когда технология считалась злом, и только вам удалось сохранить ее на высоком уровне. А на пуританской стадии Марсианской битвы ваша традиция торговли женами, — о, я знаю, что вы это делаете, только чтобы как-то разнообразить монотонность путешествий, — я знаю, что у вас более стабильная семейная жизнь, чем у нас... В любом случае, все эти времена миновали, но они оставили следы. Почему бы вам всем не улететь в космос, предоставив нам вариться в собственном соку?

— Земля — и наша планета, Фриледи, — заметил он очень тихо. И, помолчав, добавил: — Тот факт, что мы необходимы, обеспечивает нам некоторую защиту. Нам удастся выстоять. Так что не надо волноваться за нас.

— Несгибаемый народ, — сказала он. — Вам даже жалость не нужна.

— А кому она нужна, Фриледи, — возразил он.

** * **

Там, где кончались трущобы, в зоне, где громоздились высокие склады и торговые конторы, Кенри сел на подъемник общественной воздушной дороги и направился по нужному ему адресу. Туда, кажется, больше никто не собирался, и он, найдя место, занял кабину и устремился к центру города.

Кабина быстро набирала высоту, пока не поднялась выше самых высоких башен. Опершись рукой о перила ограждения, он посмотрел вниз, в ночь, в которой, по ее свечению, угадывалась жизнь. Улицы и стены мерцали огнями, ожерелья элекрических фонарей пронизывали бархатную тьму, фонтаны разбрасывали белые, золотые и алые струи, у подножия триумфальной статуи дисплей показывал танцующее пламя. Звездная архитектура воплощала застывшее движение, величественные колонны, шпили башен, бельведеры домов бросали вызов небу; находясь в

вышине над этими воздушными джунглями, космонавт едва ли мог разобраться в потоке машин и людей.

Приближаясь к центру мегаполиса, скайвей собрал побольше пассажиров. Стандартные в ярких причудливых ливреях, Нормы в своих туниках и клетчатых юбках, редкие приезжие с Марса, Венеры или Юпитера в сверкающих униформах, с завистью, застывшей в тусклых глазах, а вот и группка Свободных, которых отличало великолепие тонких, излучающих свечение, одежд, красиво облегающих их стройные фигуры, отчетливый блеск драгоценностей, сильно кудрявые бороды у мужчин и волосы у женщин. За прошедшие двадцать лет моды изменились. Остро ощущая потертость своего костюма, Кенри вжался в стенку стрипа.

Две молодые пары прошли мимо. До него донеслись слова женщины.

— Ой, только посмотри на томми.

— Ишь ты, какой наглый,— пробормотал один из парней.— Я бы не против с ним...

— Не надо, Скэниш,— остановил его мягкий голос другой женщины.— Он имеет право.

— Так не должно быть,— упорствовал парень.— Знаю я этих томми! Им палец в рот не клади, руку откусят.— Все четверо устраивались на сиденье за спиной у Кенри.— Мой дядя занимается транссолярной торговлей, он вам расскажет.

— Пожалуйста, Скэниш, он слышит...

— И я надеюсь, что...

— Да брось ты это, дорогой. Чем мы займемся теперь? Едем на Халгор,— девушка старалась показать заинтересованность.

— Мы там сто раз уже были. Что там делать? Может, сядем на мою ракету и рванем в Китай? Я знаю одно местечко, там такая техника, ты бы никогда...

— Нет, я не в настроении. Я сама не знаю, чего мне хочется.

— У меня в последнее время очень расстроились нервы. Мы себе купили нового врача, а он говорит то же, что и прежний. Они все в этом совсем не разбираются. Может

быть, заняться этой новой религией, бельтанизмом, в ней, пожалуй, что-то есть. По крайней мере, это меня развлечет.

— Скажи, ты слышала последнюю новость о Марде? Знаешь, кого видели выходящим из ее спальни в последние десять дней?

Кенри взял себя в руки и усилием воли переключил свои мысли на другое. Он не желал, чтобы больной и истощенный дух одряхлевшей империи вторгнулся в его сознание.

Дорти, думал он. Дорти Персис из Кандов. Какое восхитительное имя! В нем слышится музыка. И клан Кандов всегда занимал выдающееся положение. Она не такая, как другие Звезды.

Она меня любит! — пело в его душе. Она любит меня. Впереди у нас жизнь. Нас двое. Жизнь одна, а остальное население империи может разлагаться как угодно. Мы будем вместе.

Впереди показался небоскреб, сооружение из хрусталя, камня и света, рывком взмывавшее ввысь. На его фасаде горделиво светился герб Кандов, старинный символ. Он был поставлен в ознаменование трехсотлетия рода Кандов.

Но это же даже короче, чем моя жизнь. Нет, мне нечего стыдиться в их присутствии. Я принадлежу к древнейшему и лучшему слою человечества. Я здесь прижился.

Он сам не понимал, почему не может стряхнуть с себя депрессию, которая на него навалилась. Это был славный момент. Он придет к ней победителем. Но...

Вздохнув, он поднялся, так как приближалась его остановка. Вдруг его пронзила боль. Он подпрыгнул, споткнулся и упал на колено. Молодой Стар нагло ухмылялся ему в лицо, помахивая электрошоком. У Кенри руки тряслись от боли, а все четверо принялись хохотать. Смех преследовал его, когда он выходил из скайвея и спускался на землю.

* * *

В рубке больше никого не было. Здесь в огромном пустом просторе между солнц увидеть одного человека — это уже много. Комната представляла собой полое углубление, в

котором царил полумрак, там было тихо, если не считать монотонного шума корабля. Тут и там мерцал приглушенный свет приборных панелей, а иллюминатор освещался преломленным свечением отдельных звезд. Большие никакого освещения не было. Кенри его отключил.

Войдя через дверь, Дорти остановилась, ее платье своей белизной прорезало темноту. Когда Кенри посмотрел на нее, у него перехватило дыхание, а от приветствия у него закружилась голова. Когда она приближалась, послышалось приятное шуршание ткани. На ней была длинная просторная тога, символизировавшая свободу, а по спине струились распущенные шелковистые волосы.

— Я никогда в жизни не была на мостике, — сказала она. — Я не знала, что пассажиров сюда пускают.

— Это я пригласил вас, Фриледи, — ответил он срывающимся голосом.

— Очень мило с твоей стороны, Кенри Шаун. — Она потрепала пальцами его руку. — Ты все время так любезен со мной.

— Всякий бы так себя вел на моем месте.

От этой фразы просияло ее лицо, в глазах, которые она обратила к нему, загорелся свет. Она улыбнулась странно робкой улыбкой.

— Спасибо, — прошептала она.

— Я... — он сделал жест в сторону иллюминатора, который, казалось, висел у них над головами. — Он расположен непосредственно на оси вращения корабля, Фриледи, — пояснил он. — Поэтому вид постоянный. Естественно, «слюбой точки мостика, на котором вы сейчас стоите», вы не заметите, что письменные столы и панели приборов расположены по окружности вокруг внутренней стены, используя преимущества этого факта. — Его голос показался ей странно далеким. А вот астрогационный компьютер. Наш сейчас остро требуется перезагрузить, поэтому у меня на столе и лежат все эти книги и расчеты.

Она прикоснулась рукой к спинке его стула.

— Это твой, Кенри Шаун? Я почти вижу, как ты над ним работаешь, какое у тебя смешное насупленное лицо, словно ты имеешь дело не с проблемой, а с личным врагом. Потом ты

вздыхаешь, запускаешь пальцы себе в шевелюру и, закинув ноги на стол, некоторое время что-то обдумываешь. Правильно?

— Как вы догадались, Фриледи?

— Я знаю. Я о тебе много думала. — Она отвела взгляд и стала рассматривать скопление ярко-бело-голубых звезд. Вдруг ее руки резко сжались в кулаки. — Жаль, что ты заставил меня почувствовать такую пустоту, — прошептала она.

— Вы...

— Здесь — жизнь, — она говорила быстро, проглатывая слова, торопясь их высказать. — Своими грузами вы сохраняете жизнь на Земле. Вы сражаетесь, трудитесь, думаете о... о чем-то реальном, а не о том, во что нарядиться к ужину и чем заняться вечером, когда беспокойство и горькие мысли не дают усидеть дома. А вы сохраняете Земле жизнь. Я уже это говорила, и мне хотелось бы делать то же. Я завидую тебе, Кенри Шаун. Жаль, что я не родилась Китом.

— Фриледи...

— О чем говорить, — рассмеялась она, безнадежно махнув рукой. — Даже если бы меня взяли на корабль, я бы ни за что не полетела. У меня нет ни подготовки, ни врожденной выносливости, ни терпения или... Нет! Забудь об этом. — В ее глазах сверкнули слезы. — Когда я вернусь домой, зная, какие вы, китмэны, попытаюсь ли я хоть помочь вам? Хватит ли мне сил распространять среди окружающих меня понимание, уважение, доброту, хотя бы простую порядочность в отношении к вам? Нет. Я пойму, насколько это бесполезно, и у меня не останется мужества.

— Это было бы пустой тратой времени, Фриледи, — заметил он. — Никто не сможет в одиночку повлиять на целую культуру. Не волнуйтесь об этом.

— Я знаю, — согласилась она. — Ты, конечно, прав. Ты всегда прав. Но на моем месте ты бы попробовал!

Они долго смотрели друг другу в глаза.

Тогда он впервые поцеловал ее.

* * *

Парадный вход охраняли двое громил в сверкающих униформах, неподвижные как статуи. Чтобы заглянуть в

лицо того, который был поближе, Кенри пришлось вытянуть шею.

— Фриледи Дорти Персис ждет меня,— заявил он.

— Что? — От удивления у великана отвисла челюсть.

— Все верно,— улыбнулся Кенри и протянул карточку, которую она ему дала. — Она просила ее немедленно разыскать.

— Но там идет вечеринка...

— Это ничего. Позовите ее.

Охранник вспыхнул, открыл рот и медленно захлопнул его. Повернувшись, он направился к визифонной будке. Кенри ожидал, ругая себя за самоуверенность. *Им палец в рот не клади, руку откусят*, вспомнилось ему. Но как еще мог вести себя китмэн? Если он будет держаться почтительно, его назовут подхалимом, скажут, что он готов лизать им башмаки; если гордо, сочтут нахальным, пронырливым ублюдком; а если он торгуется, желая получить хорошую цену, то его называют сквалыгой, кровопийцей. Когда они говорят с друзьями на своем старом языке, то людям кажется, будто китмэны что-то скрывают; если больше любишь своих небесных братьев, чем этот легковесный народец, то становишься в глазах его трусом и предателем, а если...

Громила вернулся, трясаясь от изумления.

— Все верно,— хмуро объявил он.— Поднимайся наверх. Первый лифт направо, пятидесятый этаж. Смотри, води себя хорошо, томми.

Когда я найду общий язык с хозяевами, он у меня этим словом подавится, свирепо подумал Кенри... Но потом он вновь ощутил прилив необъяснимой усталости и неуверенности. «Да ладно... Зачем это мне? Кто от этого выиграет?»

Через широкие двери он вошел в фойе, представлявшее собой грот из светящегося пластика. Несколько Стандартных слуг стали что-то с жаром обсуждать, наверное, говоря о нем, но не попытались вмешаться. Он нашел кабину лифта и нажал кнопку 50. Тот стал подниматься в абсолютной тишине, нарушаемой лишь стуком его сердца.

Он оказался в передней, задрапированной малиновым бархатом. За аркой входа виднелись переливающиеся огни, фигуры людей, утопавшие в мерцании пурпура и золота; воздух был полон громкой музыки и смеха.

— Черт, я не могу,— Кенри силой заставил себя двигаться к арке и войти в зал. Сияние ударило его, как кулаком, и он остолбенел, растерянно моргая среди танцующих, слуг, зевак, затейников, которых под сводами этого зала собралось, должно быть, не менее тысячи.

— Кенри! О, Кенри!

Она бросилась ему в объятия, прижимаясь своими губами к его губам, дрожащими руками притягивая к себе его голову. Он крепко привлек ее к себе, и ее серебристая матовая накидка окутала их обоих, как бы отделяя от окружающих.

Еще секунда, и она отстранилась, задохнувшись, и слабо рассмеялась. Этот род веселья был для него нов, в ее смехе угадывался подтекст, а под ее большими глазами лежали тени. Он заметил, что она очень устала, почувствовал острую жалость к ней.

— Любимая,— прошептал он.

— Кенри, не здесь... Ах, милый, я надеялась, ты вернешься скорее, но ладно, пойдем со мной, я хочу, чтобы они видели мужчину, которого я взяла с собой.— Она уцепилась за его руку и почти силой потянула его за собой. Танцующие останавливались, пара за парой, замечая чужака, и так, наконец, на него обратились ледяные взгляды всей тысячи собравшихся. Внезапно наступило молчание, поражающее как удар грома, но музыка не замолкала. В наступившем безмолвии она звучала неуверенно.

Дорти охватила дрожь. Потом она откинула голову жестом, в котором читался вызов, что так нравилось Кенри, и посмотрела ему прямо в глаза. Она подняла руку, поднося ко рту микрофон, закрепленный на запястье, и динамики под потолком разнесли ее слова над залом.

— Друзья, я хочу объявить... Нечто, что вам уже известно... Словом, это тот мужчина, за которого я собираюсь выйти замуж.

Это было сказано голосом напуганной маленькой девочки. Жестоко было усиливать его до громкости гласа богини.

После паузы, которая, казалось, длилась вечность, кто-то кивнул головой, как полагается по этикету. Потом еще кто-то, потом закивали все, как куклы-марионетки. Однако несколько гостей презрительно отвернулось.

— Продолжаем! — голос Дорти сорвался на крик, — продолжаем танцевать. Пожалуйста! Вы все потом... — Дирижеру, должно быть, была свойственна чувствительность: в этот момент оркестр заиграл бравурную мелодию, которая стала затягивать в танец пару за парой.

Дорти невыразительно смотрела на астрогатора:

— Рада снова тебя увидеть! — сказала она.

— И я тебя, — отозвался он.

— Пошли, — она за руку повела его к стене, — давай сядем и поговорим.

Они нашли нишу, отгороженную от зала шпалерами из плетистых роз. Здесь были сумерки, и она с жадностью обратилась к нему. Он ощутил ее дрожь.

— Тебе было нелегко? — заметил он голосом без интонации.

— Нелегко.

— Если бы ты...

— Не говори об этом! — В ее словах ощущался страх. Она прервала его фразу поцелуем.

— Я люблю тебя, — сказала она погодя. — Только это имеет значение, не так ли?

Он не ответил.

— Разве не так? — настаивала она.

Он кивнул.

— Может быть, твои родные и друзья не одобряют твоего выбора?

— Некоторым он не нравится. Какое это имеет значение, любимый? Это забудется, когда ты станешь одним из нас.

— Одним из вас... Но я рожден не для этого. Я никогда не впишусь в общество, словно... ладно, пустяки. Я смогу это выдержать, если ты сможешь.

Он опустилсЯ на мягкое сиденье скамейки, тесно прижав ее к себе, и смотрел в зал сквозь ветви роз. Цвет, движение и громкий пронзительный свет были ему непривычны. Он с удивлением спросил себя, как мог подумать, что они способны стать его миром.

Они это обсуждали, когда корабль продирался сквозь ночь. Она никогда бы не смогла влиться в Кит. В команде не нашлось бы места для того, кому нестерпимы миры, не предназначенные для людей. Вместо этого ему придется присоединиться к ней. Он сможет приспособиться, обладая умом и умением легко адаптироваться, найти себе место в любых условиях.

Но в каких условиях, какое место? спрашивал он себя, когда она ласкалась к нему. Заняться планированием особо масштабных вечеринок, стать поставщиком банальных сплетен, вежливо выслушивать скучные глупости, наблюдать извращенную жестокость. Нет, будет же Дорти, они останутся одни, ночью, на Земле, и этого будет достаточно.

А будет ли? Нельзя проводить все время в занятиях любовью.

Существовали крупные торговые фирмы, он мог бы сделать хорошую карьеру в одной из них. (Четыре тысячи баррелей Калиан Джанн оил, включая проценты, и жестокие ливни и молния, прорезающая фосфоресцирующие моря. Тысяча слитков высокочистого тория с Хатора и лунное мерцание хрустящего снега, звенящая зимняя тишина. Партия зеленых мехов с только что открытой планеты, и корабль пустился в свой рейс среди великолепия звезд, неведомого земному человеку.) Или, например, армия... (Смирно, солдат. Левой — правой... Сэр, в последнем отчете разведки с Марса... Сэр, я знаю, что винтовки не соответствуют специфике, но мы не можем связаться с тем, кто принимал контракт, его патрон — Свободная Звезда. Генерал приказал вам присутствовать на банкете для офицерского персонала. А теперь скажите, полковник Шаун, что, по-вашему, случится на *самом деле*. Вы, офицеры, всегда такие ужасно скрытные... Готовьсь! Цельсь! Огонь! Так погибают все предатели империи.) Или даже научные

центры. (Итак, сэр, исходя из сказанного, записываем эту формулу, как...)

Кенри в отчаянии сжал талию Дорти.

— Как тебе нравится дом? — спросил он. — Во всем остальном?

— О, — прекрасно. — Она неуверенно улыbnулась ему. — Я так боялась, что покажусь старомодной, оставшей от жизни, но нет, я без труда включилась. Компания сейчас самая веселая, многие — дети моих бывших одноклассников. Они тебе понравятся, Кенри. Я, знаешь, очень прославилась, слетав на Сириус. Представляешь, какой фурор произведешь ты!

— Не произведу, — пробормотал он. — Я же всего-навсего томми, не забывай об этом.

— Кенри! — Ее глаза вспыхнули гневом. — Какой смысл так разговаривать. Ты не такой, и тебе это известно, и не будешь таким, если не станешь упорно думать и рассуждать как томми, — она осеклась и смиренно добавила: — Извини, дорогой. Ужасно, что я так сказала, не правда ли?

Он смотрел прямо перед собой.

— Я, как бы это сказать, заразилась, — продолжала она. — Тебя так долго не было. Но ты меня снова исцелишь.

Его переполняла нежность, и он поцеловал ее.

— Хм, пардон...

Они почти виновато отпрянули друг от друга, подняв глаза на пару мужчин. Один из них был средних лет, безукоризненно стройный и прямой, его темно-синяя туника переливалась украшениями; второй — помоложе, с рыхлым лицом, пьяноватый. Кенри встал, кивнул, протянул руки, как равным.

— О, вы должны познакомиться, — заторопилась Дорти, говоря высоким неестественным голосом. — Это Кенри Шаун. Я ведь немало вам о нем рассказывала. — Нервный смешок. — Кенри, это мой дядя, полковник из Кандов, из Имперского персонала, и мой племянник, светлейший лорд Домз. Вообрази, я вернулась, став ровесницей своему племяннику!

— Честь имею, сэр. — Голос полковника был такой же жесткий, как его спина. Домз хихикнул.

— Прошу извинить нас за вторжение, — продолжал полковник из Кандов, — но я хотел поговорить с... с Шауном как можно скорее. Вы поймете, сэр, что я делаю это ради блага племянницы и всей нашей семьи.

У Кенри похолодели и стали влажными ладони.

— Разумеется, — сказал он. — Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо. — Из Кандов угловато присел на скамью рядом с китмэном; Домз и Дорти разместились по краям, молодой человек, потянувшись к ней, расплылся в улыбке.

— Не заказать ли нам вина?

— Мне не нужно, благодарю, — хрипло отозвался Кенри. Холодные глаза смотрели на него в упор.

— Во-первых, — начал полковник, — я прошу вас иметь в виду, что лично я не разделяю тех абсурдных расовых предрассудков в отношении вашего народа, которые развиваются в обществе. Экспериментально доказано, что Кит биологически равен Звездным семьям и, вне сомнения, превосходит некоторые. — Он презрительно взглянул на Домза. — Разумеется, существует серьезный культурный барьер, но если он будет преодолен, то я лично с удовольствием стану спонсором вашей ассимиляции в наших рядах.

— Благодарю вас, сэр, — у Кенри закружилась голова. — Ни одному китмэну еще не удавалось так высоко вознестись за всю историю. И надо же, чтобы первым стал он!.. Он услышал радостный вздох Дорти, взявшей его руку, и в его душе что-то стало оттаивать. — Я сделаю... все, что в моих силах...

— Так ли это? Именно это я и желаю выяснить. — Из Кандов подался вперед, зажав свои сухощавые руки между коленей.

— Давайте не будем толочь воду в ступе. Вы не хуже меня знаете, что империю ожидают жесточайшие испытания, тем немногим людям действия, которым удастся выжить, придется сплотиться и стоять до последнего. Мы не можем позволить себе допускать в свои ряды слабаков; и уж, конечно, мы не должны принимать сильных, но не преданных нашему делу всем сердцем.

— Я буду... лояльным, сэр,— пообещал Кенри.— Что я еще могу?

— Многое,— ответил полковник.— При этом значительная часть возможностей может показаться вам неприятной. Ваши специальные знания могли бы оказаться очень ценными. Например, новый налог на Кит не является простым инструментом притеснения. Нам нужны деньги. Финансы империи — в плачевном состоянии, и любая малость пригодится. Неизбежно последуют новые наступления на Кит, как и на всех других. Вы можете помогать в разработке перспективной налоговой политики, чтобы выжать из них по максимуму, но при этом не дать им решиться навсегда оставить Землю.

— Я...— Кенри сглотнул. Ему вдруг сделалось нехорошо.— Вы не можете рассчитывать...

— Нет так нет, я не могу заставить вас силой,— сразу же согласился из Кандов. Его холодный тон вдруг окрасился симпатией.— Я лишь предупреждаю вас о том, что вас ждет впереди. Вы могли бы здорово окоротить... многих ваших... бывших... собратьев, если бы захотели нам помочь.

— Но почему бы не... относиться к ним, как к людям? — спросил Кенри.— Мы всегда защищаем своих друзей.

— Трехтысячелетнюю историю нельзя перевернуть одним указом,— сказал из Кандов.— Вы это знаете не хуже меня.

Кенри кивнул. Казалось, это стоило напряжения его шейным мышцам.

— Меня восхищает ваше мужество,— заметил аристократ.— Вы избрали тяжкий путь. Сможете ли вы по нему пройти?

Кенри опустил глаза.

— Конечно, сможет,— мягко вмешалась Дорти.

Лорд Домз хихикнул.

— Новый налог,— сказал он.— Потом еще один новый. Один томми-шкипер уже поймался. Плохой вам дороги, хм...

Красное и черное и льдисто-голубое, и ветра вой пронзительный...

— Заткнись, Домз,— осадил его полковник.— Тебя сюда не звали.

Головка Дорти, откинувшись, легла Кенри на плечо.

— Спасибо, дядя,— сказала она. В ее голосе была нежность.— Если ты будешь нам другом, у нас все получится.

— Надеюсь,— пробормотал из Кандов.

Призрачно-сладкий запах, исходивший от волос Дорти, ласкал ноздри Кенри. Он чувствовал у себя на щеках их золотые волны, но не поднимал глаз. В его душе бушевали громы, и сгущался мрак.

Домз захохотал.

— Хочу вам рассказать про того космера. С него причитается нехилая сумма, сечете? Если он не заплатит, по контракту я могу отобрать у него дочь. Правда, его команда продолжает собирать для него коллекцию. Мне надо это как-то прекратить. Говорят, эти девчонки-томми очень даже горячие. Как насчет этого, Кенри? Ты же теперь один из нас. Как они на самом деле? Правда, что они...

Кенри поднялся. Перед его глазами закачалась комната, и он не был уверен, что твердо стоит на ногах.

— Домз,— одернул из Кандов.— Если ты не заткнешь свой рот...

Кенри сгреб рукой у ворота тунику лорда Домза и поставил его на ноги. Другая рука сжалась в кулак, и лицо, на которое тот опустил, превратилось в кровавую лепешку.

Он держал молодца, который извивался, безвольно свесив руки. Дорти тихо вскрикнула. Полковник схватился за оружие у пояса.

Кенри поднял глаза и медленно, веско сказал:

— Можете меня арестовать. Чего вы ждете?

— К-к-кенри...— Дорти дотронулась до него дрожащей рукой.

Из Кандов широко улыбнулся и пнул Домза башмаком.

— Очень глупо с вашей стороны, Кенри Шаун,— заметил он.— Но это надо было сделать уже давно. Я лично прослежу, чтобы с вами ничего не случилось.

— Но эта девушка из Кита...

— С ней тоже будет все в порядке, если ее отец сможет собрать необходимые деньги.— Его жесткие глаза сверлили Кенри.— Но помните, мой друг, нельзя жить в двух мирах одновременно. Вы больше не китмэн.

Кенри выпрямился. Он внезапно ощутил какое-то темное спокойствие, словно все бури улеглись. Его голова как бы слегка опустела, но мысли стали исключительно отчетливыми.

Память открыла ему внутреннее зрение и показала, что ему надлежит сделать, подсказав единственный выход. Когда он заговорил, его лицо и голос стали лишь наполовину человеческими:

— Пока у человека нет чего-то более значительного, за что он, не задумываясь, умрет, он по-настоящему не живет. Спасибо, сэр,— сказал он.— Но я китмэн. И буду им всегда.

— Кенри,— Дорти внезапно осеклась. Она держала его за руки, глядя с отчаяньем.

Он погладил ее по волосам.

— Извини, моя любимая,— нежно сказал он.

— Кенри, ты не можешь уйти, не можешь, не можешь...

— Я должен,— сказал он.— Я и так плохо сделал, поступившись всем, что имел в жизни, ради существования, которое считаю пустым, никчемным и бессмысленным. Ради тебя я бы с этим справился. Но ты просишь, чтобы я стал тираном, или, по крайней мере, другом тиранов. Ты желаешь, чтобы я поддерживал зло. Я не могу это делать. И не стал бы, если бы и мог.— Он взял ее за плечи и посмотрел в глаза: она была так поражена, что, казалось, ничего не видела.— Потому что в итоге я бы тебя из-за этого возненавидел, а я хочу любить тебя, ту женщину, которая перевернула мою душу.

Она отпрянула. Ему подумалось, что существуют методы психологического воздействия, которые помогут ей его забыть. Рано или поздно она прибегнет к одному из них. Он хотел поцеловать ее на прощанье, но не посмел.

Полковник Канд протянул руку.

— Вы, наверное, станете моим врагом, — сказал он. — Но я уважаю вас за это. Вы мне нравитесь, и желаю, хм, желаю вам удачи, Кенри Шаун.

— И вам, сэр... Прощай, Дорти.

Он пересек бальную залу, не замечая обращенных к нему взглядов, и вышел к лифту. Он все еще был слишком взволнован и ничего не чувствовал, горечь должна была прийти позднее.

Тейе Баринн — хорошая девушка, возникло где-то на периферии его сознания. Надо будет пойти ее провести. Мы могли бы быть счастливы вместе.

Вернувшись в Таун, он подумал, что покидал его целую вечность назад. И он пошел по пустым улицам, углубившись в свои мысли, вдыхая прохладный и сырой ночной воздух Земли.

Рожок времени-охотника

По временам на этой планете Джонгу Эррифрансу вдалеке слышался трубный звук охотничьего рожка. Он начинался на низких нотах, вибрируя, восходил к более высоким и, усиливаясь, набирался ярости, пока его рык не перерастал в пронзительный стон, разрешавшийся замирающими рыданиями. В первый раз он вздрогнул и спросил других, слышали ли они этот звук. Но тот раздавался на пределах слышимости и для него, с его молодыми ушами и острым слухом, а остальные отрицательно покачали головами.

— Это какие-нибудь фокусы ветра, воющего там, в утесах, — предположил Монс Райнарт. Он вздрогнул. — Чертов ветер гоняется за нами день и ночь.

Джонг больше не говорил об этом, но когда он снова услышал этот шум, его охватил озноб ужаса.

Для этого не было оснований. Город населяли лишь морские птицы, которые поднимали своими белыми крыль-

ями бурю на вершинах башен, их гортанные крики смешивались с завыванием ветра и гулкими перекатами прибоя; самым зловещим существом здесь была огромная рыба, полосатая, как тигр, патрулировавшая воды у наружной кромки скальной гряды. Может быть, из-за этого рожок и вселял в Джонга страх: его звук был голосом пустоты.

По ночам, вместо того чтобы разводить свою высокотемпературную горелку, они вчетвером обычно набирали хвороста и разводили примитивный костер, наслаждались его первобытным уютом. На месте, где они разбили свой лагерь, отполированные каменные блоки и жилистая трава, которой поросли все улицы; полуразрушенные колонны обозначали границы площади. Башни, сгрудившиеся в центре города, все еще утыкались своими вершинами в небо; в них даже сохранились гласситовые оконные стекла, и, пожалуй, там можно было устроиться с большим комфортом, но окна слишком напоминали глаза мертвецов, а в комнатах, расположенных внутри, теперь, когда машины и механизмы, окончательно проржавев, были похоронены в дюнах, царила слишком глубокая тишина. Лучше уж разбить палатку прямо под звездами. Те, по крайней мере, оставались такими же и через двадцать тысяч лет.

Мужчины обычно ели, а потом Регор Ланнис, их главный, подносил коммуникаторный браслет ко рту и докладывал о поисках, проведенных в течение дня. Радио на космическом катере перехватывало сообщение и передавало его на *Голден Флайер*, который находился на орбите с тем же периодом обращения, что и у планеты — двадцать один час, так что постоянно висел над этим островом.

— Новостей очень мало, — обычно говорил Регор. — Обломки инструментов и все такое. Мы пока не нашли костей, так что не можем определить дату радиоактивным методом. Пожалуй, мы их и не найдем. Они, наверное, кремировали своих мертвых, до самого конца. Монс определил, что узел двигателя, который мы нашли, начал ржаветь около десяти тысяч лет назад. Правда, это только догадки. Он бы совсем рассыпался, если бы не был захоронен в песке, а когда он туда попал, нам не известно.

— Но вы же говорите, что обстановка башен в основном не тронута, они изготовлены из сплавов с большим сроком службы и пластика, — слышался в ответ голос капитана Илмарая. — Разве вы не можете раскопать что-нибудь там, по тому, как там все устроено или, наоборот, разрушено? Если город подвергся разграблению...

— Нет, сэр, эти следы слишком трудно разобрать. Очевидно, что во многих комнатах все растаскано. Но нам не известно, произошло это в один день или, скажем, в течение нескольких веков, когда последние колонисты пытались добыть материалы, которые уже не могли производить. Судя по пыли, мы можем только быть уверены, что здесь никого не было дольше, чем мне бы хотелось думать.

Когда Регор объявлял конец связи, Джонг обычно брал гитару и наигрывал аккорды, и они пели песни Кита, многие из них были переведены с языков, на которых люди говорили задолго до того, как стали летать к звездам. Это помогало им заглушить ветер и шум прибоя, бившегося в бухте, где прежде располагался порт. Языки пламени поднимались высоко, выхватывая из ночной тьмы их лица, освещая простую рабочую одежду тревожно-красными сполохами, которые, замирая, предоставляли темноте проглатывать очертания их тел. Все они были похожи друг на друга, эти четверо мужчин: маленькие, поджарые, с заостренными чертами смуглокожих лиц. Ведь китмэны стояли особняком от других людей, они женились, выбирая себе невесту здесь же, на кораблях, которые выполняли почти все межзвездное сообщение. Поскольку космический корабль мог оставить Землю на столетие и более, цивилизации, связанные с планетой, те, что расцветали и умирали, а потом вновь возрождались, как пламя, которое их теперь согревало, были не для них. Мужчины отличались главным образом по возрасту, от шестидесяти лет, избородивших морщинами лицо Регора Ланниса, — до двадцати, которые совсем недавно отпраздновал Джонг Эррифранс.

Эти годы были проведены в основном на корабле. Джонг кое-что припомнил, и, вздрогнув, уставился на Млечный путь. Когда летишь почти со скоростью света,

время для тебя сжимается, и на своем веку он стал свидетелем расцвета и падения империи. Тогда он едва ли об этом думал, события шли своим чередом — и все, китмэны оставались чуть ли не псевдобессмертными, а планетяне — чуждыми, преходящими и не вполне реальными. Но путешествие длиной в десять миллионов световых лет к центру галактики и обратно, было самым смелым проектом в истории; никто раньше на такое не решался и не делал ничего подобного, таким образом лишь искупались самые изощренные преступления.

Существовал ли еще Кит? А Земля?

Через несколько дней Регор решил:

— Нам стоит заглянуть в глубь острова. Может, там бы нам больше повезло?

— В центре ничего нет, кроме лесов и саванн, — возразил Нери Авелер. — Мы это видели сверху.

— Когда идешь пешком, тебе попадаются предметы, которых с катера не видно, — заметил Регор. — Не могли же колонисты жить только в таких местах. У них были фермы, шахты, обогатительные комбинаты, а вокруг них — поселения. Если бы мы добрались до одного из них, мы могли бы найти более отчетливые признаки, чем в этом проклятом большущем загоне.

— А сколько шансов даст нам блуждание по бушу? — возразил Нери. — Знаете, давайте попробуем исследовать другие города, которые мы засекали.

— Они еще больше разрушены, — напомнил ему Монс Райнарт. — В значительной мере ушли в почву. — Он мог это и не говорить. Как бы они это забыли? Грунт быстро не оседает. Тот факт, что города съедает море, мог дать некоторое представление о том, как давно они покинуты.

— Именно, — кивнул Регор. — Я ведь не предлагаю углубляться в чашу. Для этого требуется больше времени и людей, чем у нас. Но приблизительно за сто километров к северу отсюда находится обширная коса, на которую выходит узкая бухта, а позади нее — холмы с плодородной почвой, судя по их виду, в них раньше обязательно была руда. Я бы удивился, если бы колонисты не пытались обследовать эту область.

Нери скорчил недовольную гримасу. Он спросил дрогнувшим голосом:

— И сколько же нам оставаться на этой планете-привидении, чтобы убедиться, что мы никогда так и не узнаем, что здесь произошло?

— Осталось не так долго,— заверил Регор.— Но мы должны приложить все усилия, прежде чем покинем ее.

Он ткнул пальцем в город. Его башни возвышались над обвалившимися стенами и неровными дюнами, направленными в небо, полное птиц. Их пастельная окраска выгорела на жгуче-желтом солнце до костяной белизны. И все же издалека они выглядели красиво, лес, простиравшийся в глубь острова, пестрел сотней оттенков тусклой зелени, а с другой стороны земля покато спускалась к морю, сверкавшему, как посыпанный алмазной пылью изумруд, бурлящему и кричащему, взбивающему свои воды возле рифов в пену.

— Первые поколения, населявшие эти места, вероятно, были очень счастливы,— предположил Джонг.

— Что-то их погубило, это была не просто война,— заметил Регор.— Мы должны знать, что. Может быть, это явление не оказало воздействия на весь остальной мир, а может, и оказало.

— Возможно. Земля опустела,— думал Джонг, уже не в первый раз.

Голден Флайер притормозил здесь, чтобы сделать профилактический ремонт перед тем, как повернуть назад, в старую сферу владычества человека. Капитан Илмарай произвольно выбрал звезду F9, расположенную на расстоянии трехсот световых лет от теперешнего расчетного положения Солнца. Они не уловили шепота энергий, используемых современными цивилизованными расами, которые могли бы представлять угрозу. Третья планета казалась раем, она имела изобилие Земли, но ее почвы были разбросаны в виде островов по всему мировому океану, теплему от полюса до полюса. Монса Райнарта удивило, что при таком малом объеме голых скал поддерживалось равновесие углекислого газа. Затем он заметил повсюду на воде заплатки почвы, покрытой сорняка-

ми,— многие из них имели площадь в несколько квадратных километров,— и пришел к выводу, что фотосинтез шел достаточно активно, поддерживая атмосферу типа земной.

Вид разрушенных городов, замеченных с орбиты, вызвал шок. Разумеется, за двадцать тысяч лет цивилизация могла продвинуться вперед и еще дальше. Но ее развитие прервалось. Почему?

В тот вечер была очередь Джонга вести разговор с теми, кто находился на главном корабле. Он связался по интеркому с родителями, чтобы рассказать им, как проходит их путешествие. Сердце подпрыгнуло от радости у него в груди, когда он услышал, кроме родительских, голос Сорьи Райнарт.

— О да,— сказала девушка, с беспокойным смешком.— Я прямо здесь, в квартире. Зашла в гости, совершенно случайно.

Ее брат, стоявший за спиной у Джонга, хихикнул. Юноша вспыхнул и пожалел, что не может остаться один. Ну конечно, Сорье было известно, что он должен позвонить в этот вечер... Если Кит все еще существует, их могло ничего не связывать. Жену полагалось брать с другого корабля. Это был закон астронавтов, экзогамия способствовала выживанию, что было необходимо в их, мягко говоря, небезопасных обстоятельствах. Но если, допустим, все корабли, кроме их *Голден Флайера*, мотались между звездами мертвые; и несколько сотен человек на борту *Голден Флайер* и четверка в этом мире, имя которого потерялось в веках, составляли последние остатки человеческой цивилизации. что ж, она была умненькая и нежная и так красиво покачивала бедрами при ходьбе.

— Я...— Он прикусил язык.— Хорошо, что так получилось. Как ты поживаешь?

— Мне одиноко и страшно,— призналась она. Космические интерференции примешались к ее словам. Огонь громко расплевывал искры во тьму ночи.— Если вы не узнаете, что здесь произошло, я буду мучиться этим вопросом всю оставшуюся жизнь.

— Прекрати,— резко оборвал он.— Моральное разложение погубило не один корабль. Хотя... ладно, извини...— Он знал, что мужества ей не занимать. Он также боялся, что мысль о том, что же погубило здешнюю цивилизацию будет преследовать его всегда. Сама по себе, смерть была старой знакомой Кита. На этот раз они возвращались из более далекого прошлого, чем то время, когда на Земле лежали ледники и водились мамонты. Знания были необходимы им как воздух,— чтобы понять Вселенную. И вот их первая остановка на спирали галактики, где некогда располагался их дом, поставила их перед загадкой, казавшейся неразрешимой. Кит уходил корнями в такую глубь, что Джонг помнил символы Сфинкса; и вдруг увидел, как она ужасна.

— Мы разберемся,— пообещал он Сорье.— Если не здесь, то после возвращения на Землю.— В душе он был в этом не уверен. Он перевел разговор на пустяки и даже изловчился пару раз пошутить. Но потом, когда Джонг растянулся в своем спальном мешке, ему вновь показалось, что откуда-то с севера доносится рожок.

Экспедиция поднялась на заре, молниеносно справилась с завтраком и включила скорости космического характера. Он рванул из города на аэродинамической тяге, выровнялся и двинулся малой скоростью близко к земле. Море волновалось и сверкало справа, слева круто вздымалась земля. Здесь не было видно стад каких-либо крупных животных. Может быть, их и не существовало, раз для них оставалось слишком мало места. Но океан бурлил. Сверху Джонг вглядывался в прозрачные воды, различая тени многотысячных стай рыб. Вдалеке он заметил стаю морских животных, размером с кита, но относящихся к рыбам, она медленно проплывала через джунгли водорослей. Должно быть, колонисты большую часть необходимого для жизни получали из моря.

Регор посадил лодку на утес, в заливе, который он описал. В иллюминатор они разглядели огромную, длинную и широкую береговую полосу, заворачивавшую полукругом, ее пески были загромождены скалами и валунами. Вдали, в нескольких километрах, этот изгиб закрывался

почти целиком, образуя почти кольцо, оставляя лишь узкий проход в океан. В заливе было тихо, в утренних лучах солнца вода переливалась зеленовато-голубым, но не цвела. В одно полнолуние приливы могли поднимать и опускать уровень воды на два-три метра; на юге, из горного участка, впадала река. Вдали Джонг видел массу ракушек, расцветивших песок на дне, глубоко под водой, это было доказательством изобилия жизни. Ему показалось несправедливым, что колонистам пришлось променять богатство красоты на безжизненную тьму.

Регор поворачивал свое худое лицо от одного члена экипажа к другому.

— Проверка оборудования, — объявил он и прошелся по списку: фульгуратор, коммуникационный браслет, энергетический компас, меликит...

— Боже, — воскликнул Нери, — ты что считаешь, что мы расходимся на год, притом идем поодиночке?

— Мы рассредоточимся в поисках следов, — пояснил Регор, — и эти скалы будут нас часто заслонять друг от друга. — Остальное он оставил недосказанным: то, что послужило причиной смерти колонии, могло существовать и по сей день.

Они вышли на свежий прохладный воздух, пахнущий йодом, морской солью и разложением, — обычный приморский запах любого землеподобного мира, и направились к заливу.

— Давайте расходиться от этой точки, — предложил Регор, — и если никто ничего не обнаружит, встретимся здесь пообедать через четыре часа.

Джонгу досталась тропа, уходящая далеко на север. Вначале он шел торопливо, наслаждаясь движением своих мышц, скрипом песка и скрежетом гальки у себя под башмаками и свистом птиц над головой. Но затем ему пришлось пробираться между нагромождениями камней и темными валунами, некоторые из которых были размером с дом, и заслоняли его от ветра и от товарищей; и он вспомнил об одиночестве Сорьи.

О нет. Только не это. Разве мы не заплатили сполна? — подумал он. И потом с вызовом: *Мы этого не сделали.*

Мы сами проклинали предателей и выбрасывали их в космос, как только узнавали о преступлении. Так за что же нас наказывать?

Но Кит оставался в изоляции слишком долго, один против всей Вселенной, не говоря о том, что грезы и печали каждого принадлежали всем. И Томакан со своими приспешниками совершил свое действие бескорыстно, чтобы спасти корабль. В те последние, наполненные пороком годы существования Звездной империи, когда земляне превратили народ Кита в козла отпущения за свои несчастья, и все команды снялись, чтобы подождать лучших времен, пленники с *Голден Флайера* умерли бы ужасной смертью, если бы Томакан не купил им свободу, выдав преследователям тайны местонахождения астероида, где затаились два других корабля, готовившихся покинуть Соль. Как они потом могли глядеть в глаза своим на Совете, собравшемся на Тау-Цети?

Приговор был справедливым: отправиться на исследование периферии галактического ядра. Возможно, им предстояло найти Старшие расы, которые где-нибудь жили; они могли вернуть знания и мудрость, чтобы излечивать врожденное сумасшествие. Однако это им не удалось; но сам факт путешествия имел значение: оно вернуло *Голден Флаейру* его честь. Несомненно, все, кто тогда был на Совете, превратились в прах. Однако их потомки...

— Что это? Кто звал? Что-то случилось? — Вопросы слетали с браслета, как растревоженные пчелы.

Он согнулся над небольшой кучкой и притронулся к ней пальцами, не в силах унять дрожь. Обработанные шпильки, выдохнул он, обломки, наконечники копий, деревянные предметы. Что-то. Он копался в песке. Солнечный свет ударил в кусок металла, грубо ткнул в кинжал. Тот был, должно быть, изготовлен из какого-то древнего сплава в городе — давным-давно, так как лезвие от износа стало столь тонким, что переломилось пополам. Он присел на корточки над обломками и забормотал.

А вскоре прорезался глубокий голос Монса:

— Еще одна площадка? Череп животного, он мог быть

разбит только острым камнем, упряжка, подожди-подожди, здесь, кажется, что-то вырезано, может быть, символ...

И вдруг он закричал, издав странный горловой звук, словно задохнулся, и его голос затих.

Джонг рывком выпрямился. Коммуникатор разрывался от сообщений Нери и Регора. Джонг не обращал внимания. Некогда было сожалеть. Он настроил свой энергетический компас. Каждый браслет излучал колебания на характеристической частоте, помимо волн-носителей, для целей локализации и... Стрелка заколебалась. Свободной рукой он расчехлил фульгуратор и двинулся между скал.

Когда он выскочил на открытое песчаное место, в лицо ему ударил ветер. Его глухое завывание вдруг прорезал звук рожка, раздавшийся на этот раз отчетливее, чем раньше, когда он скрывался за утесами. Какой-то элемент его сознания вспомнил, как однажды в мире переселенцев на Запад ему случилось видеть группу охотников, преследующих раненое животное, которое стонало, уходя от погони, а главный среди них поднес к губам причудливо изогнутый рожок и затрубил именно таким звуком. Эта нота растворилась в воздухе.

Джонг обвел взглядом берег. Далеко внизу из-за груды валунов показалось несколько фигур. Две из них тащили нечто, напоминавшее по форме человека. Он визжал и болтал ногами, стараясь отбиться от них. Джонг уронил компас.

Заметив его, они остановились. Приблизившись, Джонг разглядел, что фигурой, которую несли, был на самом деле Монс Райнарт. Он неловко вырывался. Из спины и груди у него сочилась кровь.

Джонг перевел взгляд на шестерку убийц. Они были так похожи на людей, что от их вида бросило в озноб: все они были на полметра выше него ростом, сквозь белую кожу отчетливо проступали мускулы, все они были полностью лишены волос, с узловатыми ногами и кривыми пальцами рук, с большим плавником на спине и более мелкими на пятках и локтях, а также на головах. Лица были костистые, с большими, глубоко посаженными глазами, наружные уши отсутствовали. С носа свешивалась кожная складка, доходившая до рта. Они несли копья с заостренными

наконечниками, у троих были литые металлические трезубцы, зубья одного были мокрыми и красными, а у тех, кто нес жертву, из-за пояса торчали ножи.

— Остановитесь! — крикнул Джонг. — Отпустите его!

Перебежав на более удобное место, он наставил на них свое ружье. Самый крупный из группы издал хриплый отрывистый рык, продолжая наступать с угрожающе поднятым трезубцем. Джонг на шаг отступил. Чтобы они ни сделали, он никак не желал...

Энергетический пучок мигнул, и громыхнул хлопок. Тот, кто нес Монса за плечи, скрючился, опустился на колени, а потом рухнул на песок. Кровь из отверстия, которое выжгло лучом, смешалась с кровью астронавта, такой же алой.

Существа пришли в смятение. Нери Авелер вприпрыжку неся с противоположной стороны. Его фульгуратор вновь заговорил. Мокрый сыпучий песок отразил удар. Он промазал, но под ногами у этих тварей в том месте, куда пришелся энергетический удар, расплавился кварц, окатив им ноги горячими каплями.

Вожак с воплем размахивал своим трезубцем. Они пустились в беспорядочное бегство к воде. Тот, кто тащил Монса за щиколотки, не отпускал его, волоча тело, у которого в такт бегу хлопали руки. Нери выстретил в третий раз, но так как делал это на бегу, вновь промахнулся. Палец Джонга застыл на спусковом крючке.

Пятеро гигантов вошли в залив и двинулись прочь от берега, быстро погружаясь в воду. Спустя минуту они скрылись под водой. Нери, поравнявшись с Джонгом, снова стал стрелять, выпуская разряд за разрядом, ветер поднимал облака пара.

— Почему ты их не убил, ублюдок? — закричал он. — Со своего места ты бы мог разнести их в клочья.

— Я не знаю, — Джонг смотрел на свое оружие. Оно казалось ему странно тяжелым.

— Они же утопили Монса.

— Нет, он уже был мертв. Это было видно. У него было насквозь пронзено сердце. Должно быть, он упал в яму, которую они выкопали между утесами.

— М-м-м-ожет быть. Но его тело, черт побери, мы могли отбить хотя бы его! — Без всякого смысла Нери выпустил разряд по трупам с плавниками.

— Прекратить! — скомандовал Регор. Он, запыхавшись, скатился к ним вниз. Джонг мимоходом заметил седые пряди в волосах их начальника. То, что нестигаемый Регор Ланнис подвластен времени, отозвалось в его душе жалостью и страхом.

О чем я думаю? Монс убит. Брат Соры.

Нери убрал свой фульгуратор в чехол и, закрыв лицо обеими руками, зарыдал.

Потом, позднее, Регор встряхнулся, встал, вновь опустился на колени и стал рассматривать мертвого пловца.

— Значит, здесь были и аборигены, — пробормотал он. — Должно быть, колонисты об этом не знали. Или недооценивали возможностей дикарей.

Он провел пальцами по его безволосой шкуре.

— Все еще теплая, — заметил он почти про себя. — Дышит воздухом, настоящее млекопитающее. Хотя у этого самца отсутствуют рудиментарные соски; на пальцах обычные ногти, острые, как когти. — Раздвинув губы, он осмотрел зубы. — Вероятно, всеядное, в том числе и плотоядное. Коренные зубы все еще достаточно плоские, а остальные — крупнее наших и весьма острые. — Он заглянул в помутневшие глаза. — Зрение типа человеческого, возможно, менее острое. Под водой особо много не рассмотришь. Чтобы определить спектр цветовой чувствительности, необходимы подробные исследования, не говоря уже об изучении механизмов адаптации. Несомненно, они могут оставаться под водой по несколько минут, но, конечно, не столько, сколько китообразные. Они не так далеко отошли в своей эволюции от земных предков. Это можно сказать по плавникам. Конечно, они годятся для плавания, но их форма и размеры еще не совершенны.

— Ты можешь об этом говорить, когда они уносят Монса? — упрекнул Нери.

Регор поднялся и в задумчивости стал отряхивать песок с одежды.

— О нет,— возразил он.— Его лицо отражало душевное напряжение, и он несколько раз моргнул.

— В отношении него мы, конечно, должны что-то предпринять.— Он перевел взгляд в небо. Воздух наполнился хлопанием крыльев, так как птицы, почуяв запах мяса, кружили совсем поблизости. Их галдеж заглушал ветер.— Давайте вернемся на катер. Заберем с собой этот труп для ученых.

Нери выругался, недовольный задержкой, но взялся за ноги дикаря. Джонг поднял тело за плечи. Оно показалось им невыносимо тяжелым, и вес его словно еще увеличился, когда они дошли до утесов. Они хрипло и прерывисто дышали. Рубашки от пота, запах которого перекрывал запах моря, прилипали к телу. Джонг поглядел на мерзкое существо в своих руках. Несмотря ни на что, несмотря на смерть Монса,— Господи, никогда больше им не слышать его громогласного смеха,— не поиграть с ним в шахматы, не распить по стаканчику, не постоять бок о бок на палубе!— ему подумалось, что где-то в глубине океана живет женская особь, которая считала эту морду красивой.

— Мы же не делали им ничего плохого,— сказал Нери между двумя хрипылыми вздохами.

— Мы не можем обвинять... ядовитую змею... или хищника,— возразил Джонг.

— Но это же не безмозглые животные. Посмотри на его черепную коробку, на этот нож!— Нери потребовалось время, чтобы вновь наполнить легкие воздухом. Он в ярости продолжал: — Нам весьма часто приходилось иметь дело с нелюдьми. Иногда сражаться с ними. Но у них были основания для борьбы... хотя бы и ложные. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь набрасывался на совершенно незнакомых людей сразу же.

— Может быть, мы не показались им совершенно незнакомыми,— предположил Регор.

— Как это? — Нери вытянул шею, оглядываясь на старшего.

Регор пожал плечами.

— Здесь же жила человеческая колония. Похоже, что

аборигены ее уничтожили. Я думаю, у них были на то свои причины. И эта традиция могла сохраниться.

На несколько тысячелетий или даже больше? — поразился Джонг. Какой же ужас нагнала на них наша раса, что они не смогли его забыть столько тысяч лет?

Он попытался вообразить, что здесь происходило, но не мог видеть реальности, так что ему приходилось ограничиваться логикой. Предположительно, колония была здесь основана цивилизацией, явившейся преемницей Звездной империи. Возможно, со временем и она потерпела крах. У поселенцев, скорее всего, не было собственных космических кораблей; на аванпостах предпочитали полагаться на Кит во всем, что им требовалось. Зачастую в их библиотеках даже не имелось данных, необходимых для строительства корабля, и они не располагали средствами для новых исследований и разработок.

Итак, колония осиротела. Если затем последовал период особо оголтелого антикитизма, китмэны могли перестать залетать сюда, и колония просто утратила всякую связь со здешним миром. *Или китмэнов истребили целенаправленно, но об этой возможности мы предпочтем не думать.* Планета оказалась в изоляции.

Поскольку ее земная поверхность была не так велика, ее не мог населять особо многочисленный народ, даже если большую часть пищи и всего необходимого для жизни добывали из моря. Но люди как-то поддерживали машинную культуру. Несомненно, их общество закоснело, но статичные цивилизации способны существовать бесконечно.

Если они не столкнутся с воинственными варварами, организованными в миллионные орды, толкаемые яростью и голодом... В этом ли кроется тайна ее исчезновения? Но как мог город, располагавший атомной энергией, поддаться истреблению первобытными охотниками?

Нападение изнутри? Спонтанное выступление рабов, являвшихся коренными жителями? Джонг, оглянувшись, посмотрел на мертвое лицо. На нем сверкали обнаженные зубы. *Может быть, я слишком хорошо о них думаю? Может, они получают удовольствие от самого убийства?*

Они вскарабкались на берег и забрались на катер. Джонг почувствовал облегчение, когда *это* было спрятано в рефрижератор. И вот наступил момент, когда надо было послать отчет на *Голден Флайер*.

— Я сообщу его семье, — весьма спокойно пообещал капитан Илмарай.

Но мне все равно придется рассказать Сорье, какой у него был вид, подумал Джонг. В нем крепла решимость. *Мы должны поднять тело. Монса надо похоронить по китмэнскому обычаю; руки тех, кто его любил, подтолкнут его на околосолнечную орбиту.*

Ему не требовалось говорить об этом вслух. Единство китмэнов простиралось за пределы смерти. Илмарай лишь спросил, думает ли Регор, что у них есть хоть какой-то шанс.

— Да, если мы отправимся немедленно. Дно здесь опускается круто, но максимальная глубина не превышает тридцати метров. Потом оно становится почти плоским и тянется до самого устья бухты, дальше того места, которого достигли наши звуковые зонды, когда мы пролетали сверху. Сомневаюсь, чтобы пловцы двигались так быстро, чтобы мы не могли их настичь на той глубине, где еще будет действовать электронный передатчик Монса.

— Отлично. Однако не рискуйте. — Мрачно: — У нас и так ограниченная численность потомства. — Помолчав, Илмарай прибавил: — Я закажу на стратосферу катер с высокомошным увеличивающим экраном, чтобы мы могли держать вас под наблюдением. Счастливого вам рейда!

— И всем нашим кораблям, — закончил Регор традиционную формулу.

Его пальцы двигались по приборной доске, поднимая летательный аппарат, когда он бросил через плечо:

— Один из вас должен надеть скафандр и приготовиться к спуску. Другой будет следить по скопу и спускать его, когда заметит объект.

— Я пойду, — вызвался Джонг, прочитав то же намерение в глазах Нери. Они обменялись взглядами. Нери сверкнул глазами.

— Пожалуйста, — попросил Джонг. — Может быть, я

должен был их расстрелять, не знаю. Но я этого не сделал. Так что дай мне принести его назад, хорошо?

Прежде, чем наконец кивнуть, Нери рассматривал его еще не менее минуты.

Пока Джонг натягивал скафандр, катер зигзагами летал над заливом. Скафандр был приспособлен и к подводным условиям, и к отсутствию атмосферы. Джонг завязал шнур у себя на талии, закрепив другой его конец на рычаге лебедки. Металлический провод, пропущенный через ее пластик, будет передавать его сообщения, как по телефону. Перекинув через руку мешок для транспортировки хм... объекта поиска, он с надеждой подумал, что ему не пригодится пулеметатель, пристегнутый у бедра.

— Вон там!

Он вздрогнул от крика Нери. Регор переключил управление так, чтобы их аппарат завис в воздухе в паре километров над поверхностью воды, в трех — от береговой линии.

— Ты уверен? — спросил он.

— Абсолютно. Он неподвижен. Должно быть, они его бросили, чтобы бежать быстрее, когда заметили, как мы гонимся за ними по воздуху.

Джонг застегнул шлем на задвижку. Наружные шумы прекратились. В тишине он услышал собственное дыхание и пульс и... некий внутренний звук, потока, двигавшегося по его нервам, — или это был просто плод его воображения? Ему показалось, что он слышит, как в отдалении торжественно трубит охотничий рожок.

Люк открылся, выпуская его в небо. Джонг подступил к его краю, и его ослепил солнечный свет, отражаемый волнами, свечение разливалось до самого горизонта. Он перешагнул через порог. Веревка дернулась, и он погрузился.

Над его головой сомкнулась пронизанная солнцем зеленая толща воды. Сквозь скафандр он ощутил множественную вибрацию, повсюду вокруг него жило и двигалось море. Мимо промелькнула пара невероятно грациозных рыбешек. На какой-то момент его посетила еретическая мысль — не лучше ли дать Монсу остаться здесь, в убаюкивающей тишине до скончания мира.

— *Прекрати!* — скомандовал он себе, вглядываясь в глубину, наполненную мраком. Он включил мощный фонарь, прицепленный у пояса.

Частицы воды рассеивали свет, и он как бы образовывал освещенную пещеру. Мимо поплыла другая рыба. Ее чешуя переливалась, как драгоценные камни. Джонгу показалось, что он теперь видит дно, белый песок и островерхие камни, облепленные множеством кораллов, тянущихся к солнцу. И тут появился пловец.

Медленно подплыв, он остановился на границе света и тьмы. Левой рукой он сжимал трезубец, возможно, тот, которым был убит Монс. Вначале он заколебался, растерявшись от света, потом посмотрел на металлического человека. Он следовал за Джонгом, продолжавшим спуск, легко отталкиваясь движениями ног и свободной руки, его движения были красивы, как у змеи.

Джонг с шумом, вздохнув, рванул свой пулеметатель.

— В чем дело? — зарокотал в наушниках, вставленных в уши, голос Нери.

Он сглотнул.

— Все в порядке, — сам не зная почему, ответил Джонг. — Спускай ниже.

Пловец чуть приблизился. Его мышцы были напряжены, рот открыт, словно он собирался кусаться; но глубоко посаженные глаза не мигали. Джонг посмотрел на него в упор. Так они стали спускаться вместе.

Он меня не боится, подумал Джонг, или не показывает страха, хотя на суше видел, что мы можем делать.

Он почувствовал подошвами давление и машинально ответил:

— Я на дне. Ослабь еще чуть-чуть. Ой!

Кровь полилась из его головы, словно по ней ударили топором. Он закачался, поддерживаемый только водой. По его телу прокатились громы и шторма, и в голове раздался трубный звук рожка.

— Джонг, — бесконечно далеко позвал Нери. — Что-то случилось, я это знаю, ответь, ради Кита.

Пловец тоже коснулся ногами дна. Он стоял с трезубцем на изготовку против того, что было Монсом Райнартом.

Джонг вскинул ружье.

— Я могу нашпиговать тебя металлом,— услышал он собственный стон.

— Я могу разрезать на куски, как ты... ты...

Пловца всего передернуло (разве голос доносился до него?), но он не сдвинулся с места. Он медленно направил трезубец на солнце, которое было отсюда не видно. Одним движением перевернув его, воткнул в песок и отвернулся, так и оставив.

Джонг сразу все понял. Он простоял как вкопанный, казалось, лет сто.

До его слуха донеслись слова Регора.

— Пересаживайся на мое место, я пойду за ним.

— У меня все в порядке,— выдавил Джонг.— Я нашел Монса.

Он собрал, что мог. Это было немного.

— Поднимите меня.

Когда его подняли и он пересек воздушный затвор, он почувствовал бремя своей ноши. Уронив мешок и трезубец, он опустился около них на корточки. С его костюма стекала вода.

Дверь захлопнулась. Регор отключил ручки управления и присоединился к ним. Когда Нери открывал мешок, Джонг снял шлем.

Оттуда выкатилась, с перестуком ударилась об пол, голова Монса. Нери издал сдавленный крик.

Регор отшатнулся.

— Они его съели,— скрипуче произнес он.— Порезали на куски на еду. Правда?

Собрав волю в кулак, он подошел к иллюминатору и выглянул.

— Я видел, как один из них выплывал на поверхность, незадолго до того, как ты стал подниматься,— сказал он сквозь зубы.— По его щекам катился пот — или это были слезы? Мы его можем настичь. У лодки есть орудийная башня.

— Нет,— Джонг попытался подняться, но у него не было сил.

В радио зажужжало. Регор подбежал к креслу пилота,

рывком сел и поспешно включил передатчик. Нери сжал губы, поднял голову Монса и убрал ее в мешок.

— Эх, Монс, Монс... Но они нам еще заплатят,— сказал он.

Голос капитана Илмарая перекрыл шум.

— Мы только что получили сигнал с катера наблюдения. Он еще не вернулся на станцию, но увеличивающий экран уже засек стаю пловцев... нет, несколько различных стай, огромных, наверное, по тысяче особей... они направляются на берег, туда, где находитесь. При такой скорости они будут там дня через два.

Регор удивленно покачал головой.

— Откуда они узнали?

— Они не узнавали,— пробормотал Джонг.

Нери стремительно поднялся движением тигра.

— Это именно то, что нам нужно. На них надо сбросить пару бомб.

— Ни в коем случае,— крикнул Джонг. Он тоже нашел силы встать. В его руке белел трезубец.— Он мне его подарил.

— Что? — Регор оглянулся. Нери застыл на месте. На катере воцарилась тишина.

— Там, внизу,— пояснил Джонг.— Увидев меня, он проводил меня до дна. Понял, что я делаю. И дал мне это. Свое оружие...

— С какой стати?

— Предложение мира. Что бы это еще могло значить?

Нери сплюнул на палубу.

— Мир с этими погаными каннибалами?

Джонг расправил плечи. Скафандр, который больше его не защищал, казался теперь нестерпимой тяжестью.

— А если бы ты был обезьяной, ты бы не был каннибалом?

Нери непристойно выругался, но Регор жестом заставил его замолчать.

— Да, речь идет о другом виде. Согласно науке, ты прав. Но эти убийцы обладают разумом. Нельзя есть другое разумное существо.

— Так однако делали. И люди — тоже,— возразил Джонг.— Чаще это делалось в знак уважения или любви,

чтобы поглотить часть живительной силы другого человека. И в любом случае, откуда им было знать, кто мы такие? Когда он увидел, что я пришел забирать нашего мертвого, он отдал мне свое оружие. Как еще он мог выразить свое сожаление и признать, что мы братья? Может быть, он буквально признал этот факт — после некоторого размышления? Но я не думаю, чтобы у них была столь древняя традиция. С него хватит, что он согласился, что мы такие же, как они, потому что тоже заботимся о своих мертвецах.

— На что это ты намекаешь? — выпалил Нери.

— Да, что это у вас там за дискуссия? — вмешался Илмарай по радио.

— Подожди, — Регор вцепился в подлокотник своего кресла. У него пересекся голос. — Уж не хочешь ли ты сказать, что...

— Именно, да, — настаивал Джонг. — А кем еще они могут быть? Как могли такие большие млекопитающие с головным мозгом и руками появиться на нескольких островах? Как какие-то аборигены уничтожили бы колонию, вооруженную атомным оружием? Мне приходило в голову восстание рабов, но оно тоже маловероятно. Зачем бы им понадобилось держать столько рабов, если у них были кибернетические машины? Нет, пловцы — это колонисты. Это не может быть никак иначе.

— Не может? — усомнился Нери.

Илмарай сказал в свой микрофон.

— Вполне возможно. Если я не ошибаюсь. *Homo Sapiens* развился из неандертальцев за период порядка десяти — двадцати тысяч лет. При малой численности населения на дегенерацию могло уйти гораздо меньше времени.

— А кто говорит о дегенерации? — перебил Джонг.

Нери указал на голову с открытыми глазами, лежащую на палубе.

— Она.

— Это был несчастный случай. Уверяю вас, недоразумение, — сказал Джонг. — Мы сами его вызвали, когда так обрушились на эту планету. Произошла не дегенерация, а адаптация. Поскольку колония стала все более зависеть от

моря, они мутировали, те, кто лучше всего приспособивался к окружающей среде, имели больше детей. В статичной цивилизации не могли заметить, что происходит, пока не стало слишком поздно. Потому что новые люди обрели свободу на всей планете. Будущее оказалось за ними.

— Да, будущее дикарей.

— Они не могли пользоваться цивилизацией нашего типа. Для этого мира она не подходит. Если вы собираетесь провести большую часть жизни в соленой воде, электрические приборы вам ни к чему. Кремень подойдет вам куда лучше, чем металл, который надо добывать из руды да еще и плавить.

— Или, может быть, они утратили часть своего разума. Я в этом сомневаюсь, но даже, если это так, что из того? Нам никогда не доводилось встречать Старшие расы. Возможно, разум на самом деле не является главной целью развития цивилизации. Я лично думаю, что эти люди поднимаются по лестнице эволюции своим путем. Но это нас не касается. — Опустившись на колени, Джонг прикрыл глаза Монса. — Нам было дано право искупить свое преступление, — тихо добавил он. — Самое малое, что в наших силах — простить их за то, что они сделали. Не так ли? И... Мы не знаем, остались ли другие человеческие существа, в каких-нибудь других мирах, кроме нас и них. Нет, мы не можем их убить.

— Тогда зачем они убили Монса?

— Они дышат воздухом, — объяснил Джонг, — и, несомненно, им приходится учиться плавать, как ластоногим, у которых это тоже не получается инстинктивно. Так что им нужны свои лежбища. И наверное таким местом была эта коса. Партия особей мужского пола поплыла вперед, чтобы удостовериться, что место в порядке. Они заметили какие-то странные и ужасные существа, разгуливающие там, где у них должны родиться дети, и им пришлось набраться мужества и напасть на них. Извини, Монс, — шепотом закончил он.

Нери рухнул на скамью. Снова воцарилась тишина.

Наконец Илмарай объявил:

— Я думаю, ты нашел ответ. Мы не должны здесь оставаться. Возвращайтесь немедленно, мы снимаемся.

Кивнув, Регор нажал на свои кнопки управления, оживив двигатель. Джонг поднялся, подошел к иллюминатору и окинул взглядом море, сиявшее расплавленным серебром, которое стало тускнеть по мере того, как их корабль набирал высоту, а небо потемнело, наполняясь звездами.

Интересно, что это был за звук, рассеянно подумал Джонг. Должно быть, вой ветра, как и говорил Монс. Но я никогда не узнаю этого наверняка. Вдруг ему показалось, что рожок слышался снова, пробиваясь через скрежет энергии и металла, влившись в ритм его собственной крови, рожок охотника, преследующего свою жертву, которая стонет, убегая от погони.

Содержание

ЗА ВДОХНОВЕНИЕМ	5
МАВРАИ И КИТ	211
МАВРАИ	213
Люди Неба	—
Прогресс	269
Ветряки	326
КИТ	354
Гетто	—
Рожок времени-охотника	391

Литературно-художественное издание

**Пол Андерсон
ЗА ВДОХНОВЕНИЕМ...**

Выпуск 21

**Ответственный за выпуск
*Ильгар Гусейнов***

Лицензия ЛР № 061867 от 03.12.92.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.11.95.
Формат 84×108/32. Бумага типографская № 2.
Печать высокая. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 30 000 экз. (1-й завод 1—20 000 экз.). Зак. № 3836.

«Амбер Лтд». 665830, г. Ангарск, 76-9.

Издательство «Сигма-пресс».
107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Роскомпечати. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.
Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

**В межиздательской серии
«Англо-американская фантастика
XX века»**

*вышли в свет следующие книги
Пола Андерсона:*

- Вып. 1. Сломанный меч**
- Вып. 2. Война Крылатых людей**
- Вып. 3. Мир Сатаны**
- Вып. 4. Круги Ада**
- Вып. 7. Танцовщица из Атлантиды**
- Вып. 8. Патрульный времени**
- Вып. 11. Странник**
- Вып. 12. Нелимитированная орбита**
- Вып. 13. Звездный лис**
- Вып. 14. Время огня**
- Вып. 16. Дети водяного**
- Вып. 19. Три сердца и три льва**
- Вып. 20. Щит**

Готовятся к печати:

- Вып. 5. Рыцарь духов и теней**
- Вып. 6. Камешек в небе**
- Вып. 15. Урожай звезд**
- Вып. 17. День их возвращения**

Книготорговый отдел издательства

«СИГМА-ПРЕСС»

предлагает книжную продукцию в ассортименте.

*Покупая книги по нашим ценам,
Вы покупаете их у себя в городе.*

Если Вы получаете книги
в железнодорожных контейнерах,
ЗНАЙТЕ — так работали ВЧЕРА.
СЕГОДНЯ есть более оперативный
способ доставки.

**В ЛЮБОЙ ГОРОД РОССИИ
МЫ ДОСТАВИМ
КУПЛЕННЫЕ У НАС КНИГИ
В ТОЧНО ОГОВОРЕННЫЙ СРОК.**

Форма оплаты по договоренности.
Минимальная партия — 500 пачек.

По вопросам реализации книг
серий «Англо-американская фантастика»
и «Криминальный экспресс»
оптовым покупателям обращаться в книготорговый
отдел издательства «Сигма-пресс»
по тел.: 264-29-76, 264-99-54
факс: 268-66-20

